

МАЙКЛ ГРАНТ



# РИМСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК  
ПРАВИТЕЛЕЙ  
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ  
31 г. до н. э. — 476 г. н. э.



**ТЕРРА**

МОСКВА  
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ  
1998

УДК 93/99  
ББК 63.3(0)3  
Г77

**THE ROMAN EMPERORS  
A BIOGRAPHICAL GUIDE TO THE RULERS  
OF IMPERIAL ROME 31 BC-AD 476**

Michael Grant

First published in Great Britain in 1985 by  
Weidenfeld and Nicolson Ltd

*Перевод с английского*  
М. ГИТТ

**Грант М.**  
Г77 Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н. э.— 476 г. н. э. / Пер. с англ. М. Гитт. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 400 с.  
ISBN 5-300-02314-0

Эта книга — собрание биографических очерков 92 императоров Рима (начиная с Августа и кончая Ромулом Августулом, 31 г. до н. э. — 476 г. н. э.). Создавая описания жизни и окружения императоров, автор использовал труды писателей — современников правителей, а также вещественные свидетельства того времени — монеты, медальоны, скульптуру, архитектурные памятники, внешний облик, привычки каждого из правителей.

УДК 93/99  
ББК 63.3(0)3

ISBN 5-300-02314-0

© Перевод, М. Гитт, 1998  
© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998

Copyright © 1985, 1996 Michael Grant Publications Ltd  
All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form, or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording or otherwise, without the prior permission of the copyright owner.

# СОДЕРЖАНИЕ

---

<i>Карты и планы</i> . . . . .	9
<i>Генеалогические таблицы</i> . . . . .	10
<i>Введение</i> . . . . .	16

## **ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДИНАСТИЯ ЮЛИЕВ-КЛАВДИЕВ**

Август 31 г. до н.э.—14 г. н. э. . . . .	19
Тиберий 14—37 гг. н. э. . . . .	29
Гай (Калигула) 37—41 гг. . . . .	38
Клавдий 41—54 гг. . . . .	43
Нерон 54—68 гг. . . . .	49

## **ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГОД ЧЕТЫРЕХ ИМПЕРАТОРОВ И ДИНАСТИЯ ФЛАВИЕВ**

Гальба 68—69 гг. . . . .	59
Отон 69 г. . . . .	61
Вителлий 69 г. . . . .	64
Веспасиан 69—79 гг. . . . .	67
Тит 79—81 гг. . . . .	72
Домициан 81—96 гг. . . . .	78

## **ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. УСЫНОВЛЕННЫЕ ИМПЕРАТОРЫ И ИМПЕРАТОРЫ АНТОНИНЫ**

Нерва 96—98 гг. . . . .	87
Траян 98—117 гг. . . . .	89
Адриан 117—138 гг. . . . .	95
Антонин Пий 138—161 гг. . . . .	103
Марк Аврелий 161—180 гг. . . . .	110
Луций Вер 161—169 гг. . . . .	117
Коммод 180—192 гг. . . . .	119

## ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ДОМ СЕВЕРА

Пертинакс 193 г. . . . .	127
Дидий Юлиан 193 г. . . . .	129
Септимий Север 193—211 гг. . . . .	133
Песценний Нигер 193—195 гг. . . . .	139
Клодий Альбин 195—197 гг. . . . .	141
Каракалла 211—217 гг. . . . .	143
Гета 211 г. . . . .	147
Макрин 217—218 гг. . . . .	149
Элагабал (Гелиогабал) 218—222 гг. . . . .	152
Александр Север 222—235 гг. . . . .	156

## ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ВЕК КРИЗИСА

Максимин 235—238 гг. . . . .	163
Гордиан I 238 г. . . . .	166
Гордиан II 238 г. . . . .	168
Бальбин 238 г. . . . .	170
Пупиен 238 г. . . . .	172
Гордиан III 238—244 гг. . . . .	175
Филипп I 244—249 гг. . . . .	177
Траян Деций 249—251 гг. . . . .	182
Требониан Галл 251—253 гг. . . . .	186
Эмилиан 253 г. . . . .	188
Валериан 253—260 гг. . . . .	189
Галлиен 253—268 гг. . . . .	195
Постум 260—268 гг. . . . .	201

## ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ВОССОЕДИНЕНИЕ ИМПЕРИИ ВОЕННЫМ ПУТЕМ

Клавдий II Готский 268—270 гг. . . . .	207
Квинтилл 270 г. . . . .	209
Аврелиан 270—275 гг. . . . .	211
Тацит 275—276 гг. . . . .	217
Флориан 276 г. . . . .	219
Проб 276—282 гг. . . . .	220
Кар 282—283 гг. . . . .	224
Карин 283—285 гг. . . . .	225
Нумериан 283—284 гг. . . . .	227

## ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ТЕТРАРХИЯ И ДОМ КОНСТАНТИНА

Диоклетян 284—305 гг. . . . .	231
Максимиан 286—305 гг., 307—308 гг. . . . .	238
Каравузий 286/287—293 гг. . . . .	243
Констанций I Хлор 305—306 гг. . . . .	245

Галерий 305—311 гг. . . . .	249
Север II 306—307 гг. . . . .	253
Максенций 306—312 гг. . . . .	254
Константин I Великий 306—337 гг. . . . .	258
Лициний 308—324 гг. . . . .	267
Максимин II Даза 310—313 гг. . . . .	270
Константин II 337—340 гг. . . . .	273
Констанций II 337—361 гг. . . . .	275
Констант I 337—350 гг. . . . .	280
Магненций 350—353 гг. . . . .	282
Юлиан 361—363 гг. . . . .	284
Иовиан 363—364 гг. . . . .	289

#### ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. ДОМ ВАЛЕНТИНИАНА <sup>1</sup>

Валентиниан I 364—375 гг. . . . .	293
Валент 364—378 гг. . . . .	297
Грациан 367—383 гг. . . . .	300
Валентиниан II 375—392 гг. . . . .	303
Феодосий I 379—395 гг. . . . .	305
Магн Максим 383—388 гг. . . . .	310
Аркадий 395—408 гг. . . . .	312
Гонорий 395—423 гг. . . . .	318
Константин III 407—411 гг. . . . .	323
Феодосий II 408—450 гг. . . . .	325
Констанций III 421 г. . . . .	331
Иоанн 423—425 гг. . . . .	333
Валентиниан III 425—455 гг. . . . .	336

#### ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. ВЫЖИВАНИЕ ВОСТОКА И ПАДЕНИЕ ЗАПАДА

Марциан 450—457 гг. . . . .	345
Петроний Максим 455 г. . . . .	348
Авит 455—456 гг. . . . .	350
Лев I Великий 457—474 гг. . . . .	352
Майоран 457—461 гг. . . . .	355
Ливий Север 461—465 гг. . . . .	358
Антемий 467—472 гг. . . . .	360
Олибрий 472 г. . . . .	363
Глицерий 473—474 гг. . . . .	364

---

<sup>1</sup> Отсюда и далее речь идет о западных императорах, за исключением отмеченных особо.

Юлий Непот 474—475 гг., 477(?)—480 гг. . . . .	366
Зинон 474—475 гг., 476—491 гг. . . . .	368
Василиск 475—476 гг. . . . .	371
Ромул 475—476 гг. . . . .	373
<i>Ключ к латинским терминам, встречающимся в тексте . . . . .</i>	<i>377</i>
<i>Латинские и греческие авторы . . . . .</i>	<i>383</i>
<i>Указатель к картам и планам (с современными названиями). . . . .</i>	<i>389</i>

# РИМСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК  
ПРАВИТЕЛЕЙ  
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ  
31 г. до н. э. — 476 г. н. э.



1971

1972

1973

1974

1975



# КАРТЫ И ПЛАНЫ

---

1. Италия и Сицилия	11
2. Западные провинции	12
3. Восточные провинции	14
4. План Рима	31
5. Провинции ко времени смерти Августа (14 г. н.э.)	32
6. Провинции ко времени смерти Антония Пия (161 г. н.э.)	104
7. Вторжения варваров во втором и третьем веках н.э.	192
8. Административное деление Империи: диоцезы Диоклетиана (284—305 гг. н.э.)	234
9. План Константинополя	265
10. Провинции Двух Империй (395 г. н.э.)	316
11. Вторжение варваров в пятом веке н.э.	334

# ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

---

— Родословная Юлиев-Клавдиев	18
— Родословная Флавиев	58
— Усыновленные императоры и императоры Антонины	86
— Дом Севера	126
— Тетрархия и дом Константина	230
— Дом Валентиниана	292
— Семья Льва I Великого	344

# 1 Италия и Сицилия

» Бреннерова дорога





2 Западные провинции





### 3 Восточные провинции



Эта книга содержит краткое описание жизни и окружения римских императоров до 476 г. Они были правителями по титулу, а зачастую и на самом деле, одного из величайших многонациональных государств, какие когда-либо знал мир. Более того, этому государству мы обязаны многими чертами нашей современной жизни, поэтому стоит задуматься над тем, какими людьми они были. Нужно признать, что наш век принес немало страданий и тем самым внушил нам недоверие к культу личности. Это недоверие, в свою очередь, порой отражается на нашем отношении к римским императорам и заставляет подозревать, что ранние историки уделяли слишком много внимания личным особенностям этих правителей и слишком мало — основополагающим социальным, экономическим, политическим и культурным течениям. И это здоровое опасение. И все же им не следует злоупотреблять. Несмотря на сильное давление, которое оказывали на них время и обстоятельства, ни в коем случае нельзя сказать, что всех императоров лишь несло в водовороте событий. Напротив, некоторые из них давали мощный импульс цепи событий или производили огромный по значению поворот: кто поверил бы, что ход истории был бы тем же самым, не будь на свете Августа, Аврелия, Диоклетиана и Константина, или если бы они обладали совершенно иными качествами? Кроме того, каким бы ни был человек со всеми своими ошибками или недостатками, согласившийся взять на себя кормило такого огромного и величественного судна, как Римская Империя, он возбуждает наше вполне законное любопытство, которое заставляет проводить новые исследования.

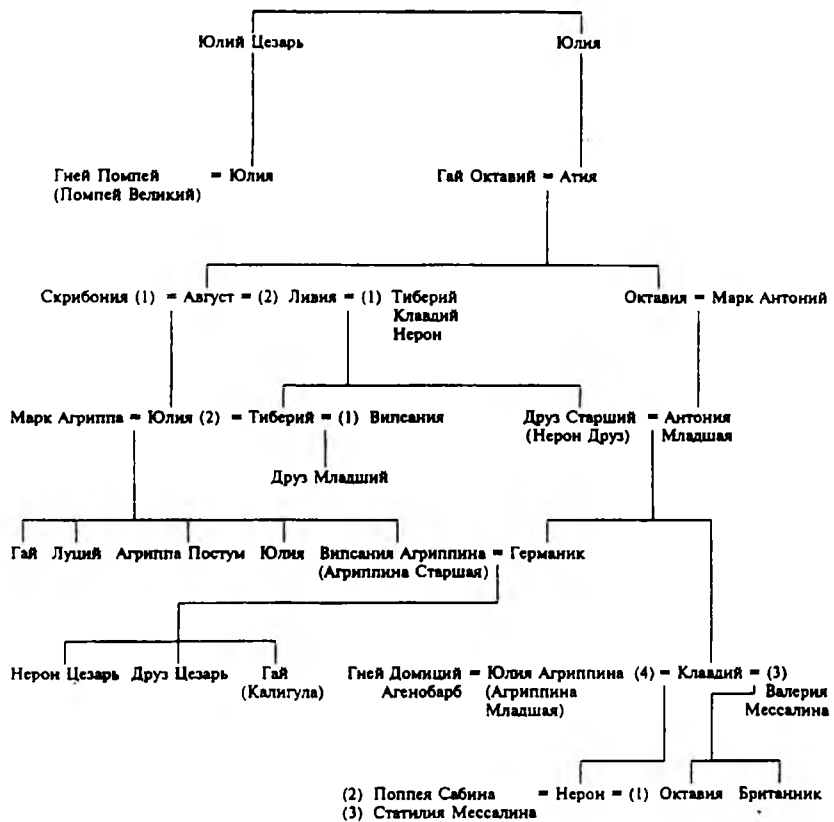
В моем списке императоров девяносто два имени, они расположены в хронологическом порядке; даты, указанные в начале каждой главы, — это даты их правления. Я не делал отдельных заголовков для более чем сотни других претендентов на императорский пурпур (хотя я обычно говорю о них по ходу дела), потому что их власть простиралась на слишком маленькую территорию или была незначительной. При всем уважении к тем девяноста двум, которых я включил в книгу, доступные нам сведения греческих и римских авторов зачастую ужасно скудны. В конце книги помещен список тех писателей, которых я цитировал. Я также дополнил книгу списком латинских терминов, несколькими генеалогическими таблицами и рядом карт и планов. В указатель к этим картам также включены современные названия мест, упоминающихся в тексте.

*Майкл Грант, 1985*



Часть первая  
ДИНАСТИЯ  
ЮЛИЕВ-КЛАВДИЕВ





## АВГУСТ

31 г. до н.э. — 14 г. н.э.

---

Август (Гай Октавий) (31 г. до н.э. — 14 г. н.э.) был первым римским *принцепсом* или императором. При рождении его нарекли Гаем Октавием, а после смерти Цезаря он принял имя Гая Юлия Цезаря. До того как в 27 г. до н.э. ему пожаловали титул Августа, он был известен как Октавиан.

Октавиан родился в 63 г. до н.э., в состоятельной семье всадников (*equites*), в городе Велитры, расположенном юго-восточнее Рима. Его отец, Гай Октавий, стал первым в семье сенатором и дослужился до чина претора. После его смерти воспитание сына полностью легло на вдову — Атию. Она была племянницей Юлия Цезаря, и именно Цезарь побудил будущего императора задуматься о политической карьере в Риме. В двенадцать лет юный Октавиан подготовил речь на погребение своей бабки Юлии. Очень рано, в пятнадцать или шестнадцать лет, его назначили жрецом (*pontifex*). В 45 г. до н.э. на следующий год после участия в триумфе Цезаря, уже ставшего диктатором (то есть единовластным правителем, хотя Цезаря никогда не считали первым императором), молодой человек, несмотря на слабое здоровье, отправился с ним в испанскую кампанию. Вскоре после этого Октавиана вместе с его друзьями Марком Агриппой и Марком Сальвидием Руфусом послали в Апполонию, в Эпир, для завершения академического и военного образования. Именно там в 44 г. до н.э. он узнал об убийстве Цезаря Брутом и Кассием (которые впоследствии бежали на восток).

Когда огласили завещание покойного, оказалось, что он посмертно усыновил Октавиана и сделал его своим главным наследником. Несмотря на юный возраст (ему было всего восемнадцать), Октавий решил — вопреки советам своего отца и друзей — принять это опасное наследство и отомстить за смерть своего приемного отца. Отправившись в Рим, он попытался убедить (хотя и безуспешно) консула Марка Антония передать ему все документы и деньги покойного диктатора.

Он был вынужден раздать гражданам Рима все, что завещал им Цезарь, причем средства для этого ему пришлось добывать из других источников. Он понимал, что должен утвердиться вопреки презрительному отношению Антония. И первым шагом в завоевании народной поддержки было проведение Игр в честь победы Цезаря. Потом, по ходатайству престарелого государственного деятеля и оратора Цицерона (который тогда еще не представлял себе, какими способностями на самом деле наделен этот юноша), сенат присвоил Октавию звание сенатора и пропретора, хоть он и не достиг еще положенных двадцати лет. Тогда Октавий вступил в войну против Антония, который как раз, в 43 г. до н.э., потерпел поражение под Мутиной, в Северной Италии, и был вынужден отступить в Галлию. Поскольку консулы, командовавшие войсками сената, погибли в бою, легионеры Октавия заставили растерявшийся сенат предоставить ему одно из освободившихся мест. Теперь посмертное усыновление получило официальное признание, и приемный сын диктатора смог принять имя Гая Юлия Цезаря<sup>1</sup>.

Но сенат по-прежнему относился к Октавиану с предубеждением. Поэтому он вскоре заключил соглашение с Антонием и привлек на свою сторону еще одного из главных приверженцев Цезаря, Лепида, который принял сан верховного жреца. 27 ноября 43 г. до н.э. эти три человека объявили себя официально назначенными на пятилетний срок «триумвирами по конституции государства», Вторым Триумвиратом (первым, семнадцатью годами ранее, было неофициальное соглашение между Помпеем, Крассом и Цезарем). Это наделило их объединенной, полновесной автократической властью. Когда в начале 42 г. до н.э. Юлия Цезаря признали римским государственным божеством, Октавиан стал «сыном божьим». После этого началась война с Брутом и Кассием, которая завершилась их поражением и смертью в Филиппах, в Македонии. В это время «божьему сыну» из-за своего слабого здоровья пришлось подчиниться Антонию.

В последовавшем разделе Империи за Антонием закрепили восточную часть (вместе с Галлией), а Октавиан вернулся в Италию. В поселении демобилизованных солдат начался бунт, и Августу пришлось выступить против брата Марка Анто-

---

<sup>1</sup> Со вступлением в другой род, род Юлиев, фамилия «Октавий» изменилась на «Октавиан», в знак того, что Август вышел из этого рода. — *Прим. пер.*

ния — Луция Антония и его честолюбивой жены Марка Фульвии. Это столкновение назвали «Перузийской войной», потому что его кульминацией явилась ужасная осада города Перузия в 41 г. до н.э. Чтобы помириться с еще одним потенциальным противником, Секстом Помпеем, сыном Помпея Великого, который управлял Сицилией и Сардинией, Октавиан женился на родственнице Секста, Скрибонии. Однако вскоре после этого — в октябре 40 г. до н.э. — он заключил с Антонием так называемый Брундизийский договор, по которому он избавлялся от Секста. Это дало Октавиану возможность развестись со Скрибонией и укрепить связи с аристократией, женившись на Ливии Друзилле, которая и оставалась его супругой до самой смерти.

По этому договору Антоний получал восточные земли Империи; Октавиан, уже управлявший Италией, был назначен еще и правителем всех западных провинций, кроме Африки, которая досталась Лепиду. Этот союз был скреплен браком сестры Октавиана, Октавии, и Антония. Однако вскоре после этого Антоний бросил ее и вернулся к Клеопатре VII, египетской царице, чьим любовником был и прежде. Тем не менее Октавиан, занятый войной с Секстом Помпеем, в 37 г. до н.э., в Таренте, подтвердил свое соглашение с Антонием, по которому триумвиры должны были оставаться у власти еще более четырех лет.

В 36 г. до н.э. замечательный флотоводец Агриппа разбил флот Секста Помпея у мыса Навлох на Сицилии. В то же самое время Лепид предпринял попытку ослабить влияние Октавиана на западе, развязав военное столкновение. Однако Октавиан лишил его армии, снял полномочия триумвира и отправил в продолжительное изгнание. Вскоре стало ясно, что Октавиану, который усердно занимался основанием колоний для своих верных солдат, вышедших в отставку, придется вступить в борьбу с Антонием за власть над всей Римской Империей. Именно тогда он начал ставить перед своим именем слово «император», означавшее «не знающий равных военачальник». Между 35 и 33 гг. до н.э. он провел одну за другой три кампании в Иллирии и Далмации. Они были весьма тяжелыми и не слишком успешными, но тем не менее северо-восточные рубежи Италии стали куда безопаснее, чем прежде.

Вместе с Агриппой Октавиан тратил огромные средства на архитектурное украшение Рима. Кроме того, он изо всех сил

старался настроить народ против Антония, подарившего часть принадлежавших Империи земель Клеопатре. После ожесточенных споров разрыв между двумя соправителями стал быстро углубляться. В 32 г. до н.э. истек срок, на который был заключен триумвират, и Октавиан заявил, что он якобы не видит в его продлении никакого прока. В свою очередь, Антоний развелся с сестрой своего соперника, Октавией, а ее брат завладел завещанием Антония и публично заявил, что обнаружил, будто Антоний действует во вред Империи, делая слишком щедрые подарки Клеопатре. Каждый из двух правителей принес клятву верности управляемой им части населения. Клятва, которую итальянцы принесли Октавиану, *coniuratio Italiae*, получила широкую известность. В конце концов Октавиан объявил войну — и не против своего соотечественника Антония, потому что идея гражданской войны была весьма непопулярной, но против иностранки Клеопатры, которая, как он утверждал, нарушила статус римской клиентки.

Антоний и Клеопатра разместили свои морские и сухопутные войска на западном побережье Греции. Но в начале 31 г. до н.э., на исходе зимы, Октавиан неожиданно для Антония отправил Агриппу через Ионическое море, чтобы захватить Метон. Потом последовал за ним сам, оставив своего этрусского союзника, Мецената, приглядывать в его отсутствие за Италией. Вскоре флот Антония оказался запертым в заливе Амбракия. В сентябре он попытался вырваться из ловушки. И тогда состоялась битва при Акции. Антоний и Клеопатра с четвертью оставшихся кораблей пробились в открытое море и бежали в Египет. И в следующем году, когда Октавиан вторгся в эту страну, они оба покончили с собой.

Следующим шагом Октавиана было умерщвление сына Клеопатры, Цезариона, отцом которого, как утверждала Клеопатра, был Юлий Цезарь. Потом Октавиан присоединил Египет к Империи и управлял этой страной с помощью наместников. Захват казны Клеопатры дал ему возможность заплатить своим многочисленным солдатам и устроить их поселения в колониях всех римских земель: теперь они были всецело в его руках. Постепенно Октавиан сократил количество своих легионов с шестидесяти до двадцати восьми, в них было сто пятьдесят тысяч солдат (преимущественно итальянцев). Эти силы были увеличены за счет примерно такого же количества вспомогательных войск, набранных в провинциях (так назы-

вались земли Римской Империи за пределами Италии). Все легионы и вспомогательные отряды были расквартированы за пределами полуострова; Октавиан понимал, что держать сосредоточенные в центре резервные войска слишком накладно и слишком соблазнительно для потенциальных врагов. Офицерский состав стал более регулярным, чем когда-либо, и Октавиан сам надзирал над ним. Особое внимание уделялось профессиональным центурионам, которые составляли хребет офицерского состава. К концу правления была основана военная казна, пополнявшаяся из налогов. Из нее выплачивалось выходное пособие солдатам, выходящим в отставку. Реформы не обошли и флот, который располагался на двух главных базах, в Мизенах и в Равенне. Октавиан заменил своих телохранителей-испанцев отрядом германцев. Однако этот отряд служил только добавочным к главному полку преторианцев, который был составлен из телохранителей, набранных еще прежними военачальниками. Он состоял главным образом из солдат, имевших римское гражданство. В этом полку было девять когорт, численностью по пятьсот пехотинцев и по девяносто конников в каждой. Преторианцы, во главе которых были префекты — всаднического, а не сенаторского звания, — назначенные Августом во 2 г. до н.э., стояли как в Риме, так и в других городах Италии. Он также создал три городские когорты, по тысяче человек (а позднее еще больше) каждая; это были полицейские силы столицы под командованием *городского префекта* (praefectus urbi).

Реформы армии и службы безопасности были только частью, хоть и очень важной, продолжительной и терпеливой работы по созданию Римского Принципата, которая велась методом проб и ошибок. Сам правитель единовластно распоряжался всей системой, не переставая на словах превозносить достоинства сената, хотя сократил количество членов его с тысячи до восьмисот, а потом и до шестисот человек. Сенат соглашался с Октавианом и приветствовал прекращение гражданских войн и распрей в стране, но император, помня о судьбе Цезаря, прекрасно понимал, что этот бывший правящий орган будет поддерживать его только в том случае, если он хотя бы для вида будет возрождать республиканские традиции. Так, в свое продолжительное (с 31 по 21 г. до н.э.) консульство, а именно в 27 г. до н.э., Октавиан заявил, что он «передал государство в полное распоряжение сената и народа» (весьма лживое заверение, потому что собрание людей,

к которому оно было обращено, уже потеряло свою политическую силу). В то же время ему официально поручили на десятилетний срок управление и командование провинцией, включавшей Испанию, Галлию и Сирию, то есть земли, в которых размещался костяк армии и которыми он, следовательно, управлял через своих подчиненных-*легатов*. Прочими частями Империи, за пределами Италии, должны были управлять проконсулы, назначаемые, как и прежде, сенатом: *принцепс* понимал, что его влияние будет непоколебимым, пока его желания не идут вразрез с желаниями сенаторов, хотя они избирались в соответствии с его более или менее прямыми указаниями.

Высокое положение императора было подтверждено присвоением ему важного титула *auctoritas*, исполненного как традиционного, так и религиозного значения. Этимологически связанным с этим словом, как и со словом *augur* — возвеличивать, относящимся к древнему культовому обычаю определения предзнаменований и проявлений божественной воли, — было присвоенное ему имя «Август», которое завуалировано и без опоры на конституцию указывало на его превосходство, власть над остальными людьми. С помощью выдающихся писателей литературного Золотого века: историка Ливия и поэтических протее Мецената, Вергилия и Горация, чьи попытки были поддержаны некоторыми патриотическими стихами Проперция и Овидия, — он выказал свое почтение перед древней итальянской религией, воскресив многие из ее античных обрядов, а также восстанавливая ее разрушенные храмы. В погоне за той же целью в 17 г. до н.э. он провел античный обряд так называемых Секулярий (*Ludi Saeculares*), которыми отмечали переход из одной эпохи или одного столетия в другое. Он также восстановил Алтарь Мира (*Ara Pacis*), украсив его замечательными барельефами в классическом стиле Августа. По всей Империи было возведено множество других важных зданий, как культовых, так и светских. После смерти Лепида в 12 г. до н.э. Август принял на себя его сан верховного жреца (*pontifex maximus*) государственной религии.

За его конституционным решением 27 г. до н.э. последовали решительные меры по расширению границ империи и установлению мира на них: непокорные альпийские племена были усмирены, завоевана Галация (центральная Малая Азия), и сам Август провел часть кампании, призванной за-



вершить покорение Испании. Но его здоровье серьезно пошатнулось. В 23 г. до н.э. он оказался на краю смерти и положил конец своему продолжительному консульству, приняв вместо этого *imperium majus*, власть, которая возвысила его над проконсулами и освободила от службы и ее повседневных тягот. Ему была также предоставлена власть трибуна или *tribunicia potestas*. Этот титул наделил его властью созывать сенат. Кроме того, из-за традиционной роли, которую исполняли ежегодно избираемые народные трибуны (откуда и пошло звание *tribunicia potestas*) — защищать права граждан, эта власть наделила его своего рода «демократическим» ореолом. Он был нужен Августу в первую очередь потому, что его правление на самом деле опиралось на поддержку высших классов. В 19 г. до н.э. был сделан шаг для дальнейшего укрепления сил Августа — он должен был получить более широкие полномочия в Италии. Есть свидетельства, что в два последующих года предпринимались попытки ввести социальное законодательство (хотя, вероятно, и без особого успеха), призванное придать весомость браку и обуздать разгул нарушений супружеской верности и пристрастий к излишествам.

Еще через несколько лет был создан исполнительный и совещательный комитет, поначалу неофициальный и состоявший из тех, кто считался друзьями Августа (*amici principis*), чтобы помочь ему подготовить дела, которые рассматривал сенат. Точно так же он уменьшил свою ношу и увеличил власть, умножив количество своих личных подчиненных: всадников, чья карьера стала куда более привлекательной, и бывших рабов, или вольноотпущенников — чтобы сформировать основы гражданских служб. Тем временем все управление Римом и Империей было коренным образом изменено. Это стало возможным благодаря реформе финансовой структуры. Теперь центральное казначейство стало связанным с казначействами провинций, в частности, провинций Августа — весьма запутанные взаимоотношения, суть которых нам уже не постигнуть. Такая система зиждилась главным образом на двух прямых налогах — подушном и земельном, причем последний был решающим, потому что экономика римского мира все еще опиралась на сельское хозяйство. Мирная обстановка в правление Августа также стимулировала развитие торговли, это облегчалось широким распространением и улучшением качества римских монет, теперь это были не только кусочки золота и серебра, но и отчеканенные в Риме, в Лугдуне и повсюду монеты из желтой и красной меди.

Судя по всем историческим источникам, император использовал каждую мыслимую возможность для того, чтобы преодолеть гласности успехи своего правления; так, например, большое значение придавалось триумфальному договору с парфянами, заключенному в 20 г. до н.э. По этому договору парфяне возвращали знамена легионов, захваченные у триумвира Красса, когда он тридцатью тремя годами ранее был убит в Каррах, и признавали римский протекторат над Арменией. Эта страна отныне стала одним из многочисленных (хотя и ненадежных) государств-клиентов, которыми Август, продолжая дела своих предшественников, окружил Империю. Эти государства-клиенты имели право чеканить свою собственную монету, преимущественно из бронзы, но иногда и из серебра (а в Киммерийском Босфоре даже и из золота). Во многих частях самой Империи местным городским общинам тоже было позволено чеканить свою бронзовую монету. В число этих земель входила Испания (некоторое время), так же, как и большинство восточных территорий, где древние города-государства, с их греческими установлениями и культурой, сохраняли в определенной степени свою автономию под достаточно либеральным надзором провинциальных наместников и их финансовых советников, или прокураторов.

Хотя положение *принцепса* не было формальной должностью, на которую мог быть назначен преемник, общественное внимание долго было приковано к планам Августа на будущее. Его племянник Марцелл, муж его дочери Юлии, умер в 23 г. до н.э. В том же году Агриппа был отправлен на Восток как представитель Августа, и через четыре года завоевание Испании было закончено. Овдовевшая Юлия была отдана Агриппе в жены, однако сенаторы не хотели признавать его правителем. Поэтому в 17 г. до н.э. Август усыновил Агриппу и детей Юлии, Гая и Луция, которым тогда было соответственно три и один год от роду, признав их собственными сыновьями. В то же время он дал выгодные должности своим приемным детям, Тиберию и Нерону Друзу (Друзу Старшему), завоевавшим Норик и Рецию и в 16—15 гг. до н.э. отодвинувшим границы Империи до Дуная (Данувия).

После смерти Агриппы в 12 г. до н.э. Август заставил его вдову Юлию выйти замуж за Тиберия, хотя оба были против. Тиберий и его брат Нерон Друз провели несколько последующих лет, воюя на севере. Нерон Друз, пройдя до самой Эльбы, погиб в 9 г. до н.э. Через три года Тиберия возвысили для то-

го, чтобы он мог разделить трибунские полномочия своего приемного отца, но тогда он не воспользовался этим и лишь когда Луций и Гай умерли во 2 и 4 гг. н.э. соответственно, он заявил о себе как приемный сын Августа, а стало быть, очевидный наследник. Тиберия немедленно послали в Бойгем, чтобы покорить могущественное западногерманское племенное государство маркоманнов и тем самым укоротить границу Империи. Это задание было прервано, когда в 6 г. н.э. начались мятежи в Паннонии и Иллириже, а потом и в 9 г. н.э. в Германии, где Арминий, вождь восточногерманского племени херусков, разбил Вара с его тремя легионами. Август был устрешен, и завоевание Германии и Центральной Европы было отложено на неопределенное время.

Хотя административные реформы не прекращались, принципс начал догадываться, что его время подходит к концу, и в 13 г. н.э. уравнил Тиберия с собой во всех конституционных правах. Потом Август поместил свое завещание и другие документы в Жилище Весты в Риме. В этих документах были кратко описаны финансовое и военное положение Империи и уточненное, хотя и совершенно неточное и весьма пристрастное политическое завещание, известное как *Деяния Божественного Августа* (или *Monumentum Ancyranum*, поскольку наиболее хорошо сохранившаяся копия находится на стенах храма Рому и Августа в Анкире, в Галации). В следующем году Тиберия, направлявшегося в Иллирик, отозвали, потому что его приемный отец серьезно занемог. Август скончался 19 августа и был впоследствии обожествлен.

Август был одним из наиболее одаренных, энергичных и умелых правителей в мире. Необыкновенно огромная, преследовавшая отдаленные цели работа по реорганизации и восстановлению, проводимая им в каждой структуре огромной Империи, способствовала созданию нового римского мира, в котором все классы, до самых низших, благоденствовали из-за улучшившихся связей и процветавшей торговли. Авторитарный режим, установленный в его правление (с учетом ошибок Цезаря), заменил пришедшую в упадок Республику — хоть поначалу и появлялось множество заговорщиков — и был обречен на длительное существование. Он принес стабильность, безопасность и благосостояние беспрецедентно большей части населения на более чем два столетия; он обеспечил выживание и сохранение политического, социального и культурного наследия классического мира, как римского, так и

греческого, и создал основу, на которой смогли прорасти семена христианства и иудаизма (во время именно этого правления родился Иисус Христос, а Иудея превратилась из государства-клиента в Римскую провинцию).

Август обладал некоторыми литературными способностями и написал несколько книг: философские наставления, историю своей юности, памфлет против Брута, биографию Нерона Друза и разные стихи. Все эти работы пропали, хотя утонченность его *Res Gestae* заставляет предположить, что он мог добиться значительного успеха. Что касается его характера, то, говорят, он был жестоким в молодости, но впоследствии стал мягче — хотя это могло случиться только потому, что политическая необходимость в жестокости перестала быть острой, потому что все знали, что он всегда готов быть безжалостным, если это понадобится. Его бытовые запросы были простыми. Хоть он не хранил верности своей супруге, Ливии Друзилле, он оставался глубоко признательным ей. Его общественные нравственные установки были весьма твердыми, и он изгнал своих дочь и внучку, и ту и другую звали Юлиями (а также поэта Овидия, который, вероятно, знал слишком много о похождениях обеих дам), за то, что они пошли наперекор его принципам. Он также отправил в изгнание своего внука Агриппу Постума, славившегося необузданным нравом и непокорностью. Что касается остальных мужчин — членов его семьи, которые помогали ему — он писал им теплые письма, некоторые из них дошли до наших дней. Тем не менее это не мешало ему помыкать ими.

Так же безжалостно он помыкал и самим собой, хотя страдал от непрерывной череды жестоких болезней. Его облик (запечатленный замечательными скульпторами — его современниками в многочисленных портретах императора) описан биографом Светонием:

С виду он был красив и в любом возрасте сохранял привлекательность, хотя и не старался прихорашиваться... Лицо его было спокойным и ясным, говорил ли он или молчал... Глаза у него были светлые и блестящие; он любил, чтобы в них чудилась некая божественная сила, и бывал доволен, когда под его пристальным взглядом собеседник опускал глаза, словно от сияния солнца. Впрочем, к старости он стал хуже видеть левым глазом. Зубы у него были редкие, мелкие, неровные, волосы — рыжеватые и чуть выщипанные... Росту он был невысокого — впрочем, вольноотпущенник Юлий Марат, который вел его записки, сообщает, что в нем было пять футов и три четверти (около 170 см. — *Прим. пер.*), — но это скрывалось соразмерным и стройным сложением и было заметно лишь в сравнении с более рослыми людьми.

## ТИБЕРИЙ

14—37 гг. н.э.

Тиберий (14—37 гг. н.э.), сын аристократа Тиберия Клавдия Нерона и Ливии Друзиллы, родился в 42 г. до н.э. Когда ему исполнилось два года, его отцу пришлось бежать от триумфиров из-за приверженности республиканским взглядам. Еще через два года его родители развелись перед самым рождением Нерона Друза, младшего брата Тиберия, чтобы Ливия могла вступить в брак с Октавианом (который впоследствии стал императором Августом).

С 20 г. до н.э., когда он отправился с Августом на Восток отбивать знамена, отданные парфянам тридцать три года назад, и до 12 г. н.э. — с десятилетним перерывом, к которому мы вкратце еще вернемся — Тиберий посвятил себя усердной и успешной военной карьере. Между 12 и 9 гг. до н.э. он подчинил Империи Паннонию. С 9 г. до н.э. (когда умер Нерон Друз) по 7 г. до н.э. и затем вновь с 4 по 6 гг. н.э. он воевал в Германии. В течение следующих трех лет он подавил крупные восстания в Паннонии и Иллирике, после чего вернулся к восстановлению Рейнской границы, поскольку за время его отсутствия херуск Арминий разбил три легиона Вара (см. Август).

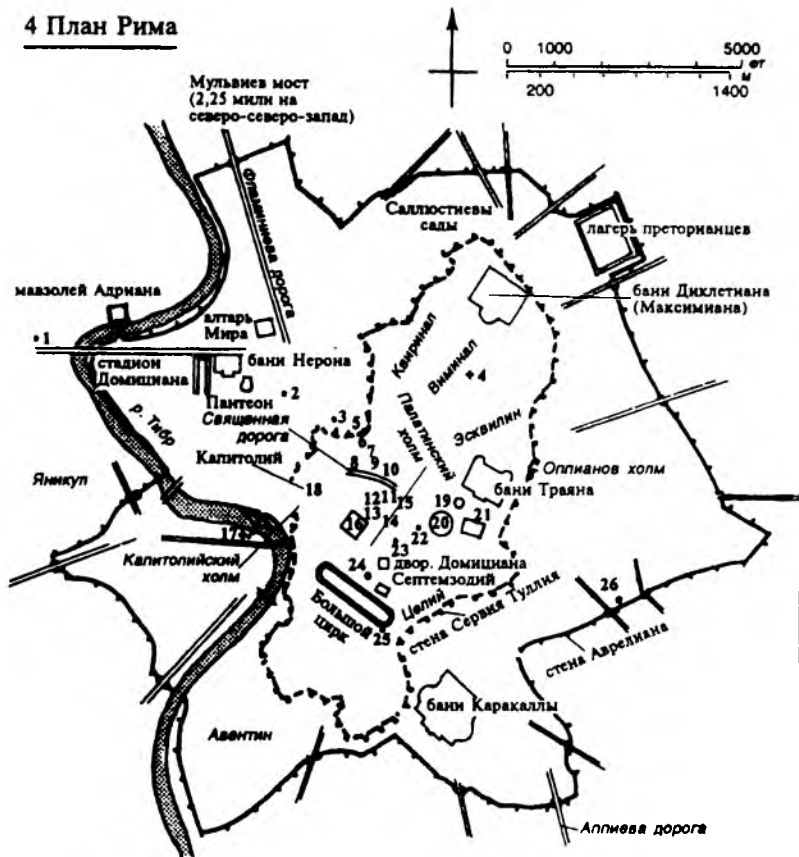
После смерти Агриппы в 12 г. до н.э. Август вынудил Тиберия развестись с Випсанией, матерью Друза Младшего, и жениться на Юлии, дочери Августа и вдовы Агриппы. Этот брак оказался неудачным, и во 2 г. до н.э. последовал разрыв. В 6 г. до н.э. Тиберий получил полномочия трибуна, но вскоре удалился на Родос в смятении и негодовании, поскольку Август стал покровительствовать своим внукам Гаю и Луцию. Однако когда они умерли, Август — по-видимому, неохотно — признал Тиберия своим первым преемником и в 4 г. н.э. усыновил его, на десять лет восстановил в правах трибуна и пожаловал высшую власть на Рейнской границе. Тогда же Август усыновил следующего своего внука, Агриппу Постума (впрочем, впоследствии он изгнал его), а Тиберию повелел усыновить своего восемнадцатилетнего племянника Германика, сына Нерона Друза. Однако именно Тиберий в те годы прибрал к рукам правление, осуществляя не выдающиеся, но полезные преобразования. Его полномочия были возобновлены в 13 г. н.э. формулировкой, уравнивающей его с Августом, и это уже на следующий год после смерти последнего дало Тиберию возможность унаследовать престол.

Первыми действиями нового властителя в сенате стали признание Августа, подобно Юлию Цезарю, римским божеством (*divus*) и утверждение посмертных наград воинам. Сенату пришлось также официально возвести Тиберия, вопреки его показному сопротивлению, в ранг *принцепса*, или императора, как теперь стало принято называть властителя Рима.

В самом начале его царствования во всей армии от Данувия в Паннонии до Рейна в Нижней Германии вспыхнуло недовольство, поскольку плата за службу и награды при увольнении оказались значительно меньше обещанного Августом. Друз Младший, сын Тиберия, умело уладил беспорядки в Паннонии; в то же время Германик, галантный и обходительный племянник императора и его приемный сын, действовал в Германии менее успешно и пошел на уступки, от которых Тиберию впоследствии пришлось отказаться. Затем Германик предпринял три военных кампании, вознамерившись вернуть земли между Рейном и Эльбой, утраченные в результате поражения, нанесенного германцами Вару в 9 г. до н.э. Эти масштабные мероприятия в целом провалились, хотя в Риме Германика встречали бурными приветствиями и удостоили Триумфа.

Шансы Германика и Друза Младшего на наследование престола оставались неопределенными. Друз получил высшую власть в приданувинских землях, а Германику достался такой же пост на востоке. Однако, едва добравшись туда, он оказался вовлеченным в жестокую склоку с наместником Сирии Гнеем Кальпурнием Пизоном, известным наперсником самого Тиберия. Германик умер в Антиохии в 19 г. н.э., и его неугомонная вдова Випсания Агриппина (Агриппина Старшая) морем перевезла его останки в Рим. Гней Пизон после бессмысленной попытки сопротивления назначил себе замену и вернулся в столицу, где ему предъявили обвинение в убийстве Германика, из-за чего он покончил с собой. На самом же деле Германик, по-видимому, умер естественной смертью. Но его популярность окрасила происшедшее в мрачные тона, о чем упоминал историк Тацит, боготворивший Германика. Смерть последнего означала, что отныне сын императора, Друз Младший, получил неоспоримые права на престолонаследие. Но в 25 г. н.э. он тоже умер. Теперь наследниками стали два старших сына Германика и Агриппины Старшей. Нерона Цезаря (названного так, чтобы отличить его от императора Нерона) и Друза Цезаря (названного так, чтобы отличить его от Нерона

## 4 План Рима



- |                                     |  |
|-------------------------------------|--|
| 1 базилика св. Петра                | 14 арка Тита                           |
| 2 колонна Аврелия                   | 15 храм Венеры-родительницы            |
| 3 колонна Траяна                    | 16 дворец Тиберия                      |
| 4 церковь св. Марии                 | 17 церковь св. Хрисогона               |
| 5 рынок Траяна                      | 18 храм Юпитера Капитолийского         |
| 6 форум Траяна                      | 19 бани Тита                           |
| 7 форум Августа                     | 20 Колизей (амфитеатр Флавиев)         |
| 8 форум Юлия Цезаря                 | 21 Золотой дворец (Нерона)             |
| 9 форум Неры (Транситорий)          | 22 Арка Константина                    |
| 10 форум Веспасиана                 | 23 Большой цирк                        |
| 11 базилика Максенция (Константина) | 24 дворец Севера                       |
| 12 арка Септимия Севера             | 25 храм Аполлона /Солнца/ Непобедимого |
| 13 Римский форум                    | 26 Латеранская базилика                |





5 Провинции ко времени смерти Августа (14 г. н.э.)



Друза и Друза Младшего), семнадцати и шестнадцати лет соответственно, император поручил попечению сената.

Стоит подробнее остановиться на отношениях Тиберия и сенаторов. Он действительно защищал традиционное достоинство их звания. Его методы воздействия при выборах на официальные должности оставались благоразумно сдержанными. Он резко выступал против чрезмерной лести в свой адрес. Он выбрал для чеканки на монетах со своим изображением две добродетели: Умеренность и Милосердие. Его попытка превратить сенат в верного своего союзника была предпринята поздно, когда бессилие сената уже стало необратимым. Ходили слухи, что, покидая собрание сенаторов, Тиберий негромко посетовал по-гречески: «О люди, достойные быть рабами».

Величайшая трагедия жизни Тиберия произошла из-за возвышения им Луция Элия Сеяна, который в первые годы его царствования стал помощником своего отца префекта императорской гвардии (преторианцев), а в 15 г. н.э. унаследовал от него эту должность. Очень скоро выяснилось, что он стал и главным советником императора. Сеян (хоть историк Тацит и насмехался над его несенаторским рангом) был связан родственными узами со знатными фамилиями; он снискал себе славу любезника и удачливого соблазителя модниц высшего света. В 23 г. н.э. последовал шаг, не оставлявший сомнений в его побуждениях и значительно укрепивший его влияние. Девять когорт императорской гвардии, прежде разбросанные по разным итальянским городам, в течение нескольких дней были стянуты в столицу, и император поручил Сеяну расквартировать их в новом едином казарменном комплексе в Риме, величественные стены которого сохранились по сей день. Когда умер Друз Младший, явно недолюбливавший префекта, Сеян остался единственным доверенным другом Тиберия, его «партнером в делах», как объявил император сенату и ассамблее.

На Рим обрушилась лавина судебных дел по обвинениям в измене: Сеян разделял и разжигал страхи Тиберия перед заговорами и мятежами и использовал законы о государственной измене, чтобы избавиться от своих собственных недругов. Тем не менее его власть над своим повелителем оставалась неполной. В 25 г. н.э., например, ему не разрешили вступить в брак с вдовой Друза Младшего Ливиллой (Ливией Юлией) на том основании, что союз простого всадника с женщиной императорского дома будет непопулярным в сенате. Однако в следу-

ющем году Сеяну выпал удобный случай упрочить свое влияние, поскольку Тиберий решил покинуть Рим и перенести свою резиденцию на остров Капри, пообещав при этом, что впредь ноги его не будет в этом городе. Говорили, что император спасается от своей деспотичной матери, Ливии Друзиллы, после «удочерения» ее императором Августом известной под именем Юлии Августы. Тиберий бежал также от общества вообще и от требовательных сенаторов, в частности. На Капри ему составили компанию несколько приближенных, главным образом ученые и астрологи. В дальнейшем он принял меры для обеспечения собственной безопасности, которые значительно увеличили привлекательность неприступного острова и превратили его Дворец Юпитера, расположенный на восточной возвышенности Капри, в замечательное убежище.

Отсюда он продолжал править Империей с неизменной добросовестностью, но его уединенное существование неизбежно порождало разного рода опасные сплетни и интриги, включая и изрядную массу слухов о его сексуальных отклонениях. Еще более существенным ущербом обернулось ограничение его связей с сенатом — отныне обстоятельные дискуссии сменились скудной перепиской. Авторитет Сеяна постепенно возрастал. Именно он занял важнейшее место в связях Капри с внешним миром, контролируя доступ к персоне Тиберия и назначая цензоров, просматривавших переписку с Римом.

Сеян внушил императору, что наибольшая опасность его жизни исходит от Агриппины Старшей и ее сыновей Нерона Цезаря и Друза Цезаря, которые унаследовали от своего отца Германика расположение народа. В 26 г. н.э. Тиберий отказал Агриппине в новом замужестве. Три года спустя по обвинению, выдвинутому Сеяном и поддержанному впоследствии самим императором, против нее и обоих юношей было возбуждено судебное дело. Открытое обвинение Нерона Цезаря (в сексуальных отклонениях) и Агриппины (в тайном заговоре) вызвали многолюдные демонстрации в их защиту. Обоих арестовали и выслали на острова. Друз Цезарь также был арестован и препровожден в столичную тюрьму. Возможно, они и в самом деле замыслили заговор, а может быть, и нет. Так или иначе, через четыре года все они умерли, и в живых остался лишь третий сын Германика и Агриппины, юный Гай (Калигула).

Между тем в 31 г. н.э. Сеян, принадлежавший к сословию всадников и, следовательно, не имевший права быть избран-

ным на сенаторскую должность, вопреки этому стал соконсулом Тиберия. Когда в мае они вместе вступали на консульство, он, наверное, испытал тот же восторг обладания абсолютной властью в Империи, что и Тиберий, когда получал ее от Августа. Кроме того, он наконец-то добился разрешения жениться на вдове Друза Младшего Ливилле. Но вскоре за этим последовало его падение, причиной которого стали сведения, переданные императору матерью Ливиллы, Антонией. Сеян, по-видимому, вынашивал планы устранения девятнадцатилетнего Гая, права которого рано или поздно должны были положить конец его могуществу; он предпочитал видеть на месте Гая более молодого и уступчивого наследника — такого, как Тиберий Гемелл, двенадцатилетний сын Друза Младшего. Узнав об этом, император втайне от Сеяна передал командование преторианцами своему другу Макрону. Макрон договорился с одним из консулов и командиром пожарного отряда и арестовал Сеяна во время заседания сената. Сенаторы же незамедлительно вынесли последнему смертный приговор, не дожидаясь распоряжений на этот счет императора.

Вскоре прокатилась новая волна обвинений и казней. Вдова Сеяна, Аликата, наложила на себя руки, но перед этим рассказала Тиберию о том, что его сына Друза Младшего восемь лет назад умертвили ее муж и его любовница Ливилла. Возможно, это не было правдой, но император поверил, и Ливиллу уморили голодом. Тиберий огласил новое завещание, объявив своими наследниками Гая и Гемелла, причем приоритет определенно принадлежал Гаю. Тиберий умер в марте 37 г. н.э. в поместье Лукулла у Мизенского мыса на семьдесят восьмом году жизни. По-видимому, он умер естественной смертью, хотя ходили бесчисленные слухи об обратном.

Биограф императора, Светоний, писал, что Тиберий был крупным крепким мужчиной с исключительно сильной левой рукой, почти до самого конца жизни обладавший отменным здоровьем, хотя время от времени его внешность уродовала отвратительная сыпь. Его очень пугал гром. Просыпаясь среди ночи, он хорошо видел в темноте. «Ходил он, наклонив голову, твердо держа шею, с суровым лицом, обычно молча: даже с окружающими разговаривал лишь изредка, медленно, слегка поигрывая пальцами». Не слишком религиозный, он интересовался мифами и разделял веру астрологов в судьбу, управляющую всем миром. Среди его недостатков весьма существенным было неумение и нежелание общаться с людьми, в отли-

чие от любимшего поговорить Августа. Как утверждал историк Дион Кассий, «слова Тиберия свидетельствовали о существовании людей, противостоявших его целям... Он считал плохой политикой поверять поданным свои мысли и говорил, что зачастую это становится причиной крупных неудач, тогда как скрытность приносит значительные успехи». Его отказ разъяснять свои действия (привычка, которой он не изменил и на Капри) стал причиной серьезных затруднений. Более того, все произнесенные или написанные им слова обычно были едкими и оскорбительными. Не лишенный человечности, Тиберий был жесток и мрачен. Он не поддерживал проведение публичных увеселений: например, он и не думал продолжать традиции гладиаторских Игр. Тем не менее, когда создавалось неправильное мнение о его действиях, а такое случалось нередко, он очень расстраивался и приходил в ярость. Он был также чрезвычайно подозрителен и боязлив.

Личность Тиберия поражала Тацита, и этот историк написал несколько книг о том, как менялся в худшую сторону стиль его правления. И он был прав по крайней мере в том, что касалось положения правящих классов. В провинциях происходило то же самое, но там обычно придерживались высокого мнения о правительстве, как достойном доверия, и преобладала вялость и медлительность. Как и многие другие писатели древности, Тацит верил, что личность человека не меняется от рождения до смерти, и если действия человека не всегда выявляют эту личность, то только благодаря его способности скрывать ее истинную суть. Так, по его мнению, Тиберий был исключительно скверной личностью (историк не мог обсуждать личность императора Домициана, во времена правления которого жил он сам): многие добрые дела, которые Тиберий объявлял своей целью, оказывались лишь ширмой зловещего лицемерия.

Сложный и умело построенный принципат Августа был очень прочной структурой. Тиберий заявлял: «Я следую его словам и предписаниям, словно они имеют силу закона». Он понимал, что отменить автократическое устройство правления уже невозможно. Его царствование стало мостом между системой единоличной власти Августа и установившейся после него официальной системой императорского правления, периодом постепенного становления новых норм. Тем не менее сам Тиберий постоянно испытывал внутренний дискомфорт, поскольку в душе оставался таким же республиканцем, как и его

предки. Он был слишком честным человеком, чтобы сохранять хорошую мину при плохой игре, и чувствовал скрытое недоверие к себе со стороны многих сенаторов, с которыми ему приходилось работать.

В период царствования Тиберия в Галилее (входившей в состав Галилеи-Пиреи, возглавляемой римским клиентом Иродом Антипой) осуществил свою миссию и был распят в Иерусалиме (римская провинция Иудея) Иисус Христос. Когда, согласно Евангелию, Иисус, попросив монету, спросил, чье на ней изображение и что на ней написано, и сказал, что люди должны «отдать кесарево кесарю, а Божие Богу», то речь, вероятно, шла о денарии с портретом и титулами Тиберия.

## ГАЙ (КАЛИГУЛА)

37—41 гг.

Гай (Гай Юлий Цезарь Германик) (37—41 гг.), третий сын Германика и Агриппины Старшей, родился в 12 г. в Анции. Он жил с родителями близ германской границы (в возрасте от двух до четырех лет), и там ему подарили маленькие солдатские походные сапожки, от названия которых — *калиги* — произошло его прозвище «Калигула».

Когда ему исполнилось восемнадцать или девятнадцать лет, его мать и обоих старших братьев арестовали, и вскоре они умерли. Сам же Гай в 31 г. получил должность жреца, а в 33 г. — квестора; император Тиберий, с которым он жил на Капри с 32 г., объявил его и Тиберия Гемелла (сына Друза Младшего) равноправными наследниками и указал, что сменить его на троне должен Гай. Однако Гая не обучали административному управлению. Когда в 37 г. Тиберий умер, появились слухи, что именно Гай то ли задушил, то ли утопил, то ли отравил его, но оснований верить этим историям нет, поскольку естественная смерть Тиберия была уже близка.

Опираясь на поддержку префекта преторианцев Макрона, Гай незамедлительно получил от сената признание своего титула *принцепса*. Более того, сразу по его возвращении в Рим сенаторы предложили ассамблее также проголосовать за него, тем самым объединив всю высшую власть Империи в одних руках. Завещание Тиберия было отменено, и Гай получил всю полноту власти, а Гемелл утратил права на свою долю наслед-

ства. В этих событиях важную роль сыграла армия, симпатизировавшая дому Германика, из которого происходил Калигула; к тому же солдатам понравилось, что он воздал честь памяти своих родственников, которым выпала судьба столь печально окончить свои дни. Что же до Тиберия, повинного в этих трагедиях, то Гай подобающим образом организовал его погребение. Однако, поскольку мало кто в открытую скорбел о смерти покойного императора, Гай не только оставил без ответа вопрос о признании Тиберия римским божеством, но и принялся поносить его бранными словами, впрочем, они составляли существенную часть его обиходной речи.

Антония Младшая, вдова Нерона Друза, которая приходилась молодому императору бабушкой и умела обуздывать его буйный нрав, умерла 1 мая. В октябре Гай тяжело заболел. Как писал иудейский философ Филон, относившийся к Калигуле достаточно беспристрастно, симпатии к императору по всей стране были так велики, что известие о его недуге посеяло искреннее горе и тревогу в народе. Он выздоровел, но, по видимому, Филон был прав, утверждая, что Гай после болезни стал другим человеком. В 38 г. он казнил своего главного приверженца, префекта императорской гвардии Макрона. Та же участь постигла Тиберия Гемелла, потенциального претендента на трон. Кроме того, вынужден был покончить с собой Марк Юлий Силан, отец первой из четырех жен Гая. Эти события всполошили сенат, и тогда в январе 39 г. Калигула объявил им о своем намерении возобновить следствие по обвинениям в измене, о которых после смерти Тиберия сохранились самые тягостные воспоминания; память же о последнем получила официальную реабилитацию.

Вскоре ушей императора достигли слухи о подготовке покушения на него, и тотчас обвиненному в этих грехах наместнику Паннонии было велено совершить самоубийство. Гай задумывал возобновить захватнические походы за Рейн, начатые его отцом, Германиком, но еще до выступления узнал, что очень влиятельный полководец Гней Корнелий Лентул Гетулик собирается убить его по прибытии в Могонциан. Тем не менее в сентябре 39 г. император неожиданно отправился на север. Его сопровождал сильный отряд преторианцев, младшие сестры Юлия Агриппина (Агриппина Младшая) и Юлия Ливилла, а также Марк Эмилий Лепид (вдовец третьей сестры императора, Юлии Друзиллы, который считался его вероятным преемником). Однако вскоре по прибытии в Германию

Гай казнил Лепида и Гетулика, отправил в изгнание Агриппину Младшую и Юлию Ливиллу, а их имущество присвоил.

Следующую зиму Гай провел в прирейнских лагерях и в Галлии. Ни его германская кампания, ни задуманное им вторжение в Британию (сохранившую независимость после двух походов Юлия Цезаря) так и не были осуществлены. Рассказывали байки, будто император приказал войскам собирать ракушки на берегу пролива. Нет сомнения лишь в том, что Гай не горел желанием возвращаться в Рим: ему стало известно, что в сенате возникло угрожающее недовольство. Еще до приезда в Италию он начал забрасывать сенаторов посланиями, предписывающими провести судебные расследования в связи с заговором Гетулика. Появившись в столице лишь летом, он постарался проявить к сенаторам всю возможную учтивость. В свою очередь, сенат устроил ему чествования и овацию под предлогом его мнимой победы и заявил, что отныне ему позволено приходить на заседания сената в сопровождении вооруженной охраны и восседать на высокой недосыгаемой площадке.

В течение короткого времени произошло по крайней мере три покушения на жизнь императора. Соответствующие меры были приняты по отношению к группе римлян, измену которых объяснили их приверженностью взглядам философской школы стоиков. Более серьезным было подозрение в подготовке покушения, павшее на главного префекта преторианцев Марка Аррецина Клемента и его неизвестного сослуживца. Опасаясь раскрытия этих замыслов, Клемент — возможно, при поддержке одного из военачальников — вовлек часть возмущенных и перепуганных сенаторов в серьезный заговор. Их сообщником, избранным для осуществления плана, стал один из старших офицеров императорской гвардии Кассий Херея, которого Гай высмеивал за женоподобность. 24 января 41 г. в темном нижнем переходе дворца на Палатинском холме он с двумя единомышленниками напал на императора. Несколько германских солдат личной охраны Гая бросились на нападавших, но было слишком поздно. Впоследствии один солдат-преторианец заколол четвертую жену Гая, Цезонию, а другой размозил голову их дочери ударом о стену.

Концепция управления Империей Гая полностью отличалась от тщательно замаскированной автократии обоих его предшественников. Возможно, по примеру своих восточных друзей, особенно иудейского царя Ирода Агриппы, он не тер-



пел никаких уловок и желал править, не скрывая деспотичности, подобно властителям эллинского мира. Многочисленные монеты, отчеканенные в период его царствования, были посвящены его сестрам Агриппине Младшей, Юлии Друзилле и Юлии Ливилле, изображения которых сопровождалось атрибутами божеств, подобно причисленным к лику богов царцам Птолемеев. Первую и последнюю из этого списка впоследствии развенчали, а Юлию Друзиллу, которую Гай особенно любил, после смерти в 38 г. в установленном порядке официально объявили римской богиней. Она стала первой римлянкой, удостоившейся такой чести.

Когда Гай похвалялся своей сдержанностью, это должно было удивлять его слушателей, видевших его импульсивность и знавших горячность его нрава. На самом деле на уме у него была твердая решимость снести псевдо-республиканский фасад Империи. В эффектных представлениях, призванных продемонстрировать величие новой концепции устройства государства, Гай использовал составленный из кораблей мост (длиной две-три мили) через Неаполитанский залив, в чем содержался намек на равенство его Нептуну, которому была покорна водная стихия. В Риме он еще при жизни почти добился признания себя божеством, хотя в чеканке монет это не нашло отражения.

Та же проблема, связанная с обожествлением императоров, породила серьезный кризис на Востоке, среди евреев. В 38 г. в Александрии члены многочисленной еврейской общины оказались вовлеченными в широкую ожесточенную борьбу с греческим большинством города, отвергавшим желание евреев стать равноправными гражданами. Этот конфликт привел к первому известному в истории погрому, в ходе которого отряды язычников, сея смерть, врываются в синагоги с целью уничтожить там статуи императора. В 40 г. обе стороны направили в Рим делегации, чтобы отстаивать свои интересы перед лицом Гая. Возглавлявший иудейскую миссию Филон оставил подробное описание этого события. Евреи старались объяснить императору, что хотя религиозные убеждения не позволяют им совершать жертвоприношения, они всегда рады делать пожертвования в его казну, что постоянно делали и прежде. В ответ Гай заметил, что недостаточное признание его божественности кажется ему не большим преступлением, чем лунатизм. Но вскоре в столицу пришли известия о беспорядках в самой Иудее, в городе Яффа со смешанным греко-еврей-

ским населением. Евреи разрушили алтарь, воздвигнутый греками в честь императора, и это побудило Гая издать указ, в соответствии с которым все храмы этой страны надлежало обратить в святилища культа богов Империи. Публию Петронию, наместнику Сирии, было направлено распоряжение изваять статую Гая в облики Юпитера (Зевса) и установить ее в Иерусалимском храме. Понимая, что это всколыхнет недовольство населения и вызовет массовые выступления, Петроний начал стягивать легионы для осуществления приказа императора. Тем временем Юлий Агриппа все-таки убедил Гая отменить приказ, а вскоре императора убили.

По утверждению биографа Светония, Гай был очень высоким и крайне бледным человеком с некрасивым телом, тонкой шеей и тощими ногами. У него были впалые глаза и виски, широкий мрачный лоб, редкие волосы не покрывали макушку, хотя все тело было густо покрыто волосами. Говорили, из-за своей плешивости и волосатости он объявил, что посчитает оскорблением, заслуживающим смертную казнь, если кто-то с усмешкой посмотрит на него на улице или в каком-либо контексте употребит в его присутствии слово «козел». Более того, он старался сделать свою от природы непривлекательную внешность еще более отталкивающей, отрабатывая перед зеркалом ужасные гримасы. Он страстно любил цирк и театр (с особым удовольствием наблюдая сцены буйного разгула), ради которых пренебрегал государственными делами, что наносило им огромный ущерб. Слухи о его сексуальной жизни приписывали ему пугающее разнообразие привычек, включая садизм, гомосексуализм и кровосмесительные отношения с сестрами. Светоний сделал вывод о физических и психических недугах императора. Он отмечал, что император сильно страдал от бессонницы, периодически терял контроль над движением конечностей и мыслями, и что душа его разрывалась между внешним пристрастием к шумным толпам и скрытым стремлением к полному одиночеству. Его мог внезапно охватить приступ безудержного гнева. Филон считал, что эти недуги возникли после тяжелой болезни, которую он перенес в самом начале своего царствования, и развились вследствие чрезмерных излишеств и злоупотреблений. Его характеризовали как эпилептика, шизофреника и хронического алкоголика, а окончательно его организм был разрушен безмерным сладострастием, которым его дарила последняя жена Цезония. Однако нет никаких доказательств, неопровержимо подтверждающих какой-либо из этих диагнозов.

Несмотря на неуравновешенный характер, Гай на самом деле обладал замечательными талантами. Его неистовая энергия не была подкреплена старанием или упорством, но, например, его ораторские способности оказались поистине впечатляющими. Многочисленные эпиграммы Калигулы свидетельствовали о едком и скептическом реализме и ясном разуме, а его литературная критика приводила в смущение: Гомер, Вергилий и Ливий стали жертвами его язвительного языка. Поэтому философ Сенека Младший, охарактеризованный Гаем как «не более, чем песок бесплодный», после смерти императора отплатил ему, изобразив его в самом худшем свете.

## КЛАВДИЙ 41—54 гг.

Клавдий (Тиберий Клавдий Нерон Германик) (41—54 гг.) родился в 10 г. до н.э. в Лугдуне. Он был младшим сыном Нерона Друза (брата императора Тиберия) и Антонии Младшей (дочери триумвира Марка Антония и Октавии). Слабый здоровьем, неуравновешенный, что казалось плодом недоразвитого ума, он во времена Августа не добился общественного признания и не получил государственной должности при Тиберии. Его племянник, Гай, став императором, в 37 г. провозгласил его своим соконсулом, но не испытывал к нему ни малейшего уважения.

Узнав об убийстве Гая, Клавдий сбежал в дворцовые покои и спрятался за занавеской балкона. Там его обнаружил стражник-преторианец и препроводил в лагерь императорской гвардии, где его приветствовали как императора (очевидно, по наущению старших офицеров гвардии, один из которых был причастен к убийству Гая). А сенаторы все еще совещались по поводу дальнейших своих шагов; в ходе дискуссии даже прозвучало неосуществимое предложение восстановить республику. В конце концов, сенату пришлось присоединиться к инициативе преторианцев и наделить Клавдия всей полнотой императорской власти. Он так и не простил сенаторам их первоначальные колебания, а они со своей стороны не могли забыть, что он фактически лишил их возможности принять независимое решение. Это был первый из многих случаев, когда пренебрегли их правом назначить нового владельца трона.

Клавдий стал первым императором, щедро одарившим

преторианцев за провозглашение его преемником, создав на будущее зловещий прецедент. Более того, проявив невероятную даже для его последователей откровенность, он выпустил золотые и серебряные монеты, определенно заявив, что делает это в честь солдат-преторианцев и их офицеров, которым он обязан престолом. Выпуск первых монет был посвящен клятве в верности, данной ему солдатом («Принятие присяги преторианцев»), а выпуск вторых — его первому появлению в их лагере («Встреча императора»). И все-таки, как и два его предшественника, Клавдий не решился уподобить себя Августу и сделать титул «император» неотъемлемой первой частью своего имени. Несмотря на полное отсутствие у Клавдия опыта в военных делах, армия с готовностью приветствовала его, поскольку он приходился братом всеми любимому Германику (умершему в 19 г. н.э.), имя которого он прибавил к своему.

Благоприятную атмосферу начала царствования нарушил мятеж наместника Верхнего Иллирика (Далмация), Марка Фурия Камилла Скрибониана. Хотя мятеж был быстро подавлен, его инициаторы поддерживали тесные связи с влиятельными знатными гражданами столицы. Напуганный этим, Клавдий принял жесткие меры безопасности, которыми отчасти объясняются провалы не менее шести заговоров, организованных в течение следующих двенадцати лет его правления. Пресечение этих заговоров, согласно дошедшим до нас сведениям, стоило жизни тридцати пяти сенаторам и двумстам — тремстам представителям сословия всадников. Поэтому вряд ли удивительно, что показное уважение императора к сенату не производило на его членов большого впечатления. Напротив, часто высказываемое им желание видеть сенат независимым и влиятельным попросту пропускали мимо ушей, поскольку он контролировал настроения в сенате более жестко, чем кто-либо из его предшественников, а в августе 47 г. восстановил цензорскую службу и лично возглавил ее.

Чтобы отвлечь внимание общественности от неприятных последствий восстания Скрибониана, Клавдий решил воплотить в жизнь не осуществленную Гаем идею покорения Британии. В период с 43 по 47 г. Южная и Центральная Англия были завоеваны римскими войсками под командованием Авла Плавтия и стали римской провинцией Британникой с границей вдоль Фоссской дороги, протянувшейся от Линда почти до Иски Думнониора. Клавдий лично прибыл в Британию для завершающего штурма Камулодуна — столицы разгромленных

белгов. Кроме того, он покорил два королевства — клиента во Фракии, и преобразовал их в новую провинцию. Захваченные территории стали значительным источником для дополнительного набора войск, состоянию которых Клавдий уделял много внимания. К его времени относятся обнаруженные бронзовые «дипломы», свидетельствующие о присвоении римского гражданства добровольцам, демобилизованным после двадцати пяти лет службы; их женам и сыновьям были дарованы такие же права. По-видимому, эту практику ввели предшественники Клавдия, но именно он официально превратил ее в систему. Клавдий также значительно усовершенствовал структуру офицерской карьеры, ввел новые почетные знаки отличия для сословия всадников. Еще одним его достижением стала реорганизация имперского флота. В Италии базу военного флота в Путеолах дополнил огромный новый порт (Порт Августа) в Остии. Кроме того, были предприняты шаги по созданию флотилий в гаванях Британии и Понта.

Клавдий отказался рассматривать Империю как исключительно итальянский институт, выразив намерение заполнить вакансии в сенате не только гражданами из Италии и романизированной Южной Галлии, но и из менее освоенных регионов Галлии. Сохранилась запись его обращения к сенату на эту тему. Предупреждая возражения по поводу революционных нововведений, он отмечал, что восприимчивость к преобразованиям всегда была свойственна постоянно развивающемуся Римскому государству и что предложенный им шаг является не отходом от традиций, а их логическим продолжением. «Вы спросите меня, разве сенатор-итальянец не предпочтительнее провинциала? — рассуждал он. — Думаю, провинциалы не должны быть исключены, поскольку могут обеспечить сенату большее влияние». Однако его речь, несмотря на широту изложенных в ней взглядов, оставляла в силе условие главенства Италии. Поэтому не произошло никаких сенсационных перемен, и число сенаторов-неитальянцев оставалось ничтожно малым на протяжении еще нескольких десятилетий. Тем не менее предложения императора подняли бурю негодования по отношению к иностранцам и вызвали много резких насмешек по поводу его пристрастия к иноземцам.

Отношение Клавдия к неитальянцам проявилось в эдикте, касающемся проблемы, вставшей перед ним в самом начале царствования. Речь идет об ожесточенном, кровопролитном и затянувшемся конфликте между греками и евреями Александ-

рии (см. Гай). Обе стороны направили к нему делегации сразу после его восхождения на трон. Ответом стало грозное и беспристрастное предупреждение:

«Что касается вопроса о виновниках беспорядков и вражды (если говорить откровенно — войны) против евреев, я не намерен учинять строгое расследование, поскольку, по моему мнению, вынесение обвинительного решения в отношении какой-либо из сторон возобновит конфликт. Я объявляю раз и навсегда, что если вы не прекратите эту разорительную вражду друг с другом, мне придется показать, каким может стать в праведном гневе великодушный *принцепс*».

Тем временем сам он вплотную занялся делами столицы. В частности, Клавдий уделял гораздо больше внимания своим судейским обязанностям, чем кто-либо из императоров до него. Одно из отличий римских властителей от нынешних руководителей правительств состоит в том, что первые должны были регулярно исполнять судейские функции, причем не только присутствовать на трибуналах, которыми ведал сенат, но и руководить своим императорским судом. Клавдий относился к своим обязанностям с великим усердием, уделяя особое внимание собственному суду. Этот суд рассматривал, например, дела об измене — эти дела предшественники Клавдия зачастую перепоручали суду сената. Словом, роль императорского суда существенно возросла. Негодование сенаторов по этому поводу несомненно способствовало появлению большого числа анекдотов, представлявших Клавдия-судью в обличии эксцентричного глупца. И все же очевидна польза проведения реформ в сфере юстиции, которые способствовали ускорению процедур, установлению недельного срока содержания под следствием и стремлению придерживаться прежде всего не буквы, а духа закона. Огромное усердие, с которым император исполнял свои обязанности, подтверждается девизом Клавдия, отчеканенным на монетах его царствования: «CONSTANTIA AVGVSTI» — настойчивость императора.

Он не мог одолеть все дела один; подстерегающие его, как и других обладателей царского пурпура, опасности заставляли искать верных друзей. Наиболее влиятельным из них (несмотря на недоверие к нему со стороны сенаторов) стал Луций Вителлий, отец будущего императора. Не будучи сыном сенатора — его отец был всадником из Луцерии — он оказался самым ловким и легко приспосабливающимся политиком своего времени и добился быстрого продвижения по служебной лестнице еще при Тиберии; он получил редчайшее назначение на

пост третьего консула при Клавдии, который сделал его также своим напарником в делах цензуры. Бремя забот императора требовало привлечения и других верных помощников, и Клавдий значительно расширил полномочия и круг обязанностей некоторых своих друзей-вольнотпущенников, по большей части людей ближневосточного происхождения. Сам он теперь в основном только определял общее направление, поэтому при таком режиме могли возникнуть три-четыре фигуры с исключительно сильным влиянием. Враждебно настроенные писатели, ненавидевшие этих восточных выскочек несенаторского происхождения, изображали императора безвольно подчинившимся их возмутительным прихотям. Однако до самых последних лет жизни, когда его контроль над событиями стал ослабевать, Клавдий сам принимал все жизненно важные решения. И все-таки близость вольнотпущенников к Клавдию давала им чрезвычайно благоприятную возможность приобрести покровительство и богатство.

Один из них — Полибий, министр *a studiis*, ведавший повышением по службе и назначением на соответствующие посты отмеченных императором людей, вследствие чего его приемная всегда была заполнена влиятельными гражданами. Каллисту, министру *a libellis*, поручалось разбирать прошения, присланные со всех концов Империи. Но наиболее влиятельным из этих государственных секретарей на раннем этапе царствования Клавдия был Нарцисс, *ab epistulis*, то есть министр переписки, который помогал императору вести его обширную переписку и знал все его тайны. Это он в 48 г. предпринял необходимые меры, когда разразился скандал. Дело касалось двадцатитрехлетней жены Клавдия, Валерии Мессалины (внучки сестры Августа Октавии), в длинном списке любовников которой очередным стал назначенный на следующий год консулом богатый и знатный Гай Силий (сын известного в Германии военачальника). Когда император уехал по делам в порт Остию, любовники попытались совершить переворот, по-видимому, вознамерившись посадить на трон семилетнего сына императора, Британника, чтобы самим получить регентство. Клавдий был совершенно обескуражен и растерялся от неожиданности — он впервые утратил контроль над ситуацией. Нарцисс же действовал решительно, арестовав и казнив Силия и заставив Мессалину покончить жизнь самоубийством.

Парадоксально, но энергичное вмешательство Нарцисса ускорило его собственное падение, так как приходившаяся

императору племянницей четвертая жена Клавдия, Агриппина Младшая (Юлия Агриппина, дочь Германика и Агриппины Старшей), на которой Клавдий женился в 49 г., стала союзницей его соперника вольноотпущенника Палланта. Паллант был *a rationibus*, то есть министром финансов, сенат осыпал его почестями. Агриппина получила титул Августы — честь, которой при жизни не удостоивалась ни одна супруга царствующего императора. Теперь, когда Клавдий стал ее мужем, она захотела, чтобы ее двенадцатилетний сын от первого брака (впоследствии — император Нерон) сменил в качестве наследника престола родного сына Клавдия, Британника. Для этого она устроила обручение Нерона с дочерью Клавдия, Октавией, и через год император официально усыновил его.

Клавдий умер в октябре 54 г. на шестьдесят четвертом году жизни. Имеются противоречивые объяснения его смерти, но наиболее признанная версия предполагает, что его убила Агриппина, накормив мужа, вероятно, ядовитыми грибами. Действительно, в Италии отравление грибами не редкость. На первый взгляд не совсем понятно, зачем Агриппине понадобилось идти на такой шаг, если ее сын Нерон к тому времени официально стал наследником трона. Но ему уже исполнилось семнадцать лет, и, возможно, его матери не хотелось ждать, пока он станет достаточно взрослым, в результате чего она лишилась бы права на регентство.

Как сообщает нам биограф Светоний, Клавдий был исключительно гетеросексуален — редкий феномен среди римских правителей. Он был высок и хорошо сложен, имел выразительное лицо и прекрасные светлые волосы. Однако он заикался, страдал избыточным слюноотделением, сильным хроническим насморком, постоянным нервным тиком и часто ел и пил до отвала. Он плохо спал по ночам, а днем нередко дремал даже на заседаниях суда. Плиний Старший добавлял, что уголки его глаз, прикрытые нависающими тяжелыми веками, были испещрены мелкими жилками и иногда наливались кровью.

В детские годы он был источником огорчения своей бабушки, Антонии; она отзывалась о нем как об уродце, которого природа начала создавать, но не довела свою работу до конца. Позже Клавдия так мучили боли в животе, что он подумывал о самоубийстве, хотя в других отношениях его здоровье с возрастом улучшилось. Словом, с ним всерьез творилось что-то неладное. Его жалобы позднее историки объясняли разными хворями: полиомиелитом, внутриутробным энцефалитом,



множественными склерозами и врожденным церебральным параличом. Пожалуй, у него действительно была та или иная форма паралича, которая в ранние годы причиняла ему огромные страдания неприятными внешними проявлениями.

Что касается положительных черт и изъянов его характера, то трудно подвести им однозначный итог. Так, сенаторы яростно отстаивали традиции, а Клавдий, подобно Августу, которого очень чтил, старался совместить традиции с нововведениями. Его стремление придерживаться такого сочетания порождало ужасную смесь прогрессивных преобразований и заскорузлого педантизма. Разум Клавдия бурлил полезными идеями, но он не умел облечь их в четко определенную форму и легко поддавался подозрительности, апатии и страху, присущими его характеру. Однако что было самым замечательным в Клавдии, кроме своеобразной внешности и манер, так это высокий уровень эрудиции. Плиний Старший, чрезвычайно просвещенный человек, причислял его к сотне выдающихся ученых той эпохи. В юные годы Ливий увидел в нем будущего историка и посоветовал юноше посвятить себя написанию истории современного Рима; Клавдий создал двадцать книг об этрусках, восемь книг по истории Карфагена и еще восемь книг автобиографических мемуаров, к сожалению, все они утрачены. Он также написал исторический труд о романском алфавите, к которому добавил три буквы, хотя вскоре они были вновь упразднены.

Клавдий был женат четыре раза. Первая жена, Плавтия Ургуланилла, по-видимому, вдохновила его интерес к истории этрусков, поскольку сама была этрусской. После развода с ней он короткое время был женат на Элии Петине, прежде чем в 39 г. вступил в брак с четырнадцатилетней Валерией Мессалиной, а еще десять лет спустя женился на Агриппине Младшей, которой в то время было тридцать четыре года.

## НЕРОН 54—68 гг.

Нерон (54—68 гг.) родился в декабре 37 г. в Анции и изначально носил имя Луций Домиций Агенобарб. Его отец, Гней Домиций Агенобарб, принадлежал к чрезвычайно знатному и древнему роду, а матерью была Агриппина Младшая, дочь Гер-

маника и Агриппины Старшей. Когда ему исполнилось два года, его мать отправил в изгнание Гай Калигула, который унаследовал трон на следующий год после смерти отца мальчика.

При Клавдии Агриппина Младшая (племянница Клавдия) вернулась из изгнания и обеспечила своему сыну хорошее образование. После заключения ее брака с императором Клавдием в 49 г. наставником юноши стал знаменитый философ-стоик Луций Анней Сенека (Сенека Младший). Вскоре Нерон обручился с дочерью Клавдия, Октавией, и через четыре года женился на ней. В 50 г. Агриппина уговорила мужа усыновить Нерона, вследствие чего он перехватил право первенства у Британника, родного сына императора от брака с покойной Мессалиной. Теперь он принял имя Нерон Клавдий Друз Германик. После смерти императора Клавдия в октябре 54 г. претензии Британника были отклонены, и Агриппина, опираясь на поддержку префекта преторианцев Секста Афрания Бурра, сохранила трон для Нерона.

Поскольку ему еще не исполнилось семнадцати — он был моложе, чем любой из его предшественников при восшествии на престол, — императорская власть сначала перешла к Агриппине, сестре и жене двух предыдущих императоров и матери третьего. Этот беспрецедентный период женского правления отмечен выпуском монет, на которых были изображены обращенные друг к другу лица Нерона и Агриппины, причем ее профиль занимал доминирующее положение. Рассказывали, что она присутствовала на заседаниях императорского совета (*consilium principis*), укрывшись за занавеской. Агриппина использовала полученную власть для устранения возможных соперников сына, особенно Марка Юния Силана, который (как и Нерон) был праправнуком Августа.

Но ее владычество продолжалось очень короткое время: на монетах 55 г. чеканили лишь изображение ее сына, а ее имя и портрет с тех пор не появлялись. В начале того же года в столовой дворца умер Британник — убийство приписывается Нерону, хотя доказать это невозможно. Говорили, что с того дня Агриппина сникла, поскольку хотела сохранить младшего наследника на тот случай, если Нерон проявит строптивость. Все это остается предположением, известно, что она утратила прежнее влияние, когда молодой император переселил ее в отдельную резиденцию, тем самым положив конец пышным приемам на Палатине.

Теперь Империя вошла в период умелого управления под

руководством Сенеки и Бурра. Покойного Клавдия причислили к пантеону римских богов (со времени Августа он стал первым императором, удостоенным этой почести, что породило едкие шутки), а Нерон обещал взять за образец своего предка Августа. Он также польстил сенату и консулам, выразив веру в их способность осуществлять функции власти, как в древние времена. Правительство предприняло меры для наведения общественного порядка, для борьбы против фальшивомонетчиков и реформы методов формирования казны; наместники провинций и их правительства были освобождены от сбора с населения огромных денежных сумм на проведение гладиаторских представлений. Сам Нерон, повзрослев, серьезно занялся государственными делами, особенно своими судебскими обязанностями, при осуществлении которых внедрял полезные процедурные идеи.

Он также содействовал прогрессивной свободе выражения чувств. Так, например, он старался устранить незаконные поборы во всей Империи, убрать посты преторианской стражи из цирков и театров, запретить убийство гладиаторов и осуждал преступность, чинимую во время публичных зрелищ. Все эти идеи оказались нереалистичными. Первая вызвала значительное увеличение официальных сборов; вторая привела к тому, что шумные ссоры на аренах вскоре стали нестерпимыми, третья не получила общественной поддержки. Так или иначе, подобные планы, даже если они оставались лишь планами, доказывали, что, несмотря на вспышки ярости при возникновении угрозы его собственной жизни, Нерон, по сути, был гуманным человеком. Например, как и его учитель Сенека, он отличался неприятием убийства, в том числе смертной казни в качестве наказания. Так, император был очень раздосадован, когда городского префекта, Луция Педания Секунда, убил собственный раб последнего, и Нерону, следуя существовавшим законам, пришлось осудить на смерть четыре сотни его рабов, несмотря на мощное общественное выступление в их защиту.

Неудачи такого рода значительно умилили пыл, с которым Нерон прежде занимался административными делами, и привели к тому, что он все больше и больше посвящал себя развлечениям: скачкам, пению, театру, танцам, поэзии и сексуальным забавам (если верить сплетням) поистине безграничного разнообразия. Сенека и Бурр старались подать утехи императора так, чтобы они не вызвали скандалов; например, узнав

о его намерении вступить в брак с бывшей рабыней Актой, они предприняли меры, чтобы в обществе этот брак считали неофициальным. Агриппина же не смирилась с появлением во дворце другой женщины. Кроме того, она порицала антиримские пристрастия Нерона в искусстве, не говоря уже о его привычке облачаться в женоподобные греческие одеяния. В 59 г., услышав из уст матери злобные высказывания в свой адрес, Нерон организовал ее убийство на берегу Кумского (Неаполитанского) залива. Историк Тацит посвятил этому событию одно из величайших своих сочинений, в котором описывал, как развалился предоставленный ей корабль и как ей удалось доплыть до берега лишь для того, чтобы встретить свой конец на твердой земле. Повествование содержит элементы мелодрамы, их можно и опустить. Тем не менее соответствует истине тот факт, что Нерон убил собственную мать. Он заявил сенату, что Агриппина замышляла покушение на его жизнь и он был вынужден сделать это. Для потомков убийство матери Нероном осталось воплощением ужаса. Но в те времена сенаторы, ненавидевшие Агриппину за попрание законов и оскорбительную надменность, не сожалели по поводу ее кончины, да и отношение к этому событию населения и преторианцев не многим отличалось от мнения сенаторов, хоть она и была дочерью великого Германика. В 62 г. начался новый этап царствования: Сенека и Бурр ушли с политической сцены. Сначала Бурр умер от нарыва или опухоли горла. На посту префекта преторианцев его сменили напарники Фений Руф и гораздо более зловещий Гай Софоний Тигеллин, сицилиец, поощрявший безумства императора, ставший его злым гением. Сенека не мог ужиться с Тигеллином и своевольным императором, поэтому он ушел в отставку, сколотив к тому времени огромное состояние. Вскоре после этого Нерон стал демонстрировать свою неограниченную власть частой сменой жен. Он развелся с Октавией, которая, несмотря на ее безобидность, была изгнана и убита в 62 г. Ее место заняла Пoppея Сабина (жена или любовница его друга Отона), прекрасная молодая женщина с янтарными волосами, по слухам, она купалась в молоке ослиц.

Но Тигеллин, потворствовавший всем этим событиям, невозможно, недооценил недовольство сенаторов действиями Нерона в различных сферах, особенно — в искусстве. Поначалу император ограничивал свои появления на сцене частным театром, но в 64 г. вышел за эти рамки и устроил себе дебют перед публикой Неаполя. Там, к удовольствию страстного элли-

нофила Нерона, его зрителями были греки. А на следующий год он провел в столице вторые Игры Нерона, организованные по греческому образцу, и впервые выступил перед римскими зрителями. Тацит дает живописное и язвительное описание этого действия, а также проведенных впоследствии Юношеских Игр, сопровождавшихся всеми мыслимыми формами разнузданной безнравственности, в которых Нерон принимал непосредственное участие, появляясь повсюду в сопровождении клакеров (восхвалителей) из числа всадников-августинцев. Он также писал стихи, используя — если верить историку — подсказки своей пьяной компании. Светоний отзывается о нем не столь нелестно и цитирует дневники очевидцев, утверждавших, что в действительности Нерон писал стихи самостоятельно. Кроме того, он проявлял интерес знатока к живописи и скульптуре.

Однако эти «отклонения» (так воспринимали происходящее сенаторы) в целом не поколебали ни мир, ни процветание, ни правительство Империи. Лишь в дальних уголках происходили отдельные приграничные стычки. В Британии расширение римских владений обозначилось падением друидской крепости Мона, захваченной Гаем Светонием Павлином, но этот успех был омрачен восстанием иценов в восточной части Британии. Мятеж спровоцировали поборы римлян и нежелание британцев оплачивать разорительно дорогостоящие запросы Сенеки. В 60 г. женщина-вождь племени, Боудикка, изгнала римских колонистов из Камулодуна, Лондиния и Веруламия, предав мечу семьдесят тысяч римлян и их союзников, прежде чем удалось нанести ей решающее поражение при Атерстоне. В то же время на противоположном краю Империи величайший полководец того времени, Гней Домиций Корбулон получил приказ отобрать у парфян Армению. Он почти выполнил эту задачу, когда в 62 г. в Восточной Турции близ Элазига потерпел серьезное поражение его коллега Цезенний Пэт. На следующий год, однако, Корбулон восстановил военное превосходство Рима и заключил с парфянами соглашение, согласно которому их протее на армянском троне, Тиридат I принял покровительство Империи. В 66 г. Тиридат посетил Рим в качестве гостя Нерона, приглашенного на грандиозные празднества.

В те годы монетные дворы в столице и Лугдуне (в Галлии) выпускали самые красивые из всех отчеканенных в римском мире медные и бронзовые монеты. Крупные причудливые

изображения императора на этих монетах являют собой интригующее соединение вычурности и реализма, а широкий спектр рисунков и надписей оборотной стороны монет позволяет судить о благодеяниях, которыми Нерон предполагал осыпать римлян и народы Империи. Вдобавок некоторые из выпущенных денежных знаков были посвящены увлечению императора театром и лошадьми — пристрастия, которые традиционно сопровождались изображениями играющего на лире Аполлона и кавалерийских маневров.

Однако ситуация в Риме ухудшилась. Трагическим событием стал великий пожар 64 г., лишивший крова многие семьи и вызвавший открытое недовольство. Известное сочинение Тацита гласит, что Нерон пытался возложить вину за пожар на маленькую христианскую общину (ее сочли еврейской сектой), многих членов которой сожгли заживо; к событиям того периода принято относить мученичество святого Петра и святого Павла. Упорно ходили слухи, что правитель не только нараспев читал свою поэму «Крушение Трои», наслаждаясь огненным зрелищем, но и сам организовал поджог, чтобы использовать освободившиеся земли для возведения своего Золотого Дворца.

В предшествующие годы Нерон построил для себя поражающий воображение дворец. А вскоре это сооружение, получившее название *Domus Transitoria*, стало всего лишь прихожей нового, гораздо более просторного Золотого дворца, который вместе с садами раскинулся на значительной части территории Рима, прежде плотно заселенной горожанами. Никогда ни до, ни после этого ни один европейский монарх не занимал под личную резиденцию столь огромное пространство в самом сердце своей столицы. Созданный архитекторами Севером и Целером, Золотой дворец представлял собой собрание отдельных изящных павильонов и просторных площадей, позволявших созерцать очаровательно составленный ландшафт с большим искусственным озером, куда запустили множество видов рыб и животных. Теперь трудно составить описание главного здания на Эсквилинском холме, поскольку впоследствии его перестраивали, а ныне он находится глубоко под землей. Следует отметить, что его увенчанный куполом восьмиугольный зал, в который свет попадал через круглый проем в центре, являл собой древнейший пример кирпичной постройки, возведенной с использованием цемента. Здание было оборудовано всеми видами тогдашних технических новшеств:

это и бани с серной и минеральной водой, и крупнейший в мире гидравлический орган, и движущиеся панели, посыпавшие обедающих цветами и источавшие благовония, и механически вращающийся купол главного трапезного зала, венчавший здание и воспроизводивший движение небесных светил. Когда строительство Золотого дворца завершилось, император воскликнул: «Замечательно, наконец-то я смогу жить по-человечески!»

Тем временем его отношения с сенаторским сословием резко ухудшились. Одним из первых шагов Тигеллина стало возобновление ненавистного закона об измене и уничтожение подозреваемых в оппозиции императору. В 65 г. произошло событие, которое рассматривали как серьезный заговор, известный под названием Пизонского. Его вдохновителем и руководителем, согласно одному из мнений, был некто Гай Кальпурний Пизон — красивый, но недалекий знатный римлянин. По другой версии, предводителями считали Фения Руфа — старшего префекта преторианцев, возмущенного тем, что его влияние подорвано Тигеллином, и удалившегося в отставку Сенеку. Мы уже не узнаем, что произошло в действительности; итогом же заговора стали девятнадцать казней и самоубийств и тринадцать изгнаний. Пизон, Фений и Сенека были в числе умерщвленных; то же случилось и с племянником Сенеки Луканом, близким другом Нерона; еще одной жертвой была дочь покойного императора Клавдия.

В дальнейшем правительство продолжало карать подозреваемых. Строгий философ Тразея Пэт стал одним из них. Знаменитый полководец Корбулон и командующие Нижней и Верхней Германий также встретили свою смерть. Их уничтожили по личному приказу Нерона. Сам император отправился в Грецию, дабы блистать там своими артистическими талантами, побеждать на Играх (его объявили победителем в скачках олимпийцев, хотя он вывалился из колесницы), пополнять коллекцию произведений искусства, устроить торжественное открытие Коринфского канала (так и не достроенного) и провозгласить «освобождение» дорогих его сердцу эллинов. В Риме же на фоне продолжавшихся преследований нехватка продовольствия вызвала серьезные трудности и ситуация настолько обострилась, что вольноотпущенник Гелий, которого Нерон назначил главой города, вынужден был отправиться морем в Грецию, чтобы упросить императора немедленно вернуться.

Действительно, в январе 68 г. Нерон устроил театрализованное возвращение в столицу. Но в марте наместник Центральной Галлии, Гай Юлий Виндекс, поднял против него восстание; для той же цели в Испании употребил весь свой авторитет Гальба; Луций Клодий Макр возглавил мятеж на севере Африки. Даже рейнские легионы, хотя и разгромили Виндекса в битве при Визонтионе, вышли из повиновения Нерону. Император мог бы преодолеть кризис, если бы действовал с достаточной решимостью. Но Нерон, казалось, был способен только мечтать о фантастических актах возмездия или чудесном изменении в настроении взбунтовавшихся войск под воздействием его драматичных стенаний. Тигеллин серьезно заболел и потому бессилён был помочь, а тогдашний префект преторианцев, Нимфидий Сабин, внушил своим подчинённым намерение изменить присяге. 9 июня Нерон узнал, что сенат тоже выступил против него и вынес ему смертный приговор, и решил покончить с собой: секретарь пронзил Нерону горло кинжалом. Его последними словами были «Qualis artifex pereo!» — «Какой великий артист погибает!»

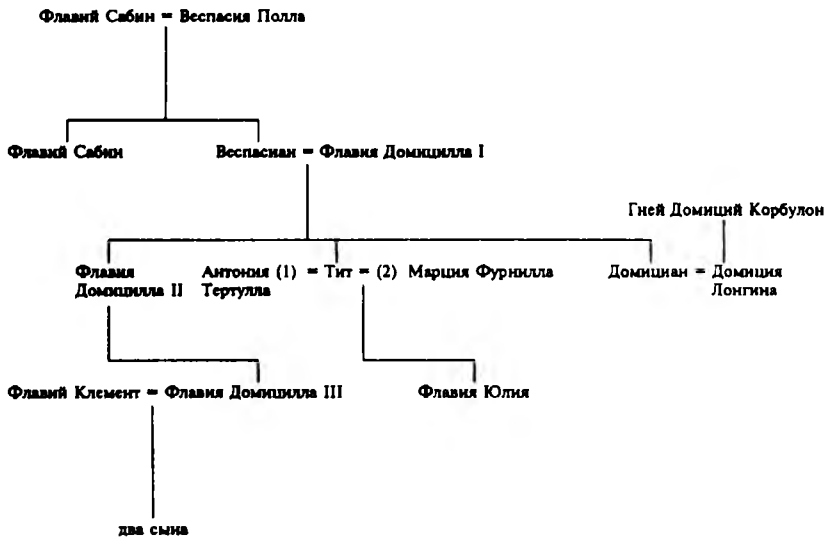
Светоний так описывает его внешность и манеры:

«Росту он был приблизительно среднего, тело — в пятнах и с дурным запахом, волосы рыжеватые, лицо скорее красивое, чем приятное, глаза серые и слегка близорукие, шея толстая, живот выпирающий, ноги очень тонкие. Здоровьем он пользовался отличным: несмотря на безмерные излишества, за четырнадцать лет болел только три раза, да и то не отказывался ни от вина ни от прочих своих привычек. Вид и одевания его были совершенно непристойны: волосы он всегда завивал рядами, а во время греческой поездки даже отпуская их на затылке, одевался он в застольное шелковое платье, шею повязывал платком и так выходил к народу, распоясанный и необутый.



Часть вторая  
ГОД  
ЧЕТЫРЕХ ИМПЕРАТОРОВ  
И ДИНАСТИЯ ФЛАВИЕВ





Гальба (Сервий Сульпиций) (июнь 68 — январь 69 г.) родился в 3 г. до н.э. и был сыном патриция Гая Сульпиция Гальбы и Муммии Ахайки, которая тоже происходила из знатной семьи. Император Август, Ливия Друзилла, императоры Тиберий, Гай и Клавдий — все они высоко ценили таланты Гальбы, и он стал сначала наместником Аквитании, в 33 г. — консулом и главнокомандующим в Нижней Германии, в 45 г. — проконсулом Африки и, наконец, наместником Тарраконской Испании.

Гай Юлий Виндекс, занимавший тот же пост в Центральной Галлии и восставший против Нерона в 68 г., не посягал на императорский трон, ибо понимал, что не обладает достаточным авторитетом. Он предлагал преимущество Гальбе. Гальба колебался, но когда наместник Аквитании призвал его объединиться против Виндекса, пришлось принимать решение. В результате 2 апреля 68 г. в Новом Карфагене Гальба объявил себя представителем сената и народа Рима, что не было притязанием на трон, но в сущности означало его союз с Виндексом. Он объединился с Отоном, наместником Лузитании, но Отон не имел и легиона, а у самого Гальбы был только один (по-видимому, командовал этим легионом его военный советник Тит Виний), и ему пришлось дополнительно набирать войска из испанцев.

В конце мая, однако, Виндекс потерпел поражение в битве при Визонтионе от военачальника Верхней Германии, Луция Вергиния Руфа, и покончил с собой, тогда как Гальба в отчаянии отошел в глубь Испании. Но приблизительно через две недели он узнал, что Нерон умер, а его самого сенат, многие члены которого поддерживали с ним тайную связь, объявил императором. Шаг сената получил поддержку преторианцев; префект преторианцев, Нимфидий Сабин, обещал своим соратникам щедрое вознаграждение при условии отказа от присяги Нерону.

С пополненным легионом Гальба двинулся на север в Гал-

лию, и в первых днях июля в Нарбон прибыли делегации от сената и преторианской стражи. Осенью Гальба избавился от Клодия Макра, претендующего на трон и продолжавшего упорствовать в своем неповиновении в Северной Африке (Гальба подговорил местного прокуратора убить соперника).

В столице, однако, уже возникли серьезные трудности. Гальба, хотя и был очень богатым человеком, не любил сорить деньгами и счел чрезмерным размер вознаграждения, обещанного преторианцам Нимфидием. Поэтому до своего прибытия в Рим он сменил префекта, назначив на этот пост своего близкого друга, Корнелия Лакона; попытка неповиновения привела Нимфидия к гибели. Гальба также сменил всех высших офицеров преторианской стражи своими протеже и отказался выплатить обещанные от его имени премии, заметив: «Я солдат набираю, а не покупаю». Результатом стали беспорядки среди преторианцев. Более того, на подходе к Риму легион Гальбы несколько раз вступал в стычки с отдельными отрядами морских пехотинцев, впоследствии распущенных, и преторианцев. Гальба предпринял еще одну попытку сокращения финансовых расходов, что не прибавило ему симпатий римлян. Учреждение комиссии по возвращению умопомрачительных подарков Нерона оттолкнуло многих влиятельных людей, оказавшихся в числе бенефициариев.

Мало того, вскоре против Гальбы выступили легионеры из германских гарнизонов. Если один испанский легион смог посадить императора на трон, решили они, то семь германских наверняка добьются этого с большей легкостью, вместе с выплатой таких же крупных вознаграждений, какие Нимфидий обещал преторианцам. Поэтому когда 1 января 69 г. новый командующий Верхней Германией, Гордеоний Флакк, потребовал присяги на верность Гальбе, два легиона из Могунциака отказались подчиниться и отвергли его полномочия, поклявшись в верности сенату и народу Рима, и объявили, что сами назначат нового императора. На следующий день войска Нижней Германии тоже восстали и провозгласили обладателем царского пурпура своего командира Вителлия.

По-видимому, Гальба недооценивал происшедшее (хотя знал о событиях в Могунциаке), когда решил объявить о назначении преемника путем усыновления, чтобы создать привычную картину продолжения династии. Его выбор пал на Луция Кальпурния Пизона Лициниана, молодого человека безупречного происхождения и характера. Однако этот шаг Галь-

бы так сильно расстроил его ближайшего сторонника Отона (он сам надеялся быть усыновленным), что последний сразу организовал заговор среди преторианцев. И уже 15 января эти солдаты — не посвящая в свои планы префекта Лакона — убили Гальбу и Пизона в римском Форуме и принесли их отрубленные головы Отону в преторианский лагерь.

Из всех этих событий и сохранившихся комментариев (в которых, кстати, описания внешности императора соответствуют строгим чертам отчеканенного на монетах портрета) создается впечатление, что Гальба не оказался умелым императором. «По общему мнению, — пишет Тацит, — «у него были задатки правителя, но правителем он так и не стал». Его прижимистая финансовая политика, хотя и похвальная после всех безумств Нерона, проводилась в жизнь с отталкивающей бестактностью. Его подбор советников — Лакон, Виний и вольноотпущенник Икел — оказался неудачным, а выбор преемника стал поистине пагубным. К тому же, вознамерившись назначить преемника не из своего рода, Гальба наметил новый принцип — принцип передачи трона в соответствии со способностями (впрочем, само его возвышение стало первым отступлением от Принципата, поскольку он не принадлежал к числу выходцев из дома Юлиев и Клавдиев). Он был также первым императором, опорой которому послужило оружие легионеров. С этого времени Рим стал призом, его мог сорвать каждый полководец. Более того, смерть Гальбы по-новому высветила зловещую роль преторианцев. Преторианские офицеры убили Гая; болезнь и отход от дел одного из преторианских префектов стоили жизни Нерону; Гальба же стал первым императором (и отнюдь не последним), который пал от руки рядового, стражника-простолюдина.

## ОТОН

69 г.

Отон (Марк Сальвий) (январь-апрель 69 г.) родился в 32 г. в семье, удостоенной перевода из сословия всадников в сенаторский ранг при императоре Августе; его отец получил от Клавдия статус патриция. В юности, проведенной в светских развлечениях, Отон стал мужем (или любовником) прекрасной Поппеи Сабины, но в 58 г. она привлекла внимание Нерона (впоследствии он женился на ней), отправившего Отона наместником в Лузитанию.<sup>158-159</sup>

Десять лет спустя, когда Гальба объявил себя противником Нерона, Отон стал первым и влиятельнейшим его сторонником. Впоследствии, после признания Гальбы императором, Отон сопровождал его во время похода в Рим и сумел завоевать симпатии в войсках, выражая сочувствие легионерам, не получившим вознаграждение за тяготы перехода (причиной таких его поступков было стремление заручиться их поддержкой, чтобы обеспечить себе шансы на наследование трона). В Риме, преследуя те же цели, он проявлял всю щедрость, какую только мог себе позволить.

Задетый за живое провозглашением Пизона Лициниана наследником Гальбы, он организовал широкий заговор против императора среди преторианцев. 15 января 69 г. его восторженно приветствовали солдаты преторианского лагеря (хотя офицеры поначалу колебались) и дали ему клятву верности. Гальба и Пизон были убиты в Форуме, а их головы преподнесли Отону. Сенат, несмотря на то, что в Германии легионы провозгласили императором Вителлия, принял сторону Отона.

Оба претендента на трон являли особый прецедент, ибо происходили из новой аристократии, сложившейся из выходцев из сословия всадников, отличившихся на государственной службе Империи. Но Отон имел чрезвычайно слабые связи с армией, не говоря уже о зависимости от поддерживавших его преторианцев. Говорили, будто он не предполагал, что Вителлий всерьез будет оспаривать его право на трон, и отталкивался от идеи цивилизованного разрешения спора (один из выпусков монет он посвятил всеобщему перемирию — PAX ORBIS TERRARVM). Тем не менее война стала неизбежной, когда военачальники Валент и Цецина двинулись на Италию, перешли через Альпы и объединили свои силы в Кремоне. Отон немногого добился морской экспедицией в Южную Галлию. Однако его поддержали легионы из областей Данувия и Евфрата, и он призвал приданувинские войска немедленно выступить для оказания помощи. Такой переход легионов не был простым и не быстрым делом, поэтому военачальники императора Вестриций Спуринна и Анний Галл двинулись навстречу противнику и остановили авангард Вителлия на реке По.

Кроме того, Отон вызвал из отставки Вергиния Руфа и назначил ему второе консульство в надежде, что авторитет Руфа укрепит доверие к нему самому. Но, с другой стороны, ему пришлось подавлять беспорядки среди преторианцев, вызванные непопулярностью префекта Лакона; рекрутирование двух

тысяч гладиаторов также стало непривлекательным эпизодом. Помимо прочего, Отон поступил неразумно, не назначив командующего своими войсками, выступившими в поход, хотя отсутствие в их рядах представителей высшего военного руководства, казалось, делало такой шаг необходимым. Вместо этого 14 марта он сам отправился на север и, решив опровергнуть репутацию неженки, небритый шел пешком впереди своих стягов. Когда он присоединился к войскам Валента и Цецины, данувийские армии были уже недалеко. После неудач в мелких стычках противник получил подкрепление и приобрел численный перевес, который еще более возрос после того, как Отон отвел часть сил к своей ставке в Брикселе (южнее По).

Хотя лучшие военачальники императора — Гай Светоний Павлин, Анний Галл и Марк Цельс — были против, сам Отон, его брат, Луций Сальвий Отон Тициан, и префект преторианцев, Лициний Прокул, определили, что решающее сражение должно состояться немедленно — прежде чем их войска расслабятся от бездействия или приедет Вителлий. Возможно, главной причиной такого решения был характер Отона, ибо он не выносил неопределенности ожидания. Решающая битва произошла немного восточнее Кремоны — иногда ее называют Первой Бедриакской битвой. Она привела к неожиданному результату: войска Вителлия нанесли полководцам Отона удар с фланга и разгромили их. Когда известия о поражении достигли ставки, советники Отона стали убеждать его продолжить борьбу, и этот призыв был поддержан посланцами данувийской армии, которые сообщили, что их передовые части уже находятся в Аквилее. Но Отон пренебрег советами и 16 апреля покончил с собой.

Историк Тацит невысоко оценивал как Отона, так и Вителлия, поскольку осуждал гражданские войны и в целом не считал стоящими ведущих такие войны деятелей. Что касается Отона, он правил столь короткое время, что трудно вынести суждение о его качествах правителя. Он, очевидно, обладал определенными задатками администратора. В его военных действиях имелись промахи, что вполне простительно в столь сложной ситуации. Когда Отон заявил о своем намерении стать достойным преемником Нерона, эта позиция, хоть и очень популярная в народе, ничуть не обнадеживала влиятельные круги. К тому же он неизбежно оказывался в сильной зависимости от преторианцев, которые возвели его на трон. Еще одна нелестная особенность состояла в том, что он стал первым императором, заранее одобренным, а фактически — под-

готовившим убийство своего предшественника. Самоубийство Отона, которое было преждевременным и подставило под удар его соратников, можно истолковать (как и его опрометчивое решение вступить в бой с противником) как проявление недостаточной выдержки. С другой стороны, самоубийство можно трактовать и как похвальный акт самопожертвования, предпринятый с целью положить конец ужасам войны.

Отон, согласно Светонию, «был невысокого роста, с некрасивыми и кривыми ногами, ухаживал за собою почти как женщина, волосы на теле выщипывал, жидкую прическу прикрывал накладными волосами, прилаженными и пригнанными так, что никто о том не догадывался, а лицо свое каждый день, с самого первого пушка, брил и растирал моченым хлебом, чтобы не росла борода».

## ВИТЕЛЛИЙ

69 г.

Вителлий (Авл) (апрель-декабрь 69 г.) родился в 15 г. Его отцом был главный советник Клавдия, Луций Вителлий, трижды бывший консулом, напарник императора по цензуре. Авл стал консулом в 48 г. и проконсулом Африки в 61—62 гг. Гальба назначил его командующим в Нижней Германии, где в войсках уже зрело восстание, когда он приехал принимать командование в ноябре 68 г. 2 января 69 г., узнав, что солдаты Верхней Германии отказались присягнуть Гальбе, подчиненные Вителлия, убежденные речами командира легиона Валента и его коллег, салютовали ему как императору. Выпущенные им монеты именовали его теперь Германиком — не потому что одержал победы над германцами, а потому, что был возведен на трон легионерами Германии, представлявшими собой главную военную силу в Империи.

Вскоре эта армия двинулась на Рим, но возглавлял ее не Вителлий, оставшийся для набора пополнения и выступивший позже, а Валент и военачальник Авл Цецина Алиен — каждый вел отдельную походную колонну. Цецина преодолел сто пятьдесят миль, когда пришло известие, что Гальба убит, а Отон занял его место. Но это не остановило движения войск; напротив, он ускорил марш вдоль восточных границ Галлии, тогда как Валент шел западнее и по дороге подавлял мятежи. В марте обе армии успешно преодолели Альпы до таяния сне-



гов и соединились в Кремоне, немного севернее По. Недалеко от этого города в Первой Бедриакской битве они бросили подоспевших союзников-батавов в атаку на вражеский фланг, обратив его в бегство. Отон покончил с собой 16 апреля, а тремя днями позже солдаты в столице перешли на сторону Вителлия. Вслед за ними сенат объявил его императором.

Сам Вителлий, продвигаясь на юг, сделал остановку в Лугдуне, чтобы представить легионам своего шестилетнего сына, названного в честь отца Германиком, в качестве наследника, выказав тем самым намерение основать вторую династию римских императоров. Его марш на Рим, как пишет историк Тацит, относившийся к нему с неприязнью, напоминал процессию завоевателя и был отмечен рядом неприятных инцидентов. Еще по пути в Рим Вителлий направил Валенту предписание распустить преторианскую стражу, которая служила опорой Отона, и заменить ее более многочисленным отрядом, сформированным из его легионеров и рекрутированных союзников. Приехав в столицу в июле, Вителлий назначил новых старших преторианских префектов: одного — из числа подчиненных Цецины, другого — из сторонников Валента (в отношениях между военачальниками бывали изрядные трения).

Однако 1 июля восточные армии заявили о том, что поддерживают не Вителлия, а наместника Иудеи, Веспасиана, и Муциан, наместник Сирии, от его имени возглавил поход на Рим. В августе дунайские легионы, прежде поддерживавшие Отона, перешли на сторону Веспасиана, а один из командиров этих легионов, Антоний Прим, совершил стремительный бросок в Италию через летние Альпы. Валент был болен, и Цецина, ставший консулом, втайне договорился с префектом равеннской флотилии предать Вителлия и перейти к Веспасиану. Однако его войска в Гостилии отказались последовать за ним и арестовали его, после чего присоединились к армиям Вителлия, пытавшимся удержаться на рубеже реки По и Кремоны.

В октябре недалеко от этого города оба войска сошлись в решающем сражении, известном как Вторая Бедриакская битва. Поскольку сам Вителлий остался в Риме, его войска вступили в бой без высшего командования, что стало серьезным деморализующим фактором. Отчаянно упорное сражение продолжалось до глубокой ночи, и тогда яркий свет луны, поднявшейся за плечами солдат Прима, не сделал сторонников Вителлия легкой добычей; ряды последних были смяты, и они потерпели полное поражение. Кремону победители подвергли жестокому

разграблению. Мизенская флотилия предала Вителлия; на Рейне Цивилис возглавил мятеж батавских солдат, который охватил также галльские области и перерос в галльско-германское восстание. Попытка выздоровевшего Валентина набрать армию в Галлии не увенчалась успехом; Прим после капитуляции войск Вителлия в Нарнии сразу же двинулся в столицу.

Римский городской префект Сабин, брат Веспасиана, едва не убедил Вителлия сложить с себя полномочия, чего не делал еще ни один римский император. Но оставшиеся в Риме войска выразили поддержку императору и вместе с гражданским населением вынудили его прервать переговоры. Сабин, укрывшийся на Капитолийском холме, был схвачен германскими легионерами и убит, а храм Юпитера, являвшийся поистине символом римского государства, был разрушен до основания. После этого Прим начал штурм Рима, преодолевая яростное сопротивление. 20 декабря 69 г. Вителлия, оставшегося в одиночестве в своем дворце, схватили, приволокли на Форум и зверски растерзали.

Согласно Светонию, он был очень высок ростом, из-за частых возлияний лицо покрывали красные пятна, его отличали огромный живот и покалеченное бедро, поврежденное при падении с колесницы, запряженной четверкой лошадей, которыми правил император Гай. Писатели древности описывали Вителлия как жестокого, праздного, извращенного и сумасбродного до нелепости человека. Возможно, он был алчным, но эта характеристика подтверждается лишь сведениями, почерпнутыми из пропагандистских материалов его противников. К несчастью, ему не доставало военного опыта и он полагался на двух соперничающих заместителей, ни один из которых не внушал достаточного доверия. Тем не менее сам Вителлий вовсе не был непопулярным; каким бы коротким ни было его правление, он проявил признаки конструктивной сдержанности и такта. Например, он согласился отсчитывать период своего правления с 19 апреля, когда его признал сенат, а не со 2 января, когда армия впервые провозгласила его императором. Более того, Вителлий исправно посещал все заседания сената, допускал свободное выражение оппозиционных мнений и сдержанно отстаивал своих кандидатов на консульские посты. Он первый не использовал титулы «Цезарь» и «Август», ассоциировавшиеся со знаменитыми предшественниками — эти титулы так и не появились на его монетах. Однако, в отличие от предыдущих императоров, он назначил себе пожизненное консульство:

без сомнения, правитель, который происходил не из семейства Юлиев и Клавдиев или древнего аристократического рода, не мог пренебречь такой формой привилегий и престижа.

## ВЕСПАСИАН

69—79 гг.

Веспасиан (Тит Флавий Веспасиан) (69—79 гг.) родился в 9 г. в Реате, расположенном в Сабинии, к северу от Рима. Его отец, Флавий Сабин, был сборщиком налогов из сословия всадников, его мать, Веспасия Полла, происходила из семьи такого же ранга, но ее брат стал сенатором. Того же добились Веспасиан и его старший брат Сабин.

В 40 г. Веспасиан стал претором, а потом успешно продвигался по служебной лестнице под покровительством вольноотпущенника Нарцисса, министра при Клавдии. В 43—44 гг. в качестве командира легиона он отличился при покорении Клавдием Британии, заслужив триумфальные знаки отличия (*ornamenta*) и два жреческих сана. В 51 г. Веспасиан получил консульство, а в 63 г. стал проконсулом Африки. Его как правителя удостоили похвал, поскольку он не использовал свое служебное положение для личного обогащения. В результате сам он оказался на грани разорения, и только брат спас его от банкротства под заклад дома и земли.

Как член императорского окружения, он сопровождал Нерона во время выезда в Ахайю (Грецию) в 66 г. и впал в немилость, поскольку задремал, когда император пел. Тем не менее в феврале 67 г. Веспасиан был назначен наместником Иудеи и получил задание подавить первое восстание евреев, которое сами иудеи называли Первой Римской войной. Возможно, Нерон предпочел бы видеть во главе грозного многочисленного войска человека, пользующегося заурядной репутацией, однако уже к середине 68 г. Веспасиан восстановил покорность Риму почти во всей провинции, за исключением Иерусалима и еще нескольких крепостей. Услышав о самоубийстве Нерона, он приостановил подготовку к штурму Иерусалима, вскоре пришло известие о восшествии на трон Гальбы.

Теперь возросли собственные честолюбивые помыслы Веспасиана, и чрезвычайно важную роль в его планах и решениях играл наместник Сирии, Гай Лициний Муциан. Незадолго до этого их отношения были натянутыми, потому что Муциана

обидело присвоение наместнику Иудеи более высокого статуса, чем его собственный. Но после смерти Нерона они забыли прежние распри и вместе обсудили развитие политической ситуации. Убийство Гальбы в январе 69 г. побудило их задуматься о возможности восстания, а самоубийство Отона в апреле подтолкнуло к активным действиям. Пока Вителлий наслаждался вкусом победы, они втайне заручились поддержкой наместника Египта, Тиберия Юлия Александра. Ни Александр, ни Муциан не могли претендовать на трон сами: первый был всадником, а не сенатором (к тому же — иноземцем и иудеем-отступником), второй не имел собственных сыновей и не мог основать династию. У Веспасиана же было два сына, Тит и Домициан (от брака с последней женой, Флавией Домициллой Старшей), и наместники согласились, что именно он должен стать их кандидатом на престол.

1 июля Александр привел египетские легионы к присяге Веспасиану как императору, и еще до середины того же месяца армии Иудеи и Сирии сделали то же самое. План состоял в том, что Муциан с двадцатитысячным войском должен был выступить в поход на Италию, тогда как Веспасиан временно оставался на Востоке, откуда мог контролировать жизненно важное снабжение Рима египетским зерном. К концу августа данувийские армии тоже приняли сторону Веспасиана. Инициатором такого решения был Марк Антоний Прим, галл из Толозы, командир одного из легионов в Паннонии. Прим немедленно двинулся на запад, быстро достиг берегов Италии и, не дожидаясь предписаний от вдохновителей восстания, по своей инициативе разгромил армию Вителлия во Второй Бедриацкой битве.

Затем Прим устремился к Риму, где встретил отчаянное сопротивление. Незадолго до его появления у стен столицы брат Веспасиана, городской префект Сабин, попытавшийся убедить Вителлия в необходимости капитуляции, был убит на Капитолийском холме соратниками императора. И самого Вителлия тоже ждал ужасный конец — его убили 20 декабря. На следующий день Прим торжественно вступил в город, а сенат объявил Веспасиана императором. Вскоре в Рим пришел и Муциан, который строго осудил самовольные действия Прима и обвинил его в чрезмерной жестокости. Прим отправился на Восток, чтобы пожаловаться Веспасиану — тот встретил его почестями, но предписал вернуться в родную Толозу.

Теперь Рим оказался в полном распоряжении Муциана; он казнил сына Вителлия и других возможных оппозиционеров и

бдительно опекал неугомонного младшего сына Веспасиана Домициана, который был рядом со своим обреченным на смерть дядей Сабином в горящем Капитолии, но чудесным образом сумел спастись. Сам Веспасиан поручил другому сыну, Титу, захватить Иерусалим (это событие отмечено выпуском знаменитых монет с надписью IVDAEA CAPTA) и вернулся в столицу в октябре 70 г. Муциан был увенчан наградами и оставался главным советником правителя до самой своей смерти (умер через шесть лет), хотя не получил ни малейшей доли реальной императорской власти.

Великим благом, совершенным Веспасианом для Империи, стало прекращение гражданских войн, в честь чего он воздвиг на своем новом Форуме роскошный Храм Мира; Плиний Старший причислял его к Чудесам Света. Монеты того времени постоянно напоминали о восстановлении мира, поскольку император использовал любую возможность для обращения общественного мнения в свою пользу, ибо по происхождению был даже менее знатен, чем его неудачливые предшественники.

Главным элементом структуры власти по-прежнему оставалась армия. На одном краю Империи Тит положил конец восстанию евреев (хотя Масада держалась до 73 г.), а у северных рубежей военачальник Цереал решительно подавил галльско-германское восстание и в битве возле города Августа Тревиоров заставил капитулировать мятежного «императора» Цивилиса. Веспасиан добивался от солдат выполнения подобных задач, управляя ими с поразительным сочетанием жесткости и такта. Он не проявлял чрезмерной щедрости и, как и Август, тщательно и точно определял, что можно сделать, а что делать не следует. Он перегруппировал армии Империи так, чтобы поддерживавшие прежде Вителлия легионы не находились на ключевых позициях. Более того, Веспасиан начал расчленять рейнские и данувийские гарнизоны: они были настолько велики, что могли представлять угрозу государственной стабильности. Отныне каждый легион имел небольшой собственный лагерь, достаточно удаленный от любого другого. В свое время легионеры выражали недовольство по поводу планов Вителлия передислоцировать их из мест, где они уже обзавелись семьями, поэтому Веспасиан намеревался обеспечить им условия постоянного расположения. Однако после вспышки галльского мятежа союзные войска стали реже использоваться для наведения порядка на их родной земле. Кроме того, Веспасиан постарался укомплектовать воинские подразделения предста-

вителями разных народов, чтобы лишить их этнического единства. Еще одним его достижением стал захват Десятичных полей, которые клином входили между верховьями Рейна и Данувия, в результате чего значительно сократилась протяженность северных рубежей. В Британии же Цереал разбил войско племени бригантов, враждебного Риму, и отодвинул границу на север до Каледонии. Впрочем, подобные операции были скорее исключением, поскольку большая часть огромной Империи наслаждалась восстановленным спокойствием.

Тем не менее военные способности Веспасиана несомненны: легионеры салютовали своему императору-победителю не менее двадцати раз. Он не согласился, подобно Вителлию, датировать свое восшествие на престол днем признания себя императором со стороны сената, а отсчитывал свое царствование с 1 июля, когда первые легионы принесли ему присягу. Очевидно, то был урок сенаторам, напоминание о том, что не они, а легионеры привели его к власти. Однако он прилежно посещал их заседания и добросовестно советовался с ними, но не проявлял ни малейшего желания предоставить им свободу действий. Напротив, в отличие от неискренних псевдореспубликанских словоизлияний Августа, он откровенно продолжил политику Клавдия — политику укрепления центральной императорской власти. В 73—74 гг., подобно последнему, он возродил цензуру, заняв пост цензора, и использовал ее для того, чтобы установить официальный контроль за членами сената. Итогом его деятельности стало государство, менее ориентированное на столицу и знать, с более развитым самоуправлением и возросшей значимостью Италии в целом. Кроме того, увеличилось количество провинций.

Хотя Италия по-прежнему доминировала в правительственной администрации, провинции, получившие права гражданства и так называемые «Латинские права», быстро приобрели определенное влияние. Веспасиан хорошо знал их проблемы и обладал поистине императорской широтой мышления. Благодаря его реформам римская история все больше становилась не историей дворцов, а историей огромного цивилизованного сообщества народов.

Веспасиану пришлось проявить изрядную финансовую предусмотрительность, ибо он унаследовал Империю, опустошенную гражданской войной. Это означало, что необходимо было быстро увеличить запасы денежных средств любыми мыслимыми путями. Чрезмерные притеснения никоим образом не явля-

лись его целью; например, он следил, чтобы поборы с провинций не были разорительными. Однако ему пришлось резко увеличить общие налоги и жестко и бдительно пресекать попытки уклонения от уплаты оных. Многие из таких мер были неслыханны для Рима, и повсюду распространились бесчисленные шутки, приписывавшие ему умственное убожество. Но эти булавочные уколы не трогали Веспасиана, поскольку он знал, когда следовало остановиться. Построив Храм Мира, Веспасиан приступил к возведению Колизея и выделил отнюдь не скудные средства на создание греческой и латинской библиотек.

Хотя Веспасиан оставлял себе время для ежедневной прогулки на колеснице и сиесты (которую проводил в компании любовницы), работал он весьма напряженно. С рассветом он приступал к чтению пришедших писем. Одеваясь и обуваясь, он принимал друзей и советовался с ними. Значительную часть дня он посвящал своим судебским обязанностям. Даже на смертном одре он с трудом попытался встать на ноги, заметив при этом: «Император должен умереть стоя». Кроме того, исполнение этим владельцем императорского престола своих обязанностей выражалось и в широкой личной доступности, которая отнимала много времени. В любимой резиденции Веспасиана в Саллюстиевых садах меры безопасности были значительно ослаблены. Он постоянно подчеркивал свое относительно скромное происхождение, и эта его черта нашла отражение даже в статуях и бюстах, создававшихся скульпторами большого дарования и проницательности.

Несмотря на непрестанные труды, Веспасиан нуждался в помощниках; хотя первым советником оставался Муциан, император все больше полагался на своего старшего сына Тита. Более того, было совершенно ясно, что именно Тит, занимавший посты префекта претория и консула, взойдет на престол следующим, поскольку в начале царствования Веспасиан (как и его менее удачливый предшественник Вителлий) открыто объявил об основании новой династии — династии Флавиев, о чем свидетельствуют надписи на монетах. Однако консерваторы решительно возражали против этого неприкрытого стремления передавать высшую власть по наследству, словно личную собственность — тем более что речь шла о семье, лишенной престижа дома Юлиев и Клавдиев. Своим упорством в этом вопросе Веспасиан вызвал по отношению к себе немалую враждебность.

В число его критиков входили моралисты, называвшие себя философами-киниками и занимавшие антигосударствен-

ную позицию. Кроме того, некоторые группировки не столь увлеченных философией сенаторов тоже твердо противостояли планам Веспасиана относительно создания династии. Заметной фигурой среди последних был стоик Гельвидий Приск, породнившийся через брак с семьей сторонников конституции — он был зятем жертвы Нерона, Тразеи. Приск публично оскорблял Вителлия и дружил с Веспасианом, но потом стал столь непримиримым его критиком, что император сначала изгнал, а в 75 г. приказал казнить упряма, хотя, как говорили, выразил при этом сожаление. Гораздо более тревожными были появившиеся четыре года спустя сведения о том, что два влиятельных сенатора, входивших в центральное правительство Империи, Эприй Марцелл (знаменитый советник Веспасиана) и Цецина Алиен (переметнувшийся к Веспасиану от Вителлия), замыслили покушение на жизнь императора. По распоряжению Тита обоих убили.

Вскоре после этого Веспасиан заболел лихорадкой во время летнего выезда на минеральные воды в Аква Кутилий, расположенный неподалеку от места его рождения, и умер 24 июня 79 г. Светоний описывал его как сильного, широкоплечего мужчину со странно напряженным выражением лица. Он обладал замечательным здоровьем, укреплению которого посвящал всего один день в месяц. По отзывам друзей, его грубое чувство юмора скорее утомляло окружающих. Темой шуток Веспасиана в основном служили его собственная скаредность и убогость средств. Тит, например, однажды возмутился только что введенной отцом платой за пользование общественными городскими туалетами. В ответ Веспасиан протянул ему монету из выручки первого дня. «Разве она воняет?» — спросил он. Когда Тит ответил, что монета не пахнет, отец с деланным удивлением заметил: «А ведь она получилась из мочи.» У него хватило самообладания пошутить даже на смертном одре: «Ох, кажется, я становлюсь богом!» («*Vae, puto deus fio*»).

## ТИТ

79—81 гг.

Тит (Тит Флавий Веспасиан) (79—81 гг.), первый сын Веспасиана и Флавии Домициллы Старшей, родился в 39 г. Он получил образование вместе с сыном императора Клавдия, Британником, с которым они стали близкими друзьями. Когда



Британник умер, отравленный во время обеда своим сводным братом Нероном, Тит сидел за тем же столом и почувствовал себя плохо (поговаривали, что ему тоже перепало немного яда, в результате чего он сильно болел). Отслужив в Германии и Британии в качестве военного трибуна, в 65 г. он стал квестором, а в 67 г. командовал в Иудее одним из легионов своего отца и взял мятежные города Тарихею и Гамалу (их местоположение точно не определено), причем в одной из схваток под ним убили коня. В конце следующего года Веспасиан отправил Тита в Рим с поздравлениями Гальбе, но, узнав в Коринфе о смерти Гальбы, тот повернул назад.

В последовавших за этим переговорах между восточными наместниками, которые привели к провозглашению Веспасиана императором, Тит сыграл заглавную роль. Основной сторонник Веспасиана, Муциан, наместник Сирии, которому он помог примириться со своим отцом, был поражен не только энергичностью, но и способностями молодого человека. Летом 69 г. Веспасиан поручил Титу подавить иудейское восстание, и на следующий год, после четырехмесячной осады, Иерусалим сдался его легионерам, разрушившим храм — событие, память о котором прошла через века. Иудейский историк Иосиф (Флавий), перешедший на сторону Рима, отмечал, что Тит пытался спасти святилище; другие же опровергают это мнение. В любом случае, сведения о его расправах с пленеными евреями не соответствуют действительности.

Со взятием Иерусалима на Тита обрушился град почестей, а в египетском Мемфисе его увенчали диадемой. На монетах, выпущенных восточными монетными дворами, его имени предшествовал титул «император», до тех пор принадлежавший лишь правителю. Более того, римский сенат предложил ему отдельный Триумф, который в итоге вылился в совместное чествование Тита и Веспасиана (о чем гласит надпись на Арке Тита в Риме). Успех Тита мог породить у него нелояльность по отношению к отцу, но на самом деле его верность осталась непоколебимой, что проявилось в поспешности его возвращения в Рим в 71 г.

Одной из причин этого возвращения было стремление помочь отцу противодействовать возрастающему влиянию Муциана. Впрочем, ему не стоило беспокоиться — Веспасиан немедленно и самым недвусмысленным образом продемонстрировал, что Тит является его соправителем и наследником династии. Писали, что император заявил: «Моим преемником

будет либо мой сын, либо никто». Это подтверждают и монеты 71 г., на которых Тит и Домициан изображены в военных доспехах, причем Тит назван Цезарем и *DES(ignatus) IMP(erator)* — что означает не более не менее как «император, еще не вступивший в должность». Будучи соправителем Веспасиана уже в 70 г., вскоре он стал сотрибуном (в 71 г.) и соцензором (в 73 или 74 г.). Более того, он быстро занял место префекта претория и распустил стражу Вителлия, заменив ее не столь многочисленным отрядом. Однако этот пост стал даже более важным, чем прежде, а сам Тит, при всем своем обаянии, исполнял свои обязанности с жесткой требовательностью.

Он не спускал глаз с сенаторов и с тех, кто глубоко ненавидел стремление Веспасиана установить династию. Но наиболее серьезная потенциальная угроза исходила от его собственных отношений с дочерью иудейского царя Береникой. К тому времени Тит был уже дважды женат: сначала на Аррецинии Тертулле (брата которой он сменил на посту префекта), а после ее смерти — на Марции Фурнилле, родившей ему его единственного ребенка — Флавию Юлию. Но они развелись в 64 или 65 г., и два года спустя в Иудее Тит обрел глубокую привязанность к богатой, красивой и талантливой Беренике; она была на десять лет старше его. Береника имела влиятельные связи при римском дворе, но не посещала столицу до 75 г., когда приехала туда с братом, царем Агриппой II, и была встречена с блистательными почестями. Береника открыто жила с Титом во дворце, но такое положение вызвало нападки и возмущение — стали поговаривать о новой Клеопатре — и через некоторое время он отослал ее.

Среди главных критиков Тита был Эприй Марцелл, который в 79 г. вместе с бывшим военачальником Вителлия, Цециной, замыслил покушение на жизнь Веспасиана (см. *Веспасиан*). Тит пригласил Цецину на обед и заколол его, а Марцелл, осужденный сенатом, перерезал себе горло. Когда вскоре после этого Веспасиан умер, некоторые посчитали, что его убил Тит; впоследствии император Адриан придерживался этого мнения, тогда как императорский секретарь Светоний, великий собиратель сплетен, не уделил внимания этой неправдоподобной версии при описании кончины Веспасиана.

Взойдя на престол, Тит хорошо осознавал, что чересчур решительные действия, предпринятые им на посту префекта претория, и особенно его расправы с заподозренными в заговорах, оставили неприятное впечатление. Поэтому теперь, со-

хранив некоторые из жестких экономических мер своего отца, он поспешил создать себе более либеральный образ. Тит существенно сократил деятельность информаторов (услугами которых активно пользовался), отменил закон о государственной измене, а следующую пару подозреваемых в заговоре помиловал. Когда же в Рим вновь приехала Береника, Тит сразу же выслал ее из города — к обоюдному горю.

Короткое царствование Тита было отмечено тремя серьезными бедствиями. Первым, случившимся всего через месяц после его вступления на трон, стало известное извержение вулкана Везувий, разрушившее города и виллы в районе Кумского залива: Помпеи, Геркуланум, Стабии и Оплонт. Это трагическое событие описано в письме Плиния Младшего, который тогда гостил у своего дяди, Плиния Старшего, адмирала Мизенского флота, жившего недалеко от вулкана. После катастрофы Тит посетил пострадавший район и создал сенаторскую комиссию для оказания всей возможной помощи; впрочем, его распоряжение составить план восстановления уничтоженных городов так и не было выполнено. Он еще находился в Кампании и руководил работами у подножия Везувия, когда в 80 г. в Риме случился сильный пожар, за три дня и три ночи спаливший множество важных зданий, уничтожив все, что в них находилось. Тит вновь принял меры по срочному оказанию щедрой помощи. Третьей катастрофой стала одна из страшнейших эпидемий, когда-либо упоминавшихся в письменных источниках, которую император попробовал одолеть не только медицинскими средствами, но и многочисленными жертвоприношениями. Последнее, без сомнения, имело целью успокоить панику среди населения.

Важное событие периода царствования Тита, послужившее поводом для радости, — это завершение строительства и открытие Амфитеатра Флавиев, начатого Веспасианом и предназначенного для гладиаторских боев, битв с дикими зверями и имитации морских сражений, ибо арену можно было наполнить водой. Этот Колизей, названный так позднее из-за огромной статуи Нерона, расположенной рядом, стал первым амфитеатром города, полностью построенным из камня, и наиболее известным из всех сооружений, воздвигнутых династией Флавиев, он оказал огромное влияние на всю архитектуру Европы следующей эпохи. Отделка из известнякового туфа с великолепным сочетанием прочности и изящества, четыре этажа законченных форм, из которых верхний обнесен стеной с окон-

ными проемами, а три других образованы колоннадами арок из бетонных полых столбов, несущих тяжелые конструкции, так, что внешние дорические, ионические и коринфские колонны служат скорее декоративным, а не функциональным целям.

Колизей был рассчитан на сорок пять тысяч сидячих мест и пять тысяч стоячих. Зрители проходили к своим местам через семьдесят шесть пронумерованных входных арок; кроме того, еще две арки предназначались для процессий гладиаторов и еще две — для императора и его окружения. От летнего зноя зрителей спасали огромные, поддерживаемые мачтами навесы, которые натягивались от верхних краев амфитеатра к центру. В честь открытия Колизея Тит построил еще и бани, названные его именем, на той стороне Эсквилинского холма, которая прежде входила в комплекс Золотого дворца Нерона. От них немного сохранилось до наших дней, но, судя по наброскам времен Возрождения, они являли собой замечательный прообраз спланированных по законам симметрии «императорских» терм, впоследствии повторенный в гораздо больших масштабах Траяном, Каракаллой и Диоклетианом.

Светоний, несомненно, был прав, отмечая многие положительные черты внешности, характера и манер Тита. Невысокий и с заметным брюшком, он все-таки оставлял приятное впечатление своей фигурой. Умелый наездник, искусно владеющий оружием, он еще и пел, играл на арфе, слагал стихи и даже импровизировал — как на латыни, так и на греческом. Светоний также отмечал, что в юности Титу, как и большинству людей, были свойственны некоторые пороки, от которых он избавился, став императором. Так, его страстное увлечение Береникой произвело неприятное впечатление в обществе. В качестве префекта претория он отличался известной жесткостью (причем биограф ни словом не обмолвился о якобы имевшей место жестокой расправе Тита с захваченными в плен евреями). В молодые годы Тит приобрел репутацию человека расточительного, проводившего с еще более сумасбродными друзьями буйные застолья далеко за полночь. Кроме того, он располагал целой свитой гомосексуалистов и евнухов. Однако после восшествия на трон, как уже отмечалось, «самых изысканных своих любимчиков он не только перестал жаловать, но даже не желал на них смотреть на всенародных зрелищах, хотя танцовщиками они были замечательными и вскоре прославились на сцене».

Кроме того, Светоний восхищался эпиграммами Тита. На-

пример, однажды за ужином Тит вспомнил, что за весь день не сделал никому ничего хорошего, и сказал: «Друзья, я потерял день!» В роли же императора он казался биографу истинным образцом: «услада и любовь рода человеческого» (в отличие от брата, сменившего его на троне). Историк Дион Кассий, однако, более рассудителен в оценке этого двухлетнего царствования: в противоположность Августу, который начал жестко, а закончил милосердно, Тит «правил с мягкостью и умер, обремененный славой, тогда как живи он дольше, могло оказаться, что славой своей он обязан скорее удачной фортуны, чем заслугам». Впоследствии поэт Авзоний заключил, что Тит был «осчастливлен краткостью своего царствования».

В последний день праздничных представлений по поводу открытия амфитеатра и бань Тит потерял самообладание и принародно разрыдался. Никто не знает, почему; возможно, он узнал, что поражен неизлечимым недугом. Во всяком случае, в дальнейшем он оставался на удивление бездеятельным вплоть до осени следующего года, когда ухудшение здоровья привело к фатальному исходу. 13 сентября 81 г. в Аква Кутилий Тит скончался (там же, где и его отец). Возможно, как считал Плутарх, он умер из-за того, что вода оказалась слишком холодной для него. Впрочем, ходили слухи, что его накормил отравленной рыбой Домициан.

«Лишь одно я сделал неправильно», — были последние его слова. Авзоний, при всех сомнениях относительно значения этой фразы, не мог поверить, что императору было о чем сожалеть; если же он и вправду сожалел, то никто так и не узнал, о чем именно. Быть может, он раскаивался в любовной связи с Домицией, женой Домициана? Но Светоний полагал, что таковой связи на самом деле не было, ибо вряд ли Домиция стала бы скрывать это. Домициан тоже склонялся к тому, что Тита действительно мучила совесть, но по другой причине. По его мнению, отец намеревался завещать братьям равные права на императорскую власть, но Тит, известный умением копировать чужой почерк, подделал завещание, чтобы изменить этот пункт. Дион Кассий, со своей стороны, предпочитал объединить упомянутые объяснения. Он полагал, что смысл сказанного умирающим состоял в стремлении предупредить Домициана от восшествия на престол, которое, по его мнению, стало бы национальным бедствием. Это вполне могло быть смыслом фразы Тита; возможно, именно поэтому он разрыдался в амфитеатре.

## ДОМИЦИАН

81—96 гг.

Домициан (Тит Флавий Домициан) (81—96 гг.), второй сын Веспасиана и Флавии Домициллы, родился в 51 г. Во время выступления его отца против императора Вителлия летом 69 г. Домициан находился в Риме и оставался там невредимый до 18 декабря. Затем он укрылся в Капитолии вместе с дядей Флавием Сабинем, городским префектом. Но когда в Капитолий ворвались сторонники Вителлия, Домициан, в отличие от Сабина, сбежал (позднее он изложил свою версию этого приключения для художников и поэтов). После смерти Вителлия его провозгласили цезарем захватившие город легионеры Прима, взявшего верх во Второй Бедриакской битве; он воевал на стороне Веспасиана. Когда в столицу прибыл представитель Веспасиана, Муциан, именно Домицианом были подписаны первые депеши и эдикты нового режима.

Но вскоре возникли разногласия: Муциан упорно отвергал требование Домициана назначить Прима на должность в правительстве. Заручившись поддержкой Цереала, который возглавлял кампанию против галльских и германских мятежников Цивилиса, Муциан также постарался сорвать планы Домициана приписать себе славу победы над Вителлием в надежде затмить боевые заслуги старшего брата Тита. В дальнейшем в период царствования Веспасиана он получил свою долю привилегий, включая консульство, титул предводителя молодежи (*Princeps Juventutis*) и достаточно частое упоминание на монетах. А поскольку у Тита не было сына, становилось очевидным, что его брат унаследует трон. Их отец никогда не предоставлял Домициану влиятельных позиций в системе реальной власти и никогда не давал шансов отличиться на военной стезе. Предводитель молодежи сделал вид, что ему нет до этого дела, и нашел прибежище в поэзии и искусстве, которыми занялся, озлобленный обидами и тщетой своих амбиций.

Ситуация не изменилась и с приходом к власти Тита. Правда, он наделил Домициана соответствующими знаками почета, увеличив выпуск монет с его портретами и подтвердив его права соправителя и будущего преемника. Однако официальных полномочий, в которые было бы облечено партнерство во власти, так и не последовало. Между тем Домициан верил версии, что Веспасиан намеревался завещать ему равные с

братом права на трон, но Тит использовал свое умение подделывать почерк отца и исключил этот пункт из завещания.

Когда Тит умер — возможно, его брат и не был в этом замешан, — Домициан должным образом осуществил его обожествление, ибо, каковы бы ни были их личные отношения, следовало возвеличить род Флавиев. Новый император вознамерился приуменьшить бросавшуюся в глаза разницу между военными достижениями старшего брата и полным отсутствием таковых у себя. Его жена Домиция Лонгина (дочь великого военачальника Корбулона) приняла титул Августы, а Домициан возжелал славы завоевателя-триумфатора. С этой целью в 83 г. он завершил начатое его отцом покорение Десятинных полей между верховьями Рейна и Данувия, одолев хаттов, захватив горную цепь Тавн и расширив пределы Империи до рек Лан и Майн. Эти кампании, осуществленные бесхитростной комбинацией продвижения войск и строительством крепостных оборонительных сооружений, дали ему повод принять титул Германик — но не как звание начальника германских легионов (буквальное значение, какое предавал ему Вителлий), а как титул покорителя Германии (более раннее значение). С этого времени Домициан обычно облачался в парадные одеяния полководца-победителя и являлся в них даже на заседания сената. Вскоре после этой кампании он значительно повысил жалованье всем военным чинам — что было не просто скандальным шагом, вызванным (как потом предполагали его критики) инфляцией, снизившей покупательную способность денег, но ясным признаком того, что армия играла центральную роль в государстве.

Тем временем Гней Юлий Агрикола, наместник Британии, уже известный своим участием в военных операциях в Уэльсе и южной Шотландии во времена предыдущего императора, предпринял три удачных похода в Каледонию и победил в сражении в Гравпиевых горах нынешнее графство Абердиншир). В 85 г. Агриколу вызвали в Рим благодаря усилиям его горячего почитателя и зятя, Тацита, который терпеть не мог императора (возможно, из-за того, что испытывал утрызения совести за высокий пост, полученный от него). Историк утверждал, что победа в Гравпиевых горах не заслуживала никакого триумфа, поскольку на самом деле никаких земель не было захвачено.

Следующей, еще более честолюбивой целью Домициана стала Дакия, ослабевшая в последнее столетие, но теперь вос-

прянувшая под управлением царя Децебала, в 85 г. переправившегося через Данувий и убившего Оппия Сабина, наместника Мезии. Собрав подкрепления, Домициан сам отправился к театру военных действий, но на следующий год вернулся в Рим. Тем временем его войска вновь потерпели поражение, причем на сей раз в бою пал префект претория Корнелий Фуск. И все-таки в 88 г. подтвердилось превосходство римлян — под командованием Теттия Юлиана они одержали победу в битве при Тапе, недалеко от столицы Дакии, Сармизегетусе. После Столетних Игр в Риме Домициан отметил этот успех Триумфом.

Однако подобный ход событий не мог продолжаться вечно. Так, в 89 г. — в год только что упомянутого Триумфа — среди римских войск в Верхней Германии (в легионе под командованием Луция Антония Сатурнина) вспыхнул опасный вооруженный мятеж. По слухам, поводом стал гомосексуализм Сатурнина, в то время как Домициан проявлял пуританское неодобрение к подобным пристрастиям. Сатурнин заключил союз с недовольными сенаторами, которые не любили и боялись императора. Завладев казной двух легионов Могунциака, Сатурнин заставил их провозгласить себя императором, а его единомышленники в Германии подняли восстание. Но командующий Нижней Германии Лаппий Максим выступил против узурпатора, и в битве у форта Кастелл Сатурнин был убит. Сам же Домициан поспешно выступил из Рима и появился здесь чуть позже, и самовольно учинившие сражение офицеры вместо благодарности получили наказание (хотя Лаппий Максим в надежде уменьшить кару убил дочерей Сатурнина). Уже через двадцать четыре дня после начала мятежа жрецы Рима отпраздновали победу.

После тщательной инспекции всех войск в Германии Домициан занялся данувийским фронтом, где назревали серьезные волнения среди германских племен маркоманнов, квадов и сарматских язигов. Чтобы развязать себе руки, ему пришлось отказаться от возможности развить успех Рима в войне с Дакией: когда Децебал предложил заключить мир, Домициан дал согласие. Освободившись от дакийской проблемы, он обрушился на язигов и разбил их, но не завершил разгром полностью, сочтя достигнутое достаточным для триумфа. Волнения в провинциях оказались предвестником грядущего кризиса у данувийской границы, которую германцы смяли в следующем столетии.



Домициан проводил много времени рядом с солдатами, и они платили ему любовью. А вот для управления центурионами ему пришлось учредить новую армейскую кадровую службу, которая собирала все записи и доклады о военачальниках и представляла императору обширные сведения для принятия решений о персональных назначениях, поощрениях и перемещениях. Это лишь один пример из множества решительных мер, тщательно продуманных его ясным разумом. Как отмечал Светоний, донесший до нас описание уродливой внешности Домициана, «столичных магистратов и провинциальных наместников он держал в узде так крепко, что никогда они не были честнее и справедливее». Как заметил один из величайших историков Древнего Рима, Теодор Моммзен, он был одним из лучших управленцев, возглавлявших Империю.

Однако его правление характеризовалось крайне аскетической суровостью и поистине ужасающим следованием букве закона. В 83 г. Домициан назначил трем жрицам богини Весты, виновным в аморальном поведении, предписанную традициями смертную казнь, а семь лет спустя главную жрицу того же ордена весталок, Корнелию, за тот же проступок заживо замуровали в подземной келье, тогда как ее любовников засекли розгами насмерть. Эти вселявшие ужас и смятение наказания явно противоречили сильному отвращению к кровопролитию, которое приписывали Домициану. Но они совершенно точно соответствовали религии античного Рима, вынуждавшей его придерживаться древних ритуалов с церемониальной пышностью. Ему было свойственно глубокое, почти мученическое почитание богини Минервы, которой особенно истово поклонялись на Сабинских холмах, откуда происходил его род. Именно этой богине, изображаемой с четырьмя лицами, посвящены многие выпуски монет времен Домициана; храм Минервы занял центральное место в новом императорском Форуме, Транситории (впоследствии — Форум Нервы).

Домициан прославился не только проведением (по традициям римских императоров) исключительно пышных публичных представлений, оплаченных за счет тяжелых поборов, но и строительством сооружений грандиозных масштабов. Он полностью восстановил храм Юпитера — стража на Капитолийском холме, из развалин которого сбежал во время гражданской войны. Он также построил стадион, вмещавший тридцать тысяч зрителей, толпами стекавших сюда, чтобы посмотреть Капитолийские Игры. Эти Игры были выдержаны не

в римских, а в греческих традициях и включали в себя состязания в литературе, музыке, атлетике и скачках. Домициан возвел здание своей новой, поражающей воображение резиденции на Палатинском холме, призванной служить еще одним подтверждением величия императора. Кроме того, за чертой города он построил чудесную виллу, вознесшуюся над водами озера Альбано, в парке которой расположились театр и амфитеатр, куда приглашалась широкая публика. Еще одним памятным сооружением, воздвигнутым в его царствование, является Арка Тита в начале римской улицы Виа Сакра (Священная дорога), примечательная благородной строгостью архитектурных линий и скульптурными рельефными изображениями триумфа отца и брата Домициана в честь взятия Иерусалима. В числе трофеев показаны стол для хлебов предложения, семирожковый подсвечник, или менора, и трубы для созыва народа.

В самой Иудее Домициан усилил полицию, созданную Веспасианом для выслеживания и поимки иудеев, поддерживавших наследные права царского рода Давида. В 95 г. Гамалиил II, возглавлявший их главную общину (которая сейчас располагается в Яффе), счел необходимым немедленно нанести визит в Рим вместе с тремя другими лидерами фарисеев, по-видимому, для того, чтобы предотвратить дальнейшие преследования своих соотечественников. Тем временем иудеи в Риме испытывали серьезные притеснения. В частности, это выражалось в *fiscus Iudaeus* — налоге, которым Веспасиан обложил всех евреев и который взимали с крайней суровостью. В результате многие из тех, кто придерживался иудаизма, оказались осужденными «за несостоятельность» или «безбожие» — свидетельство их отказа пожертвованиями подтвердить веру в божественность императора.

Эти карательные меры вызвали широкое недовольство в обществе еще и потому, что в числе преследуемых оказались известные и уважаемые в Риме люди — Флавий Клемент, консул 95 г., и его жена, Флавия Домицилла Младшая, кузина и племянница правящего императора. Клемент и Домицилла скорее симпатизировали иудаизму, чем были иудеями в полном смысле слова. Тем не менее Клемента казнили, а его жену изгнали. Весьма вероятно, что истинной причиной их гибели оказались не религиозные взгляды, а наличие у них сыновей, которых император хотел убрать со сцены, ибо по крови

они могли рассчитывать на наследование трона; по-видимому, юношей убили.

Упомянутые зверские расправы явились не единичным эпизодом, а одним из наиболее ярких свидетельств отдаления Домициана от правящего класса — отдаления, которое со временем прогрессировало и в конце концов завершилось полной его изоляцией. Представителям этого класса он ясно дал понять, что с презрением отбрасывает память о попытках императора Августа придать своим действиям видимость борьбы за воссоздание республики и добиться таким образом сотрудничества с сенатом. Домициан предпочитал подчеркивать, что является абсолютным монархом, и в 85 г. присвоил себе беспрецедентный титул пожизненного цензора. Осознавая враждебность сенаторов, то и дело находившую выражение в философском свободомыслии, он относился к ним с возрастающей подозрительностью. Этот процесс отчуждения ускорился после неудавшегося восстания Сатурнина. Вновь возродились все темные стороны закона об измене, и императорские шпионы и соглядатаи сеяли горе в стране. Светоний подсчитал, что только из числа бывших консулов жертвами стали двенадцать человек. Заговоры раскрывались один за другим, и некоторые из них, несомненно, не были вымышленными. Как заметил сам Домициан, ирония судьбы императора заключается в том, что никто не верит в истории о покушениях на его жизнь, пока одно из них не увенчается успехом.

В такой атмосфере угроза убийства, нависшая над Домицианом, становилась все более реальной. Более того, он ослабил свои позиции, уволив и обвинив префектов претория, заменив их Петронием Секундом и Норбаном, которые опасались столь рискованного для них назначения, особенно когда узнали, что императору на них поданы жалобы. Из чувства самосохранения они решили убрать его с дороги. К их заговору примкнули многие влиятельные люди из провинций, а также командиры германских легионов. В столице к ним присоединились управляющий императорским дворцом и один из секретарей Домициана. Важнейшей фигурой в заговоре была Домиция Лонгина, дочь прославившегося при Нероне военачальника Корбулона, которую Домициан изгнал, но потом восстановил в правах своей супруги (впрочем, после возвращения ее портрет на монетах уже не появлялся). Некий Стефан, бывший раб изгнанной вдовы Клементы, взялся осуществить убийство с помощью сообщника, и в яростной рукопашной

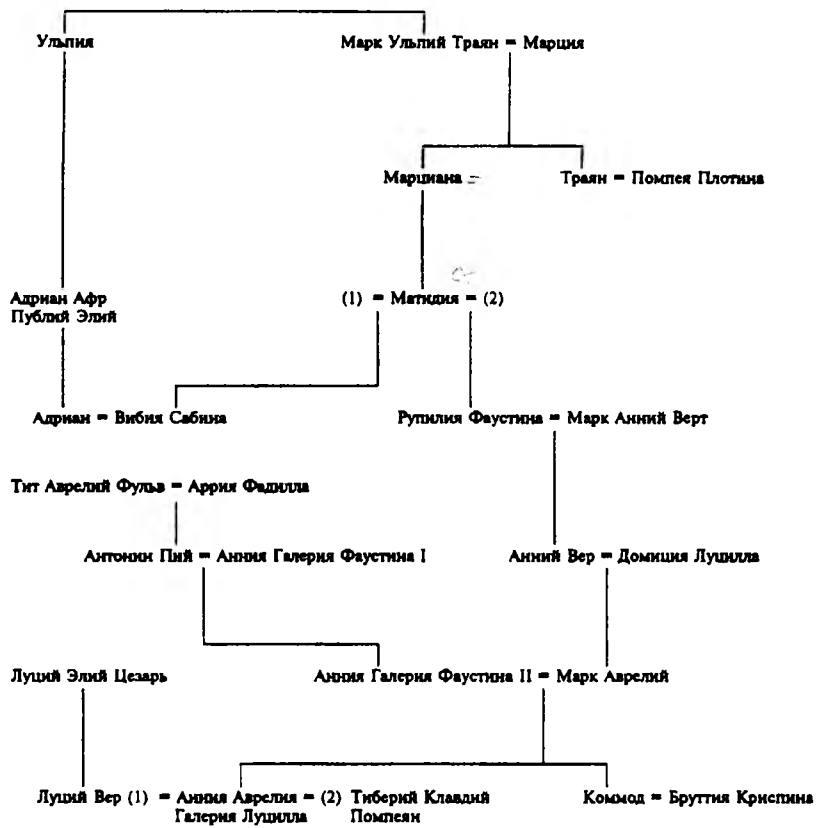
схватке убил Домициана, но и сам получил при этом смертельные ранения.

Домициан, как писал Светоний, без меры предавался сексуальным развлечениям: он называл их постельной борьбой. Несмотря на любовь к своей жене Домиции Лонгине, он сохранил еще и дочь своего брата Тита, Флавию Юлию, что привело к ее гибели в результате аборта, к которому он ее принудил. Эта привязанность к Юлии, возможно, стала одной из причин, подтолкнувших Домицию к окончательному решению. Светоний описывает Домициана как толстого краснощекого мужчину со слабым зрением, тонкими журавлиными ногами и искривленными пальцами на них; лысина доставляла ему много горя. Хотя он сохранил интерес к греческой и римской культуре, его увлечение стихосложением (если оно не было лишь позой, как подозревал Тацит) явно ничем не подтверждено. Домициан был хладнокровен и жесток: говорили, он любил развлекаться, ловя мух и протыкая их острием грифеля. Ему доставляли удовольствие гладиаторские бои женщин с карликами и, как отмечал Дион Кассий, он любил приглашать сенаторов на обеды, на которых убранство было выдержано в траурных черных тонах и велись соответствующие беседы, от чего гостей парализовал страх.

Плиний Младший упоминал, что Домициан зачастую наедался перед званым обедом, затем, насытившись, садился за стол с гостями, которым нарочито небрежно, со стуком швыряли блюда. Как писал Плиний, император страдал нервными расстройствами и не выдерживал даже лодочной прогулки на озере Альбано возле своего загородного дворца, поскольку шум весел невыносимо раздражал его; поэтому он плавал на судне, привязанном веревкой к лодке с гребцами. Кроме того, Домициан сделался очень боязливым, хотя не сомневался в верности простых солдат, что стало особенно заметно незадолго до его гибели. И неудивительно: платой за решимость в одночасье стать абсолютным правителем была постоянно возрастающая угроза его собственной жизни. Как говорил его отец, император Веспасиан, наибольший успех в стремлении укрепить власть обеспечивает осмотрительность.

Часть третья  
УСЫНОВЛЕННЫЕ  
ИМПЕРАТОРЫ  
И ИМПЕРАТОРЫ  
АНТОНИНЫ





Нерва (Марк Кокцей) (96—98 гг.) родился в Нарнии, по-видимому, в 30 г. Имя он унаследовал от деда, занимавшего должность консула и слывшего близким другом императора Тиберия, с которым их семья имела дальние родственные связи. Сам будущий император, уважаемый законовед, водил дружбу с Нероном, и тот восхищался его поэзией и вознаграждал триумфальными знаками отличия за роль, сыгранную в инсценировке заговора Пизона, случившегося в 65 г. Впоследствии Нерва добился славы и почестей при императоре Веспасиане, избравшего его своим соконсулом в 71 г. В 90 г. он вновь занял место соконсула — на сей раз при Домициане. Его участие в заговоре, закончившемся убийством этого императора, следует признать весьма вероятным, поскольку в тот же день самого Нерву возвели на трон.

Монеты и бюсты изображают Нерву мужчиной с худым лицом, длинной шеей и длинным крючковатым носом. Его задача как императора была отнюдь не проста, ибо, несмотря на то, что он был законно избран сенаторами, среди которых явно выделялся, и даже надписи на монетах гласили PROVIDENTIA SENATVS («Волей сената»), солдаты возмущались убийством Домициана. Нерва попытался исправить ситуацию, провозгласив политику национального примирения и полезных реформ. Снабжение зерном столицы увеличилось, так что пришлось строить новые склады для него; были отремонтированы акведуки. Нерва отменил налог на наследство, а общественную почту, сборы на которую были непопулярны, из италийской преобразовал в государственную, причем факт ликвидации этого ограничения нашел отражение в надписях на монетах (VENICVLATIONE ITALIAE REMISSA). Беднякам бесплатно раздали землю, и Нерва распродал большую часть своей собственности, чтобы оплатить издержки. Тем не менее эти попытки купить популярность обошлись государству так же дорого, как ему самому, и сенат назначил комиссию

из пяти человек для подготовки рекомендаций по снижению общественных расходов.

Более того, оставив нетронутыми многие из установлений Домициана (так, по-прежнему поощрялась деятельность профессиональных доносчиков), Нерва не упускал возможности настроить общественное мнение против предыдущего режима. Он позволял возвращаться людям, изгнанным Домицианом, и возвращал им конфискованную собственность; позволял мстить тем, кто поддерживал предыдущего императора, и способствовал всему, что очерняло память о его предшественнике. Что касается армии, то ее подкупили дополнительными выплатами; на монетах, посвященных этому эпизоду, Нерва обращается к солдатам с речью (*ADLOCVTIO AVGVSTI*). Другая запечатленная на монетах фраза провозглашает «Согласие в армии» (*CONCORDIA EXERCITVVM*), но на самом деле солдаты по-прежнему сильно недолюбливали нового императора. В воинских лагерях на Данувии вспыхнул мятеж, сомнения вызывала верность наместника Сирии, командовавшего большим гарнизоном, и, судя по донесениям, при поддержке армии аристократ Гай Кальпурний Красс Фругий Лициниан (родственник Пизона, наследника Гальбы), по-видимому, застал заговор против Нервы.

Наибольшая угроза, однако, исходила от преторианцев. Давление с их стороны вынудило Нерву сместить сопrefектов Секунда и Норбана из-за той роли, которую они сыграли в убийстве Домициана. Но назначение Касперия Элиана, служившего префектом при Домициане (и бывшего его сторонником), на смену прежним префектам оказалось неудачным, поскольку новый командир решительно присоединился к требованию солдат выдать на расправу Секунда и прежнего управляющего императорским дворцом, который тоже был замешан в убийстве. Когда гвардейцы ворвались во дворец, Нерва преградил им путь, но его отшвырнули прочь, а обоих чиновников схватили и предали смерти. Причем Нерва вынужден был публично благодарить преторианцев за казнь своих друзей и сторонников. Плиний Младший, поклонник обескураженного анархией и унижением Нервы, признавал, что Империя находилась на грани гибели, и бедственные события «года четырех императоров» (68—69 гг.) готовы были разыгаться вновь.

Нерва сам способствовал такому обороту дел, поскольку в попытке противостоять неприятностям решил усыновить и



объявить преемником человека не из своей семьи. Гальба сделал то же самое; но избранник Гальбы, Пизон, если говорить о происхождении, был «пустым местом», тогда как Нерва завещал трон Траяну, наместнику Верхней Германии, наиболее отличившемуся полководцу того времени, и наделил его полномочиями, не уступавшими императорским. Это произошло в сентябре 97 г., а в январе 98 г. император умер. Он потерпел неудачу в противостоянии с армией. Однако, с другой стороны, он успешно осуществил принцип передачи трона «лучшему человеку», первый опыт установления которого не удался Гальбе. В этом — основное достижение царствования Нервы. Кроме того, четыре следующих властителя, правивших (причем замечательно) общим счетом восемьдесят лет, мирно восходили на престол именно таким образом. В действительности принцип наследования императорского трона не был отменен, но по счастливой случайности следующие императоры оказывались бездетными, либо их дети умирали раньше своих отцов, и этот вопрос даже не возникал.

## ТРАЯН 98—117 гг.

Траян (Марк Ульпий Траян) (98—117 гг.) принадлежал к семье, происходившей из города Тудер в Умбрии, но его предки переехали в Италику (Романская Бетика, Южная Испания). Его отец, которого тоже звали Марк Ульпий Траян, был первым известным сенатором из этой семьи, добившимся поста консула, а затем наместника Азии и Сирии. О происхождении матери императора, Марции, ничего не известно.

Траян родился, вероятно, в 53 г. Довольно долго (десять лет, если верить Плинию Младшему) он был трибуном (*tribunus militum*) и служил в Сирии, когда его отец в 75 г. стал наместником провинции. Будучи претором, Траян принял командование легионом и повел солдат к Сатурнину, который восстал против Домициана в 88 г., но войска Траяна подошли, когда мятеж был уже подавлен. В 91 г. он стал консулом, а в 97 г. был наместником Верхней Германии, когда узнал о том, что Траян усыновил его. Такой выбор получил одобрение у

солдат и, несомненно, нашел широкую поддержку в Риме, в том числе в сенате. В январе 98 г. Нерва умер, и Траян, без затруднений взойдя на престол, должным образом причислил к лику богов своего названного отца.

По-видимому, уже вскоре после вступления на трон Траян предпринял первые шаги по созданию секретной военной службы для защиты своего режима и самого себя. В частности, подразделения *frumentarii* (агенты по снабжению зерном) создали важную информационную организацию, обосновавшись в «Иностранном» лагере (*Castra Peregrinorum*) на Целиевом холме в Риме и установив контрольные посты на дорогах далеко за чертой города. Траян также учредил новую стражу из конных солдат, известную как *equites singulares*. В этот отряд численностью в пятьсот (а впоследствии — в тысячу) солдат тщательно отбирали — в основном из кавалерийских полков союзных племен Паннонии и Германии. Тем самым Траян продемонстрировал, что доверяет союзникам и иностранцам не меньше, чем состоявшим преимущественно из италийцев преторианским войскам.

Однако потребовалось некоторое время, прежде чем он поставил перед собой главную задачу: осуществить завоевания, превосходящие победы его кумира, самого Юлия Цезаря. В первую очередь Траян решил добиться в отношениях с Дакией большего, чем договор Домициана с царем Децебалом. Отвергнув мирное соглашение, он возобновил войну против Децебала и после двух успешных походов в 101—102 и 105—106 гг. покорил всю Дакию, сделав ее новой провинцией Империи. Тем самым он совершил последнее крупное завоевание в истории Древнего Рима, завладев огромной добычей, в том числе большим количеством золота.

В Риме на колонне Траяна, воздвигнутой на Форуме его же имени, на восходящем спиралью рельефе в мельчайших деталях изображены римские войска в походном порядке и эпизоды битв. Императорская армия насчитывала приблизительно четыреста тысяч воинов. В ее состав входили тридцать легионов (причем численность каждого увеличилась против прежнего), то есть около ста восьмидесяти тысяч легионеров, причем теперь они почти полностью набирались из призванных на военную службу жителей провинций, а не из италийцев. Всего же в римской армии оказалось около двухсот тысяч солдат-союзников. Кроме того, еще приблизительно одиннадцать тысяч представителей разных народов Империи были задейст-

вованы в невоенных или полувоенных формированиях, по триста человек в каждом. Создание этих частей (*numeri*) или соединений (*symmachiarii*), как их называли, было попыткой использовать специфические навыки и качества определенных национальных групп.

На Востоке Траян тоже расширил границы, сформировав в 106—112 г. новую провинцию Аравию со столицей в городе Петра на территории нынешней Иордании. Кроме того, хотя его современник Арриан утверждал, что Траян сначала намеревался заключить мир с Парфией, истинная цель императора состояла в том, чтобы раз и навсегда покончить с проблемой, которую представляла эта страна столь долгое время, полностью разгромив и захватив ее. В 114 г. он покорил Армению и верхнюю (северную) Месопотамию, а на следующий год взял парфянскую столицу Ктесифон и продвинулся на юг до впадения реки Тигр в Персидский залив. Но в 116 г. евреи диаспоры подняли беспрецедентный мятеж сразу в нескольких центрах Ближнего и Среднего Востока. К недовольству местными властями добавилось ожидание прихода некоего мессии, обострившее болезненные воспоминания о разрушении Иерусалима и иерусалимского храма при Домициане. Более того, многие из восточных евреев возмущались введением особого налога на их общины (*fiscus Judaicus*) и симпатизировали Парфии (под властью которой побывали многие из них), полагая, что с приходом римлян их торговые связи разрушатся. Очевидно, изначально восстание вспыхнуло в еврейской общине в Киренаике под предводительством некоего Андфея Лукаса (Ликийца?), одержавшего победу над местными греками, а потом выступившего против римского владычества. Его выступление было жестоко подавлено, но вооруженная междоусобица евреев и греков невиданного доселе масштаба уже разгорелась и в Египте. Военачальнику Квинту Марцию Турбону, направленному во главе сильного войска на пресечение этих беспорядков, пришлось заняться еще и яростным мятежом на Кипре, где предводитель евреев Артемион опустошил город Саламин. Восстание вспыхнуло также в самой Иудее, но было быстро и жестоко подавлено выдающимся командующим римской кавалерии, мавром Луцием Квиетом.

Вскоре на обширных, недавно захваченных территориях Месопотамии Траян встретил новые, еще более серьезные трудности. В 116 г. всю южную часть этой страны охватило

восстание. В то же время парфяне вновь собрались с силами и напали на позиции римлян в Северной Месопотамии, Адиабене и Армении. Линии сообщений войск Траяна были атакованы и нарушены во многих местах. Император в некоторой степени восстановил порядок и даже возвел на престол в Ктесифоне парфянского марионеточного царя, однако его ставленник оказался не в силах утвердиться на этом престоле. Еще до того, как это выяснилось, Траян отправился домой. Но едва он добрался до города Селин в Киликии (на юго-востоке Малой Азии), как слег от приступа водянки, завершившегося параличом, и вскоре скончался.

В перерывах между войнами Траян проявил себя умелым цивилизованным правителем. Он твердо придерживался традиционных конституционных методов и уважал привилегии сената. Материальные потребности людей также находились под его пристальным вниманием. Снабжение зерном было обеспечено, а свободное распределение гарантировано его большему числу потребителей, чем прежде. Другим достижением Траяна было создание института алиментаций — системы денежных субсидий для детей бедняков. Он отказался от взимания пошлины при вступлении в должность, которые подданные платили прежним императорам, и облегчил налогообложение провинций. Наместники провинций подбирались с особой тщательностью, хотя управление финансовыми делами в провинциях и на местах, которое иногда выходило из-под контроля, иногда поручалось таким специально назначенным администраторам, как Секст Квинтилий Валерий Максим в Греции и Плиний Младший в Вифинии. Служебные письма Плиния, адресованные Траяну, и ответы на них свидетельствуют о заботе императора о благосостоянии жителей провинций, которая уживалась в нем с подозрительностью и тревогой по поводу собственной безопасности и стремлением по-отечески помочь так называемым самоуправляемым городам. В одном из таких писем Плиний спрашивал, как относиться к секте христиан. «Не следует их затравливать, — отвечал Траян. — Всякий, кто обвинен и осужден на изгнание, если он говорит, что не является христианином, и подтверждает это своим поведением — а именно почитанием наших богов, — тогда, какое бы подозрение он ни навлек на себя в прошлом, он заслуживает прощения своим раскаянием». Этот ответ, смягчающий отвратительную жестокость наказания, показывает, что Траян

стремился скорее снизить накал, а не обострить отношения в обществе.

Во времена его царствования постоянно расширялись общественные строительные работы, в том числе и замечательной сети дорог и мостов по всей Империи. Основанная им в 100 г. в Тамугади (в Нумидии) колония для бывших солдат, представлявшая собой укрепленный лагерь с домом сената, базиликой и форумом и находившаяся на пересечении двух дорог провинции, сохранилась лучше всех римских поселений в Африке. В Италии внушительный акведук Траяна, последний в системе столичных водопроводов, существенно улучшил снабжение жителей города водой. Питаясь от источников близ озера Сабатин и протянувшись до Яникульского холма в черте города, этот водопровод направлял воду на крупные мельницы, затем поставлял ее на другой берег реки и заканчивался, как указывали писатели древности, у холма Эсквилин.

На Эсквилине же находились бани Траяна, воздвигнутые возле главного жилого крыла Золотого дворца Нерона и открытые в 109 г. за два дня до введения в действие акведука Траяна. И хотя ныне от бань почти ничего не осталось, можно приблизительно восстановить их план. Ясно, что эта просторная постройка превосходила размерами все виденное прежде и стала первой из крупных городских терм, которых было всего одиннадцать. Центром термы Траяна являлось собственно банное помещение с регулируемой температурой воздуха и воды, которое было втрое больше расположенных неподалеку бань Тита. Огромный главный зал с крестообразным сводом окружала огороженная территория для проведения культурных мероприятий общественного центра. Это массивное, соответствовавшее требованиям того времени сложнейшее утилитарное и монументальное здание стало плодом труда императорского архитектора Аполлодора из Дамаска, мастера по возведению сооружений, скрепленных бетоном, использование которого делало возможным создание устремленных ввысь арок, апсид и сводов высокой прочности.

Аполлодор спроектировал также Форум Траяна — последний, самый сложный и самый замечательный в ряду подобных, возведенных императорами в дополнение к первому Римскому Форуму. Он был почти прямоугольным в плане (приблизительно 166 на 109 метров), и для его возведения

потребовалось срыть почти до основания часть холма Квиринал. В комплекс Форума Траяна входили греческая и латинская библиотеки, которые, как и большая часть сооружения, утрачены навсегда. Колонна же, возведенная между библиотеками в честь победы над Дакией, тем не менее сохранилась. Рядом располагалось украшенное величественными апсидами и колоннадами здание Ульпиевой базилики; многочисленные колонны высились на открытом пространстве обращенного к северу и югу боковыми полукруглыми нишами Форума; в нем свободно стояла огромная конная статуя самого императора.

К изогнутой северной нише примыкал рынок Траяна, ряды которого поднимались тремя террасами вверх по склону холма и состояли более чем из ста пятидесяти лавок. Эти торговые ряды были построены из бетона, облицованного прочным, обожженным, жаропрочным кирпичом: его стали применять в качестве внешней декоративной отделки зданий вместо мраморной или каменной облицовки. Центральное место в окружавшем Форум комплексе занимал торговый зал, представлявший собой простую прямоугольную крытую площадь длиной двадцать пять с половиной и шириной девять метров.

Многочисленные лозунги, отчеканенные на монетах Траяна, и написанные Плинием Младшим *панегирики* отражали желание императора быть слугой и благодетелем человечества, посланником неба на земле. Он старался править не как *господин*, а как *принцес*, определение целей которого дал император Август. Это понятие соответствовало особому званию императора — «Optimus» («лучший») и напоминало имя самого Юпитера, которого называли *Optimus Maximus* (т.е. «наилучший»). Это звание было начертано на великом множестве монет, выпущенных после 103 г. Военная политика императора в конечном итоге полностью оправдала самые смелые надежды; сенаторы более поздних времен, вручая бразды правления новому императору, желали ему «быть счастливее Августа и лучше Траяна» (*felicior Augusto, melior Traiano*). В самом деле, Евтропий, который писал об этом времени, пояснил, что ставит Траяна даже выше Августа, особенно почитая его за уважение исключительных прав и привилегий сената. Другой историк, Флор, называл его царствование чудом римского возрождения.

Траяна отличал высокий рост и хорошее сложение, его ли-

цу было свойственно сосредоточенное выражение собственно-го достоинства, усиленное преждевременной сединой. Дион Кассий заявлял:

«Он выделялся среди всех справедливостью, храбростью и неприязнительностью привычек... Он никому не завидовал и никого не убивал, но уважал и возвышал всех достойных людей без исключения, не испытывая к ним ненависти или страха. На клеветников он не обращал внимания и не давал воли своему гневу. Ему было чуждо корыстолюбие, и он не совершал несправедливых убийств. Он расходовал огромные средства как на войны, так и на мирные работы, и сделал очень много крайне необходимого по восстановлению дорог, гаваней и общественных зданий, он не пролил ничьей крови в этих предприятиях... Он был рядом с людьми не только на охоте и пирах, но и в их трудах и намерениях... Он любил запросто входить в дома горожан, порою без стражи. Ему недоставало образования в строгом смысле этого слова, но по сути он многое знал и умел. Я знаю, конечно, о его пристрастиях к мальчикам и вину. Но если бы вследствие своих слабостей он совершал низменные или безнравственные поступки, это вызвало бы широкое осуждение. Однако известно, что онпил, сколько хотел, но при этом сохранял ясность рассудка, а в отношениях с мальчиками никому не нанес вреда».

Траян и его семья служили примером возвышения представителей правящих классов из провинций. Его супруга, Помпея Плотина, целомудренная и достойная женщина, которая приходилась ему родственницей и стоически ухаживала за ним на смертном одре, была родом из городка Немаус в Южной Галлии (романизованного, как и его родной город в Испании и многие другие). Плотина и сестра императора, Ульпия Марциана, были удостоены титула Августы в 105 г., когда Марциана в том же году умерла, ее причислили к лику богов, а ее дочь Матидия (умерла в 119 г.) унаследовала от нее этот титул. Обожественен был также и отец Траяна.

## АДРИАН 117—138 гг.

Адриан (Публий Элий Адриан) (117 — 138 гг.) родился в 76 г., по-видимому, в Риме, хотя семья его постоянно проживала в городке Италика в Бетике, куда ее предки переселились из Пицена, что на северо-востоке Италии. Он был сыном Публия Элия Адриана Афры (что означает «Африканский» — это, по-видимому, звание за успешную службу в Мавретании) и Домиции Паулины из Гадеса. Отец его отца, член сената, был женат на Ульпии, приходившейся теткой императору Траяну.

После смерти отца в 85 г. Адриана поручили заботам двух опекунов: Публия Ацилия Аттиана и самого будущего императора Траяна, для которого он стал утешением в бездетности.

Избрав военную стезю, он был военным трибуном (*tribunus militum*) в легионах, расположенных в Нижней Паннонии, Нижней Мезии и Верхней Германии. Затем, вслед за вступлением Траяна на престол, сопровождал его в Рим, где в 100 г. женился на Вибии Сабине, дочери племянницы Траяна, Матидии Августы. Затем он служил квестором, офицером штаба, командиром легиона и претором во время Первой и Второй Дакских войн, впоследствии стал наместником Нижней Паннонии, а в 108 г. был избран консулом. Его назначили наместником Сирии в годы Парфянской войны, развернувшейся в следующем десятилетии, а в 117 г. уже было принято решение о вторичном избрании его консулом на следующий годичный срок.

Траян умер в Силене 8 августа; 9 августа в Антиохии было объявлено об усыновлении им Адриана и передаче последнему прав наследования трона, о смерти же Траяна не сообщалось до 11 августа. Его вдова, Помпея Плотина, подтвердила факт усыновления, но возникли большие сомнения в том, успел ли на самом деле осуществить его умирающий император. Это нашло отражение в надписях на монетах, выпущенных сразу после описанных событий, на которых Адриану присваивался титул Цезаря, но не Августа (*HADRIANO TRAIANO CAESARI*). Имел место на самом деле факт усыновления или нет, армия признала Адриана императором, и сенату (хотя некоторые из его членов считали себя более достойными высших полномочий) пришлось с этим смириться.

Адриан обратился к сенаторам с почтительной предупредительностью, пообещав никогда не применять по отношению к ним смертной казни и испросив их согласия на обожевление своего предшественника. Однако затем он стал действовать самостоятельно, проводя на Востоке военную политику, отличавшуюся от политики Траяна. По убеждению Адриана, недавние широко распространившиеся беспорядки в Месопотамии показали, что агрессивные намерения его предшественников превышали возможности финансовых и людских ресурсов Империи. Поэтому он решительно отказался от захватнических амбиций Траяна, вновь провозгласив эти территории провинциями Империи (то есть они оставались в



подчинении у Рима), но оставив их в руках местных зависимых царей. Затем он уделил внимание северным пределам Империи, где одолел племена роксоланов и сарматов, относившихся к иранской группе народов, закрепил покорение Дакии Траяном, которую разделил на две, а позже — на три провинции.

Признаки внутренней оппозиции, угрожавшей режиму Адриана, появились даже прежде, чем стали известны его планы относительно восточных регионов. Его бывший опекун Аттиан, будучи префектом претория, предпринял предупредительные меры по отношению к трем влиятельным деятелям, которые вполне могли замыслить мятеж. Один из них, Гай Кальпурний Красс, относившийся враждебно и к Траяну, встретил свою гибель, согласно официальной точке зрения, без какого-либо вмешательства или наущения со стороны Адриана. Что же касается двух других возможных заговорщиков, то император предпочел не замечать их. Однако в 118 г. появились слухи о подготовке гораздо более опасного заговора, которые вынудили Адриана, проводившего зиму в Никомедии и Вифинии, поспешить в Рим. Сенат сам взялся расследовать дело о казнях четверых бывших консулов, которые прославились при Траяне, в том числе военачальника Луция Конста (смененного Адрианом с поста в Иудее) и богатого и обладавшего большими связями в свете Гая Авидия Нигрина, которого считали вероятным преемником Адриана. Возможно, эта группа энергично возражала против нового подхода императора к пограничным проблемам. Адриан еще раз подтвердил, что никогда и ни в коей мере не был причастен к этим смертям, и обратил гнев на Аттиана, уволив его с занимаемого поста, но возведя в консульский ранг. Сенаторы отнеслись к этому скептически и сочли, что Адриан нарушил свою клятву не применять смертной казни по отношению к кому-либо из их числа.

Задолго до этого Адриан начал совершать поездки по разным уголкам государства, которые продолжал и далее, став величайшим из путешественников Империи. Между 121 и 132 гг. он провел невероятно большое количество времени в пути, изъездив провинции вдоль и поперек, узнавая о трудностях местных жителей из первых рук, добиваясь решения их проблем и удовлетворяя их нужды и просьбы. На следующий год он выпустил серии монет в честь каждого из регионов римского государства, сопровождая каждую серию отличным от

других сюжетом и изображая на них соответствующих выдающихся деятелей. Монеты, посвященные его поездкам (*adventus*) в различные провинциальные центры, содержат сюжеты на тему религиозных жертвоприношений, а на монетах, прославляющих его роль в восстановлении регионов (*restitutor*) — фигура поднимающейся с колен женщины. Провинции изображены в виде женщин в мирных или боевых облачениях, причем в национальных костюмах и с соответствующими атрибутами, то есть обязательно присутствует какая-то характерная деталь: города Азии, греческие игры, египетский ибис, кривая азиатская сабля.

Адриан был первым обладателем трона, рассматривавшим территории Империи не с точки зрения интересов одного лишь Рима. Империи надлежало стать живым организмом не только в центре, но и в любой ее части, не примитивным скоплением захваченных и покоренных земель, но содружеством, в котором каждый отдельный регион и каждая народность обладали бы собственной горделивой индивидуальностью. Его ревностный, непрерывный надзор за состоянием дел на местах был вызван желанием показать, что он действительно понимает стремления провинций, по отношению к которым представлял как руководитель и всеобщий объединяющий символ.

Сверх всего этого Адриан, как истинный знаток военного дела, старался осуществлять постоянный контроль за армиями, регулярно посещал войска, чтобы убедиться в поддержании ими максимального уровня боевых навыков и готовности. Ведь армии теперь оказались в новой ситуации. Политика ограничения завоеваний означала необходимость укрепления существующих границ, что оборачивалось значительным усилением приграничных оборонительных порядков. Вследствие этого военная система более, чем когда-либо прежде, стала строиться на армиях, постоянно находившихся вблизи рубежей государства, вдоль которых были возведены наиболее мощные сооружения. Одним из первых плодов такой политики, по причине малой протяженности британской границы, стали укрепления, и поныне сохранившиеся лучше всех фортификационных сооружений Империи, а именно — стена Адриана в Северной Британии, которая протянулась от Тайна до Соляной дороги. Она сложена отчасти из камня, отчасти из дерна, с расположенными на возвышенностях воротами и башнями и с V-образным рвом. Пятнадцать тысяч воинов

вглядывались поверх этой стены в просторы непокоренной северной Каледонии. В Германии и Реции Адриан также возвел укрепления там, где не существовало таких природных преград, как, например, реки. Воздвигнутые валы, в том числе сплошной двухсотмильный участок вдоль германской границы между Рейном и Дануviем, венчались деревянным частоколом, усиленным поперечными балками и возвышавшимся над крутыми обрывами рвов.

Пристальное внимание Адриана к обороне границ способствовало все большей стабилизации положения, вследствие чего гражданские поселения при обнесенных крепостными стенами военных лагерях росли и процветали экономически. Более того, невоенные задачи мирного времени, решать которые римские воины сами считали своим долгом, становились более разнообразными и масштабными: солдаты занимались разведением лошадей, производством обмундирования, перевозкой и охраной зерна, разработкой каменоломен, животноводством. Расширение такой долговременной деятельности поощрялось еще и потому, что полки легионеров, находившиеся вдали от границ, играли роль резерва и, как правило, не подлежали переводу из одних мест в другие. Адриан расширил созданные Траяном полувоенные подразделения, сделав их неотъемлемой частью римской армии. Существенное различие между мобильными и стационарными силами предопределило разделение войск на полевые и пограничные, которое установилось в Империи позднее. Мобильность же поддерживалась периодическими перемещениями мелких воинских частей из одних расположений легионов в другие.

При посещении войск Адриан полностью посвящал им все свое внимание, и от него не ускользали никакие аспекты и детали. Он был тверд в требовании жесткой воинской дисциплины, о необходимости соблюдения которой упоминал даже на монетах (*DISCIPLINA AVGVSTI*). Тем не менее его частые приезды в армии, проведение маневров и смотров и участие в них, его обыкновение разделять с ними быт и пищу, жить одной с ними жизнью и обычаями вызывали у солдат огромную симпатию к императору. Среди выпусков монет, посвященных римским провинциям, были уникальные серии в честь десяти главных армий, отмечавшие характерные особенности каждой из них (эти нумизматические приемы не использовались предшественниками Адриана, которые, по-видимому, опасались сепаратистских тенденций).

Боевые действия в годы правления Адриана были редки. Однако одна серьезная война все-таки вспыхнула уже на исходе его жизни: восстание евреев, но не в среде еврейской диаспоры, как при предыдущем императоре, а Второе восстание в самой Иудее, сходное по масштабам с выступлением, подавленным Веспасианом и Титом. Причиной послужило создание Адрианом, космополитические взгляды которого противоречили еврейским сепаратистским устремлениям, новой римской колонии и храма в Иерусалиме, впоследствии переименованной Элием Капитолиной в честь своей семьи Элиев<sup>1</sup>.

Строительство храма вызвало гневный протест евреев и привело в 132 г. к открытому мятежу, вдохновителем которого был Симеон Бар-Косиба (прозванный Бар-Кохба — «сын звезды»). Повстанцы захватили Иерусалим и стали выпускать собственные монеты. На подавление восстания потребовалось целых три года. За это время Адриан один или два раза приезжал в Иудею и — сие известно достоверно — присутствовал при взятии Иерусалима в 134 г. В следующем году оставшиеся мятежники были окружены в Бетаре, и среди прочих суровых репрессивных мер на них был наложен полный запрет на обрезание.

Жестокие расправы Адриана с евреями нельзя назвать обычными для него, ибо императорская администрация действовала хоть и без особых нововведений, но умело и заботливо. После значительных расходов Траяна на ведение войн Адриан уделял особое внимание финансовым проблемам государства, добиваясь улучшения положения не столько скарденной экономией или конфискациями (он действительно сжег расписки по огромному количеству безнадежных долгов казне), сколько исключением ненужных расходов.

Адриан также глубоко и плодотворно занимался законодательной деятельностью, поручив известному африканскому судье Луцию Сальвию Юлиану пересмотреть эдикты, которые в течение столетий издавали ежегодно назначаемые преторы. Издание Юлианом уточненных эдиктов помогло беднякам (*humiliores*), которые прежде неизменно подвергались дискриминации в судебных тяжбах против привилегированной знати (*honestiores*), а теперь получили подобие правовой защиты, коей раньше были лишены.

Благодаря настойчивости Адриана, римское право вступи-

---

<sup>1</sup> Впрочем, возможно, колония была создана уже после мятежа.

ло в пору Золотого века — наиболее созидательного и важного периода своей истории. Система юстиции тоже переживала заметный прогресс, примером чего может служить новая практика назначения четырех выездных судей для отправления правосудия в Италии (весьма полезная мера, несмотря на протесты в связи с ослаблением полномочий сената). Более того, чтобы усовершенствовать стандарты правосудия собственного суда в Риме, Адриан придал определенный статус группе юридических экспертов, с которыми обычно консультировались правители, объединив их в императорский совет, или *consilium principis*. Отныне совет приобрел более официальный и ответственный характер. С обыкновением всех императоров, начиная с Августа, созывать друзей для обсуждения юридических проблем в менее официальной обстановке было покончено. Сальвий Юлиан, выделявшийся среди советников Адриана, стал одним из ведущих сенаторов и был избран соконсулом в 175 г., в число советников входили также представители сословия всадников. Это не единственное ответственное поручение, которое Адриан доверил людям этого ранга, ибо он часто назначал их на руководящие должности в министерствах имперской бюрократии, в системе которой также были проведены эффективные преобразования. Его отношения с сенатом в то же время приняли неудовлетворительный оборот и становились все более натянутыми, в частности, по причине ухудшения здоровья императора — подозревали туберкулез и водянку, что сказывалось и на его нраве.

Главной проблемой являлась передача трона, потому что Адриан, чьи супружеские отношения с Вибией Сабиной (умершей в 128 г.), по-видимому, были прохладными, не имел наследника. В 136 г. император усыновил и объявил преемником элегантного блистательного сенатора Луция Цейония Коммода (вскоре принявшего имя Луция Элия Цезаря), который получил пост наместника Паннонии. В том же году Адриан распорядился убить своего престарелого шурина Юлия Урса Сервиана и его внука, который, как подозревал император, готовился составить конкуренцию кандидатуре Элия. В январе, однако, Элий умер. Месяц спустя Адриан усыновил Антонина Пия и, чтобы обеспечить более долговременную преемственность, приказал самому Антонину усыновить Марка Аврелия и Луция Вера (сына Элия Цезаря), семнадцати и семи лет соответственно. Адриан скончался в Бай-

ях 10 июля 138 г. Его похоронили в мавзолее, который он возвел для этой цели в Риме (и который впоследствии стал называться замком Святого Ангела). Сенат удовлетворил просьбу Антонина об обожествлении Адриана, хотя и неохотно (см. **Антоиня**).

Адриан был очень восприимчив к основным особенностям эпохи. Он участвовал в религиозных мистериях и проявлял глубокий интерес к астрологии и магии. Адриан разделял современные вкусы и почитал традиции, неутомимо осматривал достопримечательности и занимался литературой, любил компанию языковедов и сам писал, причем его обращенные к душе короткие трогательные поэмы известны и по сию пору. Он был еще и хорошим художником; к тому же его интерес к искусству вызвал к жизни целое новое направление адриатической живописи, в котором ощущается сильное влияние греческой культуры. Именно со времен Адриана императоров стали изображать с курчавой растительностью на лице, зачастую в приукрашенном, идеализированном виде, используя резкий контраст света и теней. Несколько сохранившихся портретов передают энергичные выразительные черты самого Адриана. Еще более примечательны изваяния — статуи и головы — его фаворита, юного Антиноя, драматичная гибель которого (он утонул в Ниле в 130 г.) всколыхнула поразительную волну религиозных чувств на востоке Империи, где его причислили к сонму богов. Классические греческие традиции изображения божества, перед которыми так благоговел Адриан, вновь восстали из прошлого, чтобы запечатлеть мечтательный взгляд и чувственные черты Антиноя, выразить скорбь по юности, которая проходит, и красоте, которая увядает.

Эстетические взгляды и стремления Адриана воплотились в архитектуре времени его правления и более всего — в роскошной резиденции, которую он построил для себя в Тибуре, что в предместьях Рима, среди оливковых рощ южных склонов. Комплекс из соединенных между собой и стоящих отдельно зданий, составлявших эту «виллу Адриана», воспроизводил города и строения, которыми Адриан восхищался во время своих путешествий, стал предвестником целой серии смелых и оригинальных форм. По инициативе пытливого ума неутомонного императора талантливые архитекторы-экспериментаторы возвели безрассудно смелые сооружения, искусно используя неровности рельефа, доказав техническое совершенство облицованных кирпичом бетонных конструкций. В

этих строениях повсюду — обилие изогнутых очертаний различной сложности, и едва ли возможно обнаружить простые прямые линии.

Кульминацией революции в архитектуре эпохи Адриана стало возведение пантеона на Марсовом поле в Риме. Полностью изменив внешний вид храма, возведенного другом Августа, Агриппой, архитектор Адриана построил круглое здание. Усыпальницы подобной формы были известны с древних времен, но открытие бетона позволило теперь создавать сооружения круглой формы гораздо больших размеров, воплощая самые смелые проекты. За колоннадой просторной прямоугольной галереи находится собственно ротонда, диаметр которой равен ее высоте. Она освещается через солнцеподобное отверстие в центре просторного свода, вокруг рассыпаны рельефные звезды, стены изрезаны прямоугольными и полукруглыми выемками и нишами, придающими ощущение легкости массивной бетонной конструкции. Это впечатление усиливают пять рядов кессонов на своде, которые столь прочны, что пережили даже снятие позолоченных бронзовых плит в 663 г. Пантеон был, вероятно, первым крупным монументом с подобной внутренней отделкой: решающим фактором отныне стало само внутреннее пространство, а не прочность каменной кладки. В отличие от греческих храмов, внутри которых не проводили групповых обрядов, пантеон Адриана был создан для того, чтобы там собирались люди.

В другой части столицы, возле Римского Форума, Адриан воздвиг другое эффектное святилище исключительных размеров — храм Венеры и Ромы. А на Форуме Траяна он построил огромный храм в честь обожествленного Траяна. Значительные строительные работы были произведены в Афинах, в том числе удивительное по масштабам восстановление храма Зевса Олимпийского, которое тоже стало проявлением достойных намерений Адриана, истинного римлянина и эллинофила.

## АНТОНИН ПИЙ

138—161 гг.

Антонин Пий (Тит Аврелий Фульв Бойоний Антонин) (138—161 гг.) родился в 86 г. в окрестностях Рима в городе Ланувий. Предки его происходили из города Немауса в Южной Галлии,



БРИТАНИЯ

СВОБОДНАЯ ГЕРМАНИЯ

НИЖНЯЯ ГЕРМАНИЯ

БЕЛГИКА

ЛУГДУНЫ

РЕЦИЯ

НОРИК

ВЕРХНЯЯ ГЕРМАНИЯ

ВЕРХНЯЯ ПАННОНИЯ

Лугдун

АКВИТАНИЯ

НАРБОНСКАЯ ГАУЛИЯ

А П

ИТАЛИЯ

Рим

ТАРРАКОНСКАЯ ИСПАНИЯ

Тарракон

ЛУЗИТАНИЯ

САРДИНИЯ

БЕТИКА

СИЦИЛИЯ

Карфаген

МАВРЕТАНИЯ

АФРИКА



6 Провинции ко времени смерти Антония Пия (161 г. н.э.)



но переехали в столицу после того, как его дед, а впоследствии и отец (Тит Аврелий Фульв), получил консульскую должность, причем первый вдобавок дважды удостоивался назначения на пост городского префекта. Матерью императора была Аррия Фадила, отец которой, Аррий Антонин, тоже происходил из Южной Галлии и дважды становился консулом. Говорят, когда императором стал Нерва, он выразил новому правителю свои соболезнования.

Юные годы Антонин провел в Лории, недалеко от Рима. После ранней кончины отца его воспитанием занялись оба деда. Когда ему было за двадцать, он женился на Аннии Галерии Фаустине (Фаустина Старшая), дочери Марка Анния Вера. После службы квестором и претором он в 130 г. стал консулом. Вскоре император Адриан назначил его одним из четырех выездных судей, которые вершили суд в Италии, причем свои обязанности Антонин исполнял в Этрурии и Умбрии, и эта деятельность оказалась для него плодородной нивой. Затем он приобрел превосходную репутацию в качестве проконсула Азии (приблизительно 133—136 гг.) и по возвращении в Рим был назначен членом восстановленного императорского совета. Когда в январе 138 г. скончался Луций Элий Цезарь, приемный сын и наследник Адриана, выбор императора пал на Антонина, который после длительных размышлений принял это предложение и 25 февраля был усыновлен Адрианом, получив полномочия трибуна, а вскоре — и высший административный пост (*imperium*). В его честь выпустили монеты, на которых он именовался Титом Элием Цезарем Антонином. В то же время самому Антонину было приказано усыновить Марка Аврелия и Луция Вера, ставших его преемниками. За этим последовали месяцы долгой болезни Адриана, когда Антонин уже на деле исполнял обязанности правителя Империи, а после смерти императора в июле 138 г. он естественным и мирным путем занял его место на троне.

Царствование Антонина началось с некоторых затруднений, поскольку, когда он подал просьбу об обожествлении своего предшественника и официальном признании его деяний, сенат проявил несговорчивость по обоим пунктам, памятуя о том, что Адриан урезал полномочия сенаторов и некоторых из них казнил. В конце концов, побаиваясь вмешательства армии в случае неудачи этого начинания нового правителя, сенаторы уступили, но добились отмены непопулярного ин-

ститута выездных судей, действовавших на территории самой Италии. В дальнейшем, даже если некоторые из них не считали Антонина лучше себя по происхождению и талантам, его особенно внимательное отношение к их классу вскоре побудило сенаторов присвоить ему имя «Пий» (благочестивый), отметив тем самым его рвение в исполнении религиозного и патриотического долга. В 139 г. Антонин, в соответствии с обычаем, принял звание Отца Отечества (*Pater Patriae*), хотя сначала думал от него отказаться, и одновременно во второй раз занял пост консула (он еще дважды занимал эту должность в 140 и 145 гг.).

*Historia Augusta* особенно подчеркивает миролюбивый нрав Антонина, и его царствование действительно в основном было мирным, хотя и не абсолютно безмятежным, ибо некоторые из провинций оставались беспокойными, да и ситуация на отдельных участках границы складывалась непросто. В Северной Британии за подавлением восстания последовало расширение территории Империи, отмеченное возведением нового оборонительного вала (Стена Антонина), протянувшегося от Ферт-оф-Форта до реки Клайд. Сложенная из дерна стена стояла на фундаменте из булыжников шириной в четырнадцать футов, возвышаясь над глубоким рвом. Гарнизон располагался в маленьких фортах, возведенных через каждые две мили, в отличие от более крупных и дальше отстоявших друг от друга фортов стены Адриана. Однако около 154 г. волнения, зачинщиком которых стало племя бригантов, повлекли за собой временный отвод части войск от оборонительной линии Антонина, в результате чего некоторые форты были разрушены повстанцами. Очевидно, именно эти события побудили Антонина переселить большую часть населения из местности, расположенной между двумя стенами римлян. Их перевезли в Германию и поселили на берегу реки Неккар, приказав участвовать в обороне прилегающей границы, которую, как и в Британии, защищали установленные за частоколом с каменными наблюдательными башнями форты.

Тем временем обширные области на севере Африки подверглись набегам банд мародеров. Главным образом они вторгались с территории Нумидии, в Мавретании же войсковые подкрепления были брошены на проведение широкомасштабной карательной операции, в ходе которой около ста пятидесяти мавров-сектантов сослали к дальним западным рубежам страны. Приблизительно четыре года спустя в Египте введе-

ние повинностей в виде тяжелых принудительных работ привело к тому, что местные жители стали покидать насиженные места. За этим последовал мятеж, который пришлось усмирять; в 158 г. было подавлено восстание в Дакии.

Неприятности могли возникнуть и в Иудее. Но там Антонин Пий изменил закон (но не отменил его полностью) своего предшественника, запретившего делать обрезание. Точнее говоря, он разрешил евреям обрезать своих сыновей, но не позволил им придавать этому обычаю характер церемониального обряда, тем самым ослабив позиции иудаизма в соперничестве с активно распространявшимся христианством. Более того, для усиления мер, запрещавших иудеям входить в Иерусалим, военные посты вокруг города были значительно укреплены.

В разрешении любых споров, когда представлялась такая возможность, Антонин предпочитал дипломатические методы военным — особенно, если дело касалось отношений с парфянским недругом. Несмотря на необходимость проведения тех или иных военных операций, отсутствие каких-либо серьезных катаклизмов позволило Антонину уменьшить привилегии моряков и союзников, дети которых, рожденные в годы их службы, как и прежде, автоматически получали римское гражданство. Однако отныне избирательные права им предоставлялись лишь в том случае, если они вербовались в римские легионы. Таким образом, новое законоуложение способствовало пополнению армии.

Антонин заметно отличался от своего предшественника еще и тем, что его интересы касались прежде всего не провинций, а собственно Италии, которую он желал упрочить и вновь утвердить в качестве полновластной державы римского мира. Чеканка монет его времен, хотя и отдавала должное провинциям (например, BRITANNIA оказалась прототипом фигуры, так и оставшейся на пятидесятипенсовых монетах Великобритании), особенно сильно отражала эту перемену, проявившуюся и в ряде мер, предпринятых на территории италийского полуострова. На выпущенных деньгах изображались преимущественно порты, мосты, бани и амфитеатры, а традиции щедрых пожертвований, начало которым положил император Траян, получили дальнейшее развитие в соответствии с программой осуществления помощи девочкам-сиротам Италии, которых называли «Puellae Faustinae» в честь супруги Антонина (Фаустина Старшая умерла в 140 или в 141 г., и хо-

тя в более поздних описаниях добродетельность ее характера подвергается сомнению, она была удостоена не только обоже- ствления, но и беспримерного количества выпущенных па- мятных монет и других почестей). Сам Антонин ни разу не покидал пределов Италии за все время своего царствования; он наслаждался жизнью сельского аристократа на своей вилле в Ланувии. Рим тоже находился в фокусе его внимания: он устраивал грандиозные раздачи денег и публичные предст- авления, а в честь девятисотлетней годовщины основания горо- да выпустил огромное количество памятных медальонов, патриотически прославляя легендарное происхождение своего народа.

Курс Антонина относительно Италии и самой столицы был с одобрением воспринят сенатом, с которым, преодолев коле- бания среди его членов, он установил дружеские отношения (например, хотя появились признаки того, что некий Атилий Тициан организует заговор, Антонин постановил, что его соу- частники не будут подвергнуты преследованиям). Отменой института четырех выездных судей император восстановил полный контроль сената над страной. Но Антонин все-таки осознавал слабость сената и, несмотря на то, что оказывал его членам всяческое уважение, обсуждение сколько-нибудь серь- езных дел приберегал для своего императорского совета. Че- тыре префекта претория, сменивших друг друга за время его царствования, входили в состав его совета, и для последующих времен стало знаменательным, что все они были еще и выда- ющимися юристами. Первый из них, Марк Гавий Максим, за- нимал этот пост двадцать лет, тогда как даже наместники про- винций обычно удерживались на своих местах менее десяти лет. Естественная смерть Антонина в 161 г. обозначила конец царствования, которое в целом оказалось благотворным и не непрогрессивным, хотя процесс централизации продолжался, и римский мир, казалось, отнюдь не был столь повсеместным, как утверждали доброжелатели.

К числу панегиристов принадлежал известный греческий философ Элий Аристид из Адриана в Мисии, который имел доступ ко двору, будучи наставником юного Марка Аврелия. Торжественная речь Аристида *Панегирик Риму* — это речь страстного римского патриота. Обращаясь к Риму эпохи Ан- тонина, он восклицает:

«Именно ты неопровержимо доказал всеобщую истину, что Земля являет- ся всем матерью и общим отечеством. Теперь в самом деле эллины и незелли-

ны, обладающие состоянием или без оно, могут запросто путешествовать повсюду... Гомер сказал: «Земля для всех общая», — и ты сделал так, чтобы это стало явью... Поистине остается лишь сочувствовать тем, которые остались — если таковые в самом деле остались — неподвластны тебе, поскольку они лишены этого блаженства».

Столь восхищенную оценку мира эпохи второго века подтвердил историк Эдвард Гиббон в своем труде *Закат и падение Римской Империи*, написанном в 1776 г. «Если попросить любого человека определить период мировой истории, в течение которого состояние человеческой расы было наиболее счастливым и процветающим, он без колебаний назовет время от смерти Домициана до вступления на трон Коммода» (96 — 180 гг. нашей эры). Антонин Пий вполне может служить символом и примером этого Золотого века Империи. Если ограничить «человеческую расу» Римской Империей и подумать, сколь хорошо жилось ее гражданам, высказывание Гиббона, по-видимому, недалеко от истины. В дальнейшем историки подвергали сомнению его точку зрения, указывая, например, что невольников и народы покоренных земель, а также необразованных сельских тружеников едва ли можно считать «счастливыми и процветающими», что застой и засилие бюрократизма, столь явно проявившиеся в последующем столетии, стали ощутимыми уже во времена императора Антонина.

Тем не менее нет сомнений в том, что самому Антонину были свойственны возвышенность натуры и благородство стремлений. Во все времена не было недостатка в прижизненных панегириках правителям, и обычно они вызывают известную степень скептицизма. Но воздаваемые Антонину хвалы, которые продолжились и после смерти императора в Размышлениях его приемного сына Марка Аврелия, свидетельствуют об истинно привлекательном характере. «Помните его добродетели, — наставляет Аврелий, — чтобы, когда придет ваш последний час, совесть у вас была так же чиста, как у него».

## МАРК АВРЕЛИЙ 161—180 гг.

Марк Аврелий (161—180 гг.) родился в 121 г. и был наречен Марком Аннием Вером. Его прадед по отцовской линии, Анний Вер, из Уккуби (город в Бетике), обеспечил процветание семье, добившись ранга сенатора и претора. Дед императора

трижды становился консулом, а отец, Анний Вер, женился на Домиции Луцилле, богатая семья которой владела производством гончарных изделий (перешедшим к Марку по наследству) в предместьях Рима. В ранние годы к его имени присовокуплялось также имя деда по материнской линии, Катилия Севера (который назначался консулом в 110 и 120 гг.).

В детстве он привлек к себе особое внимание императора Адриана, назвавшего его «Правильнейший» и сделавшего жрецом салийской коллегии, когда мальчику было всего восемь лет. Император поручил заняться его образованием лучшим учителям того времени, включая знаменитого Фронтон, обучавшего Аврелия латинской литературе. Когда в 136 г. Адриан усыновил Луция Элия Цезаря, дочь Элия определили в невесты Марку, после смерти Элия император в 138 г. усыновил Антонина, который, в свою очередь, сразу же усыновил двух приемников. Одним из них был Марк, приходившийся племянником жене Антонина, Фаустине Старшей, и принявший имя Марк Аврелий Цезарь (Аврелий — одно из имен Антонина), другим же юным наследником стал Луций Вер (так он назвался впоследствии), сын упомянутого Элия.

Вслед за восшествием на престол Антонина помолвка Марка Аврелия с дочерью Элия была расторгнута, и в 139 г. он обручился с дочерью самого императора, Аннией Галерией Фаустиной Младшей, на которой женился шесть лет спустя. В 140 и 145 гг. Марк становился консулом, напарником своего названного отца, а в 146 г. получил полномочия, фактически делавшие его наследником престола (должность трибуна, или *tribunicia potestas*, и пост проконсула с высшими полномочиями вне Рима, или *imperium*). К тому времени, к большому разочарованию Фронтон, Марк Аврелий бросил риторику и увлекся философией стоиков (ее преподавал ему Юний Рустик), оказавшей определяющее влияние на его дальнейшую жизнь. В 161 г. Антонин Пий на смертном одре из рук в руки передал ему императорскую власть. Новый правитель, уже носивший имя Аврелий и теперь прибавивший к нему имя Антонин, потребовал от сената признания за Вером равных с собою прав, осуществив тем самым новую концепцию правления (см. **Луций Вер**). Вскоре на разных участках границы начались неприятности. Тяжелый кризис разразился на Востоке: парфянский царь Вологез III (148—192 гг.) вторгся в Армению и одну за другой разбил две римские армии. Однако после того, как значительно ослабленные войска были выведены из-

под непосредственного командования Луция Вера, в течение 163—164 гг. Армения была вновь захвачена римскими полководцами и превращена в протекторат; тем самым Марк Аврелий возобновил политику Траяна, создавшего зависимое от Рима государство на территориях за Евфратом. Во время празднования Триумфа в честь этой победы в 166 г. два сына Аврелия, пятилетний Коммод и трехлетний Анний Вер, получили титулы Цезаря и приняли участие в процессии.

К этому времени, однако, на северных границах самые грозные германские племена перешли Данувий, гарнизон которого состоял из десяти римских легионов; для сравнения, на Рейне было четыре легиона. Эта миграция привела к событиям, надолго изменившим карту Европы. Впервые римлянам пришлось противостоять неприятелю, вторгнувшемуся на их собственные земли; с этих пор приграничное население подвергалось давлению со стороны переселявшихся с севера народов. Сначала в Верхнюю Германию вторглось западное германское племя хаттов. С ним удалось расправиться, но через четыре года сложилась гораздо более серьезная ситуация, когда относительно романизированные маркоманны из Бойгема заодно с лангобардами и прочими племенами переправились через Данувий, тогда как сговорившиеся с ними сарматы наступали между Дануviем и Тиссой. Эти бешеные атаки не стали неожиданностью, но из-за войны на Востоке их было трудно предотвратить.

В 167 г. оба императора направились к северным рубежам. Затем, спустя два года, после смерти Луция Вера (см. **Луций Вер**), Аврелий вынужден был вновь вернуться на Данувий, чтобы ответить на вызов более решительно. Борьба оказалась упорнее, чем когда-либо прежде, и продолжалась под личным руководством императора большую часть из оставшихся четырнадцати лет его жизни. Хронология этой кампании спорна, но известно, что в 170 г., или чуть раньше, случились два бедственных события. Во-первых, маркоманны и квады, прорвавшиеся через равнинные земли южнее верхнего и среднего течения Данувия, сожгли Опитергий и осадили Аквилею. Почти одновременно костобоки, мародеры из карпатского региона, захватили область в нижнем течении Данувия и проникли в глубь Греции, где разграбили Элевсин. Армии Аврелия, ослабленные страшной эпидемией, распространившейся с востока (см. **Луций Вер**), медленно и с трудом восстановили контроль лишь после затяжной серии кампаний.



Император предусмотрел два основных решения германской проблемы. Согласно первому, от 171 г., этим многочисленным племенам позволялось поселиться в Империи, как они того желали. Такое делалось и прежде, но Аврелий упорно развивал этот процесс и на многих территориях — в Дакии, Паннонии, Мисии, Германии и в самой Италии — поручал поселенцев заботам римских землевладельцев или арендаторов имперской собственности и официально прикреплял их к землям, которые они впредь должны были занимать и обрабатывать. Такую политику осуждали и тогда, и в дальнейшем, как политику варваризации Римского мира; тем не менее она уменьшила давление на границы и обеспечила прирост земледельцев и солдат, которые могли пригодиться на службе следующим правителям. Другим важным стремлением Аврелия было раздвинуть северные границы и создать две новые провинции: Сарматию, расположенную между Дануviем и Тиссой, и Маркоманнию, включавшую в себя Бойгем и часть территории нынешних Моравии и Словакии. Эти меры, которые могли действительно привести к далеко идущим улучшениям, должны были сократить границу, чтобы ее большая часть пролегла по горам, а не по рекам, и поставить бы потенциально опасных германцев под контроль Империи.

Однако захватнические планы Марка Аврелия принесли не больше успехов, чем подобные попытки императора Августа. Первая такая кампания была вскоре прервана из-за опасного восстания на Востоке. Его поднял Авидий Кассий, сын сирийского ритора: одержав победу в Месопотамской войне и получив в 172 г. особые властные полномочия во всех восточных провинциях, он в 175 г. вознамерился заполучить и трон. Возможно, он поверил, что Марк Аврелий погиб на далеком Данувии — очевидно, его убедила в этом императрица Фаустина Младшая, которая находилась рядом с мужем и сочла, что император не переживет серьезной болезни. Все восточные провинции, за исключением Каппадокии и Вифинии, поддержали мятеж. Однако, когда выяснилось, что Аврелий не только остался жив, но и возвратился из данувийских земель в Рим и теперь собирается в восточные провинции, восстание — менее чем через сто дней от момента его начала — утасло, а Авидий Кассий был убит своими же людьми.

Тем не менее императору пришлось отправиться на Восток, его сопровождала Фаустина. Она уже четыре года находилась рядом с ним во время северных кампаний и на выпущен-

ных в ее честь монетах была названа «Матерью лагерей» (*mater castrorum*), и хотя ее подозревали в участии в восстании Авдия, Аврелий, очень ей доверявший, не обращал на это внимания. Однако Фаустина умерла, когда они достигли юго-восточных районов Малой Азии, и по настоянию императора была обожествлена. Сам он вернулся в Рим в конце 176 г. и отпраздновал Триумф. На следующий год он во второй раз отправился на Север, чтобы завершить кампанию против германцев, и один из его военачальников в 178 г. одержал решающую победу над маркоманнами, которая почти — но не полностью — обеспечила осуществление захватнических намерений Аврелия. Но тут Аврелий вновь серьезно заболел и, полагая за сыном, тихо скончался во сне 17 марта 180 г.

В делах судейских Марк Аврелий придерживался принципов справедливости и беспристрастности, унаследованных от Антонина Пия. Подобно своему предшественнику, он глубоко интересовался юриспруденцией и пользовался советами видного юриста Квинта Сервидия Сцевола, получившего известность не только как советник императора, но и как автор иностранных научных работ. Кроме того, правительство Аврелия, как и правительство его предшественника, было склонно проводить лишь отдельные реформы, а не совершать решительные преобразования. Пожалуй, наиболее отличительной особенностью его царствования стало дальнейшее совершенствование имперской бюрократии, послужившее упрочению взаимосвязей между административными, финансовыми и военными структурами Римского мира.

Все свои обязанности он исполнял с неослабной тщательностью и обходился с сенатом подчеркнуто почтительно. Затраты на продолжительную войну вкупе с семью крупными раздачами денег (считавшимися необходимыми для поддержания общественного мнения) вызвали недопустимое истощение государственных финансовых ресурсов, следствием чего стали распродажа через аукционы имперской собственности и тайное снижение качества серебряных монет, которое вскоре, естественно, было обнаружено. Назначение специальных уполномоченных лиц в неиталийских областях, близких к банкротству, было симптоматично при отсутствии инициативы на местах, что стало характерной чертой эпохи. За фасадом правительства с искренними высокими принципами сочетание экономического спада с ростом влияния бюрократии со-

вершенно очевидно вело к мрачному авторитаризму грядущего века.

В последние годы жизни Марк Аврелий способствовал значительному продвижению своего сына Коммода, получившего в 166 г. титул и имя Цезаря, в 177 г. (семнадцати лет от роду) — Августа, а еще три года спустя ставшего единовластным императором. Вдобавок ко всем прочим недостаткам, Аврелию вменяли в вину — при ретроспективных оценках — возврат к принципу прямого наследования, положивший конец восьмидесятидвухлетней практике усыновления преемника. Однако, в отличие от предшественников, волею судьбы он оказался в невыгодных условиях из-за отсутствия какого-либо иного кандидата, который был бы более приемлемым преемником. Так, например, выдвижение Тиберия Клавдия Помпеяна, в 169 г. ставшего супругом дочери Аврелия, Луциллы, лишь спровоцировало бы соперничество и гражданские войны. По крайней мере этого удалось избежать, поскольку сам переход власти не вызвал смуты.

По иронии судьбы, император, большую часть своего царствования проведенный на войне, оказался наиболее известным царем-философом западного мира. Марк Аврелий был одним из тех редких правителей, произведения которых превзошли и пережили их деяния. Изложение глубочайших сокровенных мыслей, адресованное (согласно его редакторам) «К самому себе» и впоследствии распространившееся под названием *Meditations*, стало самой известной книгой, когда-либо сочиненной монархом. Написанное в оригинале на греческом языке и выдержанное в литературном стиле, оно представлено в форме частных записок; Аврелий не задавался целью когда-нибудь опубликовать это в высшей степени личное самоисследование и самоувещание. Но записки были опубликованы, и его убеждения, таким образом раскрывшиеся, свидетельствуют о возвышенной и ободряющей чистоте. Он приходит к выводу, что следует со всей честностью и терпеливой смиренной стойкостью развивать лучшие из наших качеств. Чтобы найти необходимые для этого силы, мы должны заглянуть внутрь себя и собрать все свое мужество и терпение, без чего невозможно вынести бремя повседневных забот. Сам Аврелий — который призывал себя «не слишком окрашиваться в пурпур» — именно так нашел свой путь, несмотря на исключительные и огромные, почти невыносимые трудности. Однако, напоминая он себе и читателю, наше существование на этой земле —

лишь мимолетное и преходящее событие, короткий визит в чужую страну. И мы — по крайней мере на то время, пока приглашены в сие путешествие — можем подняться над обременяющими нас убогими материальными проблемами (секс, пища и прочие плотские функции) и поступать по отношению к нашим спутникам по путешествию настолько достойно, порядочно и согласованно, насколько способны.

Многие из этих утверждений, призывающих надеяться лишь на себя самого, традиционны для философии стоиков, но никто из ее прежних представителей не излагал свое суровое учение в столь острых и наставительных выражениях. Впрочем, согласно Аврелию, не все так уж безнадежно. По его утверждению, хотя большинство событий в наших судьбах предопределено, многое можно изменить к лучшему, если собрать в кулак всю свою волю и дисциплину, ибо тогда «никто не в силах удержать тебя... Будь подобен мысу, о который разбиваются все волны... Постарайся, пока не слишком поздно, увидеть, что внутри себя ты выше и добрее простейших инстинктов, которые движут твоими эмоциями и дергают тебя, словно марионетку!» Стоики издавна утверждали, что все мужчины и женщины наделены искрой божьей и потому в конечном итоге все они — братья и сестры, члены одного всемирного сообщества: «Люди существуют друг для друга, — утверждал Аврелий, — чтобы друг друга улучшать и возвышать!»

Скульпторы той эпохи, пользовавшиеся возросшей свободой в применении контрастов света и тени, в некоторых портретах Аврелия смогли отобразить его склонность к познанию душевных качеств. Глубокомысленный эллинский идеализм, проявления которого дают дальнейшее определение духовности, видно в более раннем стиле портрета Аврелия в Малой Азии и Греции: золотая голова императора очень похожа на недавно обнаруженное изображение «святого в церкви». Христиане, однако, относились к нему без приязни. В годы его царствования их изгнали в Галлию, и впоследствии христианский летописец, знаменитый Оросий, назвал это изгнание бедствием того времени. Аврелий считал, что христиане сами изображают себя мучениками, чтобы уклониться от участия в общественной жизни Римской Империи, которая, при всех ее несовершенствах, казалась ему наиболее полным земным выражением идеального космополиса стоиков.

## ЛУЦИЙ ВЕР

161—169 гг.

Луций Вер (император-соправитель в 161—169 гг.) родился в декабре 130 г., получив при рождении имя Луций Цейоний Коммод, унаследованное от отца, который был усыновлен Адрианом в 136 г. и впоследствии принял имя Луций Элий Цезарь. После смерти Элия в 138 г. Адриан усыновил Антонина Пия с условием, что Пий в свою очередь усыновит Марка Аврелия и Цейония Коммода. Его восхождение к власти оказалось не столь стремительным, как у Марка Аврелия; тем не менее в 153 г. он стал квестором, и консулом в 154 и 161 гг. После смерти Пия Марк Аврелий сделал его своим соправителем (под именем Луций Аврелий Вер). Вер был провозглашен Августом и наделен полномочиями трибуна, он действительно обладал властью наравне с Марком Аврелием — во всех отношениях, за тем исключением, что Марк Аврелий был главным понтификом (*pontifex maximus*). На сей раз два правителя царствовали сообща, создав новый прецедент, часто повторявшийся в следующих веках.

В 162 г. Вер был назначен главнокомандующим в трудной войне на Востоке, развязанной парфянским царем Вологезом III, который посадил на армянский трон своего ставленника Пакора. Затем в битве в Элегии (близ армянской границы) парфянский правитель разгромил войска римского наместника Каппадокии; столь же плачевным для римлян итогом завершилось военное предприятие наместника Сирии. Перед Вером и его военачальниками стояла задача исправить положение. Однако только до Антиохии он добирался девять месяцев, причиной тому была прежде всего болезнь, но люди объясняли промедление его праздностью и любвеобилием. Тем временем подчиненные ему командиры ценой огромных усилий подтянули подкрепления из Европы. Статий Приск вторгся в Армению, захватил и разрушил ее столицу Артаксату. В 163 г. Луций Вер удостоился почетного добавления к имени «Армянский», тогда как Аврелий, дабы не претендовать на славу соправителя, отложил свое чествование на следующий год. Трон Армении занял ставленник Рима Согем, а в 165 г. Гай Авидий Кассий, назначенный наместником Сирии, объединил свои легионы с войсками Публия Марция Вера и вторгся в глубь Месопотамии. Эдесса, Нисибис и Никифорий капитулировали, после чего Луций Вер удостоился звания

«Парфянский» (Марк Аврелий вновь на год отложил свое аналогичное чествование). В 166 г. кампания успешно завершилась захватом двух крупнейших городов — Селевкии-на-Тигре и Ктесифона. Хотя римляне не предпринимали шагов по полной аннексии Месопотамии, это государство смирилось с зависимостью от Империи, а дальнейшие боевые действия в Мидии принесли обоим правителям титул «Мидийский» (хотя вскоре этот титул исчез с монет).

Вер возвратился в Рим и в октябре 166 г. вместе с соправителем (на дочери которого, Аннии Аврелии Галерии Луцилле, женился за два года до того) пышно отпраздновал Триумф. Оба приняли титул «Отцов Отечества» (*Pater Patriae*). Однако войскам Вера пришлось отойти из-за вспышки эпидемии, первые признаки которой появились после захвата Селевкии. Неизвестно, какой была эта болезнь: оспа, тиф или бубонная чума. Так или иначе, бедствие опустошило Малую Азию и Грецию. Затем эпидемия проникла на Апеннинский полуостров, уже несколько лет страдавший от неурожая, и достигла Рима еще до возвращения Вера. Очень скоро она распространилась до Рейна. Многие области почти полностью обезлюдели, что серьезно подорвало силы Империи.

Более того, почти в то же самое время, когда императоры праздновали свой Триумф, на данувийскую границу ринулись орды варваров. Аврелий объявил сенату, что «война в Германии призывает обоих императоров». Но из-за эпидемии и нехватки продовольствия их отъезд задержался, и они смогли покинуть столицу лишь поздней осенью 167 г. Едва они прибыли в Аквилею, захватчики отступили и запросили перемирия. Вер предложил тотчас же вернуться в Рим. Однако Аврелий счел, что следует вновь продемонстрировать свою силу всем альпийским народам, и, поскольку именно ему принадлежало первенство среди соправителей, войска провели в Аквилее еще одну зиму. Но весной 169 г. среди солдат опять вспыхнула чума, и римляне двинулись в обратный путь. В самом начале перехода, в Альтине, Вер скончался от апоплексического удара. Его тело доставили в Рим и похоронили в мавзолее Адриана, а самого Вера провозгласили божественным.

Согласно *Historia Augusta*,

«Луций Вер отличался красивым телосложением, ласковым выражением лица, отпустил бороду почти так же, как это делают варвары, был высок, а прорезанный морщинами лоб придавал ему почтенный вид. Говорят, что он так за-

ботился о своих золотистых волосах, что посыпал голову золотыми блестками, чтобы волосы у него еще больше отливали золотом. Говорил он слегка запинаясь, но в то же время слыл превосходным оратором, а приближенные считали его еще и достойным поэтом. Он увлекался также стрельбой из лука, борьбой и прочими видами атлетики».

По-видимому, он поступил поистине мудро, доверив выполнение военных задач на Востоке своим многоопытным военачальникам, поскольку, хоть и не был глупцом, но зачастую казался весьма легкомысленным человеком. Аврелий старательно удовлетворял все его потребности в деньгах и оказывал соответствующие почести. Однако Вер вовсе не проявил себя тем партнером, который был необходим в трудных условиях того времени. Первый опыт совместного правления не привел к безоговорочному успеху.

## КОММОД 180—192 гг.

Коммод (Луций Аврелий) (180—192 гг.), старший сын Марка Аврелия и Фаустины Младшей, родился в Ланувии в 161 г. и получил имя в честь соправителя отца, Луция Вера Коммода. В 166 г. его провозгласили Цезарем. В 175 г. Авидий Кассий, поднявший на Востоке восстание против Аврелия, намереваясь прорваться в Италию и захватить мальчика, но был убит прежде, чем смог это сделать. Вместе с отцом Коммод принял титулы Император, Германик и Сарматский и получил полномочия трибуна, а в 177 г. — звание Августа. Надпись на бронзовом медальоне провозглашала отца и сына основателями династии (PROPAGATORIBVS IMPERII). После смерти Аврелия (в 180 г.) Коммод стал единоличным императором, сменив имя на Марк Аврелий Коммод, причем за последнее столетие он первый унаследовал трон от отца.

Вступив на престол, Коммод (по-видимому, по совету управляющего двором вифинянина Саотера) отказался от завершения захвата новых территорий, успешно начатого отцом. Он рассудил, что потребности этих операций превосходят возможности Империи, и, вероятно, был прав. К тому же он пришел к соглашению с маркоманнами, включавшему ряд условий их мирного поведения, которое более чем удовлетворяло требования консерваторов.

Затем Коммод немедленно возвратился в Рим и сразу объявил о раскрытии заговора с участием его родной сестры Аннии Луциллы (а также ее приемного племянника, бывшего консула Марка Уммидия Квадрата): после смерти мужа, Луция Вера, Анния вышла замуж за Тиберия Клавдия Помпеяна из Антиохии, дважды избиравшегося консулом и считавшегося возможным наследником трона. Племяннику последнего, Квадрату, было поручено нанести смертельный удар императору, но его схватили, едва он обнажил оружие. Их обоих казнили, а Луциллу сослали на Капри, где она вскоре умерла. Кроме того, Коммоду сообщили, что в заговоре замешан Таррутий Патерн — ведущий военный юрист, сопrefект претория, занимавший этот пост со времен предыдущего правителя. Его тоже умутили.

К этим действиям императора побудил Тигидий Перенн — сопrefект Патерна, который отныне стал единственным начальником гвардии и самым влиятельным человеком Империи, поскольку Коммод охотно оставил в его руках полный контроль за деятельностью правительства. Никогда прежде префект претория не получал столь огромной власти, ему удалось удерживать бразды правления в течение трех лет. Мнения о его качествах, как человека и руководителя, сильно расходились. Дион Кассий относился к нему весьма одобрительно, но, возможно, причиной тому было личное отношение историка (в ту пору начинавшего свою карьеру) к префекту; с другой стороны, *Historia Augusta* показывает его скупцом и деспотом.

Перенн пытался сохранить свое положение, устранив управляющего императорским двором Саотера и назначив двух своих сыновей на ключевые посты военных наместников Паннонии. Однако, в конце концов, представители британских армий донесли Коммоду о посягательстве префекта на трон, вследствие чего гвардейцам было приказано зарубить своего начальника Перенна и одновременно прикончить его жену, сестру и сыновей. В честь такого «избавления» Коммод принял титул «Феликс». Вольноотпущенник Марк Аврелий Клеандр, которому приписывали «честь удара», за два года коренным образом изменил ситуацию в претории и стал наиболее влиятельным советником императора. Два сопrefекта находились в подчиненном положении, а император пожаловал ему беспрецедентный титул «Кинжал» (*a pugio*), что было равносильно назначению на пост министра безопасности.



Возведенный в поистине исключительный ранг, Клеандр по могуществу превзошел даже Перенна. Однако, в конце концов, он был свергнут начальником государственного снабжения зерном (*praefectus annonae*), который загодя искусственно и очень осторожно создал недостаток продовольствия в столице, а затем (в 190 г.) по его подстрекательству гарнизон и толпа обвинили в этой беде Клеандра и расправились с ним. Коммод не только ничего не сделал для спасения префекта, но и, по-видимому, способствовал его падению.

Еще в самом начале царствования Коммода племена Каледонии (впервые!) прорвались через стену Антонина. Они опрокинули римское войско и захватили южную часть Шотландии. Коммод поручил главному наместнику в Британии, суровому и требовательному Ульпию Марцеллу, подавить восстание, с чем тот успешно справился, проведя три решительные кампании, и восстановил разрушенные укрепления. Однако вскоре в гарнизонах провинции вспыхнул мятеж. В Испании и Галлии тоже началась партизанская война, предводителем которой стал дезертир по имени Матерн.

То были трудные для армии времена, поскольку повсюду в Европе к солдатам относились как к захватчикам и агентам тайной военной полиции. В самом Риме резкие перемены в высших эшелонах власти сеяли смерть, несли угрозу всему сенаторскому сословию. Император подвергал сенаторов серьезным преследованиям, пополняя казну (которую сам же совершенно опустошил) за счет отобранной у них собственности. К тому времени у него усилились проявления мании величия: он зашел столь далеко, что даже объявил Рим своей личной колонией, переименовав его в Коммодиану, подобные переименования были уготованы римским легионам, новой африканской флотилии для перевозки зерна, городу Карфагену и даже запуганному сенату Рима.

Наконец, новый префект претория Квинт Эмилий Лет — пожалуй, первый уроженец Северной Африки на этом посту — решил, что Коммод стал совершенно невыносимым; любовница императора Марция и управляющий двором Элект поддержали его. На тот случай, если армия негативно отнесется к свержению династии Антонинов, заговорщики собирались заручиться поддержкой влиятельнейших лиц в администрациях провинций. Два соотечественника Лета — Септимий Север и Клодий Альбин — занимали посты наместников в Верхней Германии и Британии соответственно, а еще один

близкий друг, Песценний Нигер, стал наместником в Сирии. Однако был еще и присоединившийся к заговору городской префект Пертинакс, выдвинувший свое условие: отдать ему императорский трон. В конце концов, в последнюю ночь 192 г. план убийства привели в исполнение: атлет Нарцисс, которого Коммод использовал в качестве партнера во время занятий борьбой, задушил императора. Пока сенат и простой люд стирали всякую память о Коммоде, разбивали его статуи и уничтожали надписи с его именем, Лет — хоть и был зачинщиком покушения — спас тело императора от надругательства толпы и тайно захоронил.

Исполнение заговора было спровоцировано шокирующим намерением императора 1 января 193 г., в день празднования его вступления на пост консула, появиться на церемонии во главе процессии гладиаторов и в гладиаторском облачении. Коммод был одержим стремлением продемонстрировать свою доблесть на арене. Дион Кассий, обязанный (как член сената) посещать такие представления, оставил язвительное описание этих «развлечений». Император собственноручно забивал животных, при этом сам Дион Кассий и его коллеги-сенаторы с трудом сдерживали усмешки. Во время выступлений императора на арене сенаторы должны были хором кричать: «Ты — бог, ты — первый, ты — самый удачливый из людей! Ты — победитель и всегда будешь победителем!»

Подобно Александру Великому и многим персидским и парфянским царям, Коммод воображал себя царем-охотником. Монеты, изображавшие его повергающим льва, посвящались «Храбрости Императора» (VIRTVTI AVGVSTI), ибо бесстрашие императора на охоте символизировало военные победы, а поверженный зверь означал злые силы или врагов Империи. Более того, схватки со страшными хищниками по традиции связывали с именем мифического героя Геракла (его после смерти за славные подвиги боги приняли на небеса), образ которого, по мнению философов, заключал в себе многие из главных черт, свойственных просвещенной монархии. Коммод отождествлял себя с Гераклом. Кроме того, как указывал историк Геродиан, «он выпустил указ, чтобы его именовали не Коммодом, сыном Марка, а Геркулесом, сыном Юпитера. Отвергая обычные одеяния римских императоров, он облачался в львиную шкуру и подобно Геркулесу носил палицу... и присовокупил имя Геркулеса к своим званиям и титулам, восславлявшим его, как самого мужественного из людей». Эти

сведения подтверждаются надписями на монетах, на которых попеременно и наравне изображались популярный герой и император (HERCVLES ROMANVS AVGVSTVS, HERCVLES COMMODIANVS), а Геракл провозглашался основателем «Колонии Коммодианы», как теперь назывался Рим. Титулы «победитель» и «непобедимый» (*victor, invictus*), которые с тех пор неизменно присоединялись к именам римских императоров, тоже подразумевали равенство Коммода с Гераклом и Александром Великим.

Во всем этом можно усмотреть путаницу в мышлении императора. Коммод не только считал себя новым Гераклом, но и называл Геракла своим «другом и соратником» (HERCVLI COMITI). Впоследствии на римских монетах богов стали изображать именно в таком свете — то есть они выступали не как независимые существа, а как заступники и друзья римских императоров. В этом смысле римские боги стали предшественниками христианских святых; и это не случайно, поскольку правление Коммода, кстати, принявшего и титул Антонина «Пий» (святой), пришлось как раз на ту эпоху, когда традиционные олимпийские боги и богини, отождествлявшиеся с отдельными проявлениями божественного, оказались слишком многочисленными. Монеты, выпущенные во времена Коммода, провозглашали Юпитера главным среди богов (*Exsuperator* или *Exsuperantissimus*), и в этом нашел отражение глубинный процесс в развитии религии: мир подошел к рубежу, когда монотеизм христианства наилучшим образом стал соответствовать потребностям общества.

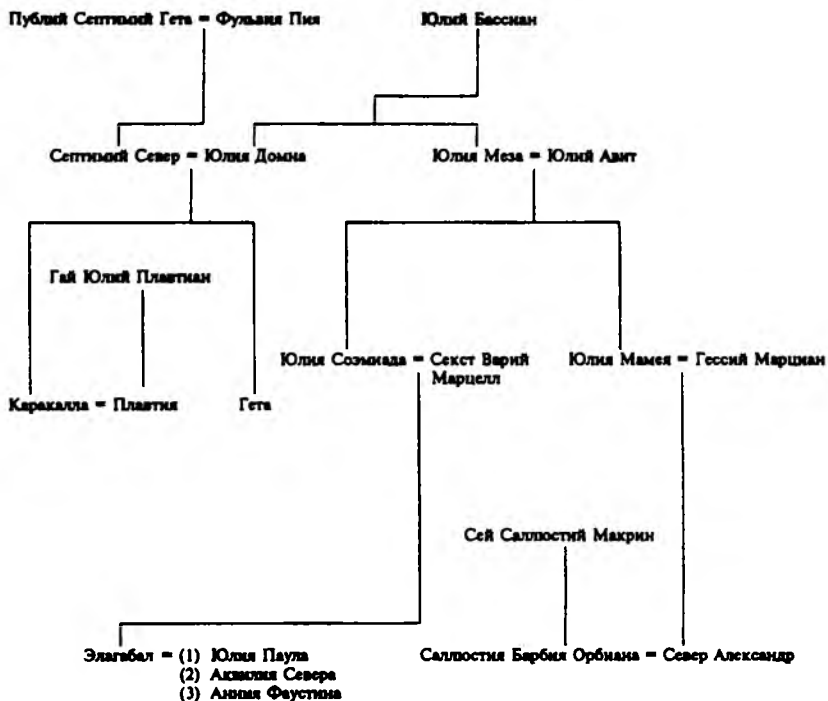
Новые религиозные веяния эпохи, представлявшие столь резкий контраст с личными качествами Коммода, нашли отражение в произведениях искусства. Об этом свидетельствует, в частности, сохранившаяся до сей поры колонна Марка Аврелия, возведение которой было завершено именно в те времена и в рельефах которой заметно влияние перемен. Скульпторы отказались от батальных мотивов наподобие римских легионов, марширующих по спиральным рельефам колонны Траяна, заменив их пафосным повествованием о человечестве. Рассказ в камне о войнах Рима не только славил победителя; показаны целые сцены, полные ужасных трагедий и страданий, это даже вызывало сострадание к судьбе варваров. Их мир представлялся миром страха и ужаса; и скульпторы не преминули поместить изображение на сюжет рейнского чуда, спасшего римское войско от разгрома.

Авторы скульптурных изваяний Коммода тоже обратились к новым подходам, применив причудливые элементы, свойственные барокко, при изображении невозмутимой, слегка надменной и зловещей красоты императора. Предпочтение отдавалось глянцевой поверхности, что свидетельствовало о появлении новых эстетических норм в скульптуре. Коммод, по словам Геродиана, был очень красивым мужчиной с переливающимися на солнце, словно пылающими светлыми кудрями, вдохновлявшими льстецов на сравнения с небесным сиянием. Однако, согласно Диону Кассию, он был простодушен и глуповат, что ставило его в зависимость от приближенных, которые склоняли его к жестокостям и распутствам.

Часть четвертая  
ДОМ СЕВЕРА



# Дом Севера



---

Пертинакс (Публий Гельвий) (январь-март 193 г.) родился в Лигурии в 126 г. Его отец, Гельвий Сукцесс, был вольноотпущенником. Он назвал сына Пертинаксом, дабы почтить таким образом собственное упорство в торговле лесом. После обучения в школе Пертинакс поступил в армию, поднялся до командирских должностей и командовал полками в Сирии, Британии и Мезии. Затем на время вернулся к гражданской жизни и, вступив в сословие всадников, служил прокуратором сначала (в 168 г.) в Италии, где занимался раздачей пособий беднякам на Виа Эмилия, а позднее — в Дакии. Впоследствии его вновь направили в армию в качестве командира группы легионов в Паннонии: он участвовал в походе Марка Аврелия против нарушивших границу германцев. Возвышенный до положения сенатора и получивший пост претора, Пертинакс отличился как командир легиона в Реции (с 171 г.), избирался консулом в 174 или 175 г., участвовал в подавлении восстания Авидия Кассия в Сирии, был наместником Верхней и Нижней Мезии, Дакии и Сирии.

При Коммодe он впал в немилость из-за того, что близко знал участников заговора 182 г., но избежал отставки и в 185—187 гг. был направлен в Британию на усмирение мятежных армий. В 188 г. Пертинакс прибыл в Африку в качестве проконсула, а впоследствии (в период кризиса) стал городским префектом Рима и (в 192 году) вновь получил полномочия консула. Вряд ли Пертинакс не знал о заговоре, приведшем к убийству Коммода в последнюю ночь того года, ибо после этого Лет, префект претория, предложил ему занять трон, и он поспешил в казармы преторианцев, пообещал крупное вознаграждение гвардейцам, и они немедленно провозгласили его императором. Еще не настало утро, а Пертинакс уже предстал перед сенатом, где (по утверждению одного из сенаторов, Диона Кассия) его ждал теплый прием. Пертинакс проявил к сенаторам уважение и учтивость и «во-

обще был доступен, с готовностью выслушивал каждого и мнение свое высказывал в вежливой форме». Отвергая намеки на то, что в достаточно преклонном возрасте страстно рвется к императорскому пурпуру, он отказался и от предложения сената присвоить его супруге, Флавии Тициане (дочери городского префекта Тита Флавия Сульпициана) титул Августы и возвести его сына, Пертинакса Младшего, в ранг Цезаря. Впрочем, надписи на монетах, выпущенных в Египте, свидетельствуют о том, что в провинциях эти заявления всерьез не воспринимались. На римских же монетах той поры отчеканен новый вид посвящения: «Похвальное Благочестие», *Bona Mens* (MENTI LAVDANDAE). Предпринятые Пертинаксом шаги по наведению порядка в финансовой области, хотя и необходимые после излишеств Коммода, неизбежно стали непопулярными. Распродажа огромных приобретений предыдущего императора была вполне понятной мерой, но основное направление политики Пертинакса на жесткую экономию привела к отказу от общепринятых жизненных стандартов, тогда как неприязненно настроенные люди отмечали, что сам он каким-то образом разбогател. Рассказывали, что до восшествия на трон он с невероятной алчностью торговал назначениями на государственные и военные должности.

Вскоре Пертинакс лишился поддержки преторианцев, потому что заплатил им лишь половину обещанного вознаграждения. Поскольку он время от времени покидал Рим, неудивительно, что возник заговор с целью возведения на трон одного из консулов, Квинта Сосия Фалькона. Пертинакс возвратился вовремя, чтобы предотвратить признание Фалькона сенатом, но недовольство среди преторианцев вспыхнуло с новой силой, так как несколько их соратников было казнено за соучастие в заговоре. Наконец, 28 марта группа солдат ворвалась во дворец, тогда как префект претория Лет, хотя и получил от Пертинакса приказ противостоять нападавшим, покинул дворец и ушел домой, поскольку именно он, разочарованный отказом Пертинакса следовать его советам, спровоцировал враждебные действия солдат. Когда они ворвались во внутренние покои дворца, император вышел к ним в сопровождении управляющего двором Эклекта и произнес странную речь. Однако представитель солдат, некто Таусиз, стражник личной охраны императора, метнул в Пертинакса свой дротик, пронзив его грудь насквозь. Элект заколол двоих нападавших и сам погиб. Затем солдаты прошагали по ули-



цам Рима, показывая горожанам отрезанную голову правителя, которого сами возвели на трон восемьдесят семь дней назад. *Historia Augusta* свидетельствует, что

«Пертинакс был старым человеком с внешностью, внушающей уважение, с длинной бородой и зачесанными назад волосами. Фигура скорее полная, с заметным животом, но в целом — с достойной императора статью. Он не отличался ораторскими способностями. Пертинакс был скорее обаятельным, чем добрым, но его никогда не считали откровенным. Любезный в беседе, он на самом деле отличался скупостью до такой степени, что на его пирах, устраиваемых для знатных сограждан, подавались половинные порции салата... Даже став императором, он посылал кому-нибудь угощение, ограничиваясь остатками со стола, куском рубца или, изредка, куриными ножками».

Дион Кассий добавляет, что Пертинакс заботился о поддержании физической силы, но с трудом преодолевал препятствия при ходьбе, поскольку страдал заболеванием ног.

Будучи сенатором, Дион Кассий дал вполне объективную общую оценку его короткого правления:

«Пертинакс был страшен в сражении и практичен в мирное время... Когда ему выпало править судьбами мира, он ни в чем не изменился... Он сразу привел в порядок все, что выходило за рамки разумного, проявил не только гуманность и последовательность в защите интересов Империи, но и заботился о наиболее экономном управлении, уделяя при этом наибольшее внимание общественному благосостоянию... Однако он взялся восстановить все в одно мгновение... Хотя Пертинакс обладал огромным практическим опытом, он не смог осознать, что в одиночку все сразу сделать невозможно, что для восстановления целого государства требуются время и мудрость».

Казалось, повторяются события Года Четырех Императоров, а судьба самого Пертинакса напоминала короткое царствование Гальбы, бывшего императором за 124 года до этого. Впоследствии Септимий Север произвел причисление Пертинакса к римским богам.

## ДИДИЙ ЮЛИАН 193 г.

Дидий Юлиан (Марк Дидий Север Юлиан) (28 марта — 1 июня 193 г.) родился в 133 г. и принадлежал к одной из известнейших семей Медиолана. Его мать, уроженка африканской провинции, приходилась родственницей Сальвию Юлиану, выдающемуся законоведу времен царствования Адриана.

Выросший в доме Домиции Луциллы, матери Марка Аврелия, Дидий Юлиан сделал долгую и выдающуюся карьеру. Став претором около 162 г., он впоследствии командовал легионом при Могунциаке, а потом управлял Галлией Белгийской со 170 по 175 г. Около 175 г. он получил консульское звание (вместе с будущим императором — Пертинаксом), а потом стал правителем Иллирика (176—177 гг.) и Нижней Германии (около 178 г.). Впоследствии его назначили осуществлять программу помощи детям (*alimenta*) в Италии. В это время его обвинили в том, что он примкнул к своему родственнику, Публию Сальвию Юлиану (сыну законоведа), в заговоре против жизни Коммода в 182 г.; но его оправдали и назначили проконсулом, сначала Понта и Вифинии, а потом, примерно с 189—190 гг., и Африки, где он стал преемником Пертинакса.

Спустя некоторое время Дидий Юлиан вернулся в Рим и после короткого правления и убийства Пертинакса решил заявить свои права на трон. Но у него был соперник, Тит Флавий Сульпициан, тесть покойного императора. Тогда и последовала известная сцена. Дидий Юлиан, согласно Диону Кассию, был

«...неустанным стяжателем денег и великим мотом, всегда готовым затеять мятеж. И вот услышав о смерти Пертинакса, он поспешно отправился в лагерь и, стоя у ворот его, заявил солдатам о своих притязаниях на императорский престол. За этим последовал бессовестный торг, недостойный Рима. Потому что, словно на каком-то рынке или аукционе, с молотка пошли сам город и вся Империя. Продавцами выступали те, кто убил предыдущего императора, а потенциальными покупателями — Сульпициан и Дидий Юлиан, которые старались переиграть друг друга, один из лагеря, второй снаружи. Они постепенно подняли свои ставки до двадцати тысяч сестерциев на каждого солдата. Некоторые солдаты приносили слово Юлиану: «Сульпициан предлагает столько-то; а ты сколько дашь?» А потом к Сульпициану: «Юлиан пообещал столько-то, а ты насколько больше?». Тогда мог бы победить Сульпиций, потому что был в лагере, служил городским префектом и был к тому же первым, назвавшим цифру двадцать тысяч, если бы Юлиан не поднял свою ставку на целых пять тысяч разом. Он выкрикнул эту сумму громким голосом и показал пять пальцев. Поэтому солдаты, зачарованные столь чрезмерной суммой и боявшиеся в то же время, что Сульпициан может отомстить за Пертинакса (эту мысль им внушил Юлиан), пропустили в лагерь Юлиана и провозгласили его императором».

«Именно на этих позорных торгах, — добавляет Геродиан, — преторианцы были впервые развращены подкупом, они проявили свою ненасытную и постыдную жадность к деньгам и презрение к священному сану императора». Эдвард Гиббон описал большую часть этого «аукциона Империи», который попал в историю как единственный эпизод, известный из всего правления Дидия Юлиана. Однако этот случай, хоть и весь-

ма живописный, должен рассматриваться в контексте. Говорят, что Дидий Юлиан в итоге предложил двадцать пять тысяч сестерциев на человека и раздал по тридцать тысяч. Но даже обожествленный Марк Аврелий и его соправитель, Луций Вер, вступая на престол, раздали по двадцать тысяч сестерциев, а с тех пор деньги значительно упали в цене. Тем не менее этот неблагородный торг двух претендентов на престол произвел удручающее впечатление и породил в пограничных войсках вполне логичную мысль, что с таким же, если не с большим успехом, можно избрать императора и за пределами столицы.

Преторианский контингент проводил нового правителя в здание сената, где запуганные сенаторы утвердили выбор гвардейцев. Жена Юлиана, Манлия Скантилла, и дочь, Дидия Клара, были обе провозглашены Августами, и в их честь отчеканили монеты. Клару выдали замуж за некоего Корнелия Репентина, которого сделали префектом города. Юлиан заявил, что он хотел бы почтить память Коммода, и впоследствии предал смерти Лета, префекта преторианцев, замещанного в убийстве Коммода.

Сам он был провозглашен Отцом Отечества (*Pater Patriae*). Но его возвышение до пурпура вызвало неожиданную злобу среди населения столицы. На следующий же день после восшествия на престол его осыпали жесточайшими угрозами — несмотря на то, что он пообещал горожанам значительные денежные суммы. Такие инциденты особенно впечатляют при взгляде на монеты, на которых он сам себя называет Правителем Мира (*RECTOR ORBIS*). Еще более ироничными были надписи на монетах другого типа, увековечившие Соглашение Солдат (*CONCORDIA MILITVM*), потому что через очень короткое время Песценний Нигер и Септимий Север, наместники Сирии и Верхней Паннонии соответственно, объявили себя императорами вместо Юлиана. На самом деле Север, после примирения с другим потенциальным соперником, Клодием Альбином, наместником Британии, в конце апреля вышел из Карнунта, пересек не защищаемые Юлианом Альпы и проник глубоко в Италию, где Равенна вместе со своим флотом перешла на его сторону.

Юлиан попытался превратить Рим в вооруженный лагерь, воздвигая стены и насыпая валы, он даже мобилизовал цирковых слонов в надежде посеять панику среди данувийских легионеров Севера. Но его способности создать хоть сколько-

нибудь надежную защиту оказались весьма сомнительными. Преторианцы действовали вяло, потому что он не смог, в конце концов, уплатить цену, предложенную им за Империю; и даже запоздалая раздача денег не произвела на них должного впечатления. Моряки, которых он отозвал из Мизен, оказались недисциплинированными и бесполезными воинами. Юлиан объявил Севера врагом общества, но когда он решил послать делегацию сенаторов, дабы они напомнили данувийским войскам о верности, большинство посланников сочло нужным отказаться. На встрече с сенаторами он пообещал направить к Северу делегацию весталок, чтобы они молили его о снисхождении, но потом, после многочисленных протестов и увещаний, он забрал свое пораженческое предложение обратно — потребовав у сената, однако, объявить его соперника императором-соправителем. Север отверг это предложение и приказал убить доставившего его посланника (несчастный курьер, Туллий Криспин, был сопrefектом преторианцев).

Тогда Юлиан направил послание гвардейцам, обещая сохранить им жизнь, если они выдадут убийц Пертинакса и будут бездействовать. Им это предложение понравилось, и они перешли на его сторону. Когда один из консулов, Силий Мессалла, узнал, что они сделали, он созвал собрание сената, на котором Юлиана свергли и объявили императором Севера. Юлиан сделал отчаянную попытку перетянуть на свою сторону престарелого Тиберия Клавдия Помпеяна (вдовца императрицы Аннии Луциллы), сделав его соправителем, но когда и это предложение было отвергнуто, он стал искать убежища во дворце, вместе со своим зятем Репентием и префектом преторианцев, Титом Флавием Гениалисом. Однако враждебно настроенные сенаторы провели во дворец солдата, который и убил императора 1 июня. Север передал тело Юлиана его жене и дочери, но последняя потеряла титул Августы и право на наследство.

Дион Кассий утверждает, что относительно спокойный характер короткого правления Юлиана объясняется тем, что он прилежно искал расположения членов сената и влиятельных людей, смеялся и шутил с ними и организовывал один званый пир за другим. *Historia Augusta* даже приводит счет (вероятно, вымышленный) за кушанья, которые он заказывал. Она также, более убедительно, обвиняет его в том, что он наделял слишком большими полномочиями своих подчиненных.

## СЕПТИМИЙ СЕВЕР

193—211 гг.

Септимий Север (Луций) (193—211 гг.) родился в 145 г. в Лептис Магне, в Триполитании. Об его отце, Публии Септимии Гете, ничего не известно, а двое его двоюродных братьев достигли высокого положения в сенате. Будущему императору дали имена его деда со стороны отца. Его прадед, который, вероятно, был пунического (карфагенского) происхождения, переехал из Лептис Магны в Италию в конце первого века, и поднялся до всаднического звания. Мать Севера, Фульвия Пия, вероятно, родилась в итальянской семье, которая иммигрировала в Северную Африку.

Север попал в Сенат около 173 г., стал правителем Галлии Лугдунской и Сицилии, а потом, в последний год правления Коммода, консулом (190 г.) и правителем Верхней Паннонии. После краткого правления Пертинакса и восшествия на престол Дидия Юлиана в 193 г., он был провозглашен императором своими легионами в Карнунте, в то время как Песценния Нигера точно таким же образом короновали на Востоке. Преторианская гвардия в столице вняла увещаниям Севера, и Дидий Юлиан, приговоренный к смерти сенатом, был убит в своем пустынном дворце. Север быстро добился успеха в Риме, войдя в город после незначительных колебаний. По прибытии он распустил всю гвардию преторианцев, заменив ее вдвое большими силами, набранными из легионов и, в частности, из данувийских подразделений, которые сопровождали его в походе. Север также утроил количество городских когорт и удвоил охрану (*vigiles*), ставшую теперь частью регулярной армии.

Поле того как были предприняты эти шаги, он принялся выявлять соперников. Наместник Британии, Клодий Альбин, был могущественной фигурой и обладал значительной поддержкой сената. Север не нуждался в таком наследнике, как Альбин, поскольку у него и его жены, Юлии Домны, дочери влиятельного жреца из Эмесы в Сирии, было два собственных сына, Каракалла и Гета (в ту пору им было пять и два года соответственно). Тем не менее он чувствовал необходимость возвести Альбина в ранг Цезаря, что подразумевало, что тот впоследствии займет трон (см. Клодий Альбин). Потом Север отправился на Восток и в 194 г. сокрушил Песценния Нигера в битве при Иссе, возле рубежей Малой Азии и Сирии. В сле-

дующем году была предпринята карательная экспедиция против Осроены (в Месопотамии) и других парфянских вассалов, поддерживавших Нигера, и, чтобы будущие правители Сирии не смогли повторить попытки его поверженного соперника, провинция была разделена на две, на Келе-Сирию и Финикию.

Теперь Север почувствовал себя достаточно сильным, чтобы обратиться против Альбина, с которым он вступил в открытое противоборство, объявив, в конце концов, своим наследником старшего сына, Каракаллу. Альбина, однако, провозгласили императором его солдаты. Он отправился из Британии в Галлию, избрав Рим целью своего похода. Тем временем Север, после краткого посещения Рима в 196—197 гг., отправился через Паннонию, Норик, Рецию, Верхнюю Германию и Галлию, собирая по пути войска, и, после первого успеха в Тинурции, разбил Альбина и его армию в битве при Лутдуне в 197 г. Затем Британия, как и Сирия, была поделена на две провинции — Внешнюю и Внутреннюю Британии со столицами в Лондини и Эбораке соответственно.

Гражданские войны 193—197 гг. продолжались намного дольше, чем войны 68—69 гг., и ущерб, нанесенный ими, был куда серьезнее. В Риме двадцать девять сенаторов и множество всадников расстались с жизнью потому, что поддерживали врагов Севера.

Его противнику, Нигеру, помогали не только римские и парфянские клиенты, но и сами парфяне, разделявшие взгляды Нигера. Север снова повернул на Восток, чтобы наказать Парфян, мобилизовав три новых легиона; командующими их он поставил всадников, а не сенаторов, которые обычно занимали эти должности — потому что к сенаторам Север относился с великим подозрением. Последовавшая в результате война завершилась падением парфянской столицы, Ктесифона, в 197—198 гг. Как и тридцатью годами ранее, вновь было объявлено о присоединении к Империи Месопотамии. Однако дальнейшие попытки Севера завоевать крепость Хатру, что позволило бы расширить Империю до нынешних границ Ирака, дважды кончилась неудачей.

Вернувшись из похода, он создал прецедент, оставив один из своих новых легионов внутри Италии, в Альбане, очень близко к столице. Эта мера, вероятно, объяснялась необходимостью иметь центральный военный резерв, которого до сих пор не было у императоров. Вместе с присоединенными неза-

долго до того подразделениями метрополий (преторианских и городских когорт), войска в Италии были увеличены Севером по меньшей мере втрое и составили в общей сложности тридцать тысяч человек; более того, армия во всей Империи теперь состояла не менее чем из тридцати трех легионов, против тех тридцати и двадцати пяти, которые оставались после смерти Траяна и Августа соответственно. Север также существенно расширил войска, прежде называвшиеся «нерегулярными» (*numeri*), в основном за счет верховых лучников из Осроены и Пальмиры, направленных на все фронты и границы Римского мира.

Удивительно, что монарх, наделенный столь непреклонной решимостью, как Север, на самой вершине своей власти, стал столь же зависимым от префекта преторианцев, как и любой другой правитель до него. В данном случае префектом был Гай Фульвий Плавтиан, соотечественник и родственник матери Севера, который с 197 г. захватил, можно сказать, всеобъемлющую власть почти над всеми отраслями управления Империей. Более того, дочь Плавтиана, Плавтилла, стала женой старшего сына императора, Каракаллы. Но брак оказался несчастливым, и оба, Каракалла и его мать, Юлия Домна, ополчились на Плавтиана. Брат Севера, лежа на смертном одре в 205 г., обвинил префекта в том, что тот готовит мятеж, после чего Каракалла подготовил его убийство. Однако два префекта, сменившие Плавтиана — среди них был выдающийся законовед Папиниан — получили даже более полную власть над гражданской администрацией, и служили на совете императора его личными представителями.

Вскоре Британия стала той частью Империи, которая настоятельно потребовала личного внимания Севера. Стена Антонина, тянувшаяся от Ферт-оф-Форта до реки Клайд, никогда не отвечала полностью своему назначению, а к концу второго века ее укрепления были в большей или меньшей степени разрушены и территория провинции оказалась не защищенной от нашествий с севера. Впоследствии, в 208 г., Север отправился в Британию вместе с женой, двумя сыновьями и Папинианом. Многочисленные экспедиции, следовавшие за этим, проникали в Каледонию до самого Морэй Ферт, но не добились никаких долговременных успехов. Не было сделано ни единой попытки вновь завладеть стеной Антонина, как постоянной линией границы. Была лишь отремонтирована стена Адриана, протянувшаяся от реки Тайн до Соляной до-

роги — она должна была обозначать и оберегать границу. В 211 г., в Эбораке, Север сильно заболел и призвал Каракаллу и Гету к смертному одру. Вскоре после этого он скончался — в возрасте шестидесяти шести лет.

«Держитесь дружно, — так, по преданию, сказал он, умирая, своим сыновьям. — Будьте щедры с солдатами и не обращайтесь внимания больше ни на кого!» Уже в начале своего правления Север показал, как высоко он ценит свои войска — он выпустил большое количество монет (подобно Марку Антонию — двумя столетиями раньше) в честь каждого легиона. Более того, он пришел к логическому выводу, что для того, чтобы солдаты, от которых все зависело, проявляли верность и старание, надо лучше платить им. В его правление плата легионерам (хотя они продолжали жаловаться) поднялась с трехсот до пятисот денариев в год, и вдобавок к этому, из-за уменьшения покупательной способности денег, они получали постоянно возрастающее довольствие не только деньгами, но и натурой. Часть премий, которые они получали впридачу к своему жалованью, выплачивалась золотом. Более того, браки солдат с местными женщинами получили официальное признание, а гарнизонам и войскам выделялись участки земли, чтобы они могли обрабатывать ее, а также заниматься торговлей.

Особое расположение также оказывалось и офицерам, включая центурионов, получавшим изрядно увеличенное жалование и имевшим большое количество привилегий. Более того, армейская служба стала хорошим началом для разнообразных видов карьеры; Север создал новую военную аристократию, постоянно пополняемую из низов, которая с того времени обеспечивала Империю элитой исполнительной власти (из нее также вышла большая часть будущих императоров). Север максимально приблизил к себе всех офицеров и солдат; он по привычке носил роскошную военную форму, и во всех штабах легионов поклонение императору усилилось, затмив даже традиционное почитание знамени. Чтобы несколько сгладить могущественный, воинственный, авторитарный характер этого поклонения, Север объявил себя наследником благородных Антония Пия и Марка Аврелия, объявив о своем усыновлении задним числом и дав своему сыну Каракалле их имена. Точно так же, в соответствии с его желанием поддерживать наследие Антонина, продолжало развиваться римское право. Под влиянием самого императора — его учил законо-



вед Сервилий Сцевола — выдающиеся знатоки права, Папириан и Ульпиан, в своей работе объединили исполнительную и правовую практику, устои и принципы, которые сформировались в ранние времена. Культурная жизнь Империи тоже не застывала. В частности, родившаяся в Сирии жена Севера, Юлия Домна, за свое влияние снискавшая звание Матери Лагера, Сената и Страны, обладала интеллектуальными талантами и получила прозвище «философа». Она собрала вокруг себя кружок образованных людей, в который входили философ Филострат и врач Гален, сделавший многое, чтобы объединить греческую и римскую мысль. Более того, Север сам написал свою автобиографию, к сожалению, не сохранившуюся.

Он также прославился как выдающийся строитель. Его родная Северная Африка особенно выгадала от его активной деятельности; мы все еще можем восхищаться постройками в его родном городке, Лептис Магне, которому он подарил форум, базилику и большой новый храм. Украшенная колоннадой улица, ведущая к гавани, была перестроена в согласии с честолюбивыми замыслами императора. Он также воздвиг триумфальную арку с четырьмя проездами по случаю своего посещения города в 203 г. Стиль украшавших ее рельефов, показывает, что началась новая, отличная от классической художественная эпоха. Одна из сцен воспроизводит план осады в стиле восточных тканей, на другой панели изображен правитель в колеснице. Он представлен в почти средневековой технике, скорее двухмерной, чем пластичной, сосредотачивающейся на ритмично повторяющейся симметрии; это необычный фронтальный портрет императора, напоминающий по стилю изображения надменных парфянских царей. А в самой столице, под большой аркой Севера, вблизи с Римским форумом, общие перспективы и ряды фигур, расположенных рядом с колесницей вновь указывают на отказ от старых гуманистических формул и предвкушение художественных концепций поздней античности.

Север также построил Септемзодий — причудливый, волшебный дворец с фонтанами на Палатинском холме, его разрушили в 1588 г., но на гравюрах видно, каким он был: элегантная совокупность трех ярусов портиков, расположенных друг над другом. Собственное изваяние императора стояло в здании среди Семи Планет астрологии — он был изображен в образе бога Солнца. В семье Севера культ Солнца почти затмил весь прочий римский пантеон. Надо сказать, что вся

языческая религия менялась, вместе с ней менялась и социальная жизнь народов Империи. И, хотя Север и дал своему старшему сыну имя «Антонин», а великие законоведы из всех сил старались найти все лучшее, что было в прошлом, были объективные причины, мешающие возвращению к золотому веку Антония. Север полагал, что повторение ужасных гражданских войн, которые предшествовали его правлению, могло быть предотвращено только путем расширения и укрепления военной основы его собственной власти; и это, в свою очередь, означало, что гражданское население (хотя многие люди все еще жили хорошо) все больше подвергалось взысканиям, угнетению и эксплуатации со стороны имперских чиновников и землевладельцев. Эти мрачные элементы правления были, вне всякого сомнения, преуменьшены двумя историками-сенаторами, современниками Севера, Геродианом и Дионом Кассием. В самом деле (в отличие от более позднего историка, Виктора, африканца, который чрезвычайно восхищался им) они, вероятно, относились к памяти Севера с чрезмерной суровостью, потому что помнили и сожалели о более счастливых прошлых временах и считали, что чередой бедствий, начавшихся после Севера, Империя обязана его политике. Иными словами, его правление было мостиком между двумя эпохами — между стабильностью второго века и кризисами третьего.

Иоанн Малала, писавший четырем столетиями позднее, обратил внимание на то, что Север был темнокожим, а современные африканские книги по истории называют его негром. Но, каким бы ни был цвет лица Севера, на свидетельства Малалы не следует слишком полагаться; взять, к примеру, другое его утверждение, что у Севера был длинный нос, совершенно ошибочное, потому что на портретах видно, что нос у него короткий и слегка вздернутый. Волосы и борода у него были вьющимися. Он был невысокого роста, но крепкий и энергичный. *Historia Augusta* отмечает, что в его речи на всю жизнь сохранились следы североафриканского акцента, и это вполне может быть правдой. Но говорить о нем, как об основателе «семитской» (или «африканской») династии или как о человеке, умышленно варваризировавшем армию, было бы ошибочным. Он принадлежал к космополитичной элите, исповедовавшие римские идеи и идеалы, как и африканцы, которые делали карьеру вокруг него.

## ПЕСЦЕННИЙ НИГЕР

193—195 гг.

Песценний Нигер (Гай) (император восточных провинций, 193—195 гг.) родился приблизительно в 135 г. в семье италийского всадника. Возведенный в сенаторский ранг Коммодом, в 183 г. он воевал против сарматов в Дакии (вместе с другим будущим претендентом на трон, Клодием Альбином), и был удостоен поста консула. Затем, в 190 г., благодаря поддержке Нарцисса, атлета, который впоследствии удавил Коммода, Нигер стал наместником в Сирии, где прославился щедрыми жертвованиями на публичные представления. В середине 193 г., узнав об убийстве Пертинакса и непопулярности его преемника Дидия Юлиана, он позволил войскам Антиохии провозгласить себя императором — почти в то же самое время, когда в Паннонии объявили императором Септимия Севера.

Нигера поддержали все девять восточных легионов, которые приветствовали его, как нового Александра Великого; парфянский царь Вологез V тоже выразил ему свои симпатии, но был слишком занят собственными проблемами, чтобы поддержать его войсками, и отправил в распоряжение Нигера лишь несколько отрядов своих клиентов. На европейской стороне Босфора Нигер получил поддержку в городе Византий и надеялся благодаря этому взять под свой контроль два главных межконтинентальных пути. Чтобы окончательно добиться этой цели, было необходимо овладеть еще Перинфом. Но тем временем Север, встревоженный значительной поддержкой, которой пользовался в столице Нигер, покинул Рим и двинулся на Восток. Преодолев не слишком упорное и недолгое сопротивление, его передовые части захватили Перинф. Не мешкая, он вскоре осадил и Византий. Что же касается Нигера, то, узнав о поражении своего полководца Эмилиана под Кизиком, он удалился в Малую Азию, но в 194 г. был наголову разбит в сражении при Никее. С остатками своей армии он перевалил через Таврские горы в Антиохию, где вскоре его настигла весть о том, что в Египте против него поднято восстание: на одном из папирусов сохранилось свидетельство о том, что уже 13 февраля в египетском городе Арсиное устроили пышные празднования в честь Севера.

Военачальникам Севера не потребовалось много времени, чтобы, преодолев сопротивление арьергарда Нигера, прорваться через Киликийские Ворота и подставить под угрозу Ан-

тиохию. Нигер решил встретить противника в Иссе, на рубеже Малой Азии и Сирии. И вновь — по-видимому, в первой половине 195 г. — его армия была разбита. Нигер еще мог закрепиться в Антиохии, но, едва слышав о приближении Севера, он покинул город и направился к Евфрату. Однако переправиться через реку ему не удалось: преследователи настигли его и убили. Голову Песценния привезли Северу, а тот сразу послал ее в Византий как предупреждение о страшной участи, уготованной защитникам города, если они продолжают сопротивление. Но когда город сдался (после двух с половиной лет осады), обещанные репрессии последовали с неумолимой жесткостью.

Многочисленные серебряные монеты Нигера очень интересны: отдавая дань римской традиции, изображения вместе с тем содержали и экзотические восточные мотивы. Так, Аполлон назван святым (SANCTVS) — принятый в Сирии титул божества — и уподоблен главному богу Антиохии — Дафну; Юпитер, «властвующий над миром» (PRAESES ORBIS), изображен подобно сирийскому Ваалу; Фортуна названа здесь Атаргатис, Девой Сирии — величайшей из сирийских богинь; а BONVS EVENTVS, бог императорской удачи — это греческий добрый гений (Агатодемон), любимое божество Александрии. Для себя Нигер избрал имя IVSTVS и провозгласил, что ему благоволит Юстиция (Астрея), дух Золотого Века — эта тема находит отражение на всех его монетах. Кроме того, на монетах прославляются также многочисленные победы, но это скорее благие намерения, поскольку в действительности его сирийские легионы сражались не так хорошо, как данувиские войска Севера.

В *Historia Augusta* написано:

«Песценний Нигер был высок и красив лицом, волосы зачесывал назад, придавливая их короной. Голос его был хриплый, но громкий, и когда он говорил на больших парадах, его слышали за милю, если не мешал встречный ветер. У него было величественное и всегда румяное лицо, шея была столь загоревшей, что многие подшучивали, что именно из-за нее он получил свое имя; остальное тело было бледным и, пожалуй, толстым. Он был большим любителем выпивки, обильной еды и совершенно не был знаком с иным сексом, кроме половых сношений с детьми».

На монетах его изображали с удлиненным запоминающимся лицом и пышной бородой. Что касается способностей Песценния, то противоречивые утверждения различных источников (в автобиографии Севера в его адрес вылит целый поток злословия) не позволяют прийти к определенному мнению.

Неясно, был ли он хорошим полководцем, как утверждали некоторые, или нет, и как проявился бы этот талант, будь у него войска получше. Был он консерватором или реформатором? Не оказался ли он слишком медлительным? Почти все, что реально осталось — выпущенные им необычные монеты, которые, конечно, не подтверждают наличия тех или иных черт его характера, поскольку могут служить пропагандистским целям, поставленным им самим или его советниками. Возможно, лучше оставить последнее слово за Дионом Кассием: «Песценний Нигер не был замечателен ничем — ни плохим, ни хорошим».

## КЛОДИЙ АЛЬБИН

195—197 гг.

Клодий Альбин (Децим Клодий Септимий Альбин) (император западных провинций в 195—197 гг.) родился между 140 и 150 гг. Он происходил из богатой семьи из североафриканского города Гадрумета. *Historia Augusta* утверждает, что он начал свою карьеру всадником и добился сенаторского звания в последние годы правления Марка Аврелия и, будучи наместником Вифинии, сохранил верность императору во время восстания Авидия Кассия в 175 г. При Коммодe, в 182—184 гг., Альбин воевал в Дакии, а затем, по-видимому, был наместником одной из германских провинций. На рубеже 80-х и 90-х годов второго века он получил должность консула, а после 191 г. стал наместником Британии, гарнизон которой охватили волнения. В 193 г. Клодий Альбин поддержал вступившего на трон Дидия Юлиана, поскольку мать нового императора происходила из его родного города.

Чтобы утвердить свое право на императорский трон после убийства Дидия, Септимий Север решил развязать себе руки для полномасштабной войны против восточного конкурента — Песценния Нигера — и с этой целью наладил отношения с Клодием Альбином, присвоив ему титул цезаря. В подтверждение подразумеваемого этим титулом права наследования престола Север в 194 г. выпустил в честь Альбина монеты, на которых было начертано «Волей Императора» (PROVIDENTIA AVGVSTI) и «Судьба приведет [Альбина] в Рим» (FORTVNA REDVX). Может показаться странным, что Альбин поверил этому обещанию и объединился с Севером, когда

у того уже было двое сыновей (Каракалла и Гета), которых, естественно, Север и мечтал видеть своими преемниками. Нетрудно заподозрить, что обещание Севера являлось лишь временной мерой, призванной укрепить тыл на время войны на Востоке. Правда, Каракалле тогда исполнилось всего пять лет, и Альбин, даже по скептическим оценкам, располагал значительными шансами утвердиться на троне до того, как мальчик достаточно повзрослеет.

В 194 г. он вновь стал консулом, но уже на следующий год порвал с Севером. Время для подобного шага он выбрал не очень умно, так как Севера более не отвлекала война с другим конкурентом: Песценний Нигер уже был разбит. Теперь стало ясно со всей очевидностью, что Север, вдохновленный победой на Востоке, полон решимости обеспечить право наследования Каракалле, которого и объявил цезарем в следующем году. В ответ на это Альбин разорвал союз с Севером и объявил себя императором; тогда правительство Севера объявило его врагом государства. Тем не менее Альбин пользовался значительным влиянием среди сенаторов, и одним из его сторонников был Луций Новий Руф, наместник Тарраконской Испании.

Вдохновленный этой поддержкой, Альбин переправился со своим войском через Ла-Манш, рискованно ослабив оборону Стены Адриана от набегов северян. Заняв Галлию, он избрал местом своей штаб-квартиры Лугдун. На выпущенных им монетах значился его полный императорский титул. Тактичное посвящение Духу Лугдуна (GEN. LVG.), было лишь провинциальной нотой в полностью римской по характеру серии. Надпись CLEMENTIA AVG(usti) подразумевала, что раз он уже победил, то столице не следует его бояться. Последним выпуском Альбина почтил «Верность Легионов» (FIDES LEGIONum).

Впрочем, заявление о верности легионов не отражало действительности, поскольку, несмотря на первую победу Альбина над армией наместника Нижней Германии, Вирия Лупа, германские легионы сохранили верность Северу. Более того, план вторжения Альбина в Италию был сорван его противником, который сначала надежно запер проходы через Альпы, а зимой 196/97 г. сам двинул войска в Галлию. За первым боем при Тинурции, в котором победа досталась Северу, последовало (в феврале 197 г.) решающее сражение под стенами Лугдуна. Даже если утверждение Диона Кассия о том, что с каждой

стороны в сражении участвовало по сто пятьдесят тысяч человек, несколько преувеличено, огромная численность принимавших участие в битве войск и ее исторические масштабы не вызывают сомнений. Поначалу левое крыло Севера терпело поражение, в пылу схватки под ним убили коня; но после двух дней борьбы один из его полководцев, Юлий Лет, решил исход сражения ударом своей кавалерии. Во время отступления Альбин заколол себя кинжалом (или был заколот); его голову отправили в Рим, как предупреждение тем, кто его поддерживал. Его сыновья просили пощады, но впоследствии были обезглавлены вместе со своей матерью. К существенным итогам войны следует причислить полное разрушение Лугдуна, который никогда больше не был главным городом Галлии.

Трудно отыскать достоверные сведения о личности Альбина, поскольку в своей автобиографии Север описывает своего противника лишь как женоподобного неженку, коварного, бесстыдного, бесчестного, жадного и сумасбродного пропойцу — человека, годного скорее для сцены и хорового пения, чем для поля боя. Геродиан видит в нем скорее тщеславного и наивного человека, достаточно глупого, чтобы поверить уверениям Севера в дружбе, цена которым была совершенно очевидна. *Historia Augusta* отмечает (трудно сказать, насколько справедливо), что Альбин писал эротические пьески, был неутомимым дамским угодником и жестким господином для солдат и рабов. Кроме того, *Historia* приписывает ему благородное происхождение и утверждает, что «ни один император не пользовался такой любовью сената, как Альбин», поскольку он был ставленником латиноязычной аристократии Запада — в отличие от Нигера, которого поддерживал грекоязычный Восток, и Севера, который опирался на данувийскую армию (эта поддержка и оказалась решающей).

## КАРАКАЛЛА

211—217 гг.

Каракалла (правильнее — Каракалл) (211—217 гг.) — это прозвище старшего сына Септимия Севера, происходящее от названия долгополого галльского одеяния, которое он ввел в моду в Риме. При рождении (в 193 г.) его назвали Юлием Бассианом в честь отца его матери, Юлии Домны.

В 195 г. отец объявил его Цезарем и нарек Марком Аврели-

ем Антонином. Он получил титул Августа в 198 г., а в 208 г. отправился вместе с семьей в Британию, поскольку из-за болезни отца лично возглавлял последнюю кампанию в Каледонии, где постарался создать себе доброе имя среди солдат. В 211 г., после смерти Севера, Каракалла и Гета унаследовали трон как соправители, согласно прецеденту полувековой давности, созданному Марком Аврелием и Луцием Вером. Завершив кампанию в Британии — причем куда более успешно, чем полагали их критики — оба правителя возвратились в Рим. Однако они сильно недолюбливали друг друга, а попытки Домны примирить их были безуспешными. Вскоре Каракалла убил Гету. Это убийство, однако, не встретило одобрения среди преторианцев, поскольку некоторые из них помнили, что клялись в верности обоим императорам. Поначалу они проявляли признаки серьезного сопротивления. Но затем, как указывает бывший в то время старшим сенатором Дион Кассий, Каракалла обратился к ним с энергичными уверениями:

«Радуйтесь, соратники, ибо теперь я в состоянии оказать вам почести! Я — один из вас, потому что лишь ради вас хочу я жить, с тем чтобы даровать вам множество благ. Все сокровищницы — ваши. Я обещаю жить с вами, сколько возможно, если нет — то по меньшей мере умереть с вами. Ибо я не боюсь смерти и желал бы кончить свои дни на поле боя. Только там пристало умереть мужчине, нигде больше!»

Но Каракалла понимал, что материальные выгоды для преторианцев важнее зажигательных речей, и выплатил им вознаграждение по 2500 денариев каждому, а также на пятьдесят процентов увеличил их довольствие. Кроме того, он поднял плату легионерам с 500 денариев, установленных его отцом, до 675 или 750 и в тех же пропорциях — остальным войскам. Поскольку в те годы инфляция быстро превращала эти суммы в мелкие деньги на карманные расходы, он распорядился постоянно увеличивать размеры солдатских продуктовых пайков.

Одновременно произошли значительные изменения в высшем военном руководстве вследствие устранения военачальников, поддерживавших Гету или старавшихся остаться в стороне. В числе жертв оказался префект претория Папиниан. Тайную полицию и курьерскую связь возглавили Ульпий Юлиан и Юлиан Нестор. Каракалла также ввел положение, согласно которому ни одна из провинций не имела права формировать войска численностью более двух легионов, то есть наместники не могли располагать военной мощью, достаточной для восстания угрожающих масштабов. Двадцать четыре



легиона были распределены между двенадцатью провинциями, а остальные девять легионов (один из них в Италии) — по одному в разные пункты Империи.

В 213 г. император отправился в Германию, где крупный племенной союз алеманнов (именно в то время он впервые упомянут в числе врагов Рима), создал серьезную угрозу Десятинным полям, расположенным между верховьями Рейна и Данубия. Каракалла победил алеманнов в битве на Майне, хотя его критики заявляли, что он попросту откупился (и он действительно проводил политику обеспечения мира за счет подачек). Такую практику в Риме принято было осуждать, но она обошлась дешевле затрат на войну и на два десятилетия отсрочила набеги германцев. Немаловажную роль играл и психологический фактор: Каракалла был императором нового типа и не испытывал ненависти к германцам, проявляя к ним некую симпатию, и даже в подражание германцам носил светлый парик.

Приверженность Каракаллы этому неримскому стилю (как и длинные галльские плащи, по названию которых он получил свое прозвище) была лишь внешним проявлением широко распространенного обычая того времени, а именно — резкого падения престижа всего римского и итальянского. Оно нашло отражение в самом известном юридическом законоположении древности, названном по имени императора Конституцией Антонина. Этот эдикт наделял все население Империи, за исключением рабов, статусом римских граждан, который до той поры оставался привилегией жителей Италии и относительно малочисленной элиты провинций. Что касается армии, то данное законоуложение ликвидировало традиционное различие между гражданами-легионерами и лишенными гражданства солдатами вспомогательных войск, установив тем самым принцип равенства и единообразия, хотя падение престижа легионов затруднило привлечение к военной службе честолюбивых мужчин. Главной же была выгода финансовая, так как указ привел к увеличению числа людей, обязанных платить не прямые налоги на наследство и за освобождение рабов — эти выплаты производили только римские граждане. Вообще состояние финансов доставляло Каракалле постоянное беспокойство (чтобы извлечь некоторую выгоду, он приступил к выпуску монет пониженного качества, так называемых антонианов, которые были в полтора раза тяжелее динариев и имели при этом двукратную номинальную стоимость).

Что касается различий между гражданами и не-гражданами, то к тому времени они уже стали стираться, и законоведы предпочитали делить население на два основных социальных класса: знать и простонародье. Таким образом, при всем значении законоположения Каракаллы следует помнить, что он стал еще и важнейшим шагом в процессе устранения привилегий гражданства. В материальном плане уравнивание в правах выразилось, например, в возведении для населения огромных бань в Риме, которые были названы именем Каракаллы, хотя начали строиться еще при Севере. Окруженное сплошными садами с гимнастическими площадками под открытым небом и произведениями искусства, главное здание бань Каракаллы, оборудованное гидравлическими, нагревательными и дренажными устройствами, было рассчитано на тысячу шестьсот купальщиков. Центральная часть представляла собой зал с плавательным бассейном под высоким бетонным сводом, державшимся на четырех огромных столбах из того же материала. Сам зал был столь велик (56 на 24 метра), что люди на его просторах казались карликами — начиналась новая эпоха, когда каждый стал равным среди массы равных.

Каракалла мыслил глобальными категориями. Судя по произведениям скульпторов, создававших его бюсты в стиле барокко, он предпочитал видеть себя в образе Бога-Солнца или Александра Великого, покорившего весь мир и подарившего ему всеобщее гражданство. Соответственно он строил планы о покорении Парфии, что не удалось даже Траяну. В 214 г. Каракалла собрал на Данаунии огромную армию для восточного похода, включая шестьдесят тысяч человек в составе фаланг, экипированных подобно македонцам прежних времен. В следующем году император вторгся на территорию Парфии и успешно расширил границы провинции Месопотамии, однако попытка покорить Армению оказалась бесплодной. В 216 г. Каракалла начал поход в Мидию, но вынужден был вернуться к месопотамским рубежам. В это время преторианский сопрефект Макрин, в ведении которого находилась императорская переписка, из писем своего господина понял, что его собственная жизнь оказалась под угрозой. Поэтому когда Каракалла во время поездки верхом из Эдессы в Карры (он хотел посетить расположенный в этом городе храм бога Луны) спешил, чтобы облегчиться, один из солдат по приказу Макрина ударил его кинжалом, а офицеры стражи докончили дело.

Дион Кассий отмечал, что отношение сенаторов к Каракалле было чрезвычайно критическим. Император был хитер, сообразителен и не останавливался перед применением насилия, унаследовав эти качества от своего отца. Его увлекали физические упражнения: он любил скачки на лошадях, плавание и получал удовольствие от кровопролитных состязаний. Каракалла имел обыкновение без раздумий говорить все, что приходило ему в голову, не спрашивая советов или мнения знатоков. Дион Кассий полагал, что у Каракаллы было большое тело и помутненный рассудок.

## ГЕТА 211 г.

Гета (Публий Септимий) (император-соправитель, февраль — декабрь 211 г. или, возможно, начало 212 г.) был младшим сыном Септимия Севера и Юлии Домны, он родился в 189 г. В 197 г. сопровождал отца, мать и старшего брата Каракаллу в парфянской войне. На следующий год после победы Севера под Ктесифоном его объявили Цезарем, а Каракалла в то же время получил титул Августа.

В 199—202 гг. Гета много путешествовал: сначала поехал на Восток, затем — во Фракию, Мезию и Паннонию. В 203—204 гг. он отправился вместе с Севером и Каракаллой в родную им Северную Африку. В 205 г. Гета стал соконсулом Каракаллы, но уже тогда отношения между ними были неприязненными. Тесть Каракаллы, префект Плавтиан, счел за лучшее сдерживать их вражду, но после его убийства молодые люди, согласно Диону Кассию, «в своем поведении более ни перед чем не останавливались».

«Они насильовали женщин и надругались над мальчиками, они растратывали деньги и избирали в товарищи гладиаторов и возниц, соревнуясь друг с другом в бесчинствах, и их соперничество было преисполнено раздорами; если один принимал какую-то сторону, то второй непременно поддерживал противоположную. И настолько никто из них не хотел уступать, что однажды в пылу бешеной скачки Каракалла выпал из двухколесной колесницы и сломал себе ногу».

Стараясь примирить сыновей, Север большую часть 205—207 гг. держал их при себе в Кампании. С той же целью в 208 г. он вновь назначил братьев соконсулами. В том же году

они отправились с родителями в Британию. Гета остался с матерью в Эбораке, в 209 г. он принял управление провинцией Британия и к прочим императорским титулам получил титул Август — на одиннадцать лет позже Каракаллы, который был старше его всего на один год. Отныне полное имя Геты стало таким: «Император Цезарь Публий Септимий Гета Пий Август»; а еще год спустя к нему добавилось звание «Британик».

Перед смертью в 211 г. Север завещал сыновьям жить в согласии, но после их восшествия на престол стало ясно, что надежды на это весьма призрачны. В дальнейшем соперничестве Каракалла захватил инициативу и всегда действовал абсолютно самовольно, не спрашивая мнения брата. Он быстро заключил мир с каледонцами, чтобы вернуться в Рим и укрепить свои позиции в столице. Он сразу избавился от советников отца, пыгавшихся во исполнение последней воли прежнего государя убедить Каракаллу наладить отношения с братом. Армия, по-видимому, тоже симпатизировала Гете, который к тому же внешне был очень похож на отца.

Взяв с собой прах Севера, братья в сопровождении Юлии Домны направились в Рим. Их взаимная ненависть была столь велика, что в пути они не останавливались в одном доме и не ели за одним столом, опасаясь отравления. Оба стремились поскорее оказаться в столице, где могли чувствовать себя в большей безопасности. По приезде в Рим, после похорон и обожествления Севера, они поселились в противоположных концах дворца, и каждый имел собственную многочисленную стражу. Дело шло к территориальному разделу Империи, по которому Гете отходила Азия, а Каракалле — Европа. Однако Юлия Домна воспротивилась этой идее, заявив: «Вы можете разделить Империю, но не сможете разделить свою мать». Этот вариант мог оказаться временным решением, но Юлия Домна, очевидно, опасалась полностью утратить свое влияние.

Как следствие, Каракалла решил убить брата во время праздника Сатурналий, но план провалился, поскольку поползли слухи о его намерениях. Гета увеличил охрану, солдаты и атлеты дежурили у его покоев день и ночь. Тогда Каракалла избрал иную стратегию. Он предложил Юлии Домне пригласить их обоих — без сопровождающих — в свои покои для примирения. Когда Гета вошел в комнату, центурионы Каракаллы набросились на него и зарубили мечами. (Впоследствии история обросла мелодраматическими подробностями — будто

бы Гета бросился к матери, прося у нее защиты, и офицеры убили его в ее объятиях.) Каракалла объявил, что Гета замышлял против него заговор, и, несмотря на волнения в альбанском легионе, получил поддержку преторианцев и сената. Имя Геты было вычеркнуто из летописей, а его сторонники уничтожены.

Вопреки утверждениям Диона Кассия о невоздержанности Геты, историк более позднего времени, Виктор, говорил, что он был вежливым и уравновешенным юношей — в противоположность Каракалле. *Historia Augusta* сообщает:

«Всегда ненавидимый братом, Гета руководствовался советами отца и относился к матери с большей любовью, чем брат. Он обладал звучным голосом и слегка заикался. Он так любил элегантно одеваться, что отец подшучивал над ним. Если он что-то получал от родителей, то тратил все на обновки и ничего никому не давал... В юности его считали приятным компаньоном... В литературе он отдавал предпочтение писателям давних времен... На его похоронах никто не сомневался, что хоронят человека, убитого родным братом».

## МАКРИН 217—218 гг.

Макрин (Марк Опеллий) (апрель 217 — июнь 218 гг.) родился в 164 г. в бедной семье из Цезареи (Йол) в Мавритании, а *Historia Augusta* приводит сведения, никем более не подтвержденные, о том, что в молодости он с успехом служил гладиатором, егерем и курьером. Впоследствии Макрин перебрался в Рим, где добился звания юриста и стал официальным советником Плавтиана, префекта претория при Септимии Севере, умершего в 205 г.; он следил также за торговлей на Виа Фламиния и управлял имениями Севера как *procurator thesaurorum*.

В 212 г. Каракалла назначил его сопрефектом претория вместе с Оклатинием Адвентом, который был повышен из рядовых. В 216 г. Макрин участвовал в парфянском походе императора и уже на следующий год получил консульский статус (*ornamenta consularia*). Весной того же года, однако, во время пребывания в Месопотамии Макрин обнаружил послание императору; в нем указывалось, что, по предсказаниям астрологов, он представляет угрозу для Каракаллы (и действительно, 8 апреля император был убит). Убийство совершил некий Марциалис по наущению Макрина. Он был схвачен и убит императорской стражей. Отсутствие на месте преступления и

показное сожаление по поводу смерти своего господина не могли скрыть ведущую роль Макрина в этом убийстве. Но, так или иначе, через два дня солдаты воздали Макрину императорские почести.

На римском троне он был не первым выходцем из Мавретании, но первым, кто при восшествии на престол не принадлежал к сословию сенаторов. Более того, своим возвышением он был обязан армии и открыл долгую череду «солдатских императоров», которые занимали трон таким же образом. Макрин также хорошо понимал, что его популярность в армии недостаточно прочна и может быстро развеяться, если у солдат возникнут серьезные подозрения в его причастности к убийству Каракаллы, пользовавшегося большой любовью армии; поэтому он не порицал своего предшественника (и жертву), а активно добивался его обожествления. Кроме того, на монетах среди его имен было и имя Север — неизвестно, было ли оно дано ему при рождении, но это кажется маловероятным. Надеясь на установление династии, Макрин поместил на монетах изображение своего девятилетнего сына Диадумена, называя его Антонином Цезарем, «Предводителем Молодежи» (PRINCEPS IVVENTVTIS) и «Надеждой Государства» (SPES PVBLICA).

Хотя Макрин занял императорское место, не заручившись предварительно поддержкой сената, сенаторы из ненависти к Каракалле предпочли признать его и поспешно утвердили все его титулы и привилегии. Макрин тактично принес извинения за свое несенаторское происхождение и обещал править подобно Марку Аврелию и Пертинаксу. И хотя сенаторы были не очень довольны назначением Оклантиния Адвента (автора идеи увеличения налогов при Каракалле) городским префектом, восстановление института выездных судей и амнистию политических заключенных они встретили с явным одобрением. Однако все оказалось напрасным, поскольку Макрин не смог сохранить лояльность армии. В первую очередь причиной тому послужило непопулярное политическое решение восточной проблемы. Коронавание в Армении Тиридата II, сына взятого Каракаллой в плен монарха, означало выход этой страны из-под римского контроля. Престиж Макрина пострадал еще сильнее после его неудачной попытки остановить парфянского царя Артабана V, который вторгся в Месопотамию, отвергнув предложение императора о мире. Вопреки тому, что в монетной чеканке была увековечена «Победа над

Парфией», трехдневное сражение неподалеку от Нисибиса завершилось не в пользу Макрина, и в начале 218 г. он был вынужден подписать бесславный мир, согласившись освободить пленных и выплатить значительную контрибуцию. Его ветераны потребовали возвращения в родные страны, а новые рекруты очень скоро разочаровались, когда выяснили, сколь мала плата в первые годы службы.

Обстоятельства благоприятствовали «смелой попытке», и ее осуществила сирийка Юлия Мэса, сестра последней жены Септимия Севера, Юлии Домны. Заручившись поддержкой восточных гарнизонов, она привезла своего четырнадцатилетнего внука Вария Авита Бассиана (Элагабала), жреца из города Эмесы, в штаб-квартиру финикийского легиона в Рафнеях и 16 мая провозгласила его императором. Время было очень удобным для восстания, потому что угроза со стороны Парфии, которая могла оказаться губительной как для императора, так и для восставших, осталась позади, а у Макрина не хватало времени, чтобы перебросить войска с Данувия и Рейна. Он отправил на подавление беспорядков кавалерию во главе с префектом претория Ульпием Юлианом, но солдаты убили Юлиана и перешли на сторону претендента. Тогда Макрин перебрался в Апамею, где в целях укрепления будущей династии объявил своего сына Диадумена Августом и выпустил в Антиохии монеты в честь этого события с надписью «Счастье века» (FELICITAS TEMPORVM). Он также постарался добиться расположения к себе, отменив прежнее понижение платы солдатам и пообещав им огромные премиальные. Тем не менее в последовавшей битве целый легион предал Макрина, и ему пришлось поспешно бежать в Антиохию. Наместники Финикии и Египта остались ему верны, но не могли оказать помощь достаточно быстро, поскольку значительные силы противника под командованием Ганниса, евнуха Вария Авита, совершили стремительный марш навстречу императору и нанесли ему решающее поражение в битве, состоявшейся в двадцати четырех милях от Антиохии. В этот день, 8 июня, Макрин потерял большую часть своих войск. Скрываясь от военной полиции, он бежал на коне в Европу, но в Халкедоне, недалеко от Босфора, какой-то центурион опознал и арестовал его. Он проделал долгий обратный путь в Антиохию, где и был казнен. Диадумена, попытавшегося бежать в Парфию, ждала та же участь.

Существует два прекрасно сохранившихся портрета Мак-

рина, отчеканенных на монетах. Один из них — профиль человека с небольшой бородкой, очевидно, является всего лишь измененным портретом Каракаллы: по-видимому, он создан римским художником, плохо представлявшим себе внешность нового императора. Другой, сделанный в Антиохии, кажется более реалистичным; на нем изображен вытянутый профиль с окладистой бородой. Что касается личных качеств Макрина, то в основном его характеристики даны его противниками и полны злословия. Например, *Historia Augusta* утверждает, что он ел и пил чрезмерно много, безжалостно наводил дисциплину среди слуг с помощью плети. С другой стороны, Дион Кассий, хорошо осведомленный современник Макрина, признавал, что у него был ряд положительных черт. Макрин добросовестно изучал материалы судебных процессов, хотя не отличался очень хорошим знанием законов; во время службы префектом он действовал из лучших побуждений, всегда руководствуясь чувством справедливости. Дион Кассий сделал вывод, что все было бы хорошо, если бы вместо поспешного захвата трона Макрин предоставил поле действия сенаторам. В отзыхах Диона Кассия слышатся нотки сенаторского предубеждения: так, он отмечает низкое происхождение Макрина и отсутствие у него административного опыта, необходимого для императора. Армия, когда-то посадившая Макрина на трон, тоже была о нем невысокого мнения. Возможно, наилучшим выходом для него было бы поскорее вернуться в Рим, чтобы лично засвидетельствовать перед сенатом смерть Каракаллы. Но ему не позволили сделать это сначала парфянская война, затем — мятеж Юлии Мэсы. Обе эти кампании показали, что Макрин оказался бездарным полководцем, и это, пожалуй, стало наиболее фатальным из его недостатков.

## ЭЛАГАБАЛ 218—222 гг.

Элагабал (218—222 гг.) родился в 204 г. Вскоре после убийства Каракаллы в 217 г. мать императора, Юлия Домна, покончила с собой, но ее сестра Юлия Мэса, вдова консула Юлия Авита, решила свергнуть Макрина. Он приказал ей удалиться в сирийский город Эмесу и тем самым создал превосходные предпосылки для восстания. Ее дочь Юлия Соэмиада вышла замуж



за Вария Марцелла, который после успешной карьеры всадника был удостоен сенаторского ранга. Их четырнадцатилетний сын Варий Авит Бассиан (последнее имя принадлежало семье, из которой происходил и Каракалла) по семейной традиции был жрецом культа бога солнца Эл-Габала (проявление главного семитского божества Эла) в Эмесе и отличался привлекательной внешностью, что помогала ему исполнять культовые церемонии с театральным блеском.

Римские легионеры гарнизона Рафней были покорены щедростью Юлии Мэсы. Командир легиона Публий Валерий Комазон ночью привез мальчика в лагерь, а на рассвете (благоприятный момент для жреца бога Солнца) 16 мая 218 г. его провозгласили императором как Марка Аврелия Антонина — мальчику дали имена Каракаллы и объявили его сыном. За этим последовал переход войск от непопулярного Макрина на сторону нового императора. Его армия под командованием евнуха Ганниса 8 июня одержала решающую победу в сражении при Антиохии. Вскоре Макрин был убит, а Элагабал стал отсчитывать свое правление от даты сражения, принесшего ему победу.

В письмах из Антиохии в Рим своим советникам и советникам своего предшественника он сообщил о принятии императорских титулов и позаботился о том, чтобы сделать примирительные жесты. Сенат должным образом утвердил его восшествие на престол, признал его сыном Каракаллы и обожествил последнего (хотя на самом деле сенаторы ненавидели Каракаллу). Были выпущены монеты в честь нового бога (DIVO ANTONINO MAGNO) и обожествленной Юлии Домны (DIVA IVLIA AVGVSTA), а также в честь нового императора, Юлии Мэсы и Юлии Соэмиады.

В августе последние трое отплыли в Вифинию и провели зиму в Никомедии. Там причудливые восточные религиозные обряды Элагабала посеяли страх, и во время бурных волнений евнух Ганнис был убит. Медленно продвигаясь на запад, императорская семья достигла Рима в начале осени 219 г. Воцарившись в столице, они принялись раздавать важнейшие должности своим сирийским сторонникам (многие из них не принадлежали к сенаторскому сословию). Один из сирийцев, Комазон, стал сопrefектом претория (а впоследствии — префектом города) и правил страной вместе с Юлией Мэсой, которая стала самой влиятельной женщиной в истории Империи.

Перед ними стояла трудная и деликатная задача, поскольку юный император проявлял рискованную независимость в лич-

ных и религиозных пристрастиях. Его сексуальные наклонности создали ему дурную славу, поскольку он, очевидно, был пассивным гомосексуалистом. Римская общественность привыкла к императорам, которые увлекались молоденькими мальчиками — обычно это пристрастие дополняло их гетеросексуальную жизнь. Хорошо известно, что Нерон предпочитал мужчин старше себя, хотя любил и женщин. Но Элагабал являл собой полную противоположность и был единственным, кто открыто позволял себе крайности. Если многочисленные подробности из *Historia Augusta* можно считать сомнительными, то Диону Кассию, сенатору той эпохи, вполне можно доверять, когда он сообщает, что любимым «мужем» императора был Гиерокл, белокурый раб из Кари. Согласно Диону Кассию, Элагабал также имел обыкновение «становиться нагишом в дверях своих дворцовых покоев и, подражая шлюхам, трясти занавесом, сплетенным из золотых колец, и петь для проходивших нежным чувственным голосом». Геродиан отмечал, что император появлялся в общественных местах с накрашенными глазами и нарумяненными щеками, чем только портил свою естественную красоту.

Столь эксцентричное поведение побудило Юлию Мэсу по указке советников — чтобы опровергнуть дурные слухи — устроить просмотр невест из числа непорочных римских красавиц аристократического происхождения. Один из источников тех времен сообщает, что за короткое царствование Элагабал сменил не менее пяти жен. Монеты позволяют уверенно говорить лишь о трех женах — все они удостоились титула Августы и изображались непременно в образе «Гармонии» (CONCORDIA). Первой женой (в 219—220 гг.) была Юлия Корнелия Паула. Второй женой стала Аквиллия Севера, со скандалом освобожденная от обета весталки. Очень скоро, однако, Элагабал отрекся от нее и женился на Аннии Фаустине из дома Марка Аврелия. Но этот союз тоже длился недолго (220—221 гг.), после чего он вернулся к Севере. Однако быстрая смена императриц не могла скрыть тот факт, что сексуальные интересы юноши были полностью ориентированы на мужчин.

Еще большее беспокойство вызывал религиозный фанатизм Элагабала. Во времена царствования Септимия Севера культ Солнца постепенно вытеснил пантеон римских богов. Но Элагабал пошел дальше. Он отменил все традиции в стремлении установить в римской имперской теологии собственную, эксцентричную версию культа солнца. Этот необычный Ко-

роль-Солнце принес свой восточный культ солнца в столицу и возвел его на вершину римской религии, потеснив даже Юпитера. Он женился на весталке Севере, чтобы заключить союз двух культов (по его представлениям, от этого брака должны были родиться «солнцеподобные дети»), и с той же целью провозгласил богиню Минерву женой бога Эл-Габала. Солнечному божеству из Эмесы, идолом которого был фаллической формы метеорит, построили грандиозный храм на восточном склоне Палатинского холма. Его основание сохранилось по сию пору; а на медальонах более поздних времен изображены его огромные ворота и ступени монументальной лестницы (впрочем, впоследствии это святилище использовалось для иных целей).

От названия культа происходит и имя самого императора, так как по восточному обычаю верховного жреца отождествляли с богом, которому он служил. В качестве обряда посвящения Элагабал произвел обрезание себе и своим приближенным. Сохранилось свидетельство Геродиана о плясках императора вокруг алтаря Эл-Габала под звуки цимбал и барабанов, на которых играли сирийские женщины. Сенаторам и всадникам надлежало присутствовать на этой церемонии. Бог Солнца занимал отныне центральное место в самом пышном ежегодном римском празднестве, приуроченном ко дню летнего солнцестояния. Далее Геродиан сообщает:

«Он установил солнечного идола на колесницу, сплошь отделанную золотом и драгоценными камнями, и вывез его за пределы столицы, прослав по предместьям города. Колесницу тянули шесть огромных белых, без единого пятнышка, коней в дорогой золотой сбруе с богатой отделкой. Никто не правил упряжкой, никого не было в самой колеснице; получалось, будто бог сам правит колесницей. Элагабал бежал перед колесницей спиной вперед, непрерывно глядя в лицо богу и придерживая поводья. Так он и проделал весь путь, заглядывая в лицо своему богу».

Этот сюжет нашел отражение в чеканке монет, на которых юный правитель назван «Непобедимым» и «Верховным Жрецом», «Жрецом Бога-Солнца Эл-Габала» (*SACERDOS DEI SOLIS ELAGABali*); на другой монете, выпущенной в Антиохии, изображена триумфальная колесница, запряженная четверкой лошадей под четырьмя балдахинами, везущая священный конический камень, увенчанный римским орлом.

Сексуальные отклонения и религиозные пристрастия юного императора настолько встревожили Юлию Мэсу, что она сочла его плохим союзником, от которого лучше избавиться. Его мать, Соэмиада, была столь же безнадежно увлечена солн-

цепоклонничеством, и потому Мэса обратила взор к своей второй дочери, Юлии Авите Мамее, и ее тринадцатилетнему сыну Алексиану. Этим двум женщинам удалось убедить Элагабала объявить Алексиана цезарем под тем предлогом, что теперь он сможет больше времени уделять своим религиозным обязанностям. Так Алексиан был возведен в ранг Цезаря под именем Александра.

Когда вскоре Элагабал изменил свою точку зрения и попытался устранить Алексиана, Мэса и Мамея расстроили планы императора и, в свою очередь, привлекли на свою сторону преторианскую стражу. 11 марта 222 г. Элагабал и его мать Созмиада были убиты, их тела проволокли по улицам Рима и сбросили в Тибр; большую часть их приближенных также ожидала смерть. Эмесский бог, этот черный каменный идол, был отправлен обратно в родной город, где поклонение ему ничуть не уменьшилось за четыре года его пребывания в Риме.

## АЛЕКСАНДР СЕВЕР

222—235 гг.

Александр Север (222—235 гг.) родился в 208 г. в финикийском городе Кесарии Ливанской и при рождении был наречен Марком Юлием Гессием Алексианом. Его отцом был Гессий Марциан, а матерью — Юлия Авита Мамея, дочь Юлии Мэсы и внучка Юлии Домны и Септимия Севера. Подобно своему кузену и предшественнику Элагабалу, Алексиан был жрецом бога Солнца в Эмесе.

Когда Мэса решила, что Элагабала необходимо сменить, ей удалось вместе с Мамеей убедить его объявить Алексиана своим наследником; в 221 г. тринадцатилетний мальчик, получив титулы Цезаря и «Предводителя молодежи», принял имя Марк Аврелий Север Александр. Тогда же были выпущены монеты в честь наследника и его матери. В следующем году он стал консулом императора. Заметив рост популярности своего добродушного кузена, Элагабал вскоре стал оскорблять его и хотел не только отменить повышение, но и вообще уничтожить конкурента. Но осмотрительная Мэса расстроила эти планы и подговорила стражу убить Элагабала и его мать Созмиаду. В итоге Александр Север тихо и мирно занял престол.

Бразды правления оказались в руках Мэсы и Мамеи, а после смерти первой в 223 г. управление перешло к Мамее. Од-

нако Мамее было непросто отстоять свое влияние. Так, ей пришлось уступить во время трехдневных уличных боев преторианцев, не поладивших с собственным командиром, знаменитым судьей Ульпианом, который был земляком Мамеи и ее главным советником. Когда Ульпиан стал главным префектом, в его подчинении оказались два других префекта (Флавиан и Крест) — два старших офицера претория. Однако вскоре оба умерли, и стражники, недовольные старорежимной жесткостью Ульпиана в отношении дисциплины, восстали против него, заподозрив пришедшего начальника в причастности к смерти своих командиров. Так или иначе, в 223 г. они убили его. Мамея и Александр не смогли спасти Ульпиана и даже вынуждены были назначить его убийцу, Марка Аврелия Эпагата, наместником Египта — правда, впоследствии они сами же позаботились о его уничтожении. Гибель Ульпиана положила конец обычаю назначать главного судью префектом претория; впрочем, с тех пор и роль префекта в гражданских делах стала не столь значительной — отныне преторианцы занимались прежде всего защитой от военных угроз, возникавших непрерывной чередой.

В 225 г. Мамея, неустанно опекавшая мягкого, вежливого и послушного императора, выбрала ему невесту из патрицианской семьи, Кнею Сею Гереннию Саллюстию Барбию Орбиану. Она сразу же была удостоена титула Августы и выпуска посвященных ей монет. Ее отец, Сей Саллустий Макрин, по видимому, получил титул Цезаря. Однако прошло немного времени, и он вместе с дочерью лишился симпатий ревнивой и подозрительной Мамеи, которая вынудила Александра — против его воли, как утверждают источники — изгнать Орбиану в Африку. Тесть императора пытался укрыться в лагере преторианцев, но его схватили и казнили, как мятежника, в 227 или 228 г. С тех пор у Мамеи, удостоенной титула «Мать Императора, Солдат, Сената и Страны», не появлялось соперников при дворе. Но преторианцы, которых поражение Саллюстия лишило возможности продемонстрировать свою силу, продолжали сеять беспокойство. Одним из объектов их ненависти был сенатор Дион Кассий вследствие того, что он, будучи наместником Верхней Германии (по его собственному мнению) «управлял солдатами твердой рукой». Гвардейцы уже поднимали мятеж против Диона Кассия в правление Ульпиана, и в 229 г., когда он стал консулом, император посоветовал ему провести два месяца не на рабочем месте, а в безопасности вне стен столицы.

*Historia Augusta* пространно восхваляет царствование Александра, как Золотой Век восстановления власти сената. Но такое утверждение, ставшее ядром автобиографического очерка, при всем уважении к историку, следует признать необоснованным. *Historia Augusta* изображает безобидного юношу идеальным правителем, наделенным многими добродетелями, и приписывает ему авторство административных реформ, близких сердцу самого писателя. Под восстановлением власти сената, по-видимому, подразумевается эпизод, упоминаемый в записях Геродиана: чтобы создать о себе хорошее мнение после разорительного правления Элагабала, Мэса и Мамея сформировали комитет из шестнадцати сенаторов — представительный консультационный орган при несовершеннолетнем наследнике. Далее историк очень точно подмечает, что эти меры подняли лишь престиж сената, но не реальную его власть. В действительности по-прежнему царил непреклонный военный абсолютизм, который не сдавал своих позиций. Даже выслужившийся при Элагабале главный министр Комазон остался во главе управления городом на третий срок; а Мамея и Александр делали все возможное, чтобы завоевать расположение армии, и потому, как утверждает *Historia*, не стремились к чрезмерному ужесточению дисциплины.

Следует отметить прогрессивные изменения в уголовном законодательстве: наметившаяся тенденция к смягчению наказаний являла резкий контраст с величайшей суровостью суда времен царствования Элагабала. Но, к сожалению, вскоре новый режим стал приобретать отрицательную репутацию. Причины этого не до конца ясны, потому что было произведено пять раздач хлеба населению, а программа общественных работ затронула многие части Империи. Например, в самом Риме были расширены знаменитые бани Нерона, к которым провели новый акведук и пристроили новую библиотеку, и теперь весь комплекс стал называться банями Александра. Более того, существенно снизились налоги, и потери годового дохода компенсировались возросшей пошлиной на предметы роскоши. Тем не менее после предыдущего расточительного правителя государство вынуждено было тщательно выверять все свои расходы. Юный Александр ограничивал себя в личных тратах, тогда как его мать отличалась алчностью, внушавшей, по свидетельству Геродиана, отвращение ее сыну, — но он был слишком послушен, чтобы предпринять действенные контрмеры, и в результате ее жадность и стяжательство помешали успешному правлению.

Эти качества поставили под угрозу и ее собственные позиции, тогда как внешнее военное положение драматически изменилось в худшую сторону. Прежде всего это было вызвано тем, что прежнее владычество Парфии по ту сторону Евфрата сменилось властью Персии. Непрерывные войны с Римом значительно ослабили власть парфян над их вассальными государствами. В числе последних было государство Персеполь, правитель которого, Ардашир, в 223—230 г. восстал против парфян и сверг их монарха, подчинив все государство династии Сассанидов, названной так в честь его деда. Это новое руководство оказалось для Рима гораздо опаснее прежнего, парфянского. Создав сильное централизованное и националистически настроенное правительство, руководители нового режима с величайшей агрессивностью занялись захватом территорий, стремясь расширить свои владения до древних парфянских границ в Малой Азии.

В 230 г. Рима достигла весть о том, что Ардашир, преследуя эти цели, вторгся в Месопотамию и угрожал Сирии и другим азиатским провинциям. На следующий год — после бесплодных переговоров — Мамея и Александр отправились на Восток во главе значительной армии. Вторая попытка решить проблему дипломатическими способами тоже не привела к успеху и завершилась ультиматумом Ардашира, который потребовал отдать все указанные им земли. На монетах Александра прославлялась «Верность Армии» (*FIDES EXERCITVS*, *FIDES MILITVM*), но то и дело вспыхивали беспорядки, попытки узурпировать власть среди офицеров в Месопотамии, и мятежи в войсках, приведенных из Египта. Тем не менее в 232 г. римляне были достаточно подготовлены, чтобы нанести удары одновременно по трем направлениям: в Армении, в северной части Месопотамии и в ее южной части. Первая колонна действовала успешно и вторглась на территорию Мидии, но на обратном пути серьезно пострадала от суровой зимы; вторая, под командованием императора, не смогла продвинуться достаточно далеко (по-видимому, из-за знойного климата); третья была уничтожена у берегов Евфрата. Так или иначе, римлянам удалось вернуть Месопотамию, а Ардашир на четыре года затих. По возвращении Александра и Мамеи в Рим в 233 г. первый был удостоен Триумфа, как «Великий Персидский».

Но некоторое время спустя Рим встревожили известия о серьезных волнениях у рейнских и данувийских границ. Дуэт

правителей, еще озабоченный персидским кризисом, оказался перед лицом второй угрозы, ознаменовавшей начало новой эпохи, когда Империю почти непрерывно атаковали вдоль всей протяженности ее границ.

Первые сообщения о серьезной угрозе со стороны алеманнов появились еще до возвращения императора и его матери с Востока. Когда об этом стало известно, данувийские легионы, которые участвовали в персидской кампании (и уже недолго любили императора за предпочтение, которое он отдавал войскам с родного ему Востока), потребовали возвращения к своим европейским границам, чтобы защищать свои собственные земли в случае нападения. По возвращении в Рим Александр и Мамея сразу направили их на север и вскоре сами поехали туда же, чтобы присоединиться к легионам в Могунциаке. Через реку уже навели понтонный мост, но Александр, который отнюдь не был полководцем, попытался откупиться от германцев. Тогда его войска, почувствовав себя оскорбленными, принесли присягу своему командующему Максиминому, происходившему из данувийской семьи. В марте 235 г. они облачили его в пурпур, и солдаты, приведенные Александром и Мамеей с Востока, отказались защищать их. Напротив, когда Максимиин выступил против них, они схватили и убили императора и его мать.

За время своего царствования Александр и Мамея старались осторожно направить солнцепоклонничество по менее экзотическому пути, нежели Элагабал. Поклонение Богу-Солнцу, квази-монотеистическому божеству века, находило отражение и в чеканке монет. Однако этот бог изображен не в сирийском стиле, а в традиционной римской короне из расходящихся лучей; храм Элагабала переделали в святилище Юпитера-Мстителя. *Historia Augusta* определяет отношение Александра к религии, как терпимое ко всем ее проявлениям:

«Прежде всего он ранним утром — если не спал с супругой — священнодействовал в святилище Ларов, где держал статуи обожествленных императоров (точнее, только лучших из их числа) и некоторых святых — таких, как Аполлоний Тианский, Христос, Авраам, Орфей и прочих, а также портреты его предков... Среди праведников и обожествленных императоров его святилища был и Александр Великий».

Упоминание о статуе Иисуса нельзя назвать неправдоподобным, поскольку в то время число христиан среди домохозяев императора существенно возросло.



Часть пятая  
ВЕК КРИЗИСА





Максимин I (Гай Юлий Вер) (235—238 гг.), как говорили (возможно, безо всяких на то оснований), был сыном готского крестьянина, а его мать происходила из племени аланов, относившегося к причерноморским сарматам. В историю он вошел как Максимин Фракиец, но, возможно, он был выходцем из более северных приданувийских земель. Зонара датирует его рождение 172 или 173 г., но, по-видимому, Максимин родился приблизительно на десять лет позже.

Он выделялся силой и огромным ростом и стал первым римским императором, начавшим карьеру простым солдатом. Максимин быстро продвигался по служебной лестнице и в 232 г. командовал легионом в Египте, а впоследствии стал наместником в возвращенной Римом Месопотамии. В 235 г. он руководил рекрутами из Паннонии на Рейне, и именно они свергли Александра Севера и Мамею и предложили империю Максиминому, военные успехи которого так выгодно контрастировали с беспомощностью его предшественника. Сенат, хоть и не без значительного сопротивления (поскольку выбор был сделан без участия сенаторов, и они не считали Максимиана за равного), вынужден был утвердить его полномочия.

Важнейшей своей задачей Максимин I считал войну в Германии. Но сначала ему пришлось заняться двумя серьезными мятежами, вспыхнувшими в самой Империи. Один из них подняла группа офицеров: когда он воевал в Германии, они решили разрушить понтонный мост, чтобы оставить его на другом берегу Рейна и возвести на трон сенатора Магна. Однако сведения о заговоре достигли Максимиана, и он казнил всех подозреваемых. Другой мятеж произошел в Осроене, где группа влиятельных чиновников, верных памяти Александра Севера, облачила в порфиру Квартина. Но затем их предводитель, Македон, изменил свои планы и убил Квартина, что, впрочем, не помогло ему спасти собственную жизнь. После этих событий Максимин и озлобился и стал очень подозрите-

лен. Он изгнал из армии всех офицеров сенаторского сословия и заменил их профессиональными военными, которых сам произвел в соответствующие чины.

Подавив в зародыше внутренние беспорядки, Максимин переправился через Рейн и вторгся в глубь Германии. Грабя страну и сжигая деревни, он вынудил германцев — и прежде всего алеманнов, которых считал своими главными врагами — искать убежища в лесах и болотах. Вскоре вблизи болот у северных границ Вюртемберг-Бадена состоялось важное сражение. Император, лошадь которого утопала по грудь в болотной жиже, проявил личную храбрость и, несмотря на серьезные потери римлян, нанес противнику сокрушительное поражение, что позволило на некоторое время восстановить спокойствие. В Рим для размещения в здании сената была отправлена картина с изображением этой битвы; Максимин принял победный титул «Германик», возвел в ранг Цезаря своего сына Максима и выпустил монеты в его честь и в честь своей умершей и обожествленной жены Цецилии Паулины.

Максимин приступил к укреплению оборонительных пограничных сооружений: он не оставлял намерения продолжать и дальше успешную кампанию на Рейне. Для этого в первую очередь следовало устранить угрозу нападения данувийских племен. Проведя зиму 235—236 г. в Сирмии, на пересечении важных дорог, и устроив там свой главный военный штаб, Максимин выступил против враждебных племен и впоследствии присовокупил к своему имени почетные титулы «Сарматский» и «Дакский». Достоверно известно о его военных успехах в Германии, поэтому нет причин сомневаться и в этих триумфах. Штаб-квартира Максимиана оставалась в Сирмии вплоть до 238 г., когда пришло сообщение о восстании престарелого Гордиана Африканского, правителя провинции Африка, и его сына, тоже Гордиана. Хотя сенат и большая часть Империи поддерживали восставших, всего через двадцать два дня после начала мятежа их разбил сохранивший верность Максимиану наместник Нумидии Капелиан, который в бою убил младшего Гордиана, после чего старший Гордиан покончил с собой. Сенат же немедленно объявил о выборе двух новых императоров: Бальбина и Пупиена, они должны были продолжить борьбу против Максимиана.

Узнав о восстании Гордианов, Максимин решил двинуть войска на Италию. Однако, придя в Эмону, он нашел обезлюдевший город с опустошенными и разрушенными складами,

что вызвало разочарование и ропот среди солдат. Более того, в Аквилее его встретило упорное сопротивление, и даже после возведения понтонного моста через полноводную реку Сонтий он не смог взять город из-за сильной бури, повлекшей серьезные потери, что вкупе с недостатком продовольствия, жесткостью императора и недовольством офицеров привело к общему падению дисциплины и морального духа в войсках. Как следствие, 10 мая солдаты легиона, имевшие на то особые причины (их семьи находились в руках противника в Альбани), напали на Максимиана и его сына во время полуденной сиесты и убили обоих. Их головы отправили в Рим в сопровождении кавалерийского эскорта.

Изображения Максимиана в скульптуре и на монетах подтверждают слова Геродиана о пугающем виде императора. Историк писал:

«Он был огромен; непросто отыскать равного ему среди известных греческих атлетов или лучших натренированных воинов варварских племен... При его вспыльчивости такая сила наводила на всех страх. Терпеливое и сдержанное управление Максимиан заменил по-варварски жесткой автократией, хорошо зная о враждебном к себе отношении, причиной которому было то, что он стал первым императором, поднявшимся до высочайшего положения из самых низов. Максимиан был варваром как по происхождению, так и по характеру, унаследовав от своих сородичей грубый и жестокий нрав... Его достижения обеспечили бы ему более высокую репутацию, не будь он слишком безжалостен даже к своим союзникам и подчиненным».

Этим критическим замечаниям вторит *Historia Augusta*, отражавшая позицию сената, члены которого ненавидели Максимиана. И он отвечал им тем же — необразованный человек, который едва говорил на латыни и не испытывал симпатий к высшему и среднему классам римского общества. За три года своего царствования он ни разу не появился в столице. Более того, в его правление наиболее состоятельная часть населения, затравленная сворой сборщиков налогов, агентов и военных шпионов, вынуждена была более, чем когда-либо, платить за укрепление обороны государства. Для зажатых в жесткие рамки представителей высших кругов имя Максимиана стало олицетворением величайшей жадности.

Тем не менее его жесткость была обусловлена характером ситуации. Империя подвергалась огромному давлению извне. Чтобы избежать полного разрушения, требовались новые и твердые подходы — нужен был император нового типа, который подчинил бы все военным нуждам и смог осуществить необходимые радикальные меры. По той же причине Макси-

мин отверг терпимое отношение предыдущего императора к христианам, ибо любое влияние, которое могло повредить патриотическим устремлениям, было недопустимо.

Несмотря на провал похода 238 г., Максимин I проявил себя очень толковым полководцем. Он заслуженно стал первым в длинной череде данувийских императоров (из числа опиравшихся на силу воинов римского государства), спасавших в последующие полвека Рим от хаоса, хотя цена за это оказалась разорительной.

## ГОРДИАН I 238 г.

Гордиан I (Марк Антоний Гордиан Семпрониан Роман) (император-соправитель своего сына, Гордиана II, март-апрель 238 г.) родился в 159 г. или на год-два позже. Согласно *Historia Augusta*, его родителями были Меций Марулл и Ульпия Гордиана, правда, имя «Меций» звучит подозрительно, ибо оно характерно для четвертого века, когда и писалась сама *Historia Augusta*. Имя «Ульпия» показывает, что по материнской линии Гордиан был потомком императора Траяна; отцовская же ветвь восходила к легендарным реформаторам республики, Гракхам. Впрочем, не исключено, что имя «Гордиан» происходит от названия города Гордий в Малой Азии. Современные писатели утверждают, что имя Роман он взял при провозглашении императором, но достоверно известное существование женщины по имени Семпрония Романа позволяет допустить, что это имя он носил от рождения.

Гордиан I был, в буквальном смысле слова, богатейшим землевладельцем. Филострат посвятил ему (или его сыну) книгу, в которой упоминаются родственные связи со знаменитым афинским софистом Иродом Аттиком, — консулом 143 г. Гордиан Старший занимал многие должности сенаторского ранга и в шестьдесят четыре года сам стал консулом. Он также был наместником нескольких провинций, включая Нижнюю Британию, а в 237—238 гг., когда ему исполнилось восемьдесят лет, Максимин I назначил его наместником Африки. В этой провинции один из финансовых чиновников императора чрезвычайно рьяно взимал налоги, нередко прибегая к конфискации имущества богатых землевладельцев. Возму-

ценные его жестокостью, молодые представители местной знати составили заговор и, усилив свои ряды арендаторами и домочадцами, застали врасплох и убили прокуратора в Тисдре. Лишь после этого они осознали, что для спасения собственных жизней им остается только поднять восстание во всей провинции и провозгласить нового императора, достойного быть соперником Максимино I.

Их выбор пал на Гордиана I. Говорят, поначалу он противился этому, но 19 марта 238 г. все-таки принял титул Августа, несколько дней спустя со свитой солдат и знати совершил церемониальное вступление в столицу провинции, Карфаген, и провозгласил сына своим соправителем. «На короткое время, — пишет Геродиан, — Карфаген по своему процветанию и по всем внешним признакам сравнялся с Римом». Вскоре оба Гордиана приняли титул «Африканский». Прежде всего они снарядили в Рим делегацию во главе с влиятельным и состоятельным советником Гордиана-отца, который вез в столицу обращение новоиспеченного императора к сенату и народу, а также его личные послания к некоторым сенаторам. Одна из важнейших задач делегации состояла в том, чтобы устранить префекта претория Виталиана, убежденного приверженца Максимиана. Заявив, что прибыли с секретной миссией от Максимиана, они смогли проникнуть к префекту и убить его.

Гордиан огласил свою программу, пообещав наказать донощиков, вернуть изгнанных и выплатить значительные премиальные войскам. 2 апреля сенат (хотя не принимал непосредственного участия в организации восстания) утвердил императорские титулы Гордианов, обожествовал Александра Севера и объявил Максимиана врагом народа. Его сторонники, включая римского городского префекта Сабина, были схвачены и убиты. Кроме того, действуя с несвойственной им расторопностью, сенаторы сформировали комитет из двадцати бывших консулов, распределив между ними территорию Италии для защиты от ожидаемого нападения Максимиана. Одновременно во все провинции были посланы эмиссары с призывом к наместникам присягнуть на верность Гордианам; на этот призыв откликнулись все, кроме наместников Паннонии, Даккии и Испании.

Однако события в самой Африке, которую Гордианы так и не покинули, расстроили их планы. Из-за прежних судебных тяжб они были в плохих отношениях с Капелианом, намест-

ником соседней Нумидии. На призыв подчиниться он ответил отказом и двинул против них свои войска. Младший Гордиан погиб в сражении, после чего старший кончил жизнь самоубийством (впрочем, согласно другому источнику, он умер еще до битвы). Гордианы носили пурпур всего двадцать два дня, и выгравированный на их монетах девиз звучит скорее иронично: «Надежность Императоров». Несмотря на краткость их правления, оно оказалось запоминающимся, поскольку запуганный и подавленный сенат после долгих лет смирения пошел «против течения» и сыграл независимую политическую роль.

Гордиан I, если верить изображениям на монетах, был стариком с тонкими чертами лица. Называющая его идеальным императором династии Антонинов, *Historia Augusta* является, пожалуй, единственным источником, дающим его краткое описание. Он впечатляюще выглядел, одевался всегда элегантно, любил своих близких и получал огромное наслаждение от купания. Вместе с тем, отмечает автор, «вы никогда не смогли бы упрекнуть его в поступке, вызванном вспыльчивостью, нескромностью или неумеренностью. Правда, он очень любил поспать и мог без смущения вздремнуть даже за столом, если обедал с друзьями».

## ГОРДИАН II 238 г.

Гордиан II (Марк Антоний Гордиан Семпрониан Роман) (император-соправитель своего отца, Гордиана I, март-апрель 238 г.) родился в 192 г. Он стал наместником Греции, а затем — консулом, но когда его престарелый отец был назначен наместником Африки, он отправился с ним в Карфаген в качестве его заместителя. В марте 238 г. Гордиан I, уступив настойчивым требованиям знати, согласился облачиться в императорский пурпур, провозгласил сына своим соправителем и присвоил ему титул Августа — то есть Гордиан II во всем был равен отцу, за исключением сана верховного жреца. Вскоре сенат утвердил все эти титулы. Но почти сразу же наместник Нумидии, Капелиан, действуя от имени Максимиана, двинул свои войска на Карфаген (временную столицу нового режима). Гордиан II выступил навстречу неприятелю.



Геродиан писал:

«Капелиан возглавлял большую армию молодых сильных воинов, вооруженных всеми видами оружия и имевших за плечами богатый боевой опыт, приобретенный в сражениях с варварами... Ему должны были противостоять горожане под командованием младшего Гордиана... Когда битва началась, карфагеняне превосходили противника числом, но представляли собой лишь неорганизованную толпу, не имевшую боевой выучки: свою жизнь горожане проводили в праздности и непрерывных развлечениях. Хуже того, они были плохо вооружены. Каждый захватил из дома кинжал, топор и охотничий дротик, те, кто смог найти кожу, сделали себе щиты, натянув ее на деревянные каркасы, — единственное средство защиты, которое они могли себе позволить. Нумидийцы, напротив, славились умением метать дротики и были превосходными наездниками. Они презирали уздечки и управляли своими лошадьми лишь с помощью хлыста. Им не составило труда опрокинуть многочисленное войско противника; карфагеняне, не ожидавшие нападения нумидийцев, побросали оружие и обратились в бегство. Толпясь и давя друг друга, карфагеняне нанесли себе даже больший урон, чем нумидийцы».

Одной из жертв этой давки стал сам Гордиан II — впоследствии не удалось обнаружить даже его тела. После этого поражения его отец покончил с собой (по другим сведениям, он умер еще до сражения). Капелиан ворвался в Карфаген, где устроил настоящий погром, и разграбил всю африканскую провинцию. Восстание Гордианов показало, что любое выступление обречено на провал, если оно не опирается на поддержку регулярной армии.

На монетах Гордиан II изображен совершенно лысым и гораздо более полным, чем его отец. *Historia Augusta*, возможно, приукрашивает факты, описывая его:

«Он был огромен... Его отличало пристрастие к холодным напиткам, и он с трудом переносил лето, выпивая огромное количество жидкости... Еще известны многие вещицы, написанные им как в прозе, так и в стихах, которые его родня часто цитирует и поныне. Они не так уж хороши, но и не плохи — словом, заурядные. Кажется, что их писал талантливый человек, растративший свой гений в развлечениях и праздности... Учился он очень серьезно и обладал замечательной памятью. (Его отличало и сочувствие к детям — когда кого-либо из детей наказывали розгами, он не мог удержаться от слез.)».

«Его наставник, Серен Саммоник, — продолжает *Historia Augusta*, —

был очень дружен с его отцом и после смерти завещал Гордиану II все свои книги, которые начал собирать еще его отец — эта библиотека насчитывала шестьдесят две тысячи томов... Гордиан II проводил жизнь в удовольствиях, устраивая пирушки в садах, в банях и в прелестнейших рощах... Женщин он любил страстно. Говорят, что у него было по крайней мере двадцать две наложницы, и от каждой из них он оставил по трое или четверо детей».

Это описание послужило Эдварду Гиббону поводом для известной эпиграммы: «Двадцать две наложницы и шестьдесят две тысячи книг его библиотеки характеризуют широту его интересов; а оставленное им наследие показывает, что как первые, так и вторые были предназначены скорее для практического использования, чем для престижа». Гиббон заключил, что Гордиан II был не столь утонченным в манерах, как его отец, но столь же добродушным по натуре».

## БАЛЬБИН

238 г.

Бальбин (Децим Целий Кальвин Бальбин) (император-соправитель Пупиена, апрель-июль 238 г.) родился, как сообщает Зонара, не позже 178 г., но наиболее вероятными считаются 170 и 165 гг. Сын Целия Кальвина, он происходил из патрицианской семьи, поскольку жреческая коллегия салиев, членом которой он был, состояла только из представителей этого сословия. Бальбин назначался консулом в 203 и 213 гг. *Historia Augusta* указывает также, что он был наместником Азии, Африки и еще пяти провинций — возможно, не все эти сведения соответствуют действительности, но Бальбин, вне всякого сомнения, занимал подобные должности.

Сенат открыто встал на сторону Гордиана I и II, выступивших против Максимиана, и после их гибели было очевидно, что дороги назад нет. Когда сенаторы признали Гордианов, они создали «комитет двадцати» для защиты Италии, и теперь, собравшись в храме Юпитера на Капитолийском холме, назвали двоих из этой двадцатки новыми Августами. Одним из них был Бальбин, другим — Пупиен. В данном случае сложилась ситуация, необычная для римской истории. Прежде при совместном правлении двух императоров (например, при Марке Аврелии и Луции Вере или при Гордианах) один непременно имел преимущество перед другим и только один мог быть верховным жрецом. Теперь же ни Бальбин, ни Пупиен не имели превосходства, и даже сан верховного жреца присвоили им обоим. Тесные отношения императоров с избравшим их сенатом подтверждались тем, что «комитет двадцати» продолжал существовать, а выпущенные в ту пору монеты провозглашали их «Отцами Сената» (PATRES SENATVS). Однако в Риме этот режим встретили с недоверием, поскольку Пупи-

ен не пользовался общественным признанием, и потому соправители решили ограничить свою политическую власть, обеспечив продолжение династии Гордианов: они обожестили Гордиана I и объявили Цезарем его внука (и племянника Гордиана II), Марка Антония Гордиана (III). Тем самым они заручились полной поддержкой богатейшего семейства, что вскоре позволило им раздать населению Рима денежные вознаграждения. Главной же задачей было противоборство с Максиминим, вторжение которого в Италию было неизбежным. Поэтому Бальбин остался в Риме, а Пупиен отправился в северные области Апеннинского полуострова, чтобы набрать там армию. И тут императорам-соправителям чрезвычайно повезло: бывшие консулы Криспин и Менофил, члены «комитета двадцати», оказали успешное сопротивление Максиминому в Аквилее, и Максимин с сыном пали от рук своих же солдат. Жители Аквилеи вывесили на стенах города портреты Бальбина, Пупиена и Гордиана III и предложили осаждавшим город войскам присягнуть этим властителям. Солдаты последовали этому призыву и смогли утолить голод прямо на рыночной площади, которую защитники устроили близ стен города. Вскоре они направили делегацию с присягой верности к самому Пупиену, посетившему Аквилею; он сразу же вернулся в Рим, где у ворот города его встречали Бальбин и Гордиан III. К тому времени Бальбин столкнулся в столице с серьезными трудностями. Междоусобица началась после того, как два сенатора, Галликан и Меценат, подговорили группу преторианцев, которые попытались ворваться в здание сената, но были убиты. Преторианцы не желали подчиняться правителям, избранным сенатом, а не ими. Галликан не сложил оружия и вновь набрал союзников из числа гладиаторов и преторианцев. Бальбин, находившийся в то время в Риме, выпустил эдикт: он пытался успокоить население, пообещав солдатам амнистию. Однако преторианцы не вняли его обещаниям, и город сильно пострадал от пожаров, устроенных мятежниками. Когда впоследствии Пупиен с ликованием въехал в столицу, Бальбин понял, что в этой ситуации его престижу нанесен серьезный ущерб. Выпущенные монеты призваны были продемонстрировать мир и согласие между соправителями: изображение рукопожатия свидетельствовало не только об их совместном правлении в качестве «Отцов Сената», но и о дружбе, в частности, Бальбин отмечал их взаимное доверие и готовность подчиняться друг другу (PIETAS MVTVA AVGG. [Augustorum], FIDES MVTVA AVGG.). Однако эти утвержде-

ния все менее соответствовали действительности, ибо их взаимоотношения быстро и резко ухудшались.

Общая задача по отражению нападений внешних врагов могла уладить проблему: было решено, что Бальбин выступит навстречу варварам, переправившимся в нижнем течении Даруния, а Пупиен отправится воевать против персов. Но преторианцы решили иначе. Недовольные и разъяренные, они, опасаясь столкновения с личной стражей Пупиена, набранной из германцев, напали на дворец во время церемонии закрытия Капитолийских игр, намереваясь взять его штурмом. Несогласия между правителями достигли крайней степени, поскольку Бальбин отказался призвать на подмогу германцев, опасаясь, что они заодно расправятся и с ним из любви к своему командиру. Пока он препирался с Пупиеном, преторианцы ворвались во дворец, схватили обоих императоров, сорвали с них одежды и, мучая и избивая, поволокли по улицам в свой лагерь. Германская стража, услышав о происшедшем, бросилась на выручку. Узнав о приближении германцев, преторианцы прикончили пленников и бросили их тела на улице. Императоры правили ровно девятью днями. Геродиан характеризует Бальбина как человека более искреннего и откровенного, чем его соправитель, и добавляет, что он и прежде проявил себя умелым наместником провинции. На его портретах изображен человек с привлекательными мягкими чертами лица и тяжелой нижней челюстью. *Historia Augusta* наделяет его не только литературными и ораторскими талантами, но и аристократическим вкусом к вину и фруктам, в ухаживаниях и одежде; но автора можно заподозрить в приукрашивании действительности, поскольку он явно ставил себе целью создать контраст при сравнении Бальбина и Пупиена.

## ПУПИЕН 238 г.

Пупиен (Марк Клодий Пупиен Максим) (император-соправитель Бальбина, апрель-июль 238 г.), как указывает Зонара, взошел на трон в возрасте семидесяти четырех лет. Однако, судя по существующим сведениям, логичнее предположить, что ему тогда исполнилось лишь шестьдесят с небольшим —

возможно, он был даже моложе Бальбина, хотя на папирусах и указах его подпись стояла первой. Что же касается их происхождения, то драматически подчеркнутый в *Historia Augusta* контраст между знатным родом Бальбина и скромными корнями Пупиена скорее всего является надуманным. Поэтому большего доверия заслуживает утверждение Геродиана о том, что по рождению оба принадлежали к высшему классу, кроме того, о сенаторском ранге Пупиена может свидетельствовать и карьера его сыновей. Другие заметные деятели тех времен с именами Пупений и Пупиен могли приходиться ему родней, а имя его дочери — Секстия Цетегилла — указывает на брачный союз со знатным родом.

Если *Historia Augusta* с сомнением относится к сведениям о быстрой военной карьере будущего императора и его успехах в качестве наместника, то Геродиан подтверждает, что Пупиен действительно был наместником Нижней либо Верхней Германии. Впоследствии его назначали также наместником Азии. Пупиен дважды становился консулом — в 217 и 234 гг., а в 230 г. получил должность городского префекта Рима. Как и Бальбин, он вошел в состав «комитета двадцати», призванного защитить Италию от Максимиана I, а после гибели Гордианов сенат избрал соправителей Империи с абсолютно равными полномочиями (см. **Бальбин**). Избрание Пупиена отнюдь не вызвало восторга в обществе, потому что городской префект отличался суровостью, особенно по отношению к отъявленным преступникам. Новым императорам пришлось воспользоваться защитой стражи, чтобы покинуть здание Капитолия, в котором состоялось заседание сената. Волнения в обществе достигли такого размаха, что им пришлось провозгласить цезарем юного внука Гордиана I (Гордиана III), и лишь после принятия этого решения толпа беспрепятственно пропустила соправителей во дворец. Пупиену сразу же пришлось противостоять вторжению Максимиана в Италию, однако не успел он сформировать армию из жителей северных областей полуострова, как в Равенне его застигли приятные известия о том, что неприятель вместе со своим сыном-наследником убит собственными солдатами во время безуспешной осады Аквилеи. Пупиен поспешил в освобожденный город, жители которого с радостью распахнули перед ним ворота, и распустил сдавшиеся войска противника по домам. В сопровождении стражи, набранной из германцев, верных ему со времени пребывания на посту наместника Германии, Пупиен возвратился в столицу, где сенат и народ встретили его овацией.

Судя по монетам, у Бальбина был повод относиться к коллеге с подозрением: тот стал называть себя «Пупиен Максим», а не «Марк Клодий Пупиен». Древние источники утверждают, что имя «Максим» он носил от рождения, но от людского внимания не могло ускользнуть значение самого слова — «Величайший»; и такое толкование вполне соответствовало его триумфальному возвращению в столицу, где Бальбин не мог справиться с возникшей междоусобицей. Пупиен поддержал пропаганду Бальбином их дружеских отношений, заявляя о взаимной любви соправителей (CARITAS MVTVVA AVGG., AMOR MVTVVVS AVGG.). На самом же деле отношения между ними складывались не самым лучшим образом, и это оказалось особенно пагубным в ситуации, когда преторианцы с ревностью восприняли появление германских стражников Пупиена, заподозрив германцев в намерении занять их место. Спустя некоторое время группа преторианцев силой ворвалась во дворец, в котором находились оба соправителя. История их гибели изложена нами в жизнеописании Бальбина.

Подобно Бальбину, Пупиен был опытным администратором, и именно Пупиену сенаторы поручили руководить сопротивлением Максимино I. Трудно судить о его личных качествах, поскольку *Historia Augusta* во всем проповедует контраст между соправителями, исходя из надуманного утверждения об огромной разнице в происхождении, и противопоставляет аристократическую изысканность Бальбина грубым крестьянским привычкам Пупиена. Пупиена можно назвать грубым, если иметь в виду жесткие методы руководства в бытность городским префектом. Достоверно известно лишь об одной (не считая неприязненных отношений между ними) «разнице»: в отличие от круглой физиономии Бальбина, лицо Пупиена изображено на монетах худым, с длинным носом и бородой. Заявления *Historia Augusta* о том, что он отличался угрюмым и мрачным нравом, был драчливым пьяницей, не преуспевающим в любовных делах и не считавшимся ни с чьим мнением, вряд ли справедливы.

Пупиен и Бальбин обладали замечательными административными способностями — как и полагалось представителям сенаторского ранга. Однако их катастрофически короткое царствование, как и правление Гордианов, вновь подтвердило, что сенат не способен эффективно избирать императоров. Только армия могла сделать это достаточно успешно.

## ГОРДИАН III 238—244 гг.

Гордиан III (Марк Антоний Гордиан) (238—244 гг.) родился в 225 г. *Historia Augusta* не может точно назвать его родителей. По-видимому, его мать была дочерью Гордиана I и сестрой Гордиана II. После гибели этих соправителей в 238 г. их преемники, Бальбин и Пупиен, дабы успокоить бунтовщиков (и получить доступ к огромному состоянию Гордианов), провозгласили юного Гордиана III Цезарем и выпустили монеты с соответствующими надписями. После свержения Бальбина и Пупиена солдаты в том же году возвели Гордиана III на трон.

Поначалу (неизвестно, верны ли утверждения *Historia Augusta* об огромном влиянии евнухов его матери и придворных фаворитов) новая администрация оставалась под контролем сената, которому приходилось действовать очень осторожно, с оглядкой на возвысивших молодого императора солдат, ибо они считали его своим ставленником. Тем не менее правительство Гордиана III рискнуло распустить легион, поддержавший Капелиана в его успешной попытке одолеть деда и дядю нынешнего правителя. Память тех Гордианов славили с таким рвением, что юный император принял имя «Пий», неизменно появлявшееся с тех пор на всех выпущенных им монетах. Однако такой шаг в отношении упомянутого легиона лишил африканскую провинцию военной мощи, и потому в 240 г., когда взбунтовался африканский наместник Сабиниан, на подавление его восстания пришлось направлять войска из Мавретании.

Гораздо более серьезными были угрозы внешних врагов вдоль пограничных рек на севере. Еще во времена правления Бальбина и Пупиена готы вторглись в Нижнюю Мезию и разграбили город Истр, тогда как дакское племя — карпы — переправилось через Данувий западнее. Менофил, наместник Нижней Мезии, предложил готам ежегодные выплаты в обмен на римских солдат, захваченных ими в плен, но отказался от такого же договора с карпами, едва достаточно укрепил свою армию. В 239 г. в городе Виминаций (Верхняя Мезия) были выпущены монеты, надписи на которых провозглашали новую эру в истории провинции — эру общего переустройства всего региона, включая совершенствование оборонительных систем. В 241 г. режим претерпел серьезные изменения, вызванные переходом поста городского префекта в руки человека, который быстро приобрел огромное влияние на Гордиана III. То был Гай Фурий

Сабин Аквила Тиместей — человек просвещенный и красноречивый, поднявшийся из рядовых до звания центуриона и сословия всадников. Впоследствии в калейдоскопе сменявшихся монархов он сделал впечатляющую карьеру на административных постах, нисколько не задетый проносившимися над страной бурями. Назначив Тиместея префектом, Гордиан III женился на его дочери, Транквилине, и отметил это событие выпуском монет в ее честь с посвящением *VENVS VICTRIX* — победоносной богине любви. В *Historia Augusta* упоминается, будто префекта называли «Отцом Императора» и «Защитником Империи».

Юному Гордиану III повезло, что бразды правления оказались в столь умелых руках, ведь именно в те годы на Империю обрушилось беспрецедентное нашествие персов, война с которыми еще долгое время была тяжким бременем для римской армии. Нависшую опасность можно было предвидеть с момента восшествия на персидский трон Шапура I (239—270 гг.), принявшего при коронации вызывающий титул «Царя царей иранских и неиранских». Шапур стал самым грозным противником Рима после Ганнибала. Его предшественник, Ардашир, во времена царствования Максимиана I захватил Карры и Нисибис в Месопотамии; теперь же Шапур вторгся в Сирию и угрожал самой Антиохии. Римляне не могли ответить немедленно, поскольку сначала следовало восстановить спокойствие на Данувийской границе. Весной же 243 г. основные силы римской армии и флот были готовы отправиться на Восток. После ряда успешных операций Тиместей отвел угрозу от Антиохии (ставшей императорским монетным двором), возвратил Риму Карры и Нисибис; персы постепенно сдавали позиции и, наконец, в битве при Рисасне потерпели жестокое поражение (впрочем, Шапур распорядился изобразить на барельефе Гордиана III поверженным).

Юный император желал новых побед и решил выступить в поход на столицу персов, Ктесифон, но эти планы сорвались из-за болезни Тиместея, от которой он и умер в 243 г. Префектом стал его заместитель Филипп Араб. Полагают, что он отравил своего предшественника. Так или иначе, устремления Филиппа Араба не ограничивались постом префекта, а были нацелены на императорский трон. Ему удалось настроить солдат против Гордиана III. В итоге, согласно одной из летописей, последний предложил трон Филиппу, прося для себя титул Цезаря или назначение на какой-либо другой пост под его руководством. Филипп предоставил выбор солдатам, которые заявили, что в качестве правителя им нужен зрелый мужчина,



а не юное дитя. В конце концов Гордиан III встретил свою смерть 25 февраля 244 г. вблизи Цирцезии на берегу Евфрата. Сенату доложили, что он умер своей смертью и что на месте захоронения воздвигнута гробница; но, по-видимому, его убили по указанию Филиппа.

Гордиан III возглавил Империю в бедственном положении, и вскоре появились признаки того, что он — точнее, его советники — начали успешно исправлять ситуацию. Найденные в Афродисиаде манускрипты позволяют понять цели его политики в провинциях. Изданный в 238 г. декрет предписывает наместникам сделать все необходимое для соблюдения законности. Прежние необоснованные применения военной силы при решении гражданских проблем были прощены, но принимались меры, чтобы впредь пресечь попрание закона государственными чиновниками. Летописи из фракийского города Скаптопара отмечают, что его жители жаловались императору на притеснения со стороны солдат. Селяне посылали петиции через одного из земляков, ставшего преторианским стражником, надеясь тем самым привлечь к своим просьбам особое внимание. Однако представители Гордиана III, как и в прежние времена, отвечали фракийцам, что прошения следует направлять по обычным каналам. Естественно, такой путь обычно оказывался бесполезным из-за бесчисленного множества жалоб в тот период, когда притеснения и высокие поборы были широко распространены.

О личных качествах юного Гордиана III ничего не известно, поэтому остается обратиться к *Historia Augusta*, которая зачастую грешит крайностями. «Он был светловолосым юношей, красивым, жизнерадостным, привлекательным и приятным во всех отношениях; если не считать возраста, у него не было черт, которые не соответствовали бы званию императора. До заговора Филиппа он был любим народом, сенатом и солдатами как никакой другой наследник престола».

## ФИЛИПП I 244—249 гг.

Филипп I (Марк Юлий Вер Филипп) (244—249 гг.), родившийся в 204 г., был сыном арабского вождя из города Трахонитида по имени Марин, всадника по положению. Он вошел в историю под именем Филиппа Араба и стал первым пред-

ставителем этой национальности на римском троне. Он сопровождал Гордиана III в восточной кампании, будучи заместителем префекта претория. В конце 243 г. Филипп Араб занял место умершего префекта Тиместея (по-видимому, он сам отравил своего предшественника) и сумел настроить солдат против императора, обвиняя его в нехватке продовольствия, возникшей из-за того, что не прибыли корабли с зерном. Вскоре молодой император погиб, очевидно, также в результате действий Филиппа. Тем не менее он сообщил сенату, что Гордиан III умер якобы своей смертью и предложил причислить его к богам. Сенаторы, с которыми Филипп поддерживал дружеские отношения, приняли такое объяснение и признали его право на трон. Первым шагом нового правителя стало заключение мира с персами. Его стремление вернуться в Рим — в отличие от Максимиана I, для которого промедление с поездкой в столицу оказалось роковым — привело к тому, что договор был подписан в спешке. Однако условия соглашения оказались вполне приемлемыми: римляне получили Малую Армению и Месопотамию (до Сингары) в полное владение и Великую Армению в формальную зависимость — поэтому Филипп присвоил себе титул «Персидский».

Филипп энергично принялся возвышать своих родственников, назначив своего брата, Гая Юлия Приска, и брата (или отца) жены, Севериана, заместителями Месопотамии и Мезии. Вознамерившись основать династию, он немедленно провозгласил своего сына, Филиппа Младшего, Цезарем, и тот вслед за ним подписывал все императорские эдикты. Жена императора, Отацилия Севера, вскоре получила титул Августы. Изображения его жены и сына непременно появлялись на всех выпущенных монетах. Более того, чтобы усилить династический характер режима, он добился обожествления своего отца и установил его бронзовый бюст в родном городе, переименованном в Филиппополь и получившем статус колонии.

Вскоре после восшествия Филиппа Араба на римский трон дакское племя карпов вновь переправилось через Данувий. Ни Севериан, ни военачальники Нижней Мезии не смогли остановить захватчиков, и в конце 245 г. Филипп сам выступил из Рима навстречу противнику. О его присутствии в Дакии в 246 г. свидетельствуют монеты, провозглашавшие новую эру в истории провинции, ознаменованную приходом императора. По-видимому, в том же году произошли сражения с германцами (предположительно, с племенем квадов), ибо императора

стали величать еще и «Германским». В 247 г. Филипп принял также звание «Карпский», наголову разбив дакийских карпов, которые вынуждены были оставить свои собственные крепости и просить мира. Возвратившись в Рим, император воспользовался возросшим престижем и возвысил своего сына до положения Августа и равного себе верховного жреца. Таким образом, официально юный Филипп Младший стал также равен императору, как были равны между собой Бальбин и Пуппиен, хотя, конечно, по молодости не имел настоящего влияния.

В 248 г. оба Филиппа стали соконсулами: отец в третий раз, а сын — во второй. В том же году Империю ждало из ряда вон выходящее событие: празднование тысячелетия со дня основания Рима, вычисленного ученым Варроном (умер в 27 г. до н.э.), окончание десятого века его существования и начало одиннадцатого. Юбилей отмечался с великой пышностью, о чем упоминалось и в надписях на монетах (SAECVLARES AVGG., SAECVLVM NOVVM). Вдобавок к традиционным религиозным церемониям на арене Большого цирка с небывалой расточительностью проводились Игры с участием множества диких зверей, отловленных еще Гордианом III во время похода против персов для предполагавшегося Триумфа. На посвященных юбилею монетах были изображены гиппопотамы, львы и олени. После ряда лет необходимой жесткой экономии на сей раз расходов не считали. Жителям Рима раздали субсидии в виде специальных монет с надписью AETERNITAS AVGG. (*Augustorum*) с изображением известных своим долголетием слонов, чтобы убедить их в том, что слава этого города будет навеки связана с династией Филиппов.

Однако весь этот бодрый оптимизм оказался преждевременным и неуместным. В том же самом году — году проведения Секулярных Игр — в разных провинциях объявилось целых три претендента на пурпур, положив начало эпохе, когда армии отдельных гарнизонов провозглашали своих командиров императорами, что привело к вооружению населения и почти полной утрате контроля над ситуацией. Во-первых, уникальная монета, обнаруженная в Лотарингии, свидетельствует о коротком правлении некоего Сильванна, объявившего себя императором. Во-вторых, в начале лета до Рима дошли известия, что некоторые данувийские легионы, хорошо понимая важность своей роли в римской армии, присудили трон одному из своих офицеров по имени Пакациан — возможно,

причиной тому послужили его заслуги в постоянных пограничных боях и стычках с соседними племенами. Монеты в честь Пакациана, выпущенные в ряде городов Мезии, славили также и тысячелетний юбилей Империи: «Вечному Риму — тысяча лет и один год» (ROMAE AETER[nae] AN[no] MILL[esimo] ET PRIMO). Это восстание послужило возмущающим фактором для готов (которым было отказано в ежегодной дани, обещанной еще Гордианом III), и они переправились через Данувий и вторглись в Нижнюю Мезию; их примеру последовали племена карпов. Однако накатывающие валы захватчиков были остановлены упорной обороной города Марцианополя, и причиной тому послужило пренебрежительное отношение варваров к использованию осадной техники.

Примерно в то же время вспыхнули беспорядки в восточных провинциях: брат Филиппа, Гай Юлий Приск, был назначен верховным командующим всего азиатского региона Империи с небывалым до той поры званием «префекта претория и правителя Востока». Его деспотические методы правления привели к взрыву возмущения непомерными налогами, вследствие чего солдаты северной части Сирии объявили императором некоего Иотапиана, который, по-видимому, был в родстве с Александром Севером и с бывшим правящим домом Коммагены, самой северной части Сирии (принцессы этого рода носили имя Иотапе). Иотапиан присвоил себе все титулы, пожалованные Филиппом Приску, дерзко прибавив к ним титул Августа. Все это нашло отражение в надписях на выпущенных им монетах, в которых восхваляется также и одержанная им военная победа (VICTORIA AVG.), но нам о ней ничего не известно.

Убежденный в том, что восстания Пакациана и Иотапиана предвещают развал империи, Филипп сдался. Он выступил перед сенатом с обращением, выдержанным в тревожных и подавленных тонах, и заявил, что собирается отречься от престола. В зале заседаний повисла долгая тишина, которую прервал префект претория Деций, заявивший, что Пакациан не имеет достаточных навыков для исполнения императорских обязанностей, и вскоре погибнет от рук своих же людей. Действительно, некоторое время спустя именно так и случилось, Иотапиана ждал тот же конец. Но Филипп по-прежнему был глубоко раздосадован ситуацией в приданувийских провинциях и решил заменить Севериана (потерпевшего поражение и потерявшего много солдат в боях с готами) Децием, назначив

последнего верховным командующим Мезии и Паннонии. В течение 248 г. Деций решительно восстановил порядок и дисциплину, а еще через шесть месяцев воодушевленные войска приветствовали его, как императора. Не поверив заявлениям Деция о том, что он не пожелал принять эти почести, Филипп двинул против него свою армию. Но император был нездоров и не мог сравниться с Децием в военных навыках: в сражении при Вероне его армия, хоть и превосходила противника числом, потерпела сокрушительное поражение. В этом сражении Филипп погиб, а его сына преторианцы увели обратно в лагерь в там убили.

Согласно слухам, записанным Евсевием, Филипп был первым римским императором, исповедовавшим христианство. Но эти сведения скорее всего неверны и навеяны резкой разницей между Филиппом и Децием: последний развернул широкую кампанию суровых преследований христиан. Что касается Филиппа, то можно говорить только о его терпимости к христианам. Таково мнение Дионисия — в то время епископа из Александрии; известно также, что при Филиппе папа Фабриан счел возможным перевезти в столицу останки своего предшественника, Понтиана, скончавшегося в изгнании на Сардинии.

В памфлете тех времен *К монарху* говорится, что правление Филиппа основывалось на достоинствах философии стоиков и что он был готов простить отдельные ошибки и нарушения в работе правительственных чиновников. Филипп предпринял серьезные шаги, чтобы предотвратить злоупотребления в государственном казначействе, и многие его эдикты впоследствии вошли в свод законов (Кодекс Юстиниана), обеспечивавший строгое соблюдение гражданских прав. Он с неприязнью относился к гомосексуализму и кастрации и ввел законы против того и другого. Кроме того, Филипп необычайно щедро финансировал общественные работы и обеспечил достаточное снабжение всей столицы водой. Императору получал много жалоб на беспрецедентные притеснения со стороны императорских офицеров, солдат и государственных чиновников, не говоря о муниципальных властях. Пожалуй, Филипп сделал даже больше своего предшественника, чтобы пресечь подобные злоупотребления. Его царствование было омрачено сомнительными обстоятельствами восшествия на трон, которое стало возможным только после подозрительной смерти Гордиана III, и критическими обстоятельствами последних лет

правления, сложившимися, в числе прочих, и вследствие ухудшения здоровья императора. Придворный художник сумел передать черты его характера в замечательном портрете: мужчина с выразительным лицом неримского типа, отмеченным подозрительностью и беспокойством, с напряженными и подвижными чертами.

## ТРАЯН ДЕЦИЙ 249—251 гг.

Траян Деций (Гай Мессий Квинт Деций) (249—251 гг.) родился в 190 г. в поселении Будаля, возле Сирмия, недалеко от Данубия. По-видимому, он происходил из местной знатной семьи, имевшей родственные связи в Италии и располагавшей огромными земельными владениями; его жена Геренния Купрессения Этрусцилла была из древнего этрусского рода. Деций оказался одним из немногих выходцев данувийских земель, которые становились сенаторами и добивались назначения на пост консула. Очевидно, он был наместником Ближней Испании (в летописях указывается имя Квинт Деций Валерин) и Нижней Мезии (упоминается Гай Мессий Квинт Деций Валериан). В 248 г., когда Филипп I оказался в окружении узурпаторов и был готов отречься от трона, Деций — в то время префект претория — отговорил его под тем предлогом, что неумелые в административных вопросах претенденты скоро погибнут сами, и дальнейшие события подтвердили его правоту. Впоследствии он получил особые командирские полномочия в Мезии и Паннонии, разгромил вторгшихся на территорию Империи готов и восстановил дисциплину в своих войсках. Многие историки идеализировали его во всех отношениях. Так, Зосима заявлял, что Деций предостерегал (но безуспешно) императора о возможности появления у солдат желания отречься от клятвы Филиппу и заключить союз с самим Децием. Именно так и случилось в июле 249 г. Тогда, по сообщению Зосимы, Деций вновь написал Филиппу, обещая по возвращении в Рим сложить с себя императорские знаки отличия, которые в создавшейся ситуации ему пришлось принять от солдат. Но «узурпатор поневоле» — тема слишком романтическая, чтобы быть реальной, и нет серьезных причин приписывать Децию отказ от трона из неких высоких соображений.

После полной победы над превосходящими силами Фи-

липпа в сражении под Вероной, приведшей к гибели императора и его сына, Деций вернулся в Рим, и в начале октября сенат утвердил его право на трон и оказал ему прочие почести, в число которых входило присвоение имени Траян: оно постоянно появлялось на монетах. Сенат, по-видимому, надеялся на хорошие отношения с новым императором, коль скоро он избрал Траяна образцом для себя. Ко всему прочему, Траян прославился как завоеватель, и Деций, помнивший об этом его качестве, не замедлил выпустить монеты не только в честь родных данувийских провинций (PANNONIAE, GENIVS ILLVRICI), где он начал свою карьеру, но и в честь данувийских армий, составлявших в то время ядро военной мощи Империи (GENIVS EXERCITVS ILLVRICIANI).

Первый год своего правления он посвятил различным преобразованиям как внутри страны, так и вне ее. Особое внимание император уделял тому, чтобы сплотить духовные силы языческой религии ради поддержки своей власти, основанной лишь на военной силе. Для этого он присвоил себе титул «восстановителя культов», как гласит недавно обнаруженная надпись. Однако, вследствие явного снижения интереса к политеизму или, во всяком случае, изменения отношения к нему, опираться в восстановленном культе пришлось не столько на олимпийских богов, сколько на *divi* — обожествленных правителей Рима прежних времен. Монеты с изображениями того или иного правителя чеканились на протяжении всего существования Империи. Но лишь изредка власти, в стремлении с большим, чем обычно, усердием заглянуть в прошлое, выпускали одновременно монеты в честь целого ряда обожествленных властителей. Наиболее впечатляющая из подобных серий «памятных» монет — как по исполнению, так и с точки зрения создания денежных запасов — может быть отнесена ко времени правления Траяна Деция. Монеты, изготовленные из низкопробного серебра, приписывают римскому монетному двору, тогда как похожие местные бронзовые монеты чеканились во фракийском городе Филиппополе. Деций, который принадлежит к череде солдатских приданувийских императоров, верил в то, что он стремится к сохранению *Roma Aeterna* (Вечного Рима), и этот нумизматический ряд обожествленных правителей прежних лет показывает, каким образом он пытался сплотить ряды на основе патриотической традиции во время глубочайшего внешнего и внутреннего кризиса.

Тот же мотив лежал в основе наиболее известной черты его

правления: неуклонное преследование христиан. Хотя их община оставалась сравнительно малочисленной, ее прочное и замкнутое административное устройство казалось вызовом теснимым со всех сторон римским властям. В результате Деций, отказавшись от политики терпимости Филиппа, с большей, чем у его предшественников, решимостью принялся избавляться от руководителей церкви. По слухам, после казни папы Фабиана он произнес: «Я скорее потерплю известие о соперничающем претенденте на престол, чем об еще одном епископе в Риме». Ему казалось, что во времена бед и несчастий, когда полностью терялась уверенность в чем-то определенном, христианские руководители своим примером побуждают остальных его подданных отказаться от почитания языческих богов — этой основы государства и его благосостояния. Он не требовал от христиан отказа от веры, а лишь настаивал на их участии в общественных обрядах. Христианин должен был хотя бы один раз исполнить религиозный обряд, после чего местная «Жертвенная комиссия» (каковые были созданы по всей Империи) выдавала ему свидетельство о жертвоприношении (экземпляры таких свидетельств были обнаружены в Египте). Поскольку церковная деятельность сосредоточивалась преимущественно в городах, она была весьма чувствительна к полицейскому давлению, поэтому многие верующие тут же пали духом и согласились выполнить требуемое. Другим же удалось этого избежать, поскольку не все члены комиссий были настолько честны, чтобы не брать взятку. Однако значительная часть христиан решительно отказались подчиниться и были казнены.

Тем временем власть Деция подверглась еще одной внешней опасности, когда необычайно большое число готов под предводительством талантливого правителя Книвы перешло Данувий, причем готы действовали в сговоре с карпами, которые одновременно вторглись в Дакию. Перейдя скованную льдом реку, готы разделились на две армии. Одна дошла до Фракии и осадила в Филиппополе ее наместника, Тита Юлия Приска, а сам Книва двинулся к востоку на Новы. Требониан Галл, наместник Верхней и Нижней Мезии, вынудил его отступить; тогда Книва повернул в глубь страны и осадил Никополь на Истре, где укрылось большое число беженцев.

Деций решил, что пришло время лично возглавить большой имперский поход и отбросить захватчиков. Однако сначала он привел в порядок дела в Риме, где назначил сенатора



Публия Лициния Валериана (будущего императора) на специально созданный пост ответственного за центральное управление (пока шла война, ему пришлось подавить выступление претендента на престол Валента Лициниана; кроме этого в Галлии и на Востоке происходили и другие восстания). При этом Деций явно собирался основать новую императорскую династию. Его жену, Гереннию Этрускиллу, возвели в ранг Августы, а в начале лета 250 г. его сын, Геренний Этруск, стал Цезарем и Предводителем Молодежи.

Хотя Геренний еще не вышел из подросткового возраста, его тут же послали с передовой армией в Мезию. Сам Деций вскоре выступил в том же направлении и успешно освободил от осады Никополь на Истре, Книва отступил, понеся большие потери. Кроме того, император освободил от карпов Дакцию, за что его нарекли ее освободителем и званием «Дакский». Однако, преследуя по пятам Книву, он потерпел серьезную неудачу у Берои Августы Траяны, что вынудило Тита Юлия Приска, который был все еще заперт в Филиппополе собственными мятежными войсками, в порыве отчаяния объявить себя императором и перейти на сторону осаждавших город готов. Но это предательство не спасло город от захвата и жестокого разрушения, а о Тите Приске нам больше ничего не известно.

Траян Деций, будучи не в силах помешать готам опустошать Фракию, поспешил с остатками армии в Эск, где находились свежие войска Требониана Галла; затем две армии расположились на Данувии, подготовив ловушку для захватчиков на их обратном пути. По всей видимости, в следующем году Деций вступил с ними в бой где-то к северу от Балканских гор, так как на монетах он и его сын Геренний Этруск празднуют «победу над германцами». Как раз во время этого относительного успеха Геренния объявили Августом и соправителем отца, а оставшемуся в Риме младшему сыну Деция, Гостилиану, присвоили титул Цезаря. Но решающая битва произошла, когда Книва на своем обратном пути достиг города Абритта в Малой Скифии (Добрудже). Примерно в июне 251 г. он встретился там с основными силами Деция, который разбил два его полка, но затем позволил себя окружить, в результате погиб сначала его сын, Геренний Этруск, а затем и он сам, как и большая часть его армии.

Впервые римский император погиб в битве с внешним врагом. Но почитатели Деция видели причину не в его собствен-

ных неудачах, а в предательстве со стороны его военачальника и преемника Требониана Галла; причем судьба Деция воскресила в памяти панегиристов деяния двух воинов, носивших то же имя, которые в легендарную эпоху принесли себя в жертву ради Римской республики. Эта утешительная интерпретация случившейся катастрофы в сочетании с идеализированной точкой зрения на обстоятельства восхождения Деция на престол побудила Эдварда Гиббона поставить его и его сына «как в жизни, так и в смерти в ряд ярчайших примеров античной добродетели». Деций не заслуживает подобной похвалы. И все-таки трудно точно оценить его способности. Патриотическая религиозная политика проводилась им с железной твердостью, что отражается в его изображениях на монетах; в то же время его мраморный бюст, который также дошел до наших дней, известен главным образом беспокойным (и странно асимметричным) взглядом. В целом он был, несомненно, толковым, но недостаточно компетентным политиком, хотя мало кто мог претендовать на это в эпоху, когда Империю один за другим потрясли катаклизмы.

## ТРЕБОНИАН ГАЛЛ 251—253 гг.

Требониан Галл (Гай Вибий Афиний) (251—253 гг.) по происхождению был этрусском и принадлежал к древнему роду из Перузии. Он родился в 206 г., а в 245 г. стал консулом. В 250 г., будучи наместником Верхней и Нижней Мезии, он вынужден отступить от Нов Книву с готской армией. Император Деций, потерпев поражение, соединился с ним у Эска. Когда позже они расположились на Данувии, чтобы помешать Книве вернуться со своей армией на север, Галл занимал позицию у устья реки. Впоследствии его обвинили в предательстве, повлекшем поражение и гибель Деция при Абритте, но, насколько нам известно, это ничем не подтверждается.

Известно, однако, что после этой катастрофы солдаты провозгласили его императором. Он начал с того, что заключил крайне неблагоприятный мирный договор с готами: им было позволено вернуться домой не только с награбленной добычей, но и с римскими пленниками (в том числе и знатного происхождения), захваченными в Филиппополе. Кроме того, готам обещали платить ежегодную дань в надежде убедить их

больше не вторгаться на территорию римских провинций. Галл поспешил в столицу, рассчитывая укрепить свое положение проявлением уважения к сенату, кроме того, он поступил благоразумно, с должным почтением отнесясь к памяти погибших Деция и его старшего сына и позаботившись о том, чтобы их обожествовали сенатским указом. Младший сын Деция, Гостилиан, который во время войны оставался в столице, был возведен в ранг Августа и императора-соправителя; а чтобы не посягать на привилегии вдовы Деция, Этрусциллы, Галл не стал награждать свою жену, Бебиану, титулом Августы. Однако своему сыну Волузиану он присвоил титул Цезаря и Предводителя Молодежи, и когда вскоре Гостилиан умер, Волузиан стал Августом вместо него.

Короткое правление Галла отмечено постоянными бедствиями. Наиболее разрушительные последствия принесла страшная эпидемия чумы (от чумы умер Гостилиан). Она свирепствовала по всей Империи полтора десятилетия, нанеся неисчислимый ущерб и значительно ослабив армию. На границах же военная угроза стала еще опасней, чем прежде, несмотря на то, что вновь появилась монета с чрезмерно оптимистичной надписью «Вечный Мир» (PAX AETERNA). Галл не смог помешать персам овладеть Арменией. Они убили армянского царя и отправили в изгнание его сына, а в 253 г. персидский царь Шапур I начал совершать набеги на восточные римские провинции, и эти нападения не прекращались на протяжении десяти лет. Его войско обрушилось на Месопотамию и Сирию и опустошило Антиохию, унеся с собой огромную добычу и уведя многочисленных пленников. В это же время самые разнообразные грабители, готы и другие племена, вторглись из-за Данувия. Они не только разорили европейские провинции, но и предприняли морской поход в Малую Азию, опустошив земли вплоть до Эфеса и Пессинунта.

Чтобы отвлечь внимание от этих несчастий, Галл возобновил преследования христиан, заключив в тюрьму папу Корнелия, который там и скончался. Военных же успехов смог добиться только Марк Эмилий Эмилиан, наместник Нижней Мезии, предпринявший удачное наступление на готов к северу от Данувия. После того как в июле или августе (некоторые источники называют и более ранний срок) солдаты провозгласили его императором, он незамедлительно двинулся в Италию, дойдя, возможно, до Интерамны, расположенной всего в двадцати милях к северу от Рима. Застигнутые врасплох Галл

и Волузиан объявили его врагом народа; кроме того, они пренебрежительно вызвали на помощь Публия Лициния Валерияна (который некогда был заместителем Деция в столице, а в это время находился на Рейне). Однако к его приходу они смогли выставить армию, значительно уступавшую силам захватчика. Вследствие этого солдаты, не желая испытывать судьбу в безнадежной битве, убили обоих соправителей и принесли присягу Эмилиану.

Даже если Галл и не совершал предательства по отношению к Децию, он показал себя безвольным и неумелым императором. Его скульптурный портрет отражает преувеличенные тревогу и напряжение человека, не способного справиться со своей ношей. Удивительно, что он позволил создать такое изображение и, по-видимому, размножить его; хотя, возможно, в отличие от многих своих предшественников, он не обладал художественным вкусом, либо или не имел ни времени, ни желания проявлять интерес к тиражированию своего изображения.

## ЭМИЛИАН 253 г.

Эмилиан (Марк Эмилий Эмилиан) (июль/август (?) — сентябрь/октябрь 253 г.) родился в Мавретании. В 252 г. Эмилиан стал наместником Нижней Мезии. Весной следующего года готы, возглавляемые Книвой, которому Требониан Галл обещал платить ежегодную дань, вновь забеспокоились и потребовали увеличения выплачиваемых сумм. Однако Эмилиан, призвав своих солдат помнить о величии Рима и пообещав в случае успеха щедрое вознаграждение, казнил оставшихся в провинции готов, а затем перешел Данувий и вторгся на их собственную территорию. Благодаря внезапности нападение оказалось весьма успешным.

Неожиданный триумф, последовавший за многочисленными неудачами римлян, побудил солдат в июле или августе 253 г. провозгласить Эмилиана императором вместо Галла. Не дожидаясь окончательного изгнания из Фракии враждебных готов, Эмилиан поспешил в Италию. Солдаты Галла и его сына Волузиана убили соправителей и присягнули Эмилиану. Сенат, совсем недавно объявивший его врагом государства, подтвердил его возвышение, а выпущенные монеты с его име-

нем свидетельствуют, что его признавали в Египте и в восточных провинциях. На других монетах под титулом Августы изображена некая Корнелия Супера, бывшая, по всей видимости, его женой.

Тем временем Валериан, вызванный Галлом с берегов Рейна, не прекратил продвижение к Италии, когда получил известие о его смерти. По пути солдаты провозгласили его императором. Его армия была весьма велика, поскольку ее усилили для борьбы с алеманнами. Когда Эмилиан двинулся ему навстречу, на север полуострова, повторилась история его собственного обретения власти: он пал от кинжалов собственных солдат у Сполетия или Нарнии, поблизости от того места, где встретили смерть его предшественники. Его воины почувствовали, что силы Валериана превосходят их собственные, и он показался им более значительной личностью, чем Эмилиан, и решили, что лучше избежать дальнейших бедствий гражданской войны.

## ВАЛЕРИАН 253—260 гг.

Валериан (Публий Лициний Валериан) (253—260 гг.; см. также главу о его сыне и соправителе Галлиене) во времена Александра Севера был консулом, а в 238 г. принимал участие в том, чтобы побудить сенат поддержать восстание двух старших Гордианов против Максимиана. Траян Деций назначил его на новый ответственный пост в Риме, где на него возлагалась ответственность за дела в столице и за поддержание отношений с сенатом на то время, пока император находится в войсках. Возможно также, что он сражался с готами под командованием Деция. В правление Требониана Галла (251—253 гг.) он возглавлял армию на Верхнем Рейне, откуда его вызвали (вместе с армией) помочь в борьбе с Эмилианом. Но он выступил слишком поздно и не успел спасти Галла, который после битвы при Интерамне пал жертвой своих же солдат.

Однако известие о гибели Галла не обескуражило Валериана. Он продолжал двигаться к Италии, и в Реции, еще до окончания похода, войско провозгласило его императором. Узнав об этом, солдаты Эмилиана убили его и присягнули на верность Валериану; их решение было утверждено сенатом. Осенью 253 г. Валериан продолжал продвижение к Риму, а до-

стигнув его, назначил своего сына, Галлиена, равным себе соправителем Империи. Были выпущены монеты с их именами, равно как и с именами их жен, покойной Маринианы (которая была обожествлена) и Корнелии Салонины.

Помимо свирепствовавшей в провинциях Империи чумы и внутренних распри Валериан унаследовал довольно неблагоприятную ситуацию на северных и восточных границах, причем трудности нарастали с огромной быстротой. Все более многочисленные и организованные группы германских племен вторгались на территорию Империи на все большем участке границы, так что порой им было совершенно невозможно противостоять. Готы и другие восточные германские племена, включая бургундов, разорили Фракию и проникли в глубь Империи вплоть до Фессалоники, которую, однако, им не удалось захватить (в 254 г.). Малой Азии, совсем недавно подвергшейся набегам с суши, теперь грозила новая опасность со стороны оказавшихся в руках захватчиков кораблей, отобранных у зависимого от Рима Боспорского царства. Поначалу эти корабли попали в руки к племени боранов, подошедшему к восточному побережью Черного моря и около 256 г. напавшем на римский приграничный город Питиунт. Но из-за ожесточенного сопротивления местного правителя Сукцессиана им пришлось отступить с большими потерями и, сев на немногие оставшиеся корабли (поскольку боспорская флотилия успела отправиться домой), убралась прочь. Однако в следующем году они захватили еще один флот и предприняли вторую попытку овладеть Питиунтом, которая на этот раз — в отсутствие Сукцессиана, выдвинутого на должность префекта преторианцев — оказалась успешной. После чего захватчики с огромной добычей вернулись домой. На каком-то этапе был также разграблен Пантикапей Таврический (Крым), что катастрофическим образом сказалось на снабжении Рима зерном.

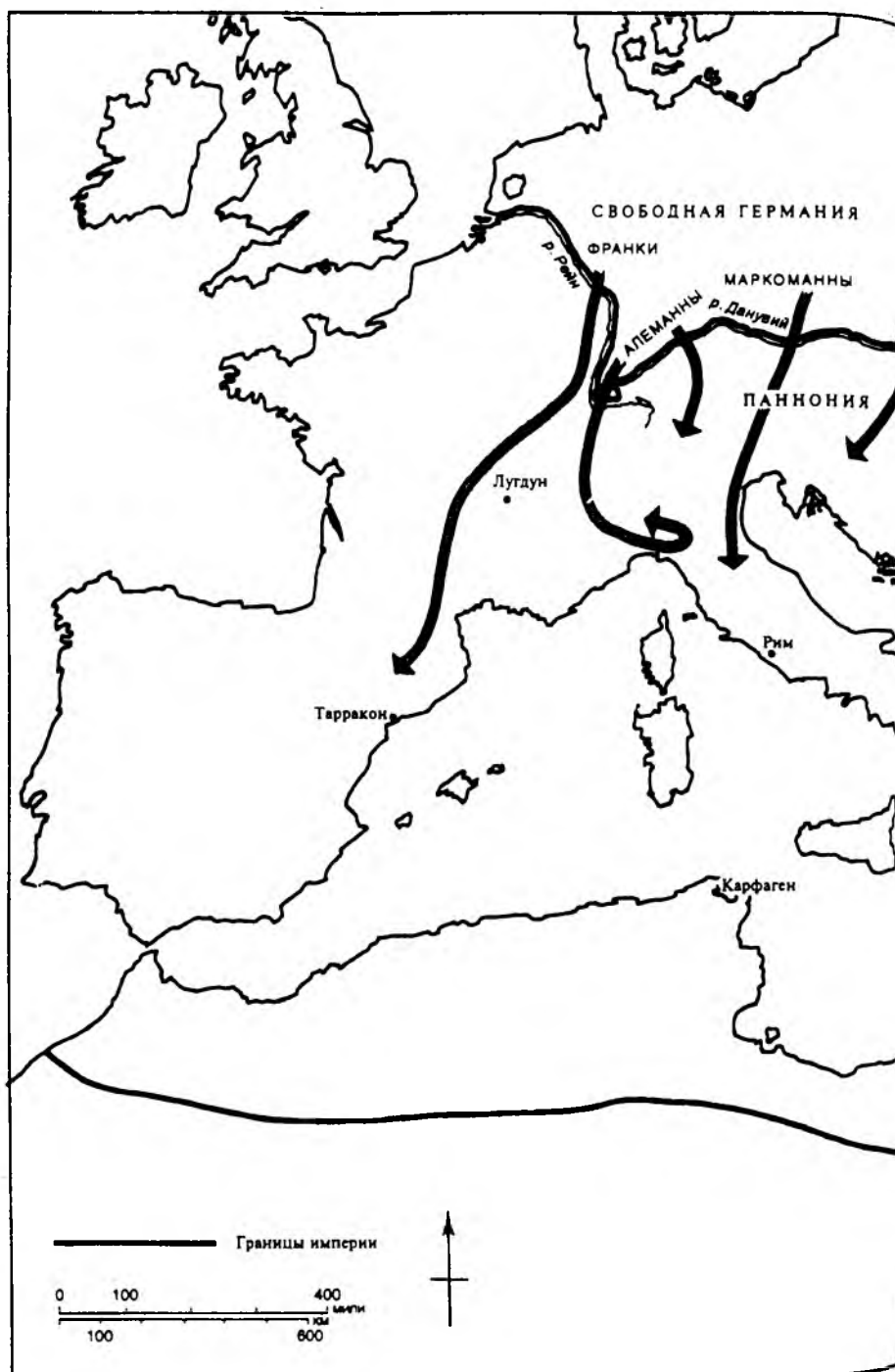
Вскоре после этого настал черед готов совершить новое нападение на эти богатые и незащищенные земли. Они избрали иной маршрут, проведя флот вдоль западного берега Черного моря, а сухопутная армия при этом дошла до Пропонтиды. Здесь готы взошли на корабли и переправились к Халкедону, который сдался без борьбы. Затем они захватили поочередно ряд крупнейших городов Вифинии. Жители сумели спастись бегством, прихватив значительную часть своего добра, но Никомедия и Никея сгорели в огне.

Поскольку одному императору было не под силу одновре-

менно организовать оборону на севере и на юге — а сын и соправитель Валериана, Галлиен (см.), уже был полностью поглощен защитой северных границ — в 256—257 гг., он расширил принцип совместного правления, разделив между двумя императорами территории провинции и армии. Тем самым он предвосхитил последующее разделение Империи на западную и восточную части. Приняв на себя ответственность за восточную часть Империи, Валериан перед лицом готского вторжения с моря послал своего представителя организовать оборону Бизантия, в то время как сам он направился в Малую Азию в надежде освободить Вифинию. Но задуманное не удалось отчасти потому, что его армию остановила новая вспышка эпидемии чумы, отчасти же потому, что еще дальше на востоке возникла новая опасность.

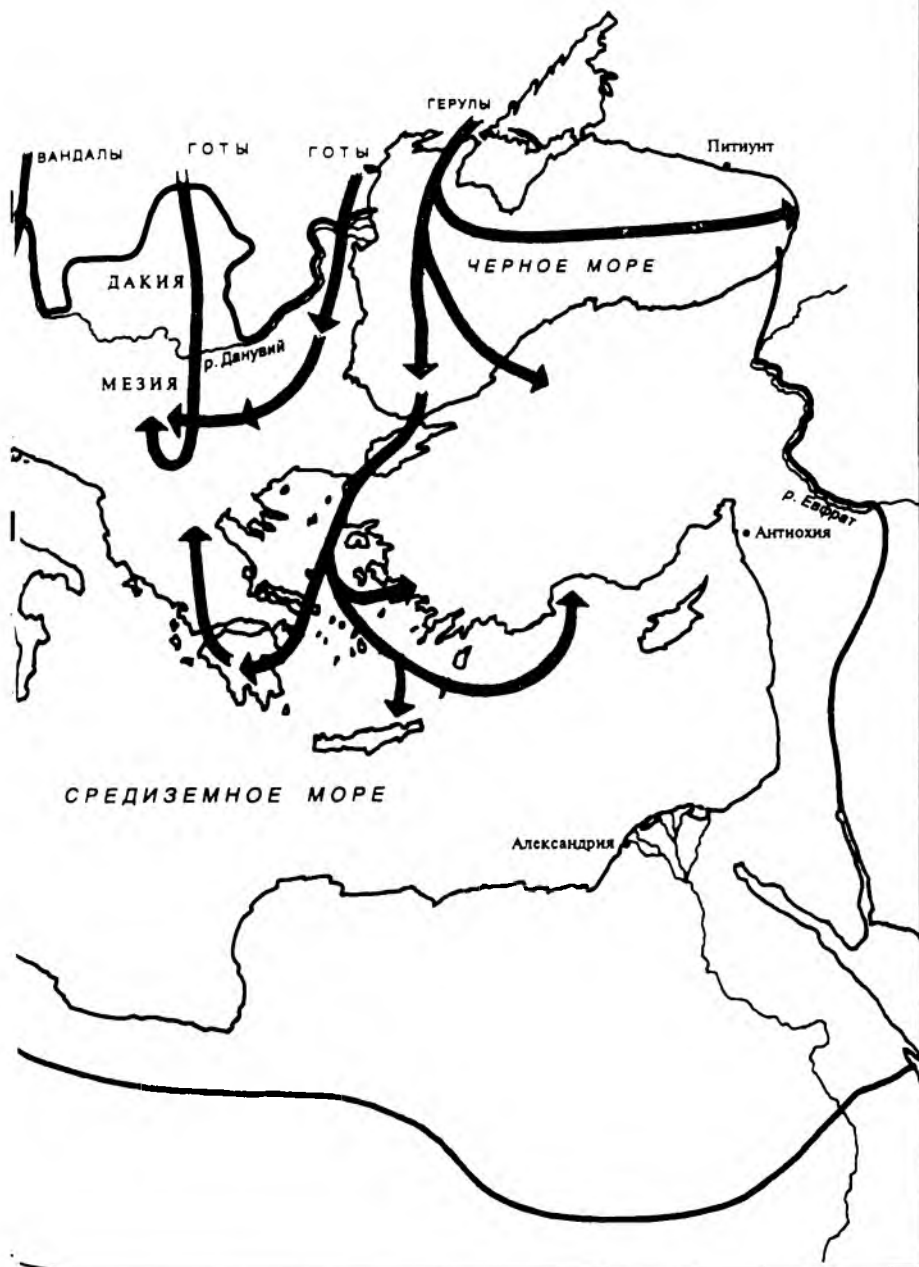
Угроза пришла со стороны царя Персии, Шапура (Сапура) I. Первый набег на римские границы он предпринял еще в начале 40-х годов, а второе вторжение пришлось на начало царствования Валериана (или, может быть, оно началось немного раньше). Некий Ураний Антонин, верховный жрец Эл-Габала в Эмесе, сумел оказать ему сопротивление, выпустив собственные золотые монеты в знак своей независимости. Наиболее разрушительные последствия имело третье нашествие Шапура. Его утверждение, будто он захватил тридцать семь городов (о чем гласит трехязычная надпись в Накш-и-Рустаме вблизи Персеполя), видимо, имеет под собой основание. В число поверженных им в разное время месопотамских городов входят Карры, Нисибис (около 254 г.), Дура-Европос (между 255 и 258 гг.) и Хатра (с недавних пор союзница Рима). Его войска опустошили Армению и Каппадокию, в Сирии он даже захватил столицу провинции, Антиохию (возможно, в 256 г.), посадив там марионеточного римского императора Мареада или Кириада, но после ухода персов тот остался без поддержки и был сожжен живо вернувшимися римлянами.

Шапур разграбил все эти области, с полным пренебрежением отнесясь к распространенному мнению, будто он, несмотря на провозглашаемые великие цели, заинтересован в первую очередь в военной добыче и не собирается надолго присоединять эти земли. Однако вскоре Шапур решил предпринять еще одно наступление на территорию Империи, и примерно в 259 г. Валериан был вынужден направиться с армией в Месопотамию, чтобы отбросить его от осажденного города Эдессы. Римляне сразу же столкнулись со значительны-





7 Вторжения варваров во втором и третьем веках н.э.



ми трудностями, отчасти из-за возобновившейся чумы, поэтому император решил сначала прибегнуть к переговорам. Посланные в апреле или мае 260 г. к Шапуру парламентарии вернулись с предложением о личной встрече, и Валериан в сопровождении небольшой свиты выехал к нему для обсуждения условий мира, но вместо этого Шапур взял его в плен и увез в Персию. Имеются противоречивые сведения о том, с помощью каких вероломных уловок захватили императора. Вполне вероятно, что он намеренно искал спасения от своей собственной армии, которая находилась на грани мятежа.

Гиббон пересказывает миф о том, что «когда Валериан скончался, не выдержав груза позора и горя, его кожу набили соломой и, придав ей человеческую форму, выставили навечно в самом знаменитом храме Персии; это был более несомненный символ триумфа, чем причудливые трофеи из бронзы и мрамора, столь часто воздвигаемые римским тщеславием. Рассказ этот поучителен и трогателен, но его правдивость с полным основанием может быть поставлена под сомнение». Даже если это правда, отстраненные рассуждения на тему морали вряд ли уместны, поскольку взятие императора в плен внешним врагом представляло собой небывалое несчастье и позор для Римской империи.

По всей видимости, Валериан был честным человеком, исполненным благих намерений. Он сумел завоевать доверие сената и, судя по всему, кое-что сделал для восстановления дисциплины в армии. Но, к несчастью, унаследованная им Империя была почти неуправляемой. Впоследствии христианские авторы преувеличили его личные недостатки, поскольку он возобновил преследования христиан, дабы отвлечь внимание от несчастий, сотрясавших римский мир, искренне считая государственную религию лучшим средством от этих зол. Возможно, ранее он помогал Децию в его гонениях на христиан, а когда сам стал императором, то издал еще два указа на сей счет. Первый, от августа 257 г., повелевал высшим христианским руководителям приносить жертвы официальным богам Империи, хотя им при этом не запрещалось частным образом поклоняться Иисусу Христу. Второй, более суровый, был составлен в следующем году на Востоке и распространялся сенатом среди наместников провинций. Согласно этому указу, лиц духовного звания можно было приговаривать к смертной казни. Из известных христиан, которые таким образом стали мучениками, наказанию подверглись папа Ксист (Сикст) II и

святой Лаврентий, они были сожжены в Риме, а также святой Киприан, казненный в Карфагене. Указ предписывал подвергать наказанию и рядовых христиан, причем в примечании говорилось, что собственность сенаторов и всадников подлежит конфискации; тех же последователей веры, что проживали на имперских землях, отправляли в рудники.

## ГАЛЛИЕН 253—268 гг.

Галлиен (Публий Лициний Эгнаций) (император-соправитель, 253—260 гг.; единоличный император, 260—268 гг.) был сыном Валериана. Когда в 253 г. войско провозгласило его отца императором, а в Риме солдаты убили Эмилиана, сенат объявил находившегося в столице Галлиена Цезарем. По прибытии в Рим Валериан возвысил своего сына до ранга Августа, таким образом вернувшись к двойному соправительству, установленному Марком Аврелием и Луцием Вером. Причем на протяжении всего совместного правления Галлиен играл немало важную роль.

Почти сразу, в 254 г., когда поступили сообщения о крупных волнениях среди германских племен, он отправился на рейнскую границу. Монеты, выпущенные в течение первых трех лет его правления, свидетельствуют о нескольких победах: по всей видимости, ему удалось удерживать германские племена на расстоянии от Рейна, а те, что пытались его перейти, были разбиты. В это время Галлиен укрепил ряд римских крепостей на левом берегу реки и основал новый монетный двор в Августе Тревириов. Принятый им титул «Великий Дакский» указывает на то, что ему пришлось отражать нападения карпов, вторгшихся в Дакию, хотя, видимо, он преувеличил свой успех, поскольку контроль Рима (по крайней мере, над частью этих земель) был в это время значительно ослаблен.

В начале 256 г. Валериан, намеренный обеспечить будущее своей династии, присвоил старшему сыну Галлиена, Валериану Младшему, титул Цезаря, а спустя примерно два года после того, как он умер (и был обожествлен), на его место выдвинули его брата Салонина. Именно в 256 или 257 г. Валериан и Галлиен перед лицом угрозы, которой подверглись одновременно европейские и азиатские границы, поделили между со-

бой римский мир по территориальному принципу. Валериану достался Восток, а Галлиену Запад. Независимость Галлиена если не в конституционном, то, во всяком случае, в практическом смысле, подчеркивается чеканкой монет, на которых он изображался «с собственной армией» (GALLIENVS CVM EXERCitu SVO).

Однако Галлиен оказался в весьма сложном положении. Объединившиеся германские племена перешли в наступление по всей северной границе. Наибольшую опасность представляли франки, впервые упомянутые в связи с этими событиями. Они представляли собой союз различных мелких племен, чьи беспорядочные перемещения в районе нижней Эльбы вынесли их к рейнской границе. Неоднократно совершая нападения небольшими армиями, численностью около тридцати тысяч человек, они прорвали римскую оборону и опустошили Галлию и Испанию, разрушив испанскую столицу Тарракон и дойдя до Тингитаны у побережья Северной Африки. Одновременно еще один крупный германский племенной союз, алеманнов, постоянно тревожил приграничные крепости в Реции, а в 258 г. он вторгся в Италию через Бреннеров перевал. Галлиен, находившийся в Галлии, отправился туда, чтобы отразить их нападения, и, судя по всему, одержал важную победу у Медиолана, где около 259 г. основал монетный двор. Он также предпринимал попытки справиться с германской угрозой невоенным путем. Так, бойгемским маркоманнам он разрешил образовать государство (либо расширить уже существующее государство) к югу от их родных земель на римском берегу Данувия, а сам Галлиен, как сообщают, вступил во второй брак с дочерью их вождя. Однако примерно в то же время на Десятинные поля, стратегически важный выступ между верхним Рейном и верхним Дануviем, напало другое германское племя, свевы, после чего Рим потерял их навсегда.

Все эти события достигли своего пика к 260 г., который по количеству постигших страну несчастий стал самым тяжелым годом в римской истории. За пленением персами Валериана (Галлиен, сделавшийся единственным правителем, не стал его спасать) последовал ряд попыток узурпировать власть со стороны военачальников, которые провозглашали себя императорами в разных провинциях. Некоторые источники, называющие это время «Эпохой тридцати тиранов», имеют сомнительную достоверность и значимость. Однако сохранились и достаточно надежные сообщения. Так, установлено, что в дуна-

вийских землях сменили друг друга два подобных претендента на власть (весьма возможно в том же 260 г.). Сначала Ингенуй, наместник Паннонии, поддержанный расквартированными в Мезии войсками, заявил о претензиях на престол. Он расположился со своим штабом в Сирмии, но неподалеку от этого места, в Мурсии, его атаковал и разбил Галлиен со своим военачальником Манием Ацилием Авреолом. Ингенуй пытался бежать, но был схвачен и казнен. Однако его войско не прекратило бунтовать и наделило властью Регалиана, наместника Верхней Паннонии. Он выпустил в Карнунте монеты (попросту перебив старые) со своим именем и именем своей жены Сульпиции Дрианциллы, принадлежавшей к влиятельному сенаторскому роду. Через несколько недель Галлиен разгромил и его и в 262 г. основал в Сисции новый монетный двор (после отражения нападения на Верхнюю Паннонию сарматских роксоланов).

Пока Галлиен подавлял выступления германских племен, он доверял власть на Рейне своему военачальнику Постуму, оставив своего сына и наследника Салонина Цезаря в Агриппиновой колонии под присмотром префекта преторианцев Сильвана. Но Постум поссорился с Сильваном и двинулся на город. Во время осады города Салонина демонстративно провозгласили Августом и соправителем отца, о чем свидетельствует единственная сохранившаяся золотая монета. Но вскоре гарнизон сдался, и юношу вместе с Сильваном предали смерти. Армия провозгласила императором Постума, и ему подчинились все западные провинции, и Галлиен, незадолго до того получивший тяжелое ранение, не смог сколько-нибудь действительно противостоять ему.

Тем временем пленение Валериана оставило восточные римские провинции на милость персов. Они пытались взять приступом Антиохию, Тарс и города Месопотамии, а Кесарию в Каппадокии, несмотря на доблесть ее защитников, персы получили благодаря предательству. Макриан, начальник квартирмейстерской службы на Востоке, попытался собрать остатки римской армии у Самосаты. Его поддержал военачальник по имени Каллист (по прозвищу Баллиста, то есть «катапульта»), внезапным ударом разбивший Шапура у Корики на киликийском побережье и вынудивший его отступить к Евфрату. После своего успеха Макриан, будучи слишком старым и немощным, чтобы самому занять престол, заставил своих сыновей Макриана Младшего и Квиета провозгласить себя сопра-

вителями, которых признали Сирия, Малая Азия и Египет. Оставив Квиета в Сирии, оба Макриана, движимые честолюбивыми стремлениями, двинулись на Балканы, где их разбил и предал смерти Домициан, подчиненный Авреола, военачальника Галлиена. Кроме того, Галлиен призвал на помощь Одената, весьма могущественного наследника правителя Пальмиры (в Сирии), которого он поставил во главе римского войска на Востоке. Оденат напал на Квиета в Эмесе, где тот погиб от рук горожан.

Затем в течение пяти лет, с 262 по 267 г., Оденат предпринял ряд удачных наступлений на персов, отвоевал значительную часть Месопотамии (хотя и без ее столицы — Ктесифона) и, вероятно, занял также Армению. Галлиен пожаловал победоносному военачальнику титул императора. Он действительно на время предотвратил потерю и распад восточных провинций и оставил их в формальном подчинении центральной римской власти, хотя в действительности сам был безоговорочным правителем всех этих земель. Однако в 267 г. и Оденат, и его старший сын были убиты, и его место заняла его вдова Зенобия. Галлиен посчитал, что настало время положить конец независимости Пальмиры. Но карательная экспедиция во главе с префектом преторианцев Гераклианом успеха не принесла.

Вскоре после этого над Востоком нависла серьезная угроза готского нашествия. Сговорившись с моряками из числа герулов, которые недавно поселились на берегу Меотийского озера, они в 267—268 гг. собрали в устье Диестра небывалое количество людей и кораблей. Огромный флот пустился в путь, и Греция и Малая Азия вновь подверглись страшным опустошениям (историк Дексипп принимал участие в обороне Афин, которая оказалась успешной). Но, по-видимому, лишь Галлиену удалось перехватить захватчиков, когда они возвращались на родину через Балканы (хотя враждебно настроенные критики, которым вторят многие современные авторы, предпочли приписать триумф его преемнику Клавдию, получившему от них неумеренные похвалы за то, что Константин назвал его своим предком). Обрушившись на растянутую колонну неприятеля, римская армия вступила в самую кровавую битву столетия, одержала в ней полную победу, уничтожив от тридцати до пятидесяти тысяч врагов. Однако, когда вождь герулов сдался, Галлиен вновь обратился к политике умиротворения и вручил ему консульские знаки. Этот военный успех знамено-

вал собой перелом. Было положено начало выполнению гигантской задачи: наперекор всем историческим закономерностям отбросить прочь германские племена.

Несмотря на все эти потрясения, Галлиен умудрялся находить время для реорганизации армии. Римляне уже давно использовали в сражениях конных лучников и копейщиков, кроме того, уже более ста лет существовали небольшие кавалерийские отряды с закованными в доспехи лошадьми. Но теперь, когда тяжелая конница персов и некоторых северных племен (особенно сарматов, имевших иранское происхождение) показала свою грозную силу, стало ясно, что этот род имперских войск требует значительного усиления. Приблизительно в 264—268 гг. или немного раньше Галлиен создал крупное формирование из тяжело вооруженных всадников. Такое войско, несмотря на дороговизну его содержания (поскольку на питание лошади уходило столько же средств, сколько и на солдата), представляло собой не только ударную силу, но и основной резерв армии, что доселе вряд ли имело место, хотя, возможно, еще Септимий Север пытался сделать нечто подобное. В качестве основной базы новой армии Галлиен избрал город Медиолан, расположенный примерно на равном расстоянии от границ и от Рима; отныне, согласно новой оборонительной и наступательной схеме, войска размещались в крупных городах Северной Италии. Эти изменения представлялись особенно важными в связи с недавней потерей Десятичных полей, расположенных между верховьями Рейна и Данувия, а это значило, что германские племена теперь подошли совсем близко к самому Апеннинскому полуострову.

На монетах, относящихся к правлению Галлиена, превозносятся различные достоинства этой новой отборной конницы, среди них стоит упомянуть о стремительности (ALACRITATI) и преданности (FIDEI EQVITVM). Более того, на одном из больших золотых медальонов, которые с некоторых пор вошло в обычай вручать старшим командирам в качестве личного дара и награды, теперь имелась красноречивая надпись «За сохранение верности» (OB FIDEM RESERVATAM). Чтобы командиры не утратили столь желанной преданности, Галлиен зачислял некоторых из них в тщательно отбираемую личную гвардию или в протекторы. Большинство из них во главе с «защитниками божественного фланга» стояли лагерем неподалеку от императора и всегда находились при нем.

Расчет на преданность новой кавалерии оказался ошибочным. И хотя в 268 г. Галлиен назначил консулом своего третьего сына Мариниана, полагая, что он станет его преемником, командиры нового формирования оказались такими же любителями заговоров и мятежей, как и военачальники прежних времен. Это привело к тому, что Галлиен не смог воспользоваться плодами победы над готами при Наиссе, поскольку до него донесся слух о мятеже командующего конницей Авреола, которому он поручил защиту Италии. Галлиен поспешил в Италию и сумел запереть мятежного военачальника в Медиолане, осадив город, но при этом гарнизон города вызывающе провозгласил Авреола императором.

В это время Галлиен был убит в результате заговора. Во главе переворота стояли Гераклиан, занимавший должность префекта преторианцев, Марциан, который в свое время возглавлял поход против готов, и Цекропий, командующий далматской конницей, по-видимому, в заговоре были замешаны и два следующих императора, Клавдий Готик и Аврелиан. Все они происходили из дунавийских земель, как и большинство лучших римских военачальников и солдат римских войск, и эти военачальники считали, что правитель обязательно должен быть из их среды.

Хотя Галлиен и пользовался популярностью среди солдат, он сильно отличался от прочих солдатских императоров, которые были как до, так и после него. Это ясно видно по его сохранившимся изображениям: на них мы видим не бритоголового громилу, а вполне мыслящего человека. Он был восторженным поклонником всего греческого, увлекался литературой, искусством и философией. Он участвовал в Элевсинских мистериях — этом пережитке наиболее древних классических традиций. Более того, именно он по совету своей жены Корнелии Салонины (известной также под именем Хрисогоны, что значит «порожденная золотом») возбудил в великом неоплатонике Плотине надежды на создание в Кампании государства философов. Несмотря на преданность языческой духовности, Галлиен прекратил проводимые его отцом преследования христиан с целью завоевать поддержку их восточных общин в борьбе против Шапура.

Галлиен делал все возможное, чтобы справиться с постоянно возникавшими опасностями, но его осуждали за то, что он при этом то и дело находил время для развлечений. Скорее всего эти и им подобные критические высказывания вызваны



неправедными побуждениями, а именно, во-первых, стремлением позднейших авторов выставить в благоприятном свете его преемника Клавдия Готика, а во-вторых, негодованием сенаторов, которых Галлиен, не доверяя им, отрешил от высшей власти.

Во время его правления военный и политический кризис усугублялся тяжелым экономическим положением, страна находилась на грани полного хаоса, чему также могли способствовать заговорщики, решившие покончить с Галлиеном. Как пример можно привести то обстоятельство, что качество монет этого периода наихудшее во всей римской истории. Резко уменьшился вес стандартной золотой монеты, аурея, а мелкие серебряные монеты теперь совсем не содержали серебра, за исключением тонкого быстро истиравшегося верхнего слоя. Когда обесценивание монеты стало известно гражданам считавших, что количество содержащегося в монетах драгоценного металла соответствует их достоинству, то все, включая менял и торговцев, перестали принимать огромные количества по сути ничего не стоящих монет по номинальной стоимости; это вызвало повышение цен на много сотен процентов и вело к неплатежеспособности государства и к беспримерным лишениям для народа.

## ПОСТУМ 260—268 гг.

Постум (Марк Кассианий Латиний) (260—268 гг.), правитель Галло-Римской империи, возможно, и сам был по происхождению галлом. Когда Ингенуй (вероятно, после получения известия о пленении Валериана персами в 260 г.) поднял в Паннонии мятеж против его сына Галлиена, тот вверил командование на Рейне Постуму, в то время наместнику Верхней и Нижней Германии. В отсутствие Галлиена (занятого подавлением выступления еще одного бунтовщика, Регалиана) Постум напал на префекта преторианцев Сильвана и вынудил его гарнизон в Агриппиновой колонии сдать, после чего убил его и сына императора Салонина и объявил себя императором. Его признали не только германские легионы, но также войска и население Галлии, Испании, а впоследствии и Британии, которую он посетил лично.

Постум основал новое римское государство, полностью не-

зависимое от центральной власти. Его органы управления включали в себя собственный сенат и двух избираемых ежегодно консулов, причем сам Постум пять раз занимал этот пост. У него была и собственная преторианская гвардия, размещавшаяся в Августе Тревиоров, городе, который он выбрал местом своего пребывания (столице империи в последующие десятилетия) и украсил величественными зданиями. Поначалу в отношениях с Римом он проявлял определенную сдержанность, заявляя, что не прольет ни капли римской крови, и что в его намерения входит лишь защита Галлии, каковую задачу, собственно, и возложил на него Галлиен.

Об этом говорится и на монетах, где Постум называется «освободителем галлов» (RESTITVTOR GALLIAR(um)). На них же упоминается и о местных обрядах, таких как культ Геркулеса в Девзо (HERCuli DEVSONIENSI). Другие монеты с изображением Нептуна и военного корабля напоминают об успешных действиях Постума по защите побережья от набегов пиратов. Более того, он сдержал свое обещание защищать и проходящую по суше границу тоже. Правда, потеря Империей Десятичных полей (см. Галлиен) во многом вызвана тем, что он отделился от нее. Однако Постум сумел вновь занять и усилить ряд укрепленных пунктов на этой территории (в долине Неккар), а в 261 г. он отбросил за Рейн франков и алеманнов, так что его заявление о «победе над германцами» не выглядит совсем уж бесосновательным.

Галлиен, однако, считал, что подобный раздел Империи недопустим. В 263 г., воспользовавшись тем, что Альпийские перевалы находятся в его руках, он перешел через них в Галлию и напал на Постума. После первой неудачи он добился крупного успеха, но командующий конницей Авреол слишком неспешно преследовал побежденного противника. В итоге Постум сумел набрать новую армию, в том числе и из германцев с другого берега Рейна, но даже после этого он потерпел поражение от войск императора и был вынужден укрыться в одном из городов. В сражении Галлиен получил ранение, и ему пришлось вернуться.

Попытка уничтожить отколовшуюся империю Постума провалилась. Возможно, с молчаливого согласия императора раскольника оставили в покое: видимо, в этом заключается смысл надписи на монете Постума от 265 г., изображающей Меркурия «посланца богов» (INTERNVNTIVS DEORVM), своего рода посредником между ним и Галлиеном. Во всяком

случае, Постум получил передышку, а его монеты свидетельствуют, что он начал строить новые грандиозные планы, которые далеко не ограничивались управляемыми им землями. Он называл себя уже не «освободителем галлов», а не более и не менее как защитником Вечного Рима ROMA AETERNA и «освободителем мира» (RESTITVTOR ORBIS), в который на всякий случай включил и Восток, мысленно присовокупив его к своим владениям (ORIENS AVGVSTI). На монетах встречается также и всеобъемлющее, относящееся ко всей Империи, выражение «процветание провинций» (SALVS PROVICIARVM). Его религиозные претензии тоже соответствующим образом возросли. Мы больше не встречаем упоминаний о местном Геркулесе из Девзона, зато находим Геркулеса Римского, с которым Постум неявно отождествлял себя как подражателя славным подвигам героя. Лучшее всего это отождествление заметно на тех монетах, где Постум и Геркулес изображены вместе, и при этом их лица выглядят многозначительно похожими.

В 268 г. военачальник Галлиена, Авреол, тот самый командующий конницей, который пять лет назад упустил отступавшее войско Постума, открыто перешел на другую сторону. Император Галлиен, отправляясь на восток Европы, поручил ему командовать войсками в Северной Италии, чтобы воспрепятствовать предполагаемому вторжению Постума на полуостров. Но Авреол объявил себя сторонником Постума и выпустил в Медиолане ряд монет с его именем. Неизвестно, как относился сам Постум к этому перевороту, но в любом случае он никак не мог прийти на помощь Авреолу, которого Галлиен осадил в Медиолане, поскольку на германской границе против него поднялся мятеж. Один из его старших командиров, Лелиан, провозгласил себя императором в Могунциаке, и его поддержали основные гарнизоны этой области. Постум взял Могунциака осадой и казнил Лелиана, но не позволил солдатам разграбить город. Те пришли в ярость, и вскоре Постум был убит.

В отсутствие надежных письменных источников представляется большой удачей, что монеты Постума столь многообразны и содержательны. Особенно ценные сведения были получены после внимательного исследования тринадцати тысяч монет из низкопробного металла, обнаруженных в Кунеционе в Англии и ныне хранящихся в Британском музее. Такое обилие денег было частью хорошо продуманного плана по воз-

рождению торговли. Единственный известный нам монетный двор находился в Агриппиновой колонии, упомянутый на монетах выпуска 267 г. Вообще такое упоминание о монетном дворе весьма нехарактерно. Очевидно, оно сделано в честь открытия нового монетного двора, перенесенного из другого места, возможно, из Августы Тревиров. Золотые монеты Постума были более полновесными, чем ауреи Галлиена, что свидетельствует об умелой экономической политике, а кроме того, они чеканились более искусно и имели более внушительный вид. На изображениях Постума видна окладистая вьющаяся борода, кроме того, на них часто присутствуют военные доспехи и шлемы. Некоторые головы на них не повернуты в профиль, а даны анфас, чего больше не встречается нигде. Столь претенциозные изображения позволяют предположить, что двор отколовшейся империи, возможно, не уступал в пышности окружению Галлиена, хотя иные свидетельства этому отсутствуют.

После утраты Британии и Испании, которые после смерти Постума вновь перешли под управление центральной власти, существенно уменьшившиеся Галло-Римские владения унаследовали Марий (на два месяца в 268 г.), Викторин (около 269—271 гг.) и Тетрик (271—274 гг.), подчинившийся Аврелиану.

Часть шестая  
ВОССОЕДИНЕНИЕ  
ИМПЕРИИ  
ВОЕННЫМ ПУТЕМ





## КЛАВДИЙ II ГОТСКИЙ 268—270 гг.

---

Клавдий II Готский (Марк Аврелий Валерий Клавдий) (268—270 гг.) родился около 214 г., вероятно, в Дардании (Верхняя Мезия). В *Historia Augusta* приводятся письма, свидетельствующие, что он служил военным трибуном при Траяне Деции и Валериане, назначившим его главнокомандующим в Иллирике. Эти документы вымышлены, но, возможно, придуманные сообщения содержат какую-то долю истины. Во время убийства в 268 г. Галлиена в окрестностях Медиолана, в котором Клавдий, судя по всему, принимал участие, он занимал в этой области пост заместителя командующего. Выбрали нового императора из двух претендентов: Клавдия и другого крупного военачальника Аврелиана, также замешанного в заговоре. Неизвестно, почему армия избрала именно Клавдия, хотя, возможно, сыграла роль репутация Аврелиана как поборника строгой дисциплины. Так или иначе, но была пущена в ход история, о том, что будто бы умирающий Галлиен формально назначил Клавдия своим преемником.

Однако убийство Галлиена возмутило солдат, и в войсках началось брожение, которое удалось приглушить лишь традиционным обещанием выплатить дополнительное вознаграждение в размере двадцати золотых монет на человека. Со своей стороны, сенаторы в Риме, возмущенные тем, что Галлиен отстранил их от управления, приветствовали его смерть. Они тут же приступили к уничтожению его друзей и родственников, в том числе его брата и сына Мариана. Клавдий призвал сенаторов к милосердию, настаивая даже на том, чтобы обожествить покойного императора и успокоить этим армию.

После восхождения Клавдия на престол осада Медиолана с мятежным военачальником Авреолом, которую вели и Галлиен, и его убийцы, продолжалась без перерыва. Узнав о смене правителя, Авреол попытался прийти к соглашению, но когда его приближенные выступили против этого, решил сдаться Клавдию, видимо, на условии, что ему сохранят жизнь. Но его

вскоре убили — солдаты были возмущены тем, что он предал Галлиена. Несмотря на устранение этой опасности, Клавдий по-прежнему был вынужден оставаться на севере Италии, поскольку возникла серьезная угроза со стороны алеманнов. То ли по наущению Авреола, то ли потому, что гарнизон в Реции был ослаблен, его части стянули к Медиолану, но алеманны прорвалось через Бреннеров перевал и дошли вплоть до озера Бенак. Здесь их встретил Клавдий и нанес алеманнам столь тяжелое поражение, что на север вернулась едва ли половина их первоначального количества. Клавдий же присвоил себе титул «Германский».

Отколовшаяся Империя, основанная Постумом на западе, переживала трудные времена, и Клавдий, чтобы еще больше ослабить ее, послал в Южную Галлию разведывательный отряд под командованием Юлия Плацидиана. Тот, расположившись у Куларона, установил связь с Испанией и тем самым вернул ее под власть центрального правительства. Сам Клавдий не возглавлял этот поход, так как считал, что в первую очередь необходимо организовать сопротивление сотам на Балканах. В 268 г. Галлиену не удалось одержать окончательную победу при Найссе, но его полководец Марциан продолжал тревожить захватчиков, а потом прибыл и сам Клавдий, чтобы довершить разгром. Когда готам, испытывавшим недостаток продовольствия, пришлось в поисках пропитания спуститься из лагеря на горе Гессакс в Македонию, Клавдий яростно атаковал их, по видимому, неподалеку от города Марцианополя. Этот успех был отмечен выпуском монет (VICTORIAE GOTHICAE) и принес императору звание «Готского», под которым его с тех пор и знали. Новые отряды готов перешли через Данувий, чтобы оказать помощь своим соплеменникам, но они не добились особых успехов, другая их часть попыталась на кораблях герулов пробиться к городам Эгейского моря, но также встретила отпор и потерпела поражение от римского флота во главе с Тенагиноном Пробом, наместником Египта. Многие германцы, попавшие в плен во время различных войн, были зачислены в римскую армию либо расселены на севере Балкан. Об интенсивном строительстве дорог в этой области свидетельствуют сохранившиеся мильные камни.

Клавдий еще был занят осадой готов на горе Гем, когда поступили сообщения о том, что племя ютунгов, которое до тех пор довольствовалось выплачиваемыми Римом деньгами, перешло Данувий в поисках новых земель и угрожает Реции, а



другое племя, вандалы, готовится вторгнуться в Паннонию. Поэтому Клавдий, поручив борьбу с готами Аврелиану, поспешил с войсками в Сирмию, чтобы осмотреть новый театр военных действий. Но его армию поразила чума, и в январе 270 г. ее жертвой пал и сам Клавдий.

Хотя он правил менее двух лет, его кончину искренне оплакивали как солдаты, так и сенат, и его обожествление последовало незамедлительно. Более того, впоследствии память о нем вновь была воскрешена, когда Константин Великий заявил, что его бабка приходилась Клавдию дочерью или племянницей. Это утверждение было вымышленным, но из-за него жизнеописания Клавдия превратились в восторженные панегирики. Но тем не менее несомненным остается тот факт, что он был выдающимся полководцем, показавшим прекрасный пример военного искусства и доблести, которому Империя обязана своим сохранением. Но он не имел ни времени, ни возможности заняться тяжелыми экономическими проблемами; например, качество посеребренной бронзовой монеты стало еще хуже, что неблагоприятно сказалось на и без того стремительном росте цен. На его монетах изображен типичный представитель данувийских военачальников того времени: коротко стриженный, бородатый и неумолимый.

## КВИНТИЛЛ

270 г.

Квинтилл (Марк Аврелий) (январь — март/апрель 270 г.) был братом Клавдия Готского и, видимо, возглавлял те его войска, которые сосредоточились в Аквилее для защиты северо-восточной части Италии от набегов германских племен. Когда до его лагеря дошло известие о смерти императора Клавдия, его провозгласили императором сначала, видимо, его солдаты, а затем, довольно восторженно, и сенаторы. Они опасались, что очевидный кандидат на престол, Аврелиан, возглавлявший армию на Нижнем Дануви, вряд ли будет испытывать к ним расположение. По всей видимости, Квинтилла признали и в провинциях, поскольку монеты с его именем были выпущены не только в Риме и Медиолане, но и в Сисции и Кизике. Не было их только в Антиохии, находившейся под властью правительницы Пальмиры Зенобии, которая собиралась открыто

отделиться от Империи. Опасались также нападения со стороударства, основанного Постумом.

По просьбе Квинтилла сенат обожествил его покойного брата, о чем имеется надпись на монетах, выпущенных в Риме и Медиолане. Квинтилл особенно стремился завоевать расположены Викторина, правителя отколовшегося Галло-Римского гоение имевших ключевое значение войск в приданувийских землях, откуда и сам был родом, и на монетах, выпущенных в Медиолане, появились персонифицированные изображения Верхней и Нижней Панноний. Но на Балканском полуострове вновь стало беспокойно, так как готы, возвращавшиеся в родные места, на другой берег Данувия, могли разграбить Анхиял и Никополь на Истре, если бы им не дали достойный отпор. В отражении натиска, видимо, немалую роль сыграли местные войска, но решающий перелом принесло вмешательство Аврелиана. После этой победы Аврелиан двинулся в Сирмий, гарнизон которого провозгласил его императором, а сам он заявил, что именно его Клавдий Готский намеревался сделать своим преемником. Хотя, с другой стороны, *Historia Augusta* придерживается мнения, что покойный император избрал Квинтилла, имевшего, в отличие от бездетного Клавдия, двух сыновей. Квинтилл узнал о том, что Аврелиан провозгласил себя императором, он все еще находился в Аквилее, и поэтому не двинулся к столице. Этим он совершил серьезную ошибку, так как, находясь в Риме, смог бы предпринять шаги для укрепления своей власти, например, путем раздачи народу обещанного вознаграждения. В течение нескольких дней он пытался противостоять притязаниям Аврелиана, но затем, покинутый своими солдатами, покончил с собой, вскрыв себе вены.

Трудно точно сказать, как долго длилось его правление. Евтропий и Зонара сообщали о семнадцати днях (превратившихся в девятнадцать в *Historia Augusta*), хотя, возможно, это ошибочно прочитанное число семьдесят семь, каковое приводится в так называемом «Хронографе 354 года». Зосима также предполагал, что он правил несколько месяцев; да и многочисленность его монет делает этот срок наиболее вероятным. Поэтому скорее всего он встретил смерть в марте или апреле 270 г. На папирусе, датированном 25 мая, сообщается, что к этому времени в Египте уже знали об избрании другого императора.

Евтропий, поддерживаемый *Historia Augusta* и Орозием, наделяет его исключительной скромностью и учтивостью. Несомненно, отчасти это объясняется тем, что во времена Евт-

ропия брата Квинтилла, Клавдия Готского, уже объявили предком Константина. Но при этом Евтропий идет дальше, утверждая, что он по своим качествам не только ни в чем не уступал Клавдию, но и превосходил его. Причина подобной лести кроется в том, что Квинтилл был ставленником сената. Однако на самом деле он явно уступал в опыте, умении руководить и заслугах как своему брату, так и Аврелиану, напору которого он так быстро уступил.

## АВРЕЛИАН 270—275 гг.

Аврелиан (Луций Домиций Аврелиан) (270—275 гг.) происходил не из Сирмия, как сообщается в одном источнике, а из более восточной дунайской области, именуемой Нижней Мезией. Он родился в 214 г. в бедной семье. Сведения о молодых годах его жизни, приводимые в *Historia Augusta*, полностью вымышлены. Но в 268 г., когда Авреол поднял мятеж против Галлиена, он, видимо, командовал конницей на севере Италии. Аврелиан вместе со своим земляком Клавдием Готским подавил мятеж, но почти сразу вслед за этим организовал заговор против Галлиена, после чего Клавдий, ставший преемником императора, назначил Аврелиана командующим кавалерией.

После смерти Клавдия от чумы в 270 г. Аврелиан быстро завершил войну с готами, освободив от осады Анхиял и Никополь, а затем стал оспаривать императорский титул у брата покойного императора, Квинтилла. Он провозгласил себя императором в Сирмии, уверяя при этом, что именно его, а не Квинтилла Клавдий собирался назначить своим преемником.

Неотложной задачей Аврелиана стала организация отпора германскому племени ютунгов, перешедших через Бреннеров перевал и двинувшихся в глубь Италии. Прослышав о его приближении, ютунги начали отступать, надеясь добраться до родных мест с награбленной добычей, но Аврелиан перехватил их и наголову разбил во время переправы через Данувий. Тогда они прислали послов с просьбой о возобновлении мирного договора и денежной дани, которую ранее платили им римляне. Дексипп описывает, как закутанный в пурпурный плащ император принял эту делегацию перед всей армией, восседая на возвышении. Предложения ютунгов были отвергнуты, но им все же разрешили беспрепятственно вернуться в свои земли.

После этого Аврелиан направился в Рим, где сенаторы без особого восторга (поскольку он не был их ставленником) наделили его соответствующими полномочиями. Однако почти сразу вслед за этим его вновь вызвали на север, на этот раз в связи с тем, что вандалы, еще одно германское племя, перешли Данувий. Приказав наместникам Верхней и Нижней Паннонии сосредоточить все продовольственные запасы в городах, чтобы враг не мог ими воспользоваться, он самолично прибыл на место военных действий и одержал решающую победу. Вандалы запросили мира, и Аврелиан выставил этот вопрос на суд своего войска, которое согласилось удовлетворить их просьбу. Вандалам разрешили вернуться в родные места при условии, что они оставят в заложниках своих сыновей и поставят для римской конницы две тысячи всадников.

Не успели вандалы уйти за Данувий, как нависла угроза еще более грозного германского вторжения. На этот раз на Апеннинский полуостров прорвались племена алеманнов и маркоманнов (возможно, вместе с очередной волной ютунгов). Аврелиан поспешно вышел из Паннонии и встретил их в окрестности Плацентии. Здесь, отрезав им путь к отступлению через Альпы, он потребовал, чтобы они сдались; но они заманили его в засаду и нанесли тяжелое поражение. По Риму поползли тревожные слухи, и на улицах вспыхнули кровавые беспорядки. То ли их вызвал начальник монетного двора (*rationalis summa rei*) Фелициссим, то ли они вспыхнули как раз из-за того, что Фелициссим был убит. Так или иначе бунт подняли чеканщики, недовольные тем, что остались без работы. Это произошло, видимо, потому, что они без разрешения ухудшили качество монет ради собственной выгоды. Как бы то ни было, беспорядки, поддерживаемые некоторыми сенаторами, радовались любому ослаблению власти Аврелиана, распространялись со зловещей быстротой.

Сам Аврелиан избежал худших последствий своего поражения, так как германцы, одержимые жадной добычи, разбились на множество отдельных рассеянных отрядов. Тогда он смог нанести им ряд сокрушительных поражений на реке Метавр, у Капища Фортуны и при Тицине, мало кто из захватчиков сумел перебраться обратно через Альпы. Император не стал их преследовать, поскольку его ждали неотложные дела в Риме. С тяжелыми потерями чеканщики и те, кто их поддерживал, были разбиты на Целиевом холме, а несколько сенаторов подверглись конфискации либо вообще расстались с жизнью.

Однако в целом это происшествие выглядело мелочью по сравнению с гораздо большей опасностью — постоянной угрозой вторжения из Центральной Европы варварских племен. Памятуя об этой опасности, Аврелиан в 271 г. приступил к строительству новой стены вокруг столицы. Этот крепостной вал протяженностью двенадцать миль (намного больше, чем прежняя стена Сервия Туллия), был толщиной около четырех и высотой шесть метров. В нем было восемнадцать одинарных и двойных ворот, защищенных сторожевыми башнями, где размещалась тяжелая артиллерия<sup>1</sup>.

Правда, стена не представляла собой капитального укрепления, а предназначалась лишь для отражения внезапного нападения варваров, не имеющих осадных орудий. Более того, конструкция стены не могла не быть простой, поскольку на строительстве использовался лишь труд гражданских лиц: выделить на это солдат было совершенно невозможно, так как все они требовались для выполнения своих прямых обязанностей.

Помимо постоянной внешней угрозы, унаследованную Аврелианом Империю тревожили и внутренние узурпаторы — Септимий в Далмации, Домициан в Южной Галлии (возможно, это военачальник, разбивший Макрианов во время правления Галлиена) и где-то еще некий Урбан. Но все это были лишь мимолетные претенденты на власть. Куда большую опасность представляли для Империи крупные отколовшиеся государства как на Востоке, так и на Западе. В восточных провинциях властвовала, словно в независимом государстве, правительница Пальмиры, Зенобия, со своим сыном Вабаллатом Атенодором, которые в первой половине 271 г. провозгласили себя Августой и Августом. А на Рейне остатками Галло-Римской империи (основанной Постумом и все еще занимавшей значительную, хотя и несколько уменьшившуюся, территорию) правил Тетрик. Аврелиан вознамерился уничтожить оба независимых государства и без проволочек приступил к осуществлению этой трудной двойной задачи.

Его первой целью было Пальмирское государство, и в 271 г. он двинулся против него на Восток. По пути он немного задержался, чтобы отчистить Фракию и прилегающие к Данаувию земли от грабителей. Более того, он переправился на северный берег реки, где погнался за готами и быстро разбил их в ряде крупных стычек, во время которых погиб вражеский

---

<sup>1</sup> Вероятно, имеются в виду катапульты. — *Прим. пер.*

вождь Каннабавд. Эти победы принесли императору вполне заслуженное звание «Готского», так как после этого готы в течение многих лет не беспокоили Империю. Но несмотря на ошеломляющие победы, видимо, именно в это время он решил покинуть заданувийский выступ в Дакии, оставив его готам, и в итоге вся эта большая область, последнее крупное римское завоевание, стала следующей (после Десятичных полей), утраченной Римом навсегда. Это произошло потому, что выступающие границы Дакии было почти невозможно защитить: эта область раз за разом подвергалась набегам, да и большая часть стоявших здесь легионов уже была выведена. Поэтому Аврелиан благоразумно отодвинул границу к реке и переселил жителей на правый берег, где на месте Мезии и Фракии основал две новые провинции, названные (в честь Дакии) Дакией Прибрежной и Дакией Внутренней.

После этого император продолжал поход против отколовшейся Пальмиры. Он без боя овладел Малой Азией, если не считать недолгого сопротивления города Тианы, который он не отдал на разграбление своим солдатам. Подобная сдержанность побудила другие греческие города оказать ему благосклонный прием, а Египет, также без сопротивления, сдался его полководцу Пробу (будущему императору). В Сирии Аврелиан встретили основные пальмирские силы под командованием Забда. В столкновении у Оронта его тяжелая кавалерия не выдержала конкуренции с легкой римской конницей. Аврелиан, радостно встреченный населением Антиохии и получивший подкрепление из различных восточных областей, одержал еще одну победу на Эмесской равнине, после чего направился за Зенобией в саму Пальмиру. Город готовился к осаде, но пока он искал поддержки у персов, Аврелиан взял его штурмом. На допросе у Аврелиана Зенобия возложила всю ответственность за мятеж на своего главного советника Кассия Лонгина, который и был казнен. Пальмира сдалась, но после возвращения Аврелиана в Европу вновь подняла мятеж, отказавшись подчиняться Марцеллину, которого император оставил своим наместником на Востоке. А в Египте в то же время стал проявлять неповиновение некий Фирм. Однако Аврелиан незамедлительно вернулся на Восток, захватил и разграбил Пальмиру, а Фирма принудил к самоубийству.

Теперь ничто не мешало ему завершить объединение Импери. Он направился в Галлию и сместил Тетрика, который, покинув свои войска во время сражения на Каталаунских по-

лях, перешел на его сторону (274 г.). Галло-Римская империя прекратила существование. Тетрик, его сын и Зенобия были проведены по Риму во время торжественного триумфального шествия. Однако после этого всех троих освободили; престарелого Тетрика назначили наместником Лукании на юго-востоке Италии, а Зенобию поселили в Тибуре, выдав замуж за римского сенатора. Так закончилась активная жизнь женщины, которой восхищался Эдвард Гиббон, назвавший ее единственной героиней античного мира.

Среди задач, поставленных перед собою Аврелианом, не последнее место занимало реформирование денежной системы, поскольку все ухудшавшееся качество монеты вело к безудержному росту цен. Доверие к торговле можно было бы восстановить чеканкой полноценной серебряной монеты и увеличением в разумных пределах выпуска полновесных золотых монет, но эти меры представлялись неосуществимыми из-за недостатка драгоценного металла. Тем не менее новые монеты из низкопробного серебра хотя бы имели более привлекательный внешний вид по сравнению с прежними жалкими монетами. Более того, на них был указан номинал, и они имели твердо установленную стоимость в золотом эквиваленте.

Эти разумные шаги стали возможными потому, что возвращение восточных провинций обеспечило Империи более постоянные доходы. С помощью этих дополнительных источников денежных средств Аврелиан смог осуществить и другие меры, направленные на обретение финансовой устойчивости. Он аннулировал все долги казне и жестоко наказывал растратчиков и доносчиков. В Риме он ввел контроль за ценами на хлеб, изменил порядок его бесплатной раздачи (по наследственному принципу) и ввел в рацион свинину, растительное масло и соль. Наладив снабжение продовольствием, он приступил к очистке русла Тибра и обустройству его берегов. А в других частях Италии предпринимались попытки возобновить обработку-пустующих земель, возможно, с целью снизить цены на вино. Усиление государственной централизации и регламентации достигалось путем преобразования продовольственных и корабельных цехов в корпорации официального, полувоенного характера.

Кроме того, Аврелиан сделал ряд важных нововведений в области религии. Культ солнца, отражавший стремление общества к монотеизму, давно набирал силу в Империи и теперь уже значительно преобладал над языческим культом и образом мыслей. Решающий шаг в этом направлении предпринял Ав-

релиан, установив грандиозный и щедро финансируемый культ Непобедимого Солнца (Sol Invictus), выделив этому божеству роскошный храм и основав при нем новую коллегию жрецов по образцу древних жреческих коллегий. День рождения этого божества праздновался 25 декабря (этот праздник в виде Рождества унаследовало от солнечного культа христианство). Наиболее активно солнцу поклонялись на родине Аврелиана в данувийских землях, и сам император во время похода против Зенобии посетил Эмесу и Пальмиру, ведущие идеологические центры этого культа. Еще Элагабал пытался заменить традиционные римские культы поклонением эмесскому солнцу, но цель Аврелиана заключалась не в ниспровержении ритуалов предков, а в их дополнении, так что теперь Солнце стояло во главе пантеона, объединяя основные религиозные течения Запада и Востока в единую наднациональную веру. Небывалый случай: голову самого Солнца поместили на лицевой стороне бронзовых римских монет с надписью «Повелитель Римской Империи» (SOL DOMINVS IMPERI ROMANI), причем Аврелиан был изображен его жрецом. Культ официально ввели в армии, и его символы появились на военных знаках отличия.

Конец 274 г. Аврелиану пришлось провести на Севере, там он подавлял беспорядки в Лугдуне и отражал набег варваров на Рецию. Но главным его стремлением оставался Восток, где ему не удавалось отвоевать у парфян Месопотамию. Летом 275 г. он выступил с армией в Азию. Но когда в октябре или ноябре он достиг фракийского города Кенофрурия, расположенного между Перинфом и Бизантием, случилось незначительное, казалось бы, происшествие, приведшее к катастрофическим последствиям. Аврелиан уличил во лжи своего личного секретаря Эрота и пригрозил его наказать. Эрот, стремясь обезопасить себя, сообщил некоторым высшим командирам преторианцев, будто император решил подвергнуть их наказанию вместе с ним. Как он и надеялся, командиры, из страха перед железной дисциплиной Аврелиана — хотя кое-кто, возможно, чувствовал за собой какую-то вину, — приняли его слова на веру, и один из них, фракиец по имени Мукапор, убил императора.

За пять лет правления Аврелиан добился громадных успехов в борьбе как с внутренними, так и внешними врагами, сделав необратимым выход империи из хаоса, который грозил привести к ее распаду. Многочисленные и разнообразные монеты чеканились в правление Аврелиана на монетных дворах в Риме, Медиолане (откуда монетный двор перенесли в Ти-



цин), Лугдуне (после подчинения Тетрика), Кизике, Антиохии (отвоеванной у Зенобии), Сисции и Сердики. В Сердики, где основали новый монетный двор для переселенцев из Дакии, находящихся под защитой армии, надписи на некоторых монетах славили императора как «рожденного богом и повелителем» (DEO ET DOMINO NATO), что было непривычным преувеличением. Правда, на других монетах попадаются эпитеты вроде «восстановитель армии» (RESTITVTOR EXERCITI) и даже «освободитель» и «усмиритель мира» (RESTITVTOR, PACATOR ORBIS). Со своей стороны Аврелиан воздавал должное верным дунайским землякам, составлявшим костяк его армии (VIRTVS ILLVRICI, GENIVS ILLVRici, PANNONIAE).

*Historia Augusta* сообщает, что Аврелиана называли «Мечедержцем» (*manu ad ferrum*), и с необычной меткостью добавляет, что он был скорее необходимым, чем хорошим императором. Сенат боялся его, а однажды, как сообщают, он резко одернул свою жену Ульрию Северину (в честь которой тоже выпустил монеты), когда та спросила, нельзя ли ей оставить хотя бы один рулон пурпурного шелка. Он ответил: «Богу не угодно, чтобы ткань ценилась на вес золота».

## ТАЦИТ 275—276 гг.

Тацит (Марк Клавдий) (с октября или сентября 275 г. приблизительно по июнь 276 г.). Его происхождение весьма туманно: сведения некоторых письменных источников (причем не только *Historia Augusta*, чего можно было ожидать, но и Евтропия и Виктора) о нем самом и о его правлении малодостоверны. Местом его рождения называют город Интерамна в Италии, но основано это на вымысле; вероятнее всего, он был, как и многие другие императоры той эпохи, выходцем из данувийских земель. Так же, скорее всего, безосновательно утверждение о том, будто он притязал на родство с историком Тацитом, а мнение, будто он провозгласил себя императором лишь после шести месяцев междуцарствия, вызвано путаницей в определении точной продолжительности его правления. Более того, заявление, будто Тацит взшел на престол в возрасте семидесяти пяти лет, основано лишь на желании изобразить почтенного сенатора; вероятнее всего, он был значительно моложе. В равной степени утверждение этих древних авторов, будто его вос-

шествие на престол представляло собой возрождение влияния сенаторов, основано лишь на ряде выдуманных романтических и нравоучительных историй, выдающих желаемое за действительное. На самом деле, как признают Зосима и Зонара, его провозгласил не сенат, а армия, т.е. он был таким же солдатским императором, как и его предшественники и преемники. Однако известно, что во время убийства Аврелиана он находился не в войсках, а пребывал у себя дома в Байях в Кампании. Именно оттуда, после того как солдаты провозгласили его императором, он отправился в Рим, чтобы присутствовать на подтверждении сенатом его императорских полномочий, которые, как сообщается, он принял с подобающей скромностью.

Сенаторы удовлетворили его просьбу об обожествлении Аврелиана. Тацит стремился основать свою собственную династию, так как у него были сыновья, которые могли унаследовать власть. Он поставил сразу же своего единоутробного брата Флориана во главе преторианцев. В это время германские племена предприняли одно из самых грозных своих выступлений: франки перешли Рейн, а южнее алеманны и еще одно германское племя, лонгионы (лугии), прошли долиной Неккар и тоже ворвались в Галлию. Хотя под их натиском пало множество неукрепленных городов, Тацит и Флориан посчитали, что в первую очередь необходимо разрешить острый кризис на Востоке, и выступили в этом направлении. Дело в том, что другие германские племена, в том числе герулы и меотиды (готы с побережья Меотийского озера), которых, как считается, Аврелиан призвал на помощь в борьбе с персами, после его смерти продолжили наступление и вторглись в Малую Азию со стороны Кавказа; они продвинулись на юг вплоть до Киликии. Тацит и Флориан начали боевые действия против них, и Флориан одержал победу, которую Тацит восславил на монетах (*VICTORIA GOTHICA*), и принял титул «Готский».

Еще один родственник императора, Максимин, которого он назначил наместником Сирии, не смог оказать ему большой поддержки и сам был убит. А вскоре пришло известие и о смерти Тацита в городе Тиана в Каппадокии. Есть два противоречащих друг другу рассказа о том, как он встретил смерть. Согласно одному из них, он погиб от рук убийц Максимиана, успевших добраться из Сирии до Малой Азии. Другие источники утверждают, что Тацит заболел лихорадкой и умер естественной смертью — явление столь необычное среди императоров третьего века, что вполне может оказаться правдой.

На монетах, относящихся к короткому правлению Тацита, обильно и многообразно присутствует обычный оптимистический патриотизм. На одной из монет император отождествляет себя с самой Храбростью (VIRTUS). Бог Солнце по-прежнему изображается покровителем имперской армии; он поднял руку, благословляя богиню, называемую Божественным Провидением (PROVIDENTIA DEORUM), которая держит два знамени. Но, как правило, главную роль играли древние божественные покровители Рима и в первую очередь богиня Рома. Один примечательный персонаж, Милосердие Эпохи (CLEMENTIA TEMPORUM), изображен в виде императора, принимающего земной шар из рук Юпитера; на другой монете тот же самый текст неожиданно сопровождает фигуру Марса, не только с копьем и щитом, но и оливковой ветвью мира.

*Historia Augusta* добавляет к этому несколько штрихов лично-го характера, степень доверия к которым каждый может определить по своему разумению. «В жизни, — уверяет нас автор, —

Тацит был весьма умеренным человеком, он никогда не выпивал за день и пинты вина, а зачастую даже меньше чем полпинты. Даже на пиру обычно подавался всего один петух, к которому присовокуплялись подгрудок поросенка и несколько яиц. В неограниченном количестве он позволял себе лишь салат-латук, предпочитая его другим видам зелени. Его обильно подавали к каждой трапезе, и он часто повторял, что таким расточительством он покупает себе сон... Он редко мылся и выглядел весьма крепким для своих лет. Ему доставляли большое удовольствие разнообразные изысканные изделия из стекла... Он любил мраморные скульптуры».

## ФЛОРИАН

276 г.

Флориан (Марк Анний Флориан) (примерно с апреля по июнь 276 г.) в *Historia Augusta* называется то родным братом императора Тацита, то его братом только по матери; разные имена позволяют предположить, что последнее более вероятно. Тацит поставил его во главе преторианской гвардии, а потом взял с собой на Восток сражаться против готов, вторгшихся в Малую Азию из-за Черного и Азовского морей и дошедших до Киликии. Флориан успешно вел войну и сумел отрезать племенам захватчиков путь к отступлению, когда до него дошла весть о смерти Тацита в Тиане. Тогда он объявил себя императором, не дожидаясь, когда его провозгласят солдаты и сенат утвердит это решение. Видимо, какое-то время дела Флориана шли вполне успешно, так как его имя появляется

на монетах западных монетных дворов (в Риме, Лугдуне, Сисциии и Тицине) и его, по всей вероятности, признали по всей Империи, за исключением Сирии и Египта; эти две провинции спустя три недели стали в открытую поддерживать военачальника восточных гарнизонов — Проба. Узнав о неповиновении Проба, Флориан решил выступить против него, считая, что численный перевес его сил будет иметь решающее значение. Армии встретились вблизи города Тарса, но Проб уклонился от генерального сражения. Пока войска выжидали, жаркий климат подрывал здоровье непривычных к нему солдат Флориана (он их привел из Европы), и они решили, что с них довольно гражданской войны, убили Флориана, возможно, не без участия Проба (хотя восторженный биограф последнего избегает любых предположений на этот счет).

Несмотря на краткость правления Флориана, его монеты на удивление разнообразны. Особенно много изображений и надписей, посвященных воинской храбрости Флориана (*VIRTVS FLORIANI AVG(usti)*), которую он выказал, когда служил под началом Тацита, и которую продолжал проявлять с помощью объединенной армии (*CONCORDIA MILITum, EXERCitus*). Так, Флориан при поддержке Марса, Приносящего Мир, становится Умиротворителем Мира (*PACATOR ORBIS*) и Освободителем Века (*RESTITVTOR SAECVLI*). Победы будут вечно сопутствовать ему (*VICTORIA PERPETVA*). Наиболее характерной особенностью его сверхоптимистических надписей на монетах является забота о стабильности и устойчивости: *PERPETVITATE AVG(usti)*, *AETERNITAS AVG(usti)*, *PAX AETERNA*, *SECVRITAS AVG(usti)*, *SECVRITAS SAECVLI*. Это были тщетные и несбыточные желания, и Флориан, вместе со своими провозглашенными во всеуслышанье надеждами, появился и сгинул, не оказав никакого влияния на события и кризисы эпохи.

## ПРОБ 276—282 гг.

Проб (Марк Аврелий Эквиций) (276—282 гг.) родился в Сирмии, возможно, в 232 г. (хотя это может быть предположением историка, основанным на том, что ко времени смерти ему было пятьдесят). Неясно также, был ли его отец и в самом деле огородником, как утверждают некоторые; с тем же успехом он мог быть мелким государственным чиновником или солдатом.

Сведения о начале карьеры Проба в лестном изложении *Historia Augusta* кажутся по большей части вымышленными. Но, судя по всему, он был наиболее выдающимся военачальником из всех, что служили под началом Аврелиана, по поручению которого он защищал границу от набегов германского племени алеманнов. Позднее, в правление Тацита, он занимал высокий пост в Сирии и Египте — по некоторым сведениям, должность главнокомандующего на Востоке. После смерти Тацита в Тиане в 276 г. Проб отказался признать императором Флориана, заявив, что именно ему Тацит завещал престол. Через две-три недели армия Проба провозгласила его императором. Когда армии встали друг напротив друга неподалеку от Тарса, Проб не стал вступать в решающее сражение, и эта тактика имела успех, поскольку измотанные жарой солдаты Флориана убили последнего и перешли на сторону противника.

Проб направился в Рим, где сенат подтвердил его императорские полномочия. На протяжении всего своего правления он относился к сенату с подчеркнутым уважением, хотя трудно согласиться с традиционным мнением, будто сенат играл ведущую роль в управлении государством. Тех убийц Аврелиана, что дожили до этих дней, настигла кара. Между тем его смерть спровоцировала новый всплеск угрозы со стороны германских племен, что стало очевидным уже в короткое правление Тацита. Военачальники Проба нанесли поражение франкам, а сам он в ходе тяжелого, длившегося более года похода взял в плен Семнона, вождя лонгионов, но впоследствии позволил ему и его племени возвратиться в родные места при условии, что они вернут пленников и награбленное.

Затем Проб предпринял успешное наступление на другие германские племена — бургундов и вандалов — которые пришли на помощь своим соплеменникам. Хотя его войско уступало им в численности, он умелыми действиями разбил армию врага по частям. Пленных бургундов и вандалов отпустили примерно на тех же условиях, что и лонгионов, но когда они, вопреки обещаниям, не вернули пленников-римлян, Проб возобновил наступление, взял в плен их вождя Игилла и принял титул «Германик». Он потребовал заложников и получил их. Девять вражеских вождей преклонили колени у его ног. Шестнадцать тысяч германцев были взяты в римскую армию и распределены по различным частям. В результате победоносной войны было освобождено шестьдесят крупных городов Галлии, а на другом берегу Рейна были воздвигнуты

укрепления, дабы не допустить повторения враждебных действий.

В 278 г. Проб отразил еще одно вторжение германцев, на сей раз вандалов, после чего стал называть себя, как сообщают надписи на монетах, освободителем Иллирика (RESTITVTOR ILLVRICI). В следующем году он отправился на Восток, откуда приходили сообщения о новых беспорядках. Сначала крупный военачальник по имени Юлий Сатурнин узурпировал императорскую власть в Сирии и выпустил свою золотую монету в Апамее; но его убили либо его же солдаты, либо люди, подосланные Пробом. Затем шайка разбойников засела в горной крепости Кремна в Исаврии (юг Малой Азии), где выдерживала длительную ожесточенную осаду до тех пор, пока не был убит их вождь Лидий (или Пальфуэрий). Затем племя блеммиев прорвало южную границу Египта и захватило города Копт и Птолемаиду, наместнику удалось их изгнать.

Конечной целью Проба было вернуть из-под власти персов бывшую прежде провинцией Ртима Месопотамию. Однако пока он считал неразумным ввязываться в военные действия и вместо этого сделал вид, что согласен на перемирие, хотя и отказался от предложенных даров. Это устраивало обе стороны: новый персидский царь Баграм II еще не чувствовал уверенности в своем положении, а сам Проб горел желанием вернуться в Европу, где его ждали серьезные дела. Проходя через Фракию, он расселил на территории Империи сто тысяч бастарнов (скифов). Однако настоятельнее всего его присутствие требовалось в Галлии и Германии, поскольку командующие войсками в этих областях, Прокул и Бонос, начали мятеж. *Historia Augusta* взбирается на новые высоты обличающего многословия, повествуя о том, кто они такие и что сотворили. Но, по всей видимости, оба командира подняли мятеж (возможно, в сговоре друг с другом) в Агриппиновой колонии, где они вместе возглавляли армию Империи. Вскоре мятежники встретили свою смерть — Прокул, как утверждают, после того, как его выдали императору, а Бонос покончил с собой, когда положение стало складываться не в его пользу. Найденная в Валенции Испанской надпись со стертым именем Проба позволяет предполагать, что волнения распространились и на эту область. Более того, в Британии поднял бунт имперский наместник. Чтобы усмирить его, послали Викторина, выходца из Мавретании, ранее рекомендовавшего этого наместника императору и теперь горевшего желанием снять с себя позор.

Вернувшись в 281 г. в Рим, Проб устроил роскошный Триумф, который запомнился многочисленностью и разнообразием поверженных врагов, служивших украшением процессии. Теперь он мог наконец выступить против персов и принялся готовить для этого армию. Однако Проб, по-видимому, переоценил терпение своих солдат. Они сражались за Рим в слишком многих войнах, а в перерывах между ними их заставляли заниматься тяжелым трудом, например, расчищать землю под новые виноградники. Более того, в *Historia Augusta* приводится высказывание Проба о том, что в скором времени потребность в армии и вовсе отпадет. Хотя источник этой цитаты вызывает подозрение, подобное утверждение в устах правителя, гордившегося тем, что он усмирил Империю, может казаться достоверным. Все это вряд ли вызывало любовь высших военачальников, которые могли лишиться своих должностей. Вскоре, будучи в Сирмии, Проб получил известие о том, что войска в Реции и Норике провозгласили вместо него императором Кара, префекта преторианцев. Отряд, высланный против него Пробом, дезертировал, а ему самому пришлось искать спасения от собственных солдат в крепости, они все же ворвались в нее и убили его.

Хотя не следует забывать о преувеличенной восторженности литературных источников (поскольку, во-первых, не было никакого «восстановления» власти сената, а во-вторых, количество мятежей в правление Проба указывает, что не все было так гладко, как хотелось их авторам), полководческий талант Проба, вероятно, можно сопоставить с талантом его соотечественника Аврелиана, чьи усилия по восстановлению пошатнувшейся Империи он успешно продолжал. Монеты красноречиво говорят о том, как он сам относился к своим планам и достижениям. Основной упор делался, как и во времена предыдущих правителей, на столь желанное согласие в войсках (*CONCORDIA MILITUM*) и на наступление нового Золотого века спокойствия (*FELICIA TEMPORA*), который принесет император — Спаситель мира (*RESTITUTOR ORBIS*). Но наиболее примечательной особенностью монет и медальонов Проба является необычайное разнообразие их лицевых сторон: на них изображены многочисленные варианты портрета императора и приводятся бесчисленные сочетания его титулов, что свидетельствует о новом подъеме культа личности императора.

КАР (Марк Аврелий Нумерий [?]) (приблизительно с сентября 282 по декабрь [?] 283 г.). Точные сведения о его происхождении отсутствуют. *Historia Augusta* делает несколько предположений, но, скорее всего, он был выходцем из Нарбона в Южной Галлии. В 276 г. Проб поставил его во главе преторианцев. Шесть лет спустя, когда Кар собирал войска в Реции и Норике для похода против Персии, солдаты провозгласили его императором, несмотря на то, что он якобы решительно возражал. Посланные против Кара войска разбежались, а Проб погиб от рук своих же солдат. Уверения *Historia* о непричастности к этому Кара вызывают большие сомнения.

Получив известие о смерти Проба, он отправил сенату сообщение, что армия провозгласила его императором. То, что он сообщил об этом как о свершившемся факте, не испросив сначала формального одобрения сената, было воспринято как пренебрежение традициями; это свидетельствовало о наступлении тех времен, когда авторитарная власть окончательно перестает маскироваться. Тем не менее Кар счел разумным внести предложение о обожествлении своего предшественника или, по крайней мере, согласиться с этим. Затем он сделал все возможное для того, чтобы основать собственную династию. Подобные попытки предпринимались и прежде, но, к счастью, у Кара, в отличие от большинства его предшественников, было два взрослых сына, которых он мог привлечь к управлению Империей или отправить в поход. Сначала старший, Карин, а затем и его брат, Нумериан, получили титул Цезаря и Предводителя Молодежи (*Principes Iuventus*).

Первый кризис правления Кара был вызван набегом сарматов и квадов, перешедших Данувий и вторгшихся в Паннонию. Кар, видимо, не заходя в Рим, отправился в поход против этих племен и разбил их, уничтожив (согласно некоторым, возможно, преувеличенным сообщениям) не меньше шестнадцати тысяч врагов и взяв в плен двадцать тысяч душ обоих полов. Этим пленников можно видеть на монете, выпущенной позднее Нумерианом, где император изображен на колеснице вместе со своим отцом. На ней имеется надпись TRIVNFV(s) (*triumphus*) QVADOR(um). В конце года Кар, взяв с собой Нумериана и оставив Запад на попечении его старшего брата, выступил в направлении Азии, чтобы исполнить замысел



Проба и вернуть Месопотамию. Он сам утверждал, что это было главным делом его жизни и что цель его восшествия на престол заключалась именно в сокрушении персов. Все складывалось удачно, поскольку персидский царь Баграм II вступил в междоусобную войну со своим братом Хормиздом. Монархический двор в Кизике приветствовал появление (ADVENTVS) Кара и Нумериана на Востоке. В 283 г. император, без сопротивления вступив в Месопотамию, нанес персам поражение и захватил сначала Селевкию на Тигре, а затем и саму царскую резиденцию Ктесифонт. Провинция Месопотамия была полностью отвоевана, а Кар принял титул «Персидский» и возвел своего сына в ранг Августа.

Затем он решил развить успех и проникнуть еще глубже на территорию Персии. Этот план, как сообщают, поддержал начальник преторианцев, Аррий Апри. Но в конце июля Кара нашли среди ночи мертвым в его палатке, в лагере близ Ктесифонта. В тот день была сильная гроза, и, по некоторым утверждениям, его убила молния. Согласно Виктору и Фесту, это было актом божественного возмездия, так как Кар пытался выйти за пределы отведенного ему успеха. Другие полагают, что он скончался от болезни. Но, скорее всего, его смерть была делом рук Апри — тестя сына императора, Нумериана, тот мог рассчитывать на большее, как только Кар перестанет стоять у него на пути.

*Historia Augusta* характеризует Кара как «человека, можно сказать, посредственных способностей, которого, однако, следует отнести скорее к хорошим, чем к плохим императорам». Однако в других местах тот же автор уже без оговорок называет его «хорошим императором», а его военные достижения за время правления, не длившегося и года, вряд ли можно отнести к незначительным.

## КАРИН 283—285 гг.

Карин (Марк Аврелий) (император-соправитель, декабрь [?] 283 г. — начало 285 г.) был старшим сыном Кара, который после своего восшествия на престол возвел его в ранг Цезаря. Когда в декабре или в январе его отец и старший брат отправились в поход против персов, Карина оставили в Риме, чтобы он вместе с тщательно подобранными советниками управлял делами на За-

паде. В отличие от несовершеннолетних цезарей этого столетия, ему оказывали императорские почести, а на выпущенных в честь него монетах он изображался с лавровым венком. В 283 г., после победы его отца над персами, ему присвоили титул Августа и императора-соправителя. На монетах, выпущенных в Лугдуне в честь восстановления мира, они изображены вместе.

После смерти Кара его сыновья без чьих-либо возражений стали его преемниками, Карин на Западе, а Нумериан на Востоке. Через некоторое время Нумериан направился в родные места, но осенью 284 г. скончался при загадочных обстоятельствах. Восточная армия отказалась признать Карина единоличным правителем и провозгласила императором своего старшего командира по имени Диокл, более известного как Диоклетиан — имя, которое он стал носить позже.

Тем временем Карин объявил о военных победах над германцами и бриттами и принял титулы «Германский» и «Британский». Однако он был не в состоянии выступить против Диоклетиана, так как другой его военачальник, Марк Аврелий Юлиан, наместник Венеции, поднял мятеж в дунайских землях. Оказавшийся в его распоряжении монетный двор в Сисции выпустил монеты, на которых Юлиан объявлялся Августом, владеющим двумя Паннониями (PANNONIAE AVGVSTI). При этом он давал традиционное обещание предоставить всеобщую свободу (LIBERTAS PVBLICA). Примерно в начале 285 г. Карин двинулся на юг и в окрестностях Вероны подавил мятеж, одержав победу над войсками Юлиана. Теперь Карин мог заняться Диоклетианом, и враждебные армии сошлись вблизи города Марга на Данувии. Началась яростная битва, но когда, казалось, Карин уже держал победу в руках, его убил один из старших командиров, и армия сдалась Диоклетиану.

Предполагалось, что убийца отомстил Карину за то, что он соблазнил его жену. Из подобных историй состоит все крайне недоброжелательное повествование о Карине. *Historia Augusta* не упускает ни единой байки о нем, какой бы нелепой (или банальной) она ни была.

«Его ванну всегда охлаждали снегом... Он назначил градоначальником одного из своих привратников — столь низкого поступка никто не мог ни понять, ни объяснить... Не было человека испорченней, чем Карин, который прелободействовал и постоянно развращал молодежь (мне стыдно пересказывать, что пишет о нем Онесим), и даже предавался порочным удовольствиям с представителями своего пола... Он заполонил дворец лицедеями и шлюхами, мимами, певцами и сводниками... Непрерывно женился и разводясь, он сменил девять жен, причем некоторых он бросал еще беременными».

Неизвестно, насколько верно последнее утверждение, но монеты были выпущены в честь всего одной жены, Магнии Урбики; потому ее и считают супругой Карина, что они вместе изображены на монете. К концу правления он выпустил монеты в честь трех обожествленных представителей своего рода: Кара, Нумериана и некоего мальчишка по имени Нигриниан, которого надпись называет внуком Кара, так что он, видимо, приходился сыном Карину или Нумериану. Очевидно, Карин стремился как можно громче заявить о появлении новой династии императоров.

Для последнего периода правления Карина, когда тучи быстро сгушались над его головой, характерны монеты, на которых традиционно славятся верность армии и мир, который она должна принести. Кроме того, на монетах присутствуют и другие пункты весьма обширной программы императора, нацеленной на благо общества, в чем имелась особая потребность, поскольку в 283 г. Рим перенес страшный пожар, опустошивший огромные районы города. Насколько следует доверять этим самовосхвалениям, с одной стороны, и ядовитым литературным источникам, с другой? Надо признать, что последняя точка зрения выработалась в правление династии Диоклетиана, свергнувшего Карина, и потому не может считаться беспристрастной. Но в какой-то степени ее подтверждает то обстоятельство, что после смерти Нумериана его солдаты не имели ни малейшего желания признавать императором Карина.

## НУМЕРИАН 283—284 гг.

Нумериан (Марк Аврелий Нумерий Нумериан) (император-соправитель, примерно с июля 283 г. по ноябрь 284 г.) был младшим сыном Кара, который возвел его в ранг Цезаря и Предводителя Молодежи вскоре после того, как та же честь была оказана его брату, Карину. Кар взял Нумериана, а не Карина, в поход против персов, и после одержанной победы юноше оказали императорские почести наравне с его отцом.

После смерти Кара Нумериан вступил на престол в качестве соправителя Карина (его провозгласили Августом еще при жизни их отца). Хотя на некоторых монетах Нумериана называют прежним титулом «Предводитель Молодежи», на других оба правителя занимают равноправное положение, а на брон-

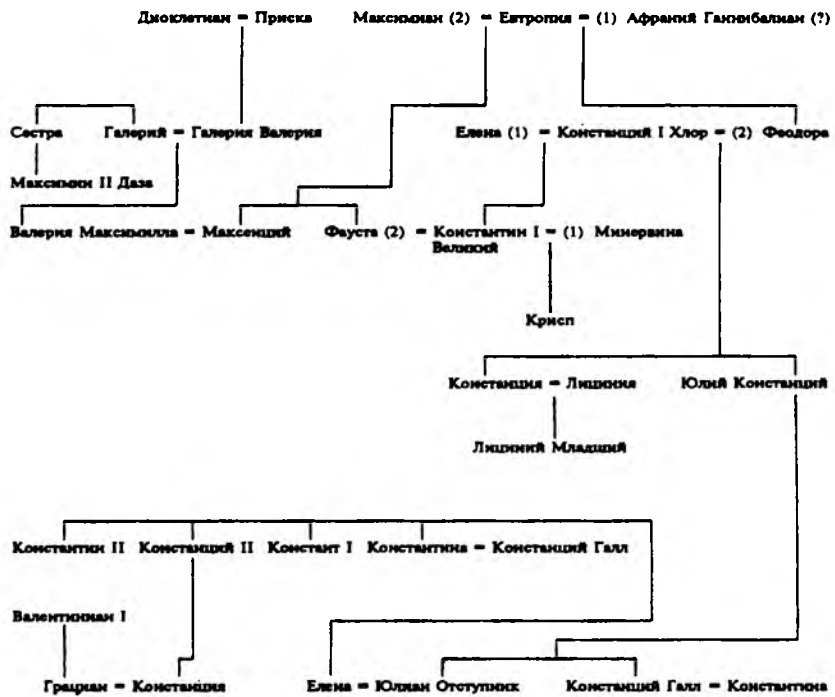
зовом медальоне, где Нумериан изображен консулом в пышном придворном одеянии в восточном стиле, можно видеть, как оба соправителя, стоя бок о бок, обращаются с речью к войскам (ADLOCVTIO AVGG. [*Augustorum*]), хотя на самом деле их разделяли многие сотни миль. Поначалу Нумериан пытался продолжать войну с персами, поставив во главе войска начальника преторианцев Аррия Апра, хотя того подозревали в убийстве Кара. По сведениям Зонары, военные действия Нумериана успеха не принесли, а монета с надписью «Усмиритель мира» отражает лишь желаемое. Дело в том, что Нумериан не испытывал склонности к войне и потому отправился домой через Малую Азию.

Продолжение рассказа можно найти в *Historia Augusta*, как, впрочем, и в других источниках. Нумериан, по-прежнему вместе с Апром, достиг окрестностей Никомедии, где начал испытывать боль в глазах. Мы уже отмечали, что этим заболеванием часто страдают люди, измученные, подобно ему, длительной бессонницей. Его положили на носилки. Вот тогда Апр и прикончил его. Но еще несколько дней солдаты продолжали справляться о его здоровье, а Апр неизменно отвечал, что Нумериан не может предстать перед ними, поскольку вынужден беречь глаза от ветра и солнца. В конце концов трупный запах не позволил скрывать истину. Апр надеялся, что ему удастся представить смерть Нумериана как естественную и что он сам унаследует освободившийся престол. Солдаты придерживались иного мнения, которое было не в пользу Карина (хотя тот незамедлительно обожествил покойного брата). Они предпочли Диоклетиана (см. следующую статью), первым делом обвинившего Апра в убийстве и собственноручно заколовшего его.

Согласно *Historia*, Нумериан был молодым человеком, чьи наклонности никак не соответствовали задачам, возлагаемым на императора, особенно в трудную эпоху конца третьего века, ибо его интересовала прежде всего литература. Его ораторский талант и написанные им речи вызывали немало восхищения. Кроме того, он пользовался уважением как поэт, не уступая, как говорили, лучшему поэту тех времен, Олимпию Немезиану, чье произведение *Об охоте* (*Synegetika*), от которого сохранилось 325 строк, было написано во время правления Карина и Нумериана. В этой поэме проскальзывает обещание написать эпическую поэму о деяниях братьев-императоров.

Часть седьмая  
ТЕТРАРХИЯ  
И ДОМ КОНСТАНТИНА





Диоклетиан (284—305 гг.; с 286 г. — соправитель), которого сначала звали Диоклом, родился в 240 г. в бедной далматской семье, но сумел сделать карьеру на военной службе и при Нумериане стал командиром элитного офицерского полка, неотлучно находившегося при императоре. Те, кто входил в его состав, назывались протекторами, или телохранителями (*protectores domestici*). В 284 г. в окрестностях Никомедии солдаты избрали Диокла императором, с тем чтобы он отомстил за смерть Нумериана, что он и сделал, убив префекта преторианцев Апра, подозреваемого в убийстве молодого императора.

После того как Диокла провозгласили императором, он стал называть себя Диоклетианом и присовокупил к этому имени имя Гая Аврелия Валерия. Он сразу же отправился с войском в Европу и примерно 1 апреля 285 г. разбил старшего брата Нумериана, Карина. Хотя он не сменил начальника его преторианской гвардии, Аристобула, Цезарем он назначил своего товарища Максимиана, а в следующем году сделал его полноправным соправителем с титулом Августа. После этого Диоклетиан провел несколько лет в непрерывных пограничных войнах, сначала в Мезии и Паннонии (что, примерно в 286 г., принесло ему титул «Германский Величайший»), затем в 289 и 292 гг. против сарматов, а в 290 г. против сарацинов, арабского племени с Синайского полуострова, вторгшегося в Сирию.

В 293 г. Диоклетиан преобразовал систему двойного соправления в тетрархию, в основе которой лежал принцип выдвижения людей на высшие посты по их заслугам. Новый порядок предусматривал совместное правление двух Августов (его и Максимиана) и двух Цезарей. Цезарями стали его земляки-дунавийцы Констанций I и Галерий: они были помощниками и заместителями соответственно Максимиана (на Западе) и самого Диоклетиана (на Востоке). Империю и раньше делили между соправителями, но теперь это было сделано более тщательно и последовательно, поскольку Диоклетиан

рассчитывал, что такой раздел будет постоянным. Предполагалось, что это, с одной стороны, укрепит Империю с военной точки зрения, а с другой — обеспечит, спустя какое-то время, бесперебойную смену власти. Увеличение числа соправителей не означало, что произошел формальный раздел Империи — на всей ее территории по-прежнему действовали единые законы, издававшиеся от имени всех четырех. Кроме того, оба Цезаря должны были подчиняться обоим Августам.

В 296 г. Диоклетиан подавил мятеж Домиция Домициана и Ахиллея в Египте, а его заместитель Галерий после первой неудачи одержал победу над персами. Диоклетиан впервые посетил Рим в 303 г., когда приехал на празднование двадцатой годовщины своего правления. На следующий год он тяжело заболел, после чего совершил небывалый поступок: 1 мая 305 г. он отказался от власти и заставил поступить так же Максимиана, который вовсе не хотел этого. Лишь однажды, в 308 г., Диоклетиан покинул город Салоны в Далмации, куда он удалился на покой, и ненадолго вернулся в политику, чтобы на совещании в Карнунте помочь Галерию восстановить порядок среди претендентов на императорскую власть. Он вернулся в Салоны, где и скончался в 316 г., с грустью наблюдая за развалом тетрархии, которую он создавал с таким усердием.

Тем не менее он оставил впечатляющее наследие. Он был самым значительным преобразователем Империи со времен Августа. Одна из его реформ заключалась в увеличении количества провинций с пятидесяти до ста: цель состояла в том, чтобы наместники этих теперь сравнительно небольших областей (помимо гражданских, они сохраняли и некоторые военные функции) не обладали достаточными силами, для организации мятежа. Причем на провинции разделили даже Италию. Другое нововведение заключалось в том, что провинции объединили в тринадцать более крупных территориальных образований — диоцезов (областей). Наместники диоцезов, викарии, подчинялись четырем префектам претория (по одному на каждого тетрарха), которые, в свою очередь, стали главными заместителями августов и цезарей по гражданским, финансовым и судебным делам.

Кроме того, Диоклетиан предпринял кардинальную перестройку военной системы. Армию разделили на две части, резко отличавшиеся друг от друга. Одна часть представляла собой регулярное подвижное формирование — *comitatences*, или «придворные солдаты». Такие полки имелись при каждом из четырех правителей и состояли частично из пехотинцев, но в



основном — из мощной кавалерии, в том числе из вновь образованных отрядов конной гвардии или личных телохранителей императора — *scholae palatinae*. Их появление практически низвело преторианскую гвардию до положения столичного гарнизона. Вторая крупная часть армии состояла из приграничных формирований, впоследствии получивших название *limitanei*, пограничных войск, и *riparienses*, береговых войск. Эти части, размещавшиеся в сильно укрепленных пунктах, пополнялись с помощью ежегодного призыва римских граждан на военную службу. Но в этих формированиях служили также и германцы, горцы из Малой Азии и представители других варварских племен, имевшие склонность к военному делу и обладавшие соответствующими навыками. (Кроме того, Диоклетиан предпринимал усилия по увеличению римского флота.)

Чтобы содержать это огромное войско, насчитывавшее не менее полумиллиона человек (что намного превышало его численность в предыдущем веке), Диоклетиану пришлось повысить налоги с гражданского населения, подняв выплаты в деньгах и натурой до крайнего предела, какой еще мог вынести римский мир. И все же он старался, чтобы эта ноша распределялась на всех как можно равномернее. Одной из крупнейших мер, предпринятых для этого, был изданный в 301 г. указ, устанавливающий максимальные цены на все продаваемые товары и транспортные перевозки, а также единую по всей Империи максимальную заработную плату для всех наемных работников. Этот указ, наиболее значительный из всех сохранившихся с античных времен экономических документов, представлял собой совершенно новое явление в истории императорского Рима, хотя аналогичные меры, но в гораздо меньших масштабах, предпринимались в некоторых греческих государствах.

Однако поскольку Диоклетиан и его соправители не обладали рычагами воздействия на средства и уровень производства и потребления, они оказались бессильными провести свои постановления в жизнь. Это лишь привело к тому, что продовольствие и другие товары исчезли с рынков, а рост цен, который уже давно приносил Империи немалые страдания, вновь стал совершенно безудержным. Диоклетиан, стремясь воспрепятствовать этому, еще в 294 г. провел коренную реформу денежной системы. Опираясь на новую устойчивую монету. Но ему не хватало благородных металлов, необходимых для того, чтобы уравновесить количество золотых и серебряных монет, с одной стороны, и монет из низкопробных металлов — с дру-



8 Административное деление империи:  
диоцезы Диоклетиана (284—305 гг. н.э.)



гой, так что цены, из-за деноминации некачественной монеты, продолжали круто расти.

Диоклетиан предпринял дальнейшие усилия для облегчения участи налогоплательщиков. В предшествующие десятилетия они были сильно измучены непредсказуемостью поборов имперского казначейства. Теперь весь процесс сбора налогов был коренным образом упорядочен: четыре префекта претория каждый год издавали новый, пересмотренный список податей. Как и прежде, основой налоговой системы служило сельское хозяйство. Но новая, специально разработанная система налогообложения впервые стала учитывать размер урожая и плодородие почвы. Однако эта система, хотя и создававшаяся с благими намерениями, содержала элемент угнетения, поскольку укрепляла уже имевшуюся тенденцию принуждать людей работать все время на одном месте, где их регистрировали, причем от поколения к поколению эта несвобода все усиливалась. Арендаторы в крупных поместьях вдруг обнаружили, что прикованы к одному месту, равно как и члены гильдий и корпораций, не связанных с сельским хозяйством, а также всевозможные государственные чиновники. Таким образом, на бумаге возникло полноценное тоталитарное государство, хотя в действительности у Диоклетиана не было способа до конца провести в жизнь все многочисленные правила и запреты.

Все эти принудительные меры были направлены на то, чтобы собрать достаточно средств для содержания сильно разросшейся армии. Правителям зачастую одновременно приходилось иметь дело как с внутренними противниками, так и с внешними врагами. О первых в Империи открыто ничего не говорилось, поскольку считалось, что солдаты якобы всегда сохраняют преданность. Зато изображения и надписи на монетах навязчиво славят победы над внешними врагами, причем каждый раз подчеркивается, что основная заслуга в победе принадлежит правителю. Почитание Диоклетиана и Максимиана как могущественных победителей под именами Иовия и Геркулия стало поистине сверхчеловеческим, поскольку теперь считалось, что они пользуются особым покровительством и поддержкой со стороны соответственно Юпитера и Геркулеса (см. также **Максимиан**). Более того, это возвеличивание отразилось на придворном ритуале, который своей изощренностью не имел ничего общего с более простыми обычаями прежних времен и по духу скорее соответствовал порядкам тогдашней Персии.

Вечное Римское государство также получило немалую до-

лю восхвалений, были выпущены миллионы монет в честь Генция римского народа (GENIVS POPVLI ROMANI). Следуя логике своего обращения к традиционным патриотическим чувствам, Диоклетиан при поддержке своего цезаря, Галерия, возобновил преследования христиан, которые до того четыре десятилетия пребывали в состоянии неопределенности, хотя собственная жена Диоклетиана, Приска, принадлежала к их вере. Целью начавшихся в 303 г. великих гонений, как никогда прежде, являлось полное искоренение христианства. Началась смертельная схватка между старыми и новыми устоями. Первый антихристианский указ Диоклетиана запрещал любые собрания христиан с целью отправления культа и постановлял разрушить их церкви и уничтожить священные книги. Следующие два указа, действие которых распространялось и на восточные провинции, разрешал арест всех священников, за исключением тех, что служат языческим божествам. Наконец, в 304 г. четвертый эдикт распространял действие трех предыдущих указов на всех христиан.

В начале своего правления Диоклетиан восстановил Кuriю, здание заседаний сената, расположенного неподалеку от Римского Форума. Это здание сильно пострадало во время пожара 283 г. Восстановленное строение (сохранившееся до наших дней) своими очертаниями и пропорциями в значительной степени повторяло предыдущие его варианты. Внутри находился скромный прямоугольный зал с кессонированным потолком, обшитым деревом. По обеим сторонам вдоль зала располагались низкие ступеньки; служившие местами для сенаторов. Строгие верхние части стен с одиночными окошками резко контрастировали с изысканными нишами и колоннами, которые находились уровнем ниже, и с роскошным полом, набранным из разноцветного мрамора.

Однако свою ставку Диоклетиан поместил вовсе не в Риме, а в Никомедии и Вифинии. Там от его построек почти ничего не сохранилось, но о перестройке Антиохии, куда он перевел свою резиденцию после образования тетрархии, мы можем сказать несколько больше. В новой столице он построил храмы, зернохранилища, бани, стадион и фабрику по производству оружия. Там же он перестроил и расширил крепость, воздвигнутую веком ранее, превратив ее в императорский дворец. По описанию Либания, этот дворец занимал целый квартал с четырьмя улицами колоннад.

Антиохия Диоклетиана ныне глубоко погребена под нано-

сами реки Оронт. Однако до наших дней сохранились развалины дворца в Спалате близ Салон, куда он удалился после отказа от власти. Дворец представлял собой примечательную смесь гражданской и военной архитектуры, связывающей воедино общественные залы, характерные для резиденции императора, частные апартаменты, как в крупной далматской вилле или в ставке главнокомандующего, и оборонительные сооружения с внушительной стеной и четырех- и многоугольными башнями. Весь гигантский комплекс имеет строго осевую планировку. По всей его длине проходит дорога, которая через украшенный колоннами внутренний двор, или *atrium* (в котором расположен круглый изнутри и восьмиугольный снаружи мавзолей) ведет в куполообразный вестибюль с апсидой. Из него открывается вход в тронный зал или в Зал приемов (*Aula Palatina*), откуда по-прежнему можно видеть трехпролетный фасад с колоннами, увенчанный Фронтоном Славы. Над средними колоннами возвышалась арка, в проеме, словно в обрамлении небесного свода, появлялся император, увешанный драгоценностями и с венком на голове, чтобы принять знаки уважения собравшейся толпы. Южный фасад Зала приемов смотрит на Адриатическое море. С двух сторон от него расположены две квадратные башни, а по всей длине проходит широкая галерея с балконами в центре и по краям. По сирийскому образцу между сорока двумя арочными проемами галереи располагаются колонны, опирающиеся на выступы, или консоли (выступающие из стены балки).

## МАКСИМИАН 286—305, 307—308 гг.

Максимриан (император-соправитель, 286—305 и 307—308 гг.) скончался в 310 г. Он родился около 240 г. в крестьянской семье в окрестностях Сирмия и не получил никакого (или почти никакого) образования, зато отличился на службе в войсках Аврелиана на Данувии, Евфрате и Рейне, а затем в Британии. При Пробе он продолжал делать успешную военную карьеру и был в дружеских отношениях со своим земляком Диоклетианом, который в 285 г., спустя несколько недель после победы над Каринином, назвал его своим цезарем. Тогда Максимриан принял имя Марка Аврелия Валерия. Вероятно, именно тогда Диоклетиан и Максимриан приняли титулы Иовия и Геркулия,

подчеркивая свои полномочия как верховного распорядителя и исполнителя соответственно.

Поспешность назначения Максимиана была вызвана событиями в Галлии, где отряды переселенцев и беженцев, так называемых багаудов, которые покинули свои дома, спасаясь от варваров и римских сборщиков налогов, повели партизанскую войну под предводительством двух вождей, Элиана и Аманда, возможно, даже провозгласивших себя императорами. К весне 286 г. Максимиан в ряде небольших сражений полностью разбил этих разбойников, а вскоре после этого войска по инициативе Диоклетиана возвели его в ранг Августа.

Хотя соправители еще не делили между собой Империю по формально-географическому принципу, Максимиан остался править на Западе. В последующие годы он то и дело вел военные действия на германской границе. В 286 и 287 гг. ему пришлось отражать набеги алеманнов и бургундов на Верхнем Рейне. Затем Караузий, командующий его флотом в Гезориаке, провозгласил себя независимым августом и переправился со всем флотом через Ла-Манш в Британию. Максимиан напал на узурпатора, но, потерпев тяжелое поражение, вынужден был на время смириться с автономией Караузия. В 291 г. в Медиолане он встретился и провел совещание с Диоклетианом.

После образования в 293 г. тетрархии (см. **Диоклетиан**) Максимиану досталась Италия — он сделал столицей Медиолан — а также Сицилия, Испания и Африка, где в 296—297 гг., в Карфагене, он основал новый монетный двор. Прежний начальник преторианской гвардии Констанций I Хлор, который к тому времени уже был женат на его падчерице Феодоре, стал его цезарем. На то время, пока Констанций сражался в Британии с отмежевавшимся Караузием, Максимиан перевел в Галлию данувийские легионы для присмотра за германской границей, но в 297 г. он вернул их в данувийские провинции, где одержал важную победу над карпами. Однако в том же году ему пришлось отправиться в Северную Африку, чтобы отразить нападение мавретанского племени, известного под названием квинквентанеи, которое пересекло нумидийскую границу. После этого он укрепил африканскую границу на всем протяжении от Мавретании до Ливии.

В 303 г., когда начались преследования христиан (поддерживаемые всеми четырьмя правителями), Максимиан стал проводить их в Африке с особой жестокостью. Поздней осенью того же года они с Диоклетианом прибыли в Рим, чтобы

заранее отметить двадцатилетие правления последнего. Там они возглавляли длившиеся месяц празднества. Но когда в начале 304 г. Диоклетиан принял решение, что оба соправителя должны одновременно отказаться от власти, Максимиан выразил несогласие. В конце концов он согласился принести в храме Юпитера Капитолийского клятву, что откажется от власти после празднования в 305 г. двадцатой годовщины своего собственного правления. Поэтому 1 мая того же года оба августа формально сложили с себя полномочия, проведя церемонии отречения от власти соответственно в Никомедии и Медиолане. В честь них были выпущены монеты, где их новое положение обозначалось как «Наисчастливейшие старшие императоры» (*FELICISSIMO SENiORI AVGusto*).

Первое правление Максимиана, которое таким образом формально завершилось, было озаменовано значительными достижениями в области архитектуры. В частности, в первый свой приезд в Рим в 298 г. он приступил к строительству необычайно роскошных бань на насыпном грунте к северу от холма Виминал. Примерно к 305 г. работы были завершены. Планировка бань Диоклетиана, как их стали называть, в общих чертах повторяла планировку бань Каракаллы, но их огромная центральная часть имела более прочную конструкцию, которая просматривалась вдоль всей поперечной оси. Если снаружи была видна грубая каменная кладка, то внутреннее убранство бань было просто удивительным. И сегодня мы можем восхищаться поразительной простотой трехсводчатой прохладной комнаты (*frigidarium*), впоследствии переделанной по проекту Микеланджело в церковь Санта Мария Дельи Анджели. По фасаду церкви расположена прямоугольная апсида Максимиана, обогреваемая комната с перекрестным сводом (*caldarium*), заменившая купольную ротонду в строении Каракаллы. Другие сохранившиеся строения бань Диоклетиана достались Национальному музею Рима (*delle Terme*). Там можно увидеть остатки украшенных колоннами ниш; они располагались по той стороне прохладной комнаты, что была обращена к бассейну, а также более крупные углубления в стенах, ограждавших бани. В одной из ротонд на углу стены ныне расположена церковь Сан Бернардо.

Однако, несмотря на все украсившие Рим постройки, подлинный центр власти в Италии переместился на север, в долину реки По, и Медиолан, который Максимиан превратил в свою столицу, надолго стал наиболее значительным политиче-



ским и военным центром европейского запада. Поэт Авзоний, живший лишь немного позднее, упоминает некоторые здания, построенные или расширенные Максимианом, в том числе театр, цирк, дворец, храмы, бани и монетный двор. От всего этого великолепия не осталось почти ничего: средневековый и современный Милан отстраивали на развалинах. Но и сейчас там можно видеть участок городской стены двадцатичетырехгранную кирпичную башню (Torre di Ansperto), воздвигнутые Максимианом для защиты той части дворцового комплекса, где размещались бани и прилегавший к ним цирк.

После того как Диоклетиан, отказавшись от власти, удалился в Спалат, Максимиан также переселился в сельский дворец, которых, возможно, было несколько. Некоторые источники сообщают, что он удалился в Луканию, но на основании художественных, иконографических и литературных доводов можно предположить, что он мог быть строителем и обитателем роскошного дома в окрестностях Философианы (неподалеку от современной Пьяцца-Армерина) в глубинной части Сицилии<sup>1</sup>.

В отличие от строгой планировки дворца Диоклетиана, здесь можно видеть несимметричные одноэтажные постройки, напоминающие прежние загородные виллы, только увеличенные во много раз и с полами, украшенными самыми потрясающими мозаиками из всех когда-либо найденных в римском мире. Некоторые из пятидесяти многоцветных мозаик, в которых искусно сочетаются натуралистическое и схематическое направления в искусстве, стали знаменитыми, особенно та, где изображены девушки в костюмах, похожих на открытые купальники. Большая же часть картин подробно и нудно описывает императорскую охоту с неизменным массовым истреблением животных. На одной из таких мозаик, по-видимому, есть изображение самого Максимиана. Для постройки такого огромного числа зданий (не говоря уже о мозаиках) потребовались годы, если не десятилетия. Тем не менее в их планировке обнаруживается определенное единство, что позволяет предположить единовременное создание проектов построек.

После отказа от власти Диоклетиана и Максимиана августами стали Констанций I Хлор и Галерий, а Север II и Максимиин II Даза (племянник Галерия) заняли места цезарей. Но при этом остался не у дел сын Максимиана, Максенций (от его жены-сирийки, Евтропии). Когда Максенций решил ис-

---

<sup>1</sup> По зрелом размышлении это, однако, представляется маловероятным.

править такое положение, произведя в октябре 306 г. *переворот* в Риме, он, с одобрения сената, отослал императорские знаки отличия отцу, который с радостью вернулся и во второй раз взял власть в свои руки. В феврале 307 г. он вновь принял титул августа и выпустил монеты с молитвой о тридцатилетием правлении. Максимиан все еще обладал достаточным влиянием, чтобы заставить сначала Севера II, а затем Галерия прекратить успешное наступление в Италии. После чего он отправился в Галлию, где скрепил выгодный ему союз, выдав замуж свою дочь, Фаусту, за сына Констанция, Константина. В ее честь были выпущены монеты, где ее называют *nobilissima femina*. Но затем Максимиан все-таки решил выступить против Максенция, поскольку то ли не верил ему, то ли, одержимый неумным честолюбием, вознамерился занять его место. С этой целью он неожиданно явился в Рим, но его попытки склонить на свою сторону солдат Максенция были безуспешными, и его отправили в Галлию к Константину.

Совет, устроенный Галерием в Карнунте в 308 г., на котором присутствовали оба бывших императора, окончился полным поражением Максимиана, чей отказ от власти Диоклетиан с готовностью подтвердил. Он вновь удалился в Галлию, но вскоре решил выступить против самого Константина и в третий раз объявил себя августом, пока Константин воевал на Рейне. Константин спешно вернулся, и Максимиан бежал в Массалию, где приготовился было к осаде, но его заставили сдать собственные приближенные. Вскоре после этого его обнаружили мертвым. Согласно официальным сведениям, он совершил самоубийство, хотя вполне возможно, что его убили по приказу Константина.

Несмотря на редкие неудачи, Максимиан, видимо, был весьма способным полководцем, в противном случае Диоклетиан не избрал бы его соправителем. Однако, как предполагает Евтропий, он был также чрезвычайно грубым, жестоким, свирепым и нетерпеливым человеком, с ним невозможно было поладить. Его изображения на монетах, где он облачен в головной убор своего божественного покровителя, Геркулеса, передают его необузданный, тяжелый характер. Его нрав дополняли страстное желание во что бы то ни стало вернуться к власти, от которой его заставили отказаться, и бессовестное вероломство, на которое он всегда шел для достижения поставленной цели, о чем свидетельствует, например, его готовность предать как своего сына Максенция, так и зятя — Кон-

стантина. Первый, однако, не затаил зла и выпустил монеты, посвященные вечной памяти отца (AETERNAE MEMORIAE), и даже объявил о его обожевлении.

## КАРАУЗИЙ 286/287—293 гг.

Караузий (Мавзей) (отложившийся император Британии и части Северной Галлии, 286/287—293 гг.) был родом из скромной семьи, проживавшей в Менапии — области мореплавателей между реками Рейн и Шельда.

После успешного выполнения важной задачи во время войны Максимиана с багаудами в Галлии его назначили командовать ла-маншским флотом, располагавшимся в Гезо-риаке, чтобы очищать моря от франкских пиратов, нападавших на районы к югу от Ла-Манша. Он выполнил поставленную задачу, осуществив ряд успешных морских операций. Однако возникло подозрение, что он лично распоряжается значительной долей военной добычи, чтобы расплачиваться с пиратами, которых он брал в плен и записывал во флот. Максимиан, опасаясь, что Караузий готовит мятеж, отдал приказ убить его, но Караузий вовремя прознал об этом и в отместку провозгласил себя августом в конце 286 или в 287 г. Он переправил флот в Британию, где его встречали как освободителя, но в то же время он, поддерживаемый некоторыми франками, сохранил власть над частью их территории.

Попытка Максимиана низложить его потерпела неудачу из-за неопытных лоцманов и неблагоприятной погоды. В результате Максимиан был вынужден скрепя сердце на какое-то время признать независимость Караузия. Судя по всему, Караузий умело сопротивлялся воинственным племенам, угрожавшим берегам и границам Британии. Имеются сведения, что он устранил проломы и слабые места в стене Адриана, образовавшиеся несколькими годами ранее во время вторжений варваров. Возможно даже, ему удалось установить дружеские отношения с пиктами (общий термин для обозначения обитающих за стеной племен). Делая все это, Караузий рассчитывал добиться расположения Диоклетиана и Максимиана. Более того, он не только признал их под именами Аврелия и Валерия, но и выпустил в их честь монеты, где их головы соседствуют с его собственной под ними надписью: «Караузий и его братья»

(CARAVSIVS ET FRATRES SVI). Но к таким крайностям его «братья» были не готовы, и ни один из их монетных дворов не поддержал выпуск подобного рода монет. Более того, Караузий выпустил медальон со своим изображением в консульском одеянии, так и не получив их одобрения на это облачение.

Напротив, по их наущению Констанций I Хлор, западный цезарь, готовил решающее наступление на Галло-Британскую империю. В то время, когда императоры уделяли значительное внимание расширению своих флотов, он начал с того, что разместил небольшие морские подразделения на реках Северной Галлии, чтобы вытеснить мелкие флотилии Караузия в открытое море. Основной флот узурпатора не пришел им на помощь, а продолжал держаться берегов Британии для защиты их от вторжения Констанция. Но вместо того, чтобы предпринять немедленное наступление, тот предпочел в 293 г. блокировать порт Гезориак в Северной Галлии, удерживаемый войсками Караузия. Огромная дамба у входа в бухту не позволила Караузию прислать подкрепление, и он не смог воспрепятствовать сдаче города. Интересно, что он находился на грани того, чтобы избежать поражения, поскольку первый же после сдачи крепости морской прилив разрушил дамбу и вновь открыл вход в бухту.

Даже после такого успеха Констанций не стал вторгаться в Британию, а вместо этого напал на союзников Караузия из числа франков, изгнав их как с материковой части Батавии, так и с островов, которые они захватили прежде. Власть Караузия распространялась теперь лишь на Британию, да и в Ла-Манше он уже чувствовал себя не так вольготно. Череда неудач Караузия кончилась тем, что его убил собственный казначей, Аллект, тут же провозгласивший себя императором островного государства.

Монеты, в большом количестве выпущенные Караузием, чеканились преимущественно в Британии — в Лондини и, может быть, еще в одном городе. На монетах, выпущенных в этом втором городе, монетный двор обозначается буквой «С», что позволяет предположить, что это Камулодун, Кориний Добунов или Клавзент. Поскольку на некоторых монетах Аллекта тот же монетный двор обозначается буквами «CL», то, возможно, следует отдать предпочтение Клавзенту. Есть еще одна группа монет с буквами «RSR», так что, возможно, в Британии существовал еще один монетный двор — скорее всего, в Рутупии. Но более вероятно, что эти буквы обозначают вовсе не монетный двор, а служат сокращением от *rationalis summae rei* (Allectus), поскольку именно так называлась дол-

жность ответственного за выпуск монет. То предположение, что Караузий чеканил монеты еще на двух монетных дворах на севере Галлии, в настоящее время отвергнуто. Монеты первых выпусков изготавливались из высококачественного серебра, чего в самой Империи не наблюдалось до реформы Диоклетиана уже несколько лет. Видимо, Караузий чеканил их из-за недостатка золота и прекратил их выпуск, как только у него оказался этот металл.

Изображения и надписи на обратной стороне его монет весьма примечательны. Например, Британия пожимает руки Караузию, и все это сопровождается цитатой из *Энеиды* Вергилия «Приди, долгожданный» (EXPECTATE VENI). Однако другая монета с Ромулом и Ремом, сосущими волчицу, и надписью «Возрождение римлян» (RENOVATIO ROMANORUM) ясно дает понять, что конечная цель честолюбивых стремлений Караузия лежала далеко за пределами его Римско-Британского государства. Кроме того, всем легионам, которые служили под началом Караузия или присылали к нему свои отряды, были присвоены порядковые номера. Преобладающей темой надписей на его монетах было стремление к миру: «Мир Караузия Август» (PAX AVG.) или «Мир трех августов» (PAX AVGGG.).

Основным достоинством Караузия были его незаурядные способности флотоводца, и, должно быть, он также обладал умением сплачивать людей для достижения своих целей. Однако он был не настолько силен, чтобы вечно противостоять императорам Рима, а потеря Гезориака, предшествовавшая его убийству, показала, что его отложившееся государство (к тому времени сильно уменьшившееся в размерах) долго просуществовать не сможет. И действительно, в 296 г. его преемника, Аллекта, сверг Асклепидот, префект претория при Константине.

## КОНСТАНЦИЙ I ХЛОР 305—306 гг.

Констанций I (Флавий Юлий) (император-соправитель, 305—306 гг.) происходил из приданувийских земель; то, что он был знатным человеком из Дардании (Верхняя Мезия) и потомком императора Клавдия II Готского, стали утверждать лишь после его смерти, когда его сын, Константин Великий, захотел поставить себе более достойную родословную. В византийских

источниках он известен под прозвищем Хлор, что значит «бледный».

В начале 280-х годов, во время успешной службы в армии, он вступил в связь, а может быть, и в законный брак, с дочерью трактирщика, Еленой: она родила ему сына Константина. Не позднее 289 г. он отказался от Елены и женился на Феодоре, падчерице соправителя Диоклетиана Максимиана. Феодора родила ему еще троих детей. Он дослужился до чина начальника преторианской гвардии, когда Диоклетиан избрал его руководителем тетрархии (293 г.). Его, старшего из цезарей — заместителей августов — Максимиан усыновил, и он принял имя своего приемного отца — Валерий (вместо собственного родового имени Юлий), а также дополнительное имя Максимиан Геркулий.

К Констанцию отошли провинции Галлия и Британия, причем первая частично, а вторая полностью находились в руках Караузия, которого Максимиан до этого не сумел одолеть. Первая и самая неотложная задача Констанция заключалась в том, чтобы исправить это упущения. Он быстро соорудил мол у входа в бухту порта Гезориак, основного опорного пункта узурпатора на материковом берегу Ла-Манша, и тем самым блокировал его. Вскоре город сдался. Именно эта потеря послужила причиной гибели Караузия. Однако его отделившееся государство не рухнуло, а продолжало существовать под руководством его убийцы, Аллекта. Прежде чем напасть на него, Констанций провел двухлетнюю подготовку, в том числе регулярно предпринимая походы против тех, кто мог бы оказаться сторонником Аллекта в Галлии и Батавии. Наконец в 296 г. он посчитал, что время настало. Две флотилии пересекли Ла-Манш. Одна, возглавлявшаяся лично им, вышла из Гезориака, а вторая, которой командовал префект претория, Асклепидот, отправилась из устья Сены. Благодаря туману префект благополучно избежал встречи с основным флотом Аллекта и высадился то ли в Дубре, то ли в Рутупии, то ли в Лимнах, после чего сжег корабли, чтобы морально подготовить войска к неизбежному столкновению с неприятелем. Аллект со всеми имевшимися силами поспешил ему навстречу, и это представляло Констанцию возможность без помех высадиться в Кенте. Однако ему это не удалось, поскольку из-за тумана часть кораблей не смогла присоединиться к основным силам; ее отнесло к устью Темзы. Через некоторое время Констанций вернулся на южный берег Ла-Манша, Асклепидоту же удалось наголову разбить Аллекта где-то на севере Гемпшира или

Беркшира, и тот погиб. Однако часть его наемников из числа франков сумела спастись и добраться до Лондиния, где их перебили те солдаты Констанция, что разминулись с ним у побережья Кента и окольными путями дошли до столицы.

Вдохновленный своевременным прибытием этих войск, сумевших компенсировать его собственную неудачу, Констанций отметил возвращение Британии выпуском больших золотых памятных медальонов. На одном из них с надписью «Милосердие императоров» (PIETAS AVGG. [*Augustorum*]) изображен сам Констанций в львиной, как у Геркулеса, шкуре, который протягивает руку коленопреклоненной Британии, а Победа водружает ему на голову корону. На еще более крупном медальоне с надписью «Восстановитель вечного света» (REDDITOR LVCIS AETERNAE) изображен цезарь, скачущий к городской стене, перед которой люди в мольбе преклонили колени, а в это время в прибрежных водах появляется военный корабль. Указано, что это город LON(*dinium*) (Лондиний). Здесь был учрежден новый имперский монетный двор, а остров разделили на четыре провинции вместо прежних двух.

По возвращении на континент в 297 г. Констанций вновь заселил Батавию франками (салическими) из Фризии, заменив ими изгнанных союзников Караузия и Аллекта. На следующий год, когда он был неподалеку от Андематуна, на него внезапно напали алеманны. Однако он, укрывшись за новыми городскими укреплениями, сумел отразить натиск врага, после чего отбросил его к Рейну.

В 305 г., после отказа от власти Диоклетиана и Максимиана, Констанций стал августом Запада и старшим императором, хотя его власть распространялась лишь на Галлию, Британию и Испанию; его соправитель, Галерий, превзошел его в могуществе. Более того, его сын, Константин, находился при дворе Галерия, по сути дела, в роли заложника. Однако, когда поступили вести о вторжении пиктов в римскую часть Британии (см. **Караузий**) и потребовалось присутствие на острове Констанция, он воспользовался этим обстоятельством как предлогом, чтобы затребовать к себе Константина; Галерий уступил ему. Когда Константин прибыл в начале 306 г. в Гезо-риак, он застал там отца, и они вместе отплыли в Британию, где, по некоторым сведениям, Констанций проник в отдаленные прибрежные районы и одержал значительные победы над пиктами. Но 25 июля он скончался в Эбораке, оставив открытым щекотливый вопрос о преемственности власти.

Столицей и основным монетным двором Констанция I была Августа Тревиров на реке Мозель. Она и прежде была главным городом Галло-Римской империи, основанной Постумом, но в 275—276 гг. сильно пострадала от набегов германских племен. Примерно со времен Констанция этот город известен под названием Тревиры или Треверит. Констанций заложил там дворцовый комплекс (завершенный его сыном), который занимал всю северо-западную часть города. А так называемая «базилика» (85 метров в длину и 30 метров в высоту) теперь считается залом приемов, или тронным залом, дворца, подобным Aula Palatina Диоклетиана в Салонах. Этот просторный зал в Тревирах с деревянным потолком представляет собой простой прямоугольник без каких-либо боковых нефов. Классические ордера сохранились лишь в качестве обрамления широких ниш и не несут функциональной нагрузки; алтарный арочный проем отделяет основное помещение от приподнятой апсиды, предвосхищая архитектуру христианских храмов. Внушительность внутреннего убранства, рассчитанная на то, чтобы производить сильное впечатление, подкреплялось небывалой внешней конструкцией: стены укреплялись и украшались мощными выступами в виде галереи, обрамлявшей два яруса больших закругленных окон, что давало строгое чередование света и тени в вертикальном направлении.

В литературных источниках Констанций I предстает в благоприятном свете. Среди них — крайне хвалебный *Панегирик*, тогда как остальные славословия исходят от христианских авторов, которые наперебой прославляли Константина Великого и поносили его соправителя, Галерию, активно притеснявшего христиан. Тем более что сам Констанций после исполнения первого совместного указа о преследованиях, видимо, действительно оставил христиан в покое. Существует несколько независимых точек зрения относительно того, насколько соответствуют истине остальные восхваления. По-видимому, он действительно снискал уважение в Галлии своим умелым правлением, а его военные достижения были весьма значительными, даже если принять во внимание, что наиболее важное достижение — возвращение Британии — осуществлено не им, а его префектом претория. Констанция хвалят за то, что он не стал открыто противопоставлять себя Галерию и не вверг этим Империю в гражданскую войну. Но, поскольку в распоряжении Галерия имелось больше сил и средств, у Констанция просто не было другого выхода. На самом деле, возможно, лишь преждевременная смерть удержала его от попытки переворота.



## ГАЛЕРИЙ 305—311 гг.

Галерий (император-соправитель, 305—311 гг.) родился около 250 г. Согласно анонимной *Ерпите* (дословно — «извлечение»), которая в данном случае предпочтительней сведений Евтропия, он происходил из деревни, расположенной неподалеку от Флоренцианы в Дакии Прибрежной (Верхняя Мезия). Его отец был крестьянином, а его мать, Ромула, в честь которой он назвал место своего рождения Ромулианом, переселилась сюда с противоположного берега Данувия.

Свою жизнь он начал скотоводом, но при Аврелиане и Пробе служил солдатом, а в правление Диоклетиана выбился в старшие командиры. После образования в 293 г. тетрархии Галерия назвали цезарем в Никомедии (при Констанции I), и он принял имя Гай Галерий Валерий Максимиан. Он, как и Диоклетиан, стал называть себя Иовием, а кроме того, женился на его дочери, Галерии Валерии, разведясь для этого со своей прежней женой. Территория, отошедшая к Галерию, включала в себя Илирик и остальные земли на Балканах, а также, по-видимому, западные провинции Малой Азии.

Сразу же после того, как Галерия назначили цезарем, его послали на данувийскую границу. В 294 и 295 гг. он был вынужден внимательно следить за перемещавшимися в западном направлении готами; в следующие два года он боролся против сарматов и маркоманнов; племя карпов в это время целиком переселилось на территорию Империи и осело в Паннонии. В Аквинке, в Нижней Паннонии, и в Бононии Малате, в Дакии Прибрежной, он воздвиг укрепления, а северную часть Нижней Паннонии превратил в провинцию, которую назвал Валерией — по имени своей жены. Помимо этого он занимался освоением земель, предприняв строительство канала от озера Пелсон до Данувия. По некоторым сведениям, Галерий получал от этих полезных начинаний мало удовольствия, ибо видел, что его соправителям при меньшем усердии достается больше славы.

В 296 г. у него появилась возможность отличиться, когда Диоклетиан призвал его для отражения серьезной угрозы со стороны Персии. Сасанидский царь Нарсе, который вступил на престол тремя годами ранее, воспользовавшись тем, что Диоклетиан был занят подавлением восстания в Египте, объявил войну и вторгся в римскую провинцию Сирию. Галерий переправился через Евфрат у Никифория Калиникского, не имея

достаточно сил, и потерпел жестокое поражение, после чего Рим потерял всю провинцию Месопотамию. Однако предание о том, будто Диоклетиан в наказание подверг его публичному унижению, заставив пройти перед своей колесницей в пурпурном императорском плаще, скорее всего, вымышлено.

Как бы то ни было, на следующий год Галерию выпала возможность исправить свою неудачу. Укрепив и пополнив войско, он вступил в Армению и разбил персов, захватив огромную добычу, в том числе царский гарем, который размещался в Дафне неподалеку от Антиохии. Затем он двинулся дальше и захватил саму столицу, Ктесифонт. Царь отправил к нему посла с поручением добиться того, чтобы Рим и Персия взаимно признали друг друга великими державами. Галерий заметил, что это поручение весьма отличается от прежних воинственных заявлений Персии. Уже в 298 г. имперский посланник, Сикорий Проб, встретился с царем Нарсе посреди реки и заключил с ним договор. Месопотамия, к которой присовокупили земли за Тигром, признавалась территорией Империи, а Армения отныне считалась находящейся под римским покровительством. В обмен на это Нарсе получил обратно гарем. Считается, однако, что Галерий стремился к продолжению похода против Персии и потому неодобрительно отнесся к договору.

С этого времени Галерий, по-видимому, стал оказывать более сильное влияние на политику Диоклетиана. В частности, есть все основания согласиться с мнением Лактанция о том, что указы о преследовании христиан были изданы по его наущению. Его мать, Ромула, — бывшая крестьянка — была ревностной приверженицей местных языческих культов, а его наступление на христианство получило восторженную поддержку не только со стороны жрецов, служивших оракулу Аполлона, но и от философов-неоплатоников. После оглашения первого указа в императорском дворце в Никомедии, где жил Галерий, один за другим произошли два пожара, после чего он, дабы обеспечить свою безопасность, демонстративно покинул город, заявив, что эти поджоги — дело рук христиан (хотя те утверждали, что он сам поджег дворец). Как полагают, именно Галерий впоследствии уговорил большого Диоклетиана издать в 304 г. четвертый указ о преследованиях Христиан, настояв, чтобы всех верующих принудительно заставляли участвовать в языческих жертвоприношениях и возлияниях.

Занимая пост цезаря, Галерий основал свою столицу (и новый монетный двор) в Фессалонике, занимавшей стратегиче-

ски важное место на *Via Egnatia* — основном пути римлян из Италии к фракийскому Босфору и далее в Малую Азию. К уже существовавшему городу Галерий пристроил новый дворцовый квартал. Два больших зала, составляющих часть дворца, были обнаружены в результате раскопок. Один из них, восьмиугольной формы, служил преддверием улицы для торжественных шествий. Она начиналась от перекрестка, над которым возвышалась тройная арка Галерия, представлявшая собой купол на четырех столбах, украшенных барельефами в честь победы над персами. Отсюда торжественный путь вел к ограждению, за ним располагалось круглое здание, где ныне находится церковь святого Георгия, но первоначально, по-видимому, оно предназначалось для мавзолея Галерия и было роскошно украшено скульптурами под мрамор и мозаикой. Раскопки позволили обнаружить еще один его дворец в Дакии Прибрежной (Верхняя Мезия), на том месте, где ныне расположен город Гамзиград (на востоке Югославии).

После отказа от власти Диоклетиана и Максимиана Галерия возвели в ранг августа, из-за чего он перенес столицу из Фессалоники в Никомедию. Формально он стоял ниже своего соправителя, Констанция I Хлора, но обладал большей властью, поскольку под его непосредственным управлением находились Балканы и Малая Азия, а оба новых цезаря, Север II и Максимиан II Даза, были его сторонниками. Он согласился вернуть Констанцию его сына Константина, до того времени находившегося при нем. В 306 г. Констанций умер; вместо него Галерий назначил августом Севера и возвел Константина в ранг цезаря. Но Максенций, сын Максимиана, не согласился с подобным распределением должностей и сам провозгласил себя августом в Риме. Он отразил наступления сначала Севера, а потом и самого Галерия, который дошел вплоть до Интерамны, но был вынужден отступить по причине массового дезертирства. Эти неудачи стоили Северу жизни. В 307 г. Галерий лишился последней опоры на Западе, хотя в следующем году на совещании действующих и бывших первых лиц Империи в Карнунте он сумел устроить так, чтобы вместо Севера августом сделали его ставленника, Лициния.

В 311 г. Галерий, готовясь к празднованию двадцатой годовщины пребывания у власти, усиленно занимался сбором налогов, дабы оплатить расходы. Он намеревался отказаться от власти (по некоторым сведениям, в пользу своего незаконнорожденного сына Кандидиана, помолвленного с младшей дочерью

Максимиана II Дазы). Но внезапно тяжелая болезнь (возможно, рак простаты) сразила его. 30 апреля, лежа больным в Никомедии, он вместе с соправителем издал указ о прекращении преследований христиан, ответственность за которые в значительной степени лежала на нем. Галерий и его соправители приказывали наместникам провинций предоставлять членам церкви свободу отправления культа, а кроме того, верующие по закону получали признание и терпимое к себе отношение, в том числе право на совместные богослужения. За это они были «обязаны просить своего Бога о нашем благополучии, а также о благополучии государства и своем собственном». Выдвигаются различные предположения о причинах, побудивших Галерию столь резко изменить свои взгляды. Христианские авторы утверждают, что Бог наслал на него тяжелую болезнь, которую они описывают со всеми отвратительными подробностями. Другие считают, что указ обязан своим появлением Лицинию или Константину, а может быть, и жене Галерия, Галерии Валерии, которая, как известно, исповедовала христианскую веру (как и ее мать, Приска, вдова Диоклетиана). Наиболее вероятная причина заключается в том, что Галерий и сам понял, что гонения потерпели неудачу. Построить унифицированное государство, уничтожив независимость христиан, так и не удалось, напротив, они только укрепились в своей вере и в следовании своему образу жизни, что наносило ущерб национальному единству и гармонии. Кроме того, страдания отдельных христиан не вызывали восторга у языческого населения.

Всего через несколько дней после этой резкой смены политики император скончался и был обожествлен. Однако его похоронили не в мавзолее, воздвигнутом им в Фессалонике. Останки Галерия перенесли на его родину, в Ромулиан, украшению и расширению которого он немало поспособствовал. Его смерть явилась последним ударом по уже давно давшей трещину тетрархии Диоклетиана, державшейся до сих пор лишь благодаря Галерию.

О характере Галерия судить трудно, поскольку христианские авторы всячески поносят его как главного подстрекателя гонений, несмотря на то, что на смертном одре он изменил свое отношение к их вере. Отчасти у них есть для этого основания, поскольку карательные меры не только были крайне бесчеловечными, но и не вели к поставленной цели. Галерий заслуживает уважения тем, что в конце концов это понял и предпринял соответствующие шаги. Судя по всему, он обла-

дал строгими моральными устоями. По сути дела, это был честолюбивый, хоть и малообразованный человек, который умел только действовать. Кроме того, он, как и все основные тетрархи, был превосходным полководцем: поначалу он потерпел поражение в войне с персами, но своим упорством преодолел неудачу и превратил ее в триумфальный успех.

## СЕВЕР II 306—307 гг.

Север II (император-соправитель, 306—307 гг.), друг Галерия, был выходцем из придунайских земель. Его точное происхождение не установлено. Когда в 305 г. Диоклетиан и Максимиан отказались от власти в пользу Галерия и Констанция I Хлора соответственно, Максимиан в Медиолане назвал Севера своим цезарем. Приняв имена Флавия (в качестве приемного сына Констанция) и Валерия (в качестве приемного члена рода Диоклетиана), Север получил во владение Италию и Африку. Кроме того, к нему отошла Паннония, входившая прежде в сферу управления Галерия, который одобрил такой передел, поскольку Север, как и его собственный цезарь Максимиан II Даза, находились полностью под его влиянием.

Но эти назначения вызвали, по сведениям Лактанция, некоторое замешательство среди солдат, поскольку они почти не знали этих новых выдвиненцев. Куда лучше им был знаком сын Констанция, Константин, последний вкуче с сыном Максимиана, Максенцием, считал себя обойденным. Одна из причин того, почему Константин, когда Галерий разрешил ему отправиться к отцу на Рейн, двигался как можно более скрытно и осторожно, заключается в том, что он должен был пройти через Паннонию, принадлежавшую Северу, который не доверял ему, считая недовольным соперником.

Когда на следующий год Констанций умер, Галерий, теперь официально ставший старшим императором, провозгласил Севера августом на Западе, одновременно назначив Константина его цезарем. Последний, чисто дипломатический, шаг, принятый, чтобы на время успокоить Константина, вызвал раздражение у вновь обделенного Максенция и побудил его совершить в Риме переворот. Этому способствовали преторианцы, рассерженные тем, что Север приказал распустить их гвардию, ранее сокращенную Диоклетианом до размеров про-

стого городского гарнизона. Узнав о перевороте Максенция, Галерий велел Северу выступить против мятежника, и в начале 307 г. тот послушно вышел из своей столицы, Медиолана. Северная Италия поддержала Севера, но оказавшись перед воротами Рима, ее войско взбунтовалось. Преданность своему бывшему военачальнику, Максимиану, который к этому времени вновь вернулся к политической жизни, не позволяла солдатам сражаться против его сына, и пока лазутчики все более подрывали их боевой дух, префект претория Севера по имени Ануллин предательски выступил против него, раздавая деньги солдатам, чтобы они дезертировали. Северу не оставалось ничего другого, как поспешно бежать на север с остатками войска. Максимиан последовал за ним в Равенну и навязал свои условия. Север согласился отказаться от должности августа при условии, что ему сохранят жизнь. Его как пленника привезли в Рим и, проведя по улицам, заточили в тюрьму в местечке Трес Таберна на Аппиевой дороге, чтобы иметь заложника на случай вторжения Галерия в Италию. Так и случилось спустя некоторое время. Но, когда наступление Галерия (как и до этого поход Севера) потерпело неудачу, Максенций казнил Севера.

Насколько нам известно, Север походил на своего врага Максенция терпимостью к христианам; во всяком случае, он, подобно Констанцию, не подвергал их жестоким гонениям. Кроме этого, о нем мало что можно сказать. Хотя его армия не смогла взять Рим, он был, видимо, неплохим военачальником, так как иначе его не назначили бы сначала цезарем, а потом августом. Автор, известный как аноним Валезия (безосновательно или нет), представляет его человеком, чей слабый характер вполне соответствовал его низкому происхождению, и заявляет, что единственным своим достоинством, дружбой с Галерием, он обязан впечатляющей способности к поглощению крепких напитков.

## МАКСЕНЦИЙ 306—312 гг.

Максенций (Марк Аврелий Валерий) (отложившийся император, 306—312 гг.) родился около 278 г. Он был сыном Максимиана от его жены-сирийки Евтропии (слухи, что он был незаконнорожденным, распространялись его врагами).

Хотя Максенция возвели в ранг сенатора и пообещали вы-

дать за него дочь Галерия, Валерию Максимила, он не получил ни консульства, ни военной должности. После смерти Констанция в 306 г., когда Галерий назначил Севера II и Константина августом и цезарем соответственно, Максенций с этим не согласился и поднял в Риме мятеж. Восстание, возглавляемое тремя военными трибунами, один из которых командовал городскими когортами (и был начальником свиного рынка), получило активную поддержку со стороны преторианцев, чью гвардию Север II приказал распустить. Выступление поддержало также большинство простых жителей Рима из-за их недовольства недавним указом, по которому они подлежали налогообложению. В итоге 28 октября 306 г. Максенция провозгласили императором. переворот прошел почти бескровно, если не считать гибели городского главы.

Центральная и Южная Италия поддержали Максенция, равно как и Африка, являвшаяся основным поставщиком зерна для столицы. Но кроме возрожденной преторианской гвардии, у Максенция не было войск, а Северная Италия оставалась верной Северу. Максенций действовал с большой осторожностью. В частности, на выпущенной в Карфагене монете он называет себя лишь цезарем (CAESAR), а на других монетах не менее скромно опускает свой титул августа, именуя себя принцепсом (PRINC[eps]), и в то же время прославляет прочих августов и цезарей (AVGG. ET CAESS. NN. [Nostris]). В их число Максенций включил и своего отца Максимиана, которого вызвал из места его уединения. Кроме того, он выпустил монеты, где Константин именуется титулом «Предводитель Молодежи» в расчете на поддержку того, чьему возвышению он прежде препятствовал.

Больше всего Максенций жаждал признания со стороны Галерия, старшего из августов, но тщетно, ибо Галерий, помимо всего прочего, выступал против возрождения политически сильной преторианской гвардии. Он призвал Севера двинуться на Рим и свергнуть Максенция; но лазутчики Максенция подорвали боевой дух армии Севера. Она потерпела неудачу и была вынуждена отступить. После этого Максенций принял титул августа и получил признание Константина. Тогда сам Галерий двинулся на Апеннинский полуостров. Он без сопротивления дошел до Интерамны, но здесь его наступление прекратилось по тем же причинам, что и вторжение Севера. Максенций, удовлетворенный ролью властителя Италии, не стал преследовать отступающие войска. Вест о его успехах побу-

дила перейти на его сторону Испанию, а это восстановило против него Константина, который считал эту область своей вотчиной. Максимиан также решил выступить против сына, но когда в 308 г. он прибыл в Рим, его тут же разоружили.

В том же году на встрече всех августов и цезарей в Карнунте Максенция объявили врагом народа. Это не подорвало его положение внутри Италии, но префект претория в Африке, Луций Домиций Александр, отделился от него и сам провозгласил себя императором. Как следствие, прекратились поставки зерна из Африки, что вызвало голод в столице и привело к столкновению между занимавшими привилегированное положение преторианцами и недоедающим населением. Во время этих беспорядков, по некоторым сведениям, погибло шесть тысяч человек. В конечном счете в 311 г. Максенций послал в Африку своего собственного префекта претория, Гая Руфина Волузиана, и Александр был убит; Карфаген жестоко пострадал за свою неверность, а его монетный двор перенесли в Остию. Максенций отпраздновал Триумф и выпустил монеты с надписью «Вечная победа» (VICTORIA AETERNA). Темы других монет совершенно неожиданны. На одной из них изображен в обожествленном виде его отец Максимиан, к этому времени уже тяжело больной. Максенций постарался забыть о том, что они стали врагами, поскольку его претензии на пост императора основывались на положении сына бывшего августа. На другой монете изображен обожествленный Констанций I с указанием, что он родственник (*cognatus*) Максенция (женатого на сестре Константина). Такое проявление почтения к покойному Констанцию, императору Запада, должно было показать, что Максенций претендует и на всю западную часть Империи. Иными словами, это не было попыткой примирения с Константином, а как раз наоборот, и стало ясно, что столкновения между ними не избежать.

Действительно, в 312 г. Константин с сорокатысячной армией перешел через перевал Мон-Женевр и оказался в Италии. Войско Максенция имело по меньшей мере четырехкратный перевес, хотя было не столь обученным и дисциплинированным, да и полководческие способности Максенция уступали таланту Константина. Константин сумел заставить врасплох гарнизон Сегузиона и воздержался от разграбления города, что произвело благоприятное впечатление. А близ Августы Тавринов он разбил посланное Максенцием войско, удачно заманив в ловушку тяжелую конницу, на которую возлагались большие



надежды. Вскоре в руках Константина оказались Верона, Мутина и большая часть Италии. Теперь Максенций рассчитывал лишь на заблаговременно укрепленные стены Рима, но когда подошло вражеское войско, он, испугавшись, что в осажденном городе его могут предать, все-таки решил дать сражение на открытой местности и сам последовал за своими военачальниками. После первой стычки на Фламиниевой дороге произошла решающая битва у Мульвиева моста через Тибр. Солдаты Максенция, зажатые между холмами и рекой, в полном замешательстве отступили, построенный из лодок мост распался и тысячи людей пошли ко дну, включая их предводителя.

Впоследствии христианские историки стали считать эту битву решающей победой христианства над язычеством, что вполне соответствовало действительности. Ибо хотя Максенций для завоевания популярности проявлял терпимость в отношении христиан и даже вернул церкви конфискованную собственность, его монеты отличаются решительным языческим духом. Наиболее примечательная его черта заключалась в подчеркнутом выделении Рима, столицы Максенция, который, несмотря на смещения центра власти к северу, оставался хранителем наиболее почитаемых традиций Империи. Неудивительно, что младшего сына и наследника Максенция назвали Ромулом и что за его смертью, которая, несомненно, стала тяжелым ударом для его отца, похоронив надежды на основание династии, последовало обожествление, о чем свидетельствуют монеты с изображением круглого храма, построенного в его «вечную память» (AETERNAE MEMORIAE) и поныне сохранившегося на территории Форума.

Неподалеку от храма находится самая великолепная из построек Максенция, воздвигнутых ради величия Рима — Новая базилика, получившая его имя (хотя закончил и перестроил ее Константин). Это было огромное, светское, исполненное языческого духа здание, наследник прежних рыночных базилик, служивших местом для собраний как общественного, так и судебного, и торгового характера. Но эта базилика отличалась от них тем, что в ее основе лежало отчетливое стремление выделить центральный зал с апсидой и крестовым сводом (знакомое нам, например, по баням Каракаллы) и превратить его в независимое, отдельное строение. Подобно центральному залу упомянутых бань, этот зал состоял всего из трех пролетов, разделенных колоннами и увенчанных изогнутыми перекрестными сводами. Новая базилика, три могучих пролета которой

возвышаются и поныне, представляла собой наиболее примечательный пример использования самого значительного достижения Рима в строительстве: применения бетона (под кирпичной кладкой и мраморной облицовкой) с целью придания внушительности внутренним помещениям.

Кроме того, на окраине города, неподалеку от Аппиевой дороги Максенций воздвиг комплекс зданий, состоящий из императорской виллы, цирка и внушительного семейного мавзолея. Вилла до сих пор почти не раскопана, но цирк, насколько можно судить, мог вместить пятнадцать тысяч зрителей. Мавзолей был, по-видимому, круглой постройкой с куполом и сложным портиком, украшенным колоннами и фронтоном, подобно пантеону Адриана. В отличие от Пантеона, его построили так, чтобы он был виден с любого угла, а целостность портика и самого круглого здания достигалась с помощью непрерывных линий.

## КОНСТАНТИН I ВЕЛИКИЙ 306—337 гг.

Константин I Великий (Флавий Валерий Константин) (император-соправитель в 300—323 гг., единоличный император в 323—337 гг.) родился в Нэссе, в Дакии Прибрежной (Верхняя Мезия), около 28 г. Его отцом был Констанций I Хлор, а матерью — жена или сожительница Констанция, Елена, дочь трактирщика, которая умерла в 328 г. и впоследствии была причислена к лику христианских святых.

Когда Констанций в 293 г. получил пост цезаря, его сына приняли на службу при дворе Диоклетиана. Он стал подавать большие надежды как командир, сражаясь с персами под началом другого цезаря, Галерия, в чью свиту он входил и после того, как Диоклетиан и Максимиан отказались в 305 г. от власти. Вместо них августами стали Галерий и Констанций I. На следующий год Констанций обратился к Галерию с просьбой отпустить сына служить в Британии. Тот согласился (хотя с такой неохотой, что Константин принял на время поездки немало мер предосторожности), и после кончины Констанция в Эбораке его войска при поддержке вождя алеманнов провозгласили его сына августом. Галерий отказался признать это свершившимся фактом, но был не в силах помешать Констан-

тину принять титул цезаря. После женитьбы Константина на Фаусте ее отец, Максимиан, вновь подтвердил его титул августа. В благодарность за это Константин оказал своему тестю покровительство, когда тот порвал с Максенцием и перебрался из Рима в Галлию.

В 308 г. на совещании в Карнунте от Константина потребовали отказаться от титула августа и вновь стать цезарем, и удовлетвориться званием «сына Августа»; он не согласился с этим. Вскоре после этого Константин успешно защитил рейнскую границу от набегов германских племен (франков, алеманнов и бруктеров), но ему пришлось вернуться в Галлию, когда он узнал, что Максимиан выступил против него и захватил Массилию. Константин вынудил его к сдаче и, возможно, убил его. Поскольку связь с Геркулиевой династией покойного (которой Константин ранее похвалялся) перестала выглядеть достойной, Константин придумал себе другую родословную, ведущую начало от императора Клавдия II Готского (268—270 гг.).

После смерти Галерия в 311 г. Константин оказался втянутым в открытое противостояние с Максенцием. В следующем году он вступил в Италию и одержал крупные победы под Августой Тавринов и Вероной, после чего двинулся на Рим, где Максенций потерпел окончательное поражение и погиб в битве у Мульвиева моста. Победившего Константина приветствовал сенат, и его признали старшим августом. Его близкий сподвижник, Лициний, женатый на его сестре Констанции, принял правление на Востоке, подкрепив тем самым власть Константина над Западом. Но дружеские отношения между двумя правителями продлились недолго. В 316 г. началась первая война, в ходе которой Константин одержал победу при Цибалах в Паннонии. За ней последовала битва на Ардиенском поле во Фракии; в ней не было победителей. После этого правители стали терпимо относиться друг к другу, что облегчалось более точной демаркацией границ, и ссора на некоторое время улеглась. Но вскоре она разгорелась вновь. Сначала в 317—318 гг. Константин перенес свою ставку в Сердику, находящуюся вблизи границы между ними, и Лициний воспринял это как вызов. Затем в 323 г., во время отражения набега готов, Константин зашел на фракийскую территорию, принадлежавшую его соправителю. В итоге на следующий год между ними вновь вспыхнула вражда. Константин двинулся в наступление и разбил противника в крупных сражениях на суше и море: под Адрианополем и Хрисополем (на Боспоре Фракийском) и у входа в Геллеспонт.

Константин продолжил начатую Диоклетианом реформу армии, в прославление которой выпускалось все больше монет и медальонов. Он продолжил практику привлечения германцев на военную службу, так как весьма ценил их умение воевать против враждебных соплеменников по ту сторону границы. Вскоре германские части заняли привилегированное положение в армии, а военачальники из их числа снискали особое расположение. Кроме того, множество германцев (а также сарматы), получивших разрешение поселиться на территории Империи, набиралось для службы в созданных Константином новых конных и пехотных частях. Эти части вместе с подразделениями, снятыми с границ Империи, были объединены в мобильную действующую армию; ее легионы, насчитывавшие по тысяче пехотинцев и пятьсот всадников, представляли собой основную ударную силу и стратегический резерв, они своей мощью превосходили все, что существовало прежде. Для управления действующей армией Константин учредил две новые должности: командующий конницей (*magister equitum*) и командующий пехотой (*magister peditum*).

После трех веков бурного существования преторианская гвардия, сражавшаяся против Константина на стороне Максенция, вновь была распущена, на сей раз окончательно, и заменена основанной еще Диоклетианом конной гвардией, состоявшей преимущественно из германцев. Однако Константин сохранил пост префекта претория. Префектов по-прежнему назначалось четверо, но их роль, как и роль городских глав, стала чисто гражданской и была связана в основном с решением финансовых и судебных вопросов.

Вторая крупная часть армии, пограничные войска, чьи подразделения все время находились на одном месте, содержалась не с такой щедростью, как действующая армия. Тем не менее они продолжали играть значительную роль, поскольку Константин, намереваясь восстановить надежные границы по Данию и Рейну, реорганизовал и укрепил их гарнизоны. Отставные солдаты пограничной армии получали определенные привилегии, которые передавались по наследству их сыновьям. И без того обязательный призыв сыновей на военную службу подкреплялся суровыми наказаниями, вызывавшими всеобщий страх, особенно в менее военизированных провинциях.

Поскольку население Империи по-прежнему страдало от роста цен и притеснений, Константин благоразумно продолжал и расширял финансовые реформы Диоклетиана. Успешно

прошел выпуск новой, более легкой золотой монеты, налоги, преимущественно натуральные, были повышены; а бюрократический аппарат, необходимый для выполнения этих задач и вообще для обеспечения более строгой регламентации жизни, был значительно увеличен. Перемены, произведенные Константином в сфере управления, включали в себя учреждение поста начальника служб (*magister officiorum*), осуществлявшего надзор над министерствами (*scrinia*) Империи, поста главного юриста (*qaestor sacri palatii*), ставшего основным советником императора по юридическим вопросам, и двух постов финансовых чиновников (*comes rei privatae* и *comes sacrarum largitionum*), которые следили за доходами и расходами, включая бесплатные раздачи продовольствия. Эти должностные лица были постоянными членами императорского совета (*consistorium*). Кроме того, Константин щедро производил приближенных в сенаторы и предоставлял сенаторам различные должности, так что они таким образом отчасти вновь обрели политическое влияние, утраченное в течение предыдущего столетия.

Но Рим уже не играл ведущей роли в мыслях и планах Константина. Он отчетливо понимал, что с военной точки зрения Рим занимает неподходящее для столицы место (так же думали и некоторые из его предшественников), поскольку отсюда императору трудно одновременно следить за положением на рейнско-данувийской и евфратской границах. Сменив в качестве своей резиденции несколько различных городов как на Западе (Тревиры, Арелат, Медиолан и Тицин), так и на родных Балканах (Сирмий и Сердика), Константин пришел к выводу, что лучшим местом будет древний греческий город Византий на побережье пролива Босфор, занимающий стратегическое положение между Европой и Азией. Здесь в 324—330 гг. он основал город Константинополь, ныне Стамбул. Превосходная бухта — Золотой Рог, защищенность с суши и моря и близость от жизненно важных производственных центров в Малой Азии и Сирии, а также от Египта, служившего поставщиком зерна, и от Южной Руси делали Константинополь настоящим центром Империи. Хотя Рим не потерял ни одной из своих прежних привилегий и поначалу Константинополь с его учрежденным сенатом стоял ниже рангом, Константин рассчитывал сделать его основным городом Империи, что и произошло в самом скором времени. Это подготовило почву для появления Византийской Империи, которая занимала господствующее положение на протяжении последующих средних веков, приняв со временем греческий язык в

качестве официального. Таким образом, уверенность Августа в том, что латынь, язык господствующего Рима, выдвинется на первое место, в конечном итоге не оправдалась.

Кроме этого, Константин произвел другой, еще более крутой поворот истории, а именно, обратил Империю из язычества в христианство. Диоклетиан и Галерий предприняли наиболее суровые за все время преследования христиан, но потерпели неудачу, и в 311 г. смертельно больной Галерий вместе с Константином и Лицинием выпустил сердикский указ, предоставивший всем христианам свободу вероисповедания. Затем Константин одержал победу у Мульвиева моста, а перед этим, как он впоследствии утверждал, он увидел светлый крест на фоне солнца, после того как велел начертать имя Христа на солдатских щитах. Через год после этой победы они с Лицинием вновь подтвердили терпимость к христианам в документе, известном под названием миланского эдикта (на самом деле это было соглашение, достигнутое в Медиолане и включенное в изданный в Никомедии указ). Константин испытывал постоянную, неодолимую потребность в божественном спутнике и покровителе. Поначалу эту роль играл бог-Солнце, которому широко поклонялись во всей Империи и которого с давних пор почитали предшественники Константина. Но сам он со времени Миланского эдикта уже не сомневался в своей личной склонности к христианству, которую называл «самой законопослушной и святой религией», все больше отождествляя верховную власть с Иисусом Христом.

В течение нескольких лет Константин предпринял ряд благоприятных для христиан мер. Отныне церковь и государство были призваны действовать в тесной связи. У императора все более крепла уверенность в своей божественной миссии слуги Господа, одерживающего победы божьей милостью, а церковные соборы в Арелате (в 314 г.) и в Никее (в 325 г.) со всей ясностью показали, кто на самом деле их возглавляет. На Никейском соборе, в котором участвовали двести двадцать епископов, был сформулирован никейский символ веры, доказывавший, что Сын единосущен Отцу. Собор осудил Ария и его сторонников, считавших, будто Бог-Отец более важен, чем Сын (см. **Констанций II**).

Решение Константина христианизировать Империю было исключительно его личным и на первый взгляд поразительным поступком. Ибо несмотря на давление, которое оказывали на него епископы, и на быстрый рост христианских об-

щин, более не подвергаемых непрерывным гонениям, церковь не обладала ни политическим, ни экономическим, ни общественным, ни культурным влиянием. Более того, хотя сам Константин проявлял глубокую набожность, он, по-видимому, разбирался лишь в самых основных теологических вопросах, а его религиозные чувства и взгляды несколько раз коренным образом менялись. Тем не менее он со своими советниками пришел к выводу, что лишь христианство способно дать разобщенному государству ясную цель и четкую организацию, способную в конечном счете сплотить раздираемые противоречиями различные слои населения в единое целое, что требовалось для успешного проведения политики Империи. И все же сам он, как и многие его единоверцы, крестился лишь под конец жизни, когда уже больше не мог грешить.

Приверженность Константина церкви послужила причиной того, что при нем началось самое масштабное строительство в римской и мировой истории: он произвел переворот в архитектуре, который был откликом на религиозные перемены и поощрялся щедрыми посулами властей. В целом все замечательные строения, во множестве выраставшие повсюду, принадлежали к двум основным типам: центрально-симметричному (круглые, многоугольные, крестообразные) и прямоугольному. Что касается центрально-симметричной планировки, то хорошим примером служит дворец Диоклетиана в Салонах, причем в ту пору стало ясно, что постройки такого рода годятся не только для церквей и баптистерий, но и для захоронений христианских мучеников. Так, в новой столице, Константинополе, император воздвиг церковь святых Апостолов, которая имела крестообразную форму и венчалась конической крышей. Эта церковь служила одновременно храмом памяти апостолов и собственным мавзолеем Константина (как бы тринадцатого апостола); здесь под центральной частью храма некоторое время покоились его останки. Еще одно крупное центрально-симметричное здание, также не сохранившееся до наших дней, было заложено и почти завершено Константином в Антиохии. Называлось оно Золотой Восьмиугольник и находилось неподалеку от центра города, рядом с дворцом, на острове посреди реки Оронт. Восьмиугольник был императорской церковью, посвященной Гармонии, божественной силе, связывающей во едино Вселенную, Церковь и Государство. Вокруг его центральной части, покрытой позолоченной деревянной крышей куполообразной или пирамидальной формы, располагался круглый двухъярусный придел с колоннадой.



Столь же примечательными были прямоугольные здания, являвшие новый тип строений: христианскую базилику. Эти величественные преемники скромных молельных домов представляли собой вытянутые в длину сооружения, перед входом в которые имелся обширный внутренний двор, а боковые приделы отделялись от более высокого нефа колоннадами с арочными проходами. Нэф обычно имел плоскую крышу и деревянный потолок; огромные изогнутые перекрестные своды, вроде тех, что имелись на недавно построенной базилике Максенция, считались слишком земными и языческими, и взгляд в них недостаточно притягивался к востоку, где восходящее солнце бросало свои лучи на священника, стоявшего у алтаря лицом к прихожанам. И все же при строительстве христианских базилик обращались к языческим образцам. Например, их восточная часть, где в больших округлых апсидах стоял престол епископа, очень напоминала залы приемов в Тревирах и Спалате: алтарь под балдахином напоминал трон императора, а триумфальная алтарная арка лишь усиливала это впечатление.

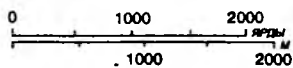
Однако от многочисленных величественных базилик Константина, изобилующих цветной позолотой и иными роскошными украшениями, почти не осталось следов. Например, ничего не сохранилось от церкви святой Ирины (Святого Мира) в Константинополе (впоследствии вновь отстроенной Юстинианом I) или от базилики святого Петра в Риме; ее сломали в шестнадцатом столетии, чтобы расчистить место для нового храма. В этом здании между вытянутым высоким нефом и башенкой апсиды в обе стороны тянулся поперечный неф, который позволял вместить огромное количество людей, приходивших почтить принявшего мученическую смерть святого Петра. Прямоугольная базилика Константина в Риме, поначалу посвященная Спасителю, а впоследствии получившая имя святого Иоанна Латеранского, вместо поперечного нефа имела два боковых крыла, или ризницы, но в ней все блистало благодаря алтарной перегородке из массивного серебра и желтым, красным и зеленым мраморным колоннам. Гораздо реже встречались сочетания двух основных типов центрально-симметричных и прямоугольных церквей. Например, Константинов грот Рождества в Вифлееме представляет собой восьмиугольник, примыкающий к восточному концу продолговатого сооружения, а первоначальный вариант храма Гроба Господня в Иерусалиме включал круглую усыпальницу мучеников (на месте иудейской раки) посреди базилики с апсидами.



# 9 План Константинополя



 Стена Феодосия I  
 Стена Константина



- 1 форум Константина и Нимфей Великий
- 2 дворец Лавза
- 3 базилика
- 4 церковь Св. Ефимии в Халкопратиях, Богородицы в Халкопратиях
- 6 церковь Св. Ирины
- 6 церковь Св. Софии
- 7 церковь Богоматери - Одигитрии

В 326 г. правление Константина омрачилось семейной трагедией, когда по подозрению в предательстве (неизвестно, насколько справедливому) он приказал казнить свою жену Фаусту и старшего сына Криспа, родившегося от Минервины, на которой он, вероятно, ранее был женат. Криспа задушили в банях города Полы в Истрии, а вскоре после этого встретила смерть в Тревирах и Фауста. Остальным трем сыновьям Константина (Константину II, Констанцию II и Константу I) был присвоен титул цезаря в 317, 323 и 333 гг. соответственно. Это означало, что их готовили в преемники. Кроме того, два племянника императора, Делмаций и Ганнибалиан, с той же целью получили продвижение по службе. Однако такая политика выглядит до странности недальновидной, поскольку вряд ли можно было рассчитывать, что все пятеро молодых людей станут после его смерти править в согласии друг с другом.

Константин был человеком, способным на глубокие чувства и неожиданные поступки. Кроме того, он был сумасброден, жаждал популярности, легко поддавался лести и к тому же был обескураживающе капризен и жесток. Он страдал от своего вспыльчивого характера, но его зачастую можно было успокоить. Он обладал безграничным честолюбием и неиссякаемой энергией. Он был превосходным полководцем, а два важнейших решения его жизни — основание Константинополя и обращение к христианству — оказали влияние на многие последующие века, так что его правление имело первостепенное значение для будущего Империи, Церкви и западной цивилизации.

Как сообщает его биограф Евсевий, на Никейском соборе «он прошептал меж собравшимися подобно небесному ангелу Божьему, облаченный в одеяние, которое сверкало, будто излучая свет, отраженный от его пурпурной мантии, и было роскошно украшено золотом и драгоценными камнями...». Евсевий считает, что в юности «никто не мог сравниться с Константином в изяществе и красоте телосложения, равно как и в росте, и он настолько превосходил своих сверстников в силе, что наводил на них ужас». Впоследствии он сильно располнел и получил прозвище «быкошей». Сквозь обезличенное величие его огромного изображения в римском музее Palazzo dei Conservatori проглядывает человек с энергичными чертами лица, тяжелыми надбровными дугами и решительным подбородком: такого человека не хотелось бы иметь своим врагом.

## ЛИЦИНИЙ

308—324 гг.

Лициний (император-соправитель 308—324 гг.) родился около 250 г. в семье крестьянина из Дакии Прибрежной (Верхняя Мезия). Умер в 325 г. Он стал другом и товарищем по оружию Галерия, в персидском походе которого отличился и впоследствии занял пост главнокомандующего на Данаунии. После усыновления Диоклетианом он принял от последнего символическое имя «Иовий» и с тех пор стал называть себя Валерий Лициний Лициниан.

Прежде чем Галерий предпринял в 307 г. неудачную попытку свергнуть Максенция, он отправил в Рим на переговоры (окончившиеся безрезультатно) двух своих представителей, одним из которых был Лициний. В следующем году на совещании в Карнунте Лициний был произведен в августы и ему отвели территорию, включавшую приданувийские провинции и Балканы (а также формально Италию, Северную Африку и Испанию; фактически ими владел Максенций). Его выдвижение встало поперек дороги Максимино II Дазе и Константину, и в 310 г. он, опасаясь враждебных действий со стороны Максимиана, решил умиротворить Константина, обручившись с его сестрой, Констанцией. Но в следующем после смерти Галерия году Максимиан успел первым захватить Малую Азию. Два правителя пришли к соглашению, что рубежом между ними будет служить граница континентов (оно оказалось недолговечным). Зимой 312/13 г. Максимиан переправился во Фракию, но потерпел поражение от Лициния и Кампа Серена и отступил к Тарсу, где и скончался. После этого Лициний постарался истребить всех, кого могли бы использовать в качестве предлога для будущих переворотов. От рук его палачей погибли, в частности, сын и дочь Максимиана, дочь Диоклетиана и вдова Галерия, Галерия Валерия, вдова Диоклетиана, Прииска и сын Галерия — Кандидиан.

Теперь римский мир оказался поделенным между Константином (к этому времени покончившим с Максенцием в битве у Мульвиенева моста) и Лицинием. В начале 313 г. в Медиолане Лициний справил свадьбу с Констанцией, а в июне того же года, по возвращении в Никомедию, издал послание, в котором предоставлял христианам полную свободу вероисповедания на условиях, согласованных прежде в Миланском эдикте (см. **Константин**). Лициний начал утверждать, что его родословная

восходит к императору Филиппу, который, как считалось, был сторонником христиан (в противовес Константину, утверждавшему, будто он происходит от Клавдия Готского). Он счел Миланский эдикт весьма удобным оружием против Максимиана и согласился признать Константина старшим августом в обмен на право издавать законы на своей части Империи.

Однако Лициний воспротивился намерению Константина назначить своего зятя Бассиана цезарем, ответственным за Италию и данувийские провинции, так как считал, что тот будет орудием в руках Константина, и в 314 г. подговорил его поднять мятеж. Но предательство раскрылось, и спустя два года между двумя императорами началась война. Лициний, потерпевший поражение при Цибалах в Паннонии от численно превосходящих сил противника, отступил к Адрианополю, где самочинно провозгласил Аврелия Валерия Валента, командующего пограничными войсками в Верхней Мезии, августом Запада, противопоставив его Константину. После второго сражения на Ардиенском поле, не принесшего успеха ни одной из сторон, был заключен договор о разделе сфер влияния. Ставшего ненужным Валента убили, а приданувийские провинции и Балканы, за исключением Фракии, отошли к Константину. Лициний, со своей стороны, сохранил полную свободу действий в восточной части империи.

В ознаменование видимого примирения в 317 г. в Сердике были провозглашены три новых цезаря: сын Константина Крисп, младенец Константин младший и новорожденный сын Лициния и Констанции, носивший имя отца. Опасность гражданской войны была на несколько лет устранена, но отношения между императорами очень скоро вновь начали ухудшаться. В частности, в то время как Константин стал благоволить к христианам, Лициний пришел к заключению, что союз государства и христианской общины, к которому стремился Константин, является трагической ошибкой. Он решил подавить в зародыше могущество церкви и в 320 и 321 гг. предпринял в этом направлении решительные меры: запретил синоды, ограничил деятельность духовенства и изгнал христиан с государственных постов.

По мере углубления различий в политике двух частей Империи начали возникать сложности с ежегодным назначением консулов; должность эта, хоть и стала всего лишь почетной обязанностью, была удобной возможностью представить обществу сыновей и приучить их к появлению на публи-

ке. По традиции, эти назначения согласовывались между правителями, но к 321 г. у Лициния сложилось убеждение, будто Константин несправедливо распределяет их в пользу своих сыновей. Последовало заявление о разрыве отношения, и стало ясно, что новая гражданская война не за горами.

Скоро нашелся и повод к войне. В 322 г. Константин, отражая вторжение готов, зашел на территорию Лициния. И хотя в случае вражеского нападения подобные действия вроде бы допускались договором 314 г., Лициний решил считать это нарушением условий договора. Весной 324 г. была объявлена война. Лициний, разместивший ставку в Адрианополе, имел в распоряжении 150 тысяч пехотинцев и 15 тысяч всадников, а у входа в Геллеспонт стояло 350 кораблей под командованием Абанта. Константин выступил ему на встречу из Фессалоники со 120 тысячами пехотинцев и 10 тысячами всадников, оставив в тылу 200 военных кораблей и 2 тысячи транспортных судов под командованием своего сына Криспа. 3 июля Лициний потерпел жестокое поражение в сухопутном сражении и отступил к Bizантию; вскоре и его флот понес крупные потери. Однако Bizантий не был блокирован, и Лициний переправился через Босфор к Халкедону. Здесь он выдвинул Мартиниана, своего высшего чиновника в августы-соправители (точно так же, как восемью годами ранее назначил Валента), поручив ему не дать Константину переправиться через пролив и выпустив в честь него монеты в Никомедии. Но Константин с флотилией из легких судов избежал встречи с Мартинианом и высадился на азиатском побережье. 18 сентября в сражении при Хрисополе он одержал решающую победу над Лицинием, который бежал в Никомедию с тридцатью тысячами и вскоре попал в плен.

Сестра Константина, Констанция, обратилась к нему с просьбой сохранить жизнь Лицинию и Мартиниану, и их отправили под домашний арест в Фессалонику и Каппадокию соответственно. Однако Лициния вскоре обвинили в том, что он строит планы возврата к власти с помощью готов, и Константин, то ли тайно, то ли с одобрения сенаторов, приказал умертвить его. В 325 г. та же участь постигла Мартиниана. Лициний Младший утратил титул цезаря, а спустя два года его убили в Поле. О другом отпрыске Лициния, который был незаконнорожденным, но впоследствии признанным сыном, имеются сведения от 336 г.: его низвели до положения раба, каковой и была его мать, и он работал вместе с женщинами на императорской ткацкой фабрике в Карфагене.

Трудно судить о достоинствах императора Лициния, поскольку за сопротивление шагам Константина навстречу христианам он подвергся самому решительному поношению. Так, современный автор называет его самым отвратительным из всех жестоких людей той эпохи, эгоистичным, ограниченным и холодно безжалостным. Его религиозная политика представляется, по меньшей мере, непоследовательной и не заслуживающей доверия то ли потому, что он делал неискренние заявления, то ли не мог решить, на чем остановиться. Свидетельством его жесткости служит то, что он вырезал семьи и сторонников соправителей-тетрархов после падения Максимиана II Дазы. В его длительных, ухудшающихся отношениях с Константином (хотя вина лежит на обеих сторонах) более виноватым кажется Лициний, так как именно он подло поступил с Бассианом в 314 г., без каких-либо оснований разобиделся десятилетие спустя и, возможно, продолжал строить козни, когда все потерял. И все же он, как и другие правители той эпохи, был умелым полководцем. Именно благодаря этому он заслужил поддержку Галерия, сумел одержать победу над Максимином II Дазой и обеспечил себе более длительное правление, чем большинство его современников. Но каким бы хорошим полководцем он ни был, его военные способности уступали таланту Константина, и именно поэтому он в конечном итоге проиграл.

## МАКСИМИН II ДАЗА 310—313 гг.

Максимин II Даза (император-соправитель, 310—313 гг.) был сыном сестры Галерия, усыновившим его и обеспечившим быстрое продвижение на военном поприще, где он дослужился до должности трибуна. После отказа Диоклетиана и Максимиана от власти в 305 г. Дазе присвоили титул цезаря, и он получил в дар от Диоклетиана его пурпурную мантию. Он принял имя Гая Галерия Валерия Максимиана, обручил свою младшую дочь с сыном Галерия и получил в управление самые восточные провинции и Египет.

Максимин с особой жестокостью продолжал начатые Диоклетианом преследования христиан. В первом указе, выпущенном в 306 г., он требовал от наместников принуждать всех мужчин, женщин и детей приносить жертвы языческим богам. В Антиохии и в Сирии-Палестине (Иудее) он самолично про-

верял исполнение этого указа. Затем на некоторое время гонения прекратились, но в 309 г. Максимиан возобновил преследования христиан, отличавшиеся на этот раз небывалой суровостью. Все, включая грудных младенцев, должны были совершать публичные жертвоприношения и поедать плоть жертвенных животных, кровью которых следовало окроплять всякий продаваемый на рынке товар.

В промежутке между этими двумя эдиктами Максимиана Дазу постигло жестокое разочарование, так как на совещании в Карнунте в 308 г., на котором присутствовали все признанные руководители Империи, он рассчитывал получить титул августа. Однако его дядя, Галерий, отказал ему в этом, а назначил на этот пост своего товарища по оружию Лициния. Дазу, как и Константин, выразил недовольство и заявил, что это назначение сделано несправедливо. Галерий попытался успокоить их, присвоив новый титул «сыновей августа» (*filiii Augusti*), но Максимиана это не устроило, и в 310 г. он, с помощью своих войск, провозгласил себя августом.

Галерию ничего не оставалось, как уступить, а годом позже он скончался. Тогда Максимиан, опередив Лициния, занял Малую Азию и дошел на северо-западе до Босфора. Войско Лициния стояло во всеоружии по другую сторону пролива, но противники, не вступая в бой, согласились до поры до времени разграничить территорию на основе существующего положения вещей. В то же время оба развернули лихорадочную дипломатическую активность, стремясь помимо всего прочего заручиться поддержкой различных претендентов на престол; Максимиан начал новый виток своей религиозной политики. О смягчении отношения к христианам речь не шла. Хотя он и принимал участие в составлении предсмертного указа Галерия о терпимости, но шесть месяцев спустя вновь вернулся к репрессивной политике, весьма умело подкрепляемой распространением подложных антихристианских документов, в том числе пресловутых *Актов Пилата*. На сей раз, стремясь найти достойный противовес христианству, он выдвинул и позитивную программу, которая заключалась в создании обновленной языческой церкви во главе со жрецами, разделенными на классы, напоминающие иерархию столь ненавистной ему Церкви.

Победа Константина над Максимианом в битве у Мульвиева моста помешала воплощению этих планов, ибо уже на следующий день после сражения Константин отправил Максимиану послание с требованием прекратить преследования хрис-

тиан. Тот нехотя подчинился, дав указание наместникам не принуждать людей к насильственному поклонению Олимпийским богам.

Зимой 312/13 г. для Максимиана вновь наступила полоса неудач, проявившихся в скудном урожае, жестоком голоде и эпидемии, охватившей его восточные владения. Более того, требовались неотложные военные меры против шаек грабителей, по вине которых уже ощущался недостаток продовольствия в Карию. Нужно было также усмирить армян, воспротивившихся его попыткам навязать им языческую религию. И все-таки, будучи не в силах одолеть Константина, Максимиан решился при первой же возможности напасть на другого своего врага, Лициния. Благоприятный момент, казалось, уже наступил, так как Константин сражался в Германии и не мог прийти на помощь Лицинию. В 313 г., еще до наступления весны, Максимиан форсированным маршем прошел по заснеженной Малой Азии, переправился через Босфор и принудил к сдаче Византий. Лициний выступил ему навстречу, и 1 мая состоялось решающее сражение на Чистых полях (Tzirallum) во Фракии. Хотя семидесятитысячное войско Максимиана более чем в два раза превосходило силы противника, его утомленные солдаты потерпели полное поражение. Сам Максимиан бежал, переодевшись рабом. Задержавшись в Никомедии, он наказал языческих жрецов, которые ошибочно пророчили ему победу, тем, что отменил указы против христиан и вернул Церкви конфискованную ранее собственность. Вскоре после этого, спасаясь от приближающейся армии Лициния, он поспешно отступил за Таврские горы. Но в Тарсе в августовский зной он неожиданно заболел и умер.

Христианские авторы с большим удовлетворением описывают, как перед кончиной Максимиан ослеп и превратился в живой скелет. Они также обвиняют его в беспримерной грубости, жестокости и пьянстве, и все это в дополнение к похоти, ибо утверждают, будто он испытывал страсть к жене Галерия. Но, несмотря на настойчивые гонения христиан, он понимал (что почти не встречается среди современных ему сторонников язычества) значимость строгой организационной структуры христианской церкви, которую следовало бы перенять язычеству. Будучи человеком необразованным, он сознавал тем не менее важность языческой литературы и науки. Да и вряд ли бы он, не имея способностей, смог бы занять столь высокое положение; и, видимо, какими-то чертами его характера объясняется тот



факт, что родственники Галерия и Севера II предпочитали видеть своим правителем его, а не Лициния, который впоследствии их всех убил вместе с сыном и дочерью самого Максимиана.

## КОНСТАНТИН II

337—340 гг.

Константин II (Флавий Клавдий, или иногда Юлий, Константин) (император-соправитель, 337—340 гг.) родился в Арелате. Он был вторым сыном Константина Великого от (как утверждается) императрицы Фаусты; но если его появление на свет правильно относят к февралю 317 г., то это невозможно, поскольку достоверно известно, что в августе того же года она родила Констанция II. В таком случае Константин II был сыном другой женщины, а стало быть, незаконнорожденным. Возможно также предположение, что он родился от Фаустины не в 317 г., как об этом сообщают, а годом раньше.

Как бы то ни было, еще до конца 317 г. отец провозгласил его в Сирмии цезарем наряду со старшим сводным братом Криспом; в это же время Лициний провозгласил своего сына, носящего то же имя (он был на год-два старше Константина II), цезарем на Востоке. Этим назначением на высокий пост подростка и двух младенцев окончательно похоронили идею Диоклетиана о выдвигании на правящие должности по заслугам и возродили принцип престолонаследия по рождению. Назначение в 320 и 321 гг. младенца Константина на должность консула (сначала вместе с отцом, а затем с Криспом, который до того уже однажды был консулом) в значительной степени способствовало ухудшению отношений между его отцом и Лицинием, счехшим своего сына обойденным; Лициний стал предпринимать усилия, чтобы в одностороннем порядке исправить это упущение. Примерно к 322 г. Константин уже научился в перерывах между придворными увеселениями ставить свою подпись, а в 324 г. (год окончательного поражения Лициния) они с Криспом в третий раз стали консулами. Но через два года Криспа казнили по обвинению в измене, и Константин (хотя его предполагаемая мать Фауста также пала жертвой роковой немилости) превратился в старшего наследника, так как был старше остальных своих родных (или сводных) братьев, Констанция II и Константа I.

В 332 г. его послали номинальным командующим на Дану-

вий, воевать с вестготским вождем Аларихом I в ответ на просьбу сарматских и вандалских племен, для которых тот представлял угрозу. Римское войско одержало важную победу, нанеся тяжелые потери (умноженные голодом и холодом) и захватив многочисленных пленных, в том числе сына вождя. В 333 г. Константина II перевели в Тревире охранять рейнскую границу. Двумя годами позже его отец, предчувствуя скорую кончину, произвел окончательный раздел Империи между сыновьями (и двумя племянниками, Делмацием и Ганнибалианом). Юному Константину император отдал Галлию, Испанию и Британию. После смерти отца в 337 г. всех трех его сыновей провозгласили августами. После обожествления отца в соответствии с имперской традицией (вопреки христианству, которому все трое были ревностно привержены) они договорились убить двух его племянников, а также убили еще множество людей. Однако очень скоро между братьями начались трения. К частности, когда знаменитый, но крайне непоседливый епископ Афанасий, укрывшийся в столице Константина II, Тревире, получил от последнего разрешение вернуться в Александрию, это вызвало гнев Констанция II (на его территории находилась Александрия), совершенно не желавшего появления здесь епископа.

В 338 г. углубляющиеся разногласия побудили трех сыновей Константина Великого провести встречу то ли в Паннонии, то ли в Виминации для того, чтобы окончательно установить границы между ними. При этом владения Константина II не изменились, тогда как Константу I удалось несколько увеличить свою территорию. Это решение обострило спор о главенстве между братьями: так, Констант, хотя и выпустил медальон, где они с Констанцием почтительно обращены к старшему брату, более не желал признавать претензий Константина II на положение старшего августа. В 340 г. Константин II воспользовался тем, что Константа нет в Италии (входившей в его владения), и двинулся на полуостров. Но передовой отряд, высланный Константом из Иллирика навстречу вторгнувшейся армии, внезапно напал на Константина в Аквилее и убил его.

О характере Константина II мало что можно сказать; но, возможно, имеет значение тот факт, что, хотя он был старшим из оставшихся сыновей Константина Великого (и к тому же женатым, а значит, способным продолжить династию), отец, видимо, не считал его достаточно способным (а может быть, достаточно взрослым), чтобы передать управление всей Империей.

## КОНСТАНЦИЙ II

337—361 гг.

Констанций II (император-соправитель, 337—350 гг.; единоличный император, 350—361 гг.) был третьим сыном Константина Великого и вторым (а быть может, первым) сыном императрицы Фаусты. Он родился в Иллирке в 317 г., а в 324 г. был провозглашен цезарем. Ходили слухи, что именно по его наущению после смерти его отца в 337 г. были вырезаны многие их родственники, хотя тому, кто повинен в этом, удалось замести все следы.

При разделе Империи между Константином II и его братьями ему достался Восток (хотя сам Константинополь временно находился под властью Константа I). То, что он занял столь заметное положение, возможно, указывает на высокое мнение отца о его способностях. Почти сразу же персидский царь Шапур II Великий нарушил мир, заключенный десятью годами ранее, и начавшимся военным действиям было суждено длиться двадцать шесть лет. Основная борьба велась за месопотамские укрепления. Хотя боевые действия Констанция II не отличались особой энергичностью, три осады Нисибиса, предпринятые Шапуром II, окончились безрезультатно. Более того, с востока, к счастью для Римской империи, пришли новые враждебные племена, и Шапуру пришлось отступить и пять лет (с 353 по 358 г.) воевать с ними в Хорасане.

К этому времени Констанций II уже был единоличным римским императором, но к этому он пришел трудным путем. После того как его младший брат, Констант I, свергнул их старшего брата Константина II, того, в свой черед, в 305 г. убил узурпатор Магненций. Некоторое время данувийские легионы не могли решить, поддерживать ли им Констанция I или Магненция. Старшая сестра Констанция, Константина Августа, жившая в Иллирике, убедила данувийские и балканские легионы выступить на стороне третьей силы и провозгласить августом Ветраниона, их паннонского начальника пехоты. Этот титул присутствует на его монетах, выпущенных в Сисции и Фессалонике. Поскольку Константина и впоследствии сохраняла хорошие отношения с братом, вероятнее всего, она действовала в его интересах, рассчитывая таким образом помешать Магненцию.

Во всяком случае, сам Ветранион, поначалу приняв мир-

ные предложения Магненция, впоследствии круто изменил политику и заявил о верности Констанцию. Об этом свидетельствуют монеты с надписью «Сим победиши» (HOC SIGNO VICTOR ERIS), повторяющей божественный наказ, данный Константину перед битвой у Мульвиева моста. Через некоторое время Ветранион в Нэссе передал свое войско Констанцию и с почетом удалился на покой в Прусу в Вифинии. Что касается Магненция, то в 351 г. в крупном сражении при Большой Мурсии в Нижней Паннонии он потерпел тяжелое поражение от Констанция II и два года спустя покончил с собой.

Еще до окончания войны Констанций II решил назначить цезарем двадцатилетнего двоюродного брата Констанция Галла. Возведя его в Сирмии в эту новую должность и дав ему в невесты Константину Августу, император послал его на Восток, где тот подавил восстания в Сирии-Палестине и Исаврии (Малая Азия) и навел страх на персов. Однако правил он жестко, не считаясь ни с чьим мнением. К Констанцию II начали поступать жалобы. Тот вызвал его в Медиолан дать на них ответ. Но в 34 г. по пути на Запад его арестовали, осудили, вынесли приговор и казнили.

Далее Констанцию II пришлось усмирять вождя франков, Сильвана, который в Агриппиновой колонии присвоил себе титул августа. Его вскоре убили, но в возникшей суматохе город захватили германцы, перешедшие через Рейн. Констанций II отправил туда сводного брата Галла, Юлиана (будущего императора), провозгласив его цезарем и дав ему в жены младшую сестру, Елену.

Весной 357 г., когда Юлиан все еще находился на Западе, успешно ведя боевые действия, Констанций II посетил Рим. Вот что сообщает историк Аммиан Марцеллин (которому тогда было двадцать семь лет):

«Приветственные выкрики его императорского имени и отдававшиеся звуки рогов оставляли его невозмутимым, и он выказывал себя таким же величавым, каким его видели в провинциях. Будучи очень маленького роста, он наклонялся, однако, при въезде в высокие ворота, устремлял свой взор вперед, как будто его шея была неподвижна, и, как статуя, не поворачивал лица ни направо, ни налево; он не подавался вперед при толчке колеса, не сплевывал, не обтирал рта, не сморкался и не делал никаких движений рукой. Хотя это были для него привычные манеры, но как это, так и кое-что другое из его личной жизни являлось показателем большой выдержки, на которую, как можно думать, только он был способен. А то, что в течение всего времени своего правления он никогда никого не посадил рядом с собой на колесницу, ни с одним лицом не из императорского дома не разделил консу-

лата, как делали то покойные императоры, и многое другое подобное, что он со времени своего восшествия на трон соблюдал как священнейшие законы, — это все я опускаю, имея в виду, что я упоминал об этом при подходящем случае».

После посещения Рима Констанций II отправился на Даквию, чтобы воевать с сарматами, свевами и квадами. Но вскоре ему пришлось срочно отправиться на Восток, где персидский царь Шапур II, восстановив спокойствие на своих восточных границах, возобновил войну против римлян. В 359 г. он взял штурмом Амиду в Месопотамии, о чем живо повествует Марцеллин, а год спустя пала еще одна месопотамская крепость, Сингара. Во время этих и иных боевых действий, которые сопровождались сложными дипломатическими переговорами, Констанций II послал Юлиану письмо с просьбой прислать подкрепление. Но в Галлии солдаты Юлиана не пожелали подчиниться, подозревая, что эта просьба вызвана завистью и стремлением ослабить их любимого командира. В конечном счете они провозгласили его августом, и он принял титул. Констанций II собрал армию, чтобы отправиться с нею на запад, против вероломного двоюродного брата. К зиме 361 г. он дошел до Киликии, но здесь его внезапно поразила лихорадка, и он скончался в Мобсукренах.

Констанций II глубоко интересовался теологическими вопросами, и христианство в его правление приняло новое направление, поскольку он поддерживал арианство, учение, созданное александрийским священником Арием, проповедуемое его последователями и отражавшее воззрения греческих философов. Арий (ум. в 337 г.), опираясь на учение Оригена о единственности Бога, считал Христа не единосущным Ему, а лишь подобным Ему творением (хотя и созданным прежде всего остального), но, как все творения, подверженным изменениям. Такая точка зрения подчеркивала человеческую сущность Бога-Сына и, несомненно, помогала христианству занять свое место в истории, но зато подвергалась обвинениям в умалении божественной сущности Христа. После возглавленного Константином Великим Никейского собора Ария отлучили от церкви, но его посмертно реабилитировал Констанций II. Вопреки всем нападкам на него, Констанций II настойчиво искал компромисс для примирения большинства священнослужителей. С этой целью в 341 г. в Антиохию вместе с императором прибыло девяносто семь греческих епископов, освятивших новый собор, идея которого принадлежала его отцу. Они отреклись от арианства, подтвердив Никейский

символ веры, и даже составили дополняющий его документ, настолько пропитанный враждебностью к противникам Ария, что он не мог способствовать достижению поставленной императором цели. В конце концов разногласия переросли в серьезный разлад между западной и восточной ветвями церкви. Запад считал греков слишком учеными и полагал, что в душе они еретики-ариане, тогда как Восток (где тоже было немало противников арианства) отвергал диктат со стороны папства.

В надежде предотвратить угрозу раскола императоры Констанций II и Констант I в 342 г. срочно созвали в Сердице собор представителей Востока и Запада, но он распался на два враждующих лагеря, осыпавших друг друга проклятиями. Однако через некоторое время, под нажимом императора, стороны пришли к определенному согласию за счет молчаливых, но болезненных компромиссов в теологических вопросах с обеих сторон.

После того как Констанций II разгромил Магненция при Большой Мурсии, епископ этого города, один из ревностных сторонников Ария, Валент, получил свободный доступ к императору, фактически став его советником. На состоявшихся затем успешных и вполне благополучных синодах в Арелате (353 г.) и Медиолане (355 г.) Констанций добился осуждения заклятого врага арианства Афанасия, епископа Александрийского, а в 356 г. его изгнали из собственной епархии (причем не в первый раз) с помощью военных. Бежав в пустыню, Афанасий обрушил яростные нападки на императора и его приспешников-ариан. В Александрии же на его место пришел непримиримый арианин Георгий Каппадокийский; а во главе другого важного епископата — антиохийского — встал в 375 г. другой приверженец арианства.

Поддерживавший их антиохийский логик Аэций пошел еще дальше, утверждая, что сущность Сына отлична от сущности Отца. Эта точка зрения противоречила не только Никейскому символу веры, провозглашавшему единосущность Отца и Сына, но и положению о «подобии» сущности Сына сущности Отца, которого придерживалось большинство греческих епископов. Поэтому епископ Анкиры, Василий, обескураженный этим «уклонистским» учением, поспешил ко двору Констанция в Сирмию, чтобы заявить о своем решительном несогласии. Он сумел убедить императора, что лишь точное определение «подобия» способно сохранить единство Церкви.

Вскоре Валент из Большой Мурсии восстановил свое влия-

ние на императора. С наибольшей очевидностью это проявилось в 359 г., когда Констанций решил созвать еще один крупный церковный собор, для удобства разделив его на две части: в Аримине (в Италии) и в Селевкии на Каликадне (в Киликии). Валент, опустив спорное слово «сущность» (*ousia*) и просто заявив о подобии Сына Отцу, сумел примирить западных представителей с этим слегка завуалированным арианским подходом. Василий Анкирский, который по-прежнему стоял на своем, не смог заручиться поддержкой императора, лишился епископства, как и многие другие сторонники арианства, и был отправлен в ссылку. Император же отдал предпочтение широкой и неконкретной формуле Валента, чей простой символ веры обладал большой привлекательностью в отличие от никейской формулировки Константина, которая вызвала столь много язвительных комментариев. Тем не менее язвительные нападки не прекратились, и в 360 г. Василий и самый известный противник арианства, Афанасий, договорились действовать сообща. Не в последнюю очередь благодаря этому союзу арианство потерпело полное поражение, хотя это случилось через целых два десятилетия после смерти Констанция II. Так что религиозные события его правления, хотя и не привели в то время к выработке окончательного решения, в конечном счете оказали решающее влияние на дальнейшее развитие Церкви. Правда, все получилось не так, как того хотел император. Но именно он приучил Церковь к новой роли официальной религии Империи, символом чего явилось открытие в 360 г. собора Святой Софии, или Святой Мудрости, в Константинополе (впоследствии перестроенного Юстинианом I).

Констанций II внушал чувство глубокой преданности всем, кто у него служил — он тщательно поддерживал достоинство своей должности, но при этом не унижал себя чрезмерным стремлением к личной популярности. Аммиан Марцеллин, который был одним из его младших офицеров, дал подробное описание его сложного характера и поступков:

«Ему очень хотелось слыть ученым, но так как его тяжелый ум не годился для риторики, то он обратился к стихотворству, не сочинив, однако, ничего достойного внимания. Бережливый и трезвый образ жизни и умеренность в еде и питье сохраняли ему силы так хорошо, что он болел очень редко, но каждый раз с опасностью для жизни. Он мог довольствоваться очень кратким сном, когда требовали того обстоятельства. В течение продолжительных промежутков времени он так строго хранил целомудрие, что о том, чтобы он находился в любовной связи с кем-либо из мужской прислуги, не могло даже возникнуть ни-

какого подозрения, хотя поступки этого рода злоречие сочиняет, даже когда в действительности их не находит, относительно высоких особ, которым все дозволено. В езде верхом, метании дротика, особенно искусстве стрелять из лука, в упражнениях пешего строя он обладал большим искусством.

Если в некоторых отношениях его можно сравнить с императорами средних достоинств, то в тех случаях, когда он находил совсем ложный или самый незначительный повод подозревать покушение на свой сан, он вел следствие без конца, смешивал правду и неправду и свирепостью превосходил, пожалуй, Калигулу, Домициана и Коммода. Взяв себе за образец этих свирепых государей, он в начале правления совершенно истребил всех связанных с ним узлами крови и родства. Беды несчастных, против которых появлялись доносы об умалении или оскорблении величества, отягчали его жестокость и злые подозрения, которые в таких делах направлялись на все возможное. И если становилось известным что-нибудь подобное, он вместо спокойного отношения к делу приступал с жаром к кровавому розыску, назначал свирепых следователей, старался растянуть саму смерть в случаях казни, если это позволяли физические силы осужденных.

Сложение его и внешний вид были таковы: темно-русый, с блестящими глазами, острым взглядом, с мягкими волосами, с гладко выбритыми и изящно блестящими щеками; туловище от шеи до бедер было длинновато, ноги очень коротки и искривлены; поэтому он хорошо прыгал и бегал... Он окружил маленький домик, который служил ему обычно местом ночного отдыха, глубоким рвом, через который был перекинут разборный мостик; отходя ко сну, он уносил с собой разобранные балки и доски этого моста, а утром опять водворял их на место, чтобы иметь возможность выйти».

## КОНСТАНТ I 337—350 гг.

Констант I (Флавий Юлий) (император-соправитель, 337—350 гг.) родился около 320 г. Он был четвертым сыном Константина Великого от его законного союза с Фаустой, рассказы о том, будто его мать была наложницей, вызваны путаницей с унижительными рассказами о Криспе или Константине II. Констант I воспитывался при дворе в Константинополе и изучал латынь под руководством Эмилия Магна Арбория. После провозглашения в 333 г. цезарем его обручили с дочерью могущественного критского посланника Аблабия (хотя впоследствии она вышла замуж за персидского царя).

После смерти в 337 г. Константина I Констант наряду с Константином II и Констанцием II стал одним из августов и получил во владение Италию и Африку. На встрече в Паннонии или в Виминации, состоявшейся в следующем году, ему отошли дополнительные территории, причем не только дунайские земли, Македония и Ахейя (ранее причитавшиеся племяннику Константина I, Делмацию, к тому времени уже убитому), но и Фракия с Константинополем, который Кон-



станций I по непонятной причине ему уступил. Но когда отношения между Константином I и Константином II начали ухудшаться, поскольку первый оспаривал притязания второго называться старшим августом, Константин в 339 г. вернул Констанцию II Константинополь и внутреннюю Фракию, рассчитывая подобным подкупом завоевать его поддержку в этом споре. В 340 г., когда Константин усмирлял волнения среди данувийских племен, Константин II вторгся в Италию, но в Аквилее был убит войсками брата. Теперь господство над Римским миром Константин делил лишь с Константином II.

Императоров разделяли религиозные разногласия. Оба были христианами, но Константин, как и большинство жителей Востока, сочувствовал арианству, тогда как Константин, единственный из братьев, принявший в 337 г. крещение, отделился от ариан и стал, как и большинство западных христиан, сторонником ортодоксального католицизма, основанного на символе веры, утвержденным Никейским собором. Противоречие проявилось в 342 г. на соборе в Сердике, когда Константин твердо принял сторону Афанасия, заклятого врага ариан. В глазах многих западных христиан, считавших ариан еретиками, он оставался героем, спасшим Церковь. Однако в 346 г. ввиду нарастающей угрозы войны между императорами обе стороны решили на время забыть о разногласиях. Константин щедро финансировал церковные начинания и питал особое расположение к священнослужителям. Действуя, как он и заявлял, в интересах единства Церкви, он предпринял строгие меры против донатистской ереси в Африке, кроме того, он поощрял преследования язычников и иудеев.

Одержав крупные победы над франками в 341—342 гг. и на Данувии, Константин в 343 г. отправился в Британию; он стал последним законным императором, ее посетившим. Там он вел боевые действия в районе стены Адриана, однако не пользовался популярностью в войсках, и именно это в конечном счете привело к его падению. Историк Виктор, который резко отзывается о нем как об испорченном, распутном и скупом человеке, о степени справедливости чего мы не можем судить, заявляет о его «крайне презрительном отношении к солдатам». В итоге в 350 г. военные подняли мятеж во главе с Магненцием, бывшим рабом Константина Великого. В Августодуне Магненций провозгласил себя августом, а Константин бежал к границе Испании, где его настиг Гайзон, лазутчик предводителя мятежников, и убил его.

## МАГНЕНЦИЙ

350—353 гг.

Магненций (Флавий Магн) (отложившийся император Запада, 350—353 гг.) родился около 303 г. в Амбианах (или вблизи них), как сообщают, от отца-британца и франкской матери. Его жену (впоследствии вышедшую замуж за Валентиниана I) звали Юстиной. В правление Константина Великого Магненций служил в варварских частях, но затем он стал протектором (*protector*) и командующим действующей армии (*comes rei militaris*) под началом сыновей императора, которые поставили его во главе отборных легионов, известных под названием новианских и геркулианских.

18 января 350 г. Марцеллин, казначей императора Константа I, устроил в Августодуне прием по случаю дня рождения своих сыновей, на котором Магненций появился в пурпурной мантии и был провозглашен августом. Имперская армия перешла на его сторону, а Констант I бежал в Испанию и в пути был убит одним из сторонников Магненция. В июне сын сестры Константина Великого, Евтропии, Непоциан, отказался признать власть Магненция и сам провозгласил себя императором, отменив налоги, повышенные префектом претория Аницетом. Но спустя двадцать восемь дней его с матерью и другими членами семьи убил Марцеллин, к тому времени ставший главным управляющим Магненция.

После этого Магненция признал весь Запад, включая Африку. На монетах его славили как «восстановителя свободы» (*RESTITVTOR LIBERTATIS*), что подчеркивало отличие от непопулярного правления Константа I. Однако на Данаунии другой узурпатор, Ветранион, поначалу поддерживавший его, перешел на сторону Констанция I, который тем временем подстрекал германцев на Рейне тревожить своими набегами Магненция. Понимая, что столкновение с Констанцием неминуемо, Магненций, со своей стороны, назначил цезарем Флавия Магна Деценция, приходившегося ему родственником или, возможно, братом.

Пока же они обменялись посланниками. Уже в 350 г., когда Ветранион еще был августом, Магненций отправил к Констанцию сенатора по имени Нунехий (возможно, он был наместником в Галлии) и своего главнокомандующего (*magister militum*) Марцеллина — не того, что занимал должность главного управляющего (*magister officiorum*), а другого. Констанций

посадил их под арест. Тогда другой Марцеллин встретил представителя Констанция, Флавия Филиппа, и препроводил его к Магненцию. Провозглашаемой целью Филиппа было ведение мирных переговоров, но на самом деле Констанций поручил ему выяснить расположение войск Магненция. Обращаясь к армии Магненция, Филипп упрекнул солдат в том, что они нарушили верность дому Константина, и предложил Магненцию ограничить свои владения Галлией. Его выступление вызвало смятение в войсках, но Магненций, напомнив им, что как раз жестокое правление имперского дома и побудило их поднять мятеж, не позволил Филиппу вернуться к Констанцию и арестовал его.

В 351 г. между двумя противниками вспыхнула неизбежная война. Магненций собрал крупные силы в Галлии, в том числе множество германцев, и получил таким образом численное превосходство над Константином II, который, продвигаясь на запад, понес крупные потери при Атрансе на границе Италии и Норика и вынужден был отступить. Отказавшись от мирных предложений, Магненций покинул свою штаб-квартиру в Аквилее и выступил в приданувийские провинции. Там, несмотря на первоначальные неудачи, ему удалось закрепиться в Большой Мурсии в тылу у армии Констанция, вынудив его повернуть назад. В ходе длительного сражения правое крыло Магненция было смято конницей противника, и он потерпел полное поражение, по-видимому, это было первое сражение, когда конница одержала верх над легионерами. По некоторым сведениям, Магненций потерял двадцать четыре тысячи человек, а Константин — тридцать тысяч. Эта самая кровавая битва столетия нанесла непоправимый урон военной мощи Империи. Магненций отступил в Аквилею и попытался вновь собрать армию. Однако летом 352 г. он, не в силах противостоять наступлению Констанция II на Италию, был вынужден отойти в Галлию. Здесь на следующий год он вновь потерпел поражение и утратил контроль над рейнской границей (которую временно захватили варвары). Он поспешно отступил к Лугдуну, где, сознавая безнадежность своего положения, покончил с собой, оставив Римскую империю целиком в руках Констанция II.

Среди верхушки общества Магненций не пользовался популярностью по причине жесткой налоговой политики, поэтому в письменных источниках его правление представлено в неблагоприятном свете, причем отсутствует какое-либо упо-

минание о его военных, административных или дипломатических способностях. Он был язычником и благоволил язычникам, но политическая необходимость вынудила его отбросить в сторону собственные пристрастия и привлечь ортодоксально-католических (никейских) священников на свою сторону против ариан, поддерживавших Констанция. Эти усилия нашли отражение в примечательной серии монет 353 г., на которых впервые в римской истории основное место занимал христианский символ: буквы «Хи» и «Ро» (обозначающие Христа) в окружении «альфы» и «омеги» и надпись «Благополучие повелителей наших, августа и цезаря» (Деценция) (SALVS DD. NN. AVG. ET CAES. [*Dominorum Nostrum Augusti et Caesaris*]). Эти монеты отчеканены на монетном дворе в Амбианах (Самаробрива). Магненций и Деценций также чеканили монету в Риме, Аквилее и Тревирах; а к концу правления после утраты Тревиров монетные дворы появились в Лугдуне и Арелате.

## ЮЛИАН 361—363 гг.

Юлиан (Флавий Клавдий Юлиан, более известный под именем Юлиан Отступник) (361—363 гг.) родился в Константинополе в 332 г. Он был сыном Юлия Констанция, сводного брата Константина Великого, и Василины, дочери наместника Египта. Мать Юлиана умерла вскоре после его рождения, а отец вместе со многими родственниками погиб в резне, устроенной после смерти Константина в 337 г.

Двумя годами позже Констанций II отдал его на попечение евнуха Мардония, который привил ему страсть к литературе и к старым богам. Юлиан получил образование в Константинополе, занимаясь грамматикой и риторикой. Примерно в 342 г. император перевел его в Никомедию; в скором времени его со сводным братом Констанцием Галлом отправили на укрепленный пункт Мацелл в Каппадокии, где они получили благочестивое христианское образование, хотя Юлиан продолжал жадно поглощать классические труды языческих авторов. После шести лет этой своеобразной ссылки Юлиану позволили вернуться в Константинополь, но подозрительный правитель поспешил убрать его из города и в 351 г. вновь отправил в Никомедию. Отсюда он выезжал для

продолжения образования в Пергам и Эфес, слушая проповеди ведущего неоплатоника Максима, который тайно обратил его в особую форму язычества, связанного с мистикой и магическими обрядами.

После ниспровержения и смерти в 354 г. Констанция Галла (до того назначенного цезарем) Юлиана призвали ко двору в Медиолан, благодаря покровительству первой жены императора, Евсевии, ему дозволили отправиться в Афины для завершения образования. После чего его вновь призвали в Медиолан, возвели в цезари и в 355 г. дали в жены сестру Констанция, Елену. Вскоре он получил приказ отправиться к северным границам для отражения опасных набегов франков и алеманнов. В 356 г. он отвоевал Агриппинову колонию и другие города, а в течение следующего года разбил у Аргентората превосходящие силы алеманнов. Он развил успех, совершив вылазку за Рейн; в 358 и 359 гг. оставил свои зимние квартиры в Лютеции и нанес германцам еще несколько поражений. Даже если значение этих побед преувеличивалось его восхвалителями, они все равно были для него большим успехом, поскольку он не получил никакой военной подготовки. Более того, Юлиан заслужил уважение своих воинов тем, что делил с ними тяготы солдатской жизни, а существенное снижение налогов (вопреки сопротивлению префекта претория, Флавия Флоренция) привлекло на его сторону и гражданское население Галлии.

Эти признаки растущей популярности вызывали раздражение при дворе Констанция II. По словам Аммиана Марцеллина, когда поступили известия о деяниях Юлиана,

«все самые влиятельные придворные, признанные знатоки в искусстве лести, высмеяли хорошо продуманные планы цезаря и тот успех, что им сопутствовал. Повсюду распространялись глупые шутки, например, что он «больше походил на козла, чем на человека» (намек на его бороду); «его победы начинают приедаться», заявляли они. «Краснобайствующий прыщ», «обезьяна в пурпуре», «грек-любитель» — этими и другими именами называли его. Поочередно донося их до ушей императора, жаждавшего слышать именно такие слова, враги Юлиана пытались очернить его умения. Они укоряли его в слабости, трусости и в сидячем образе жизни, и обвиняли в том, что он умеет сказать о своих победах блестящим языком».

Зависть охватила Констанция, и он решил отозвать часть войск Юлиана и влить их в свою собственную армию. Но в Лютеции солдаты отказались подчиниться его приказу и в феврале 360 г. провозгласили Юлиана августом. После неудачной попытки вступить в переговоры с Константином он понял,

что войны не избежать, и в 361 г. стал быстро продвигаться на восток. Вскоре до него дошли вести о смерти императора. В декабре Юлиан без сопротивления добрался до Константинополя.

Нескольких сторонников Констанция казнили, других отправили в изгнание. Еще в Нэссе, не добравшись до Константинополя, Юлиан открыто заявил о своей приверженности язычеству. Теперь же он предоставил язычникам полную свободу вероисповедания, выделив значительные средства на поддержку их культов и организовав их таким образом, чтобы они могли соперничать с христианской церковью. На эти преобразования его подвигли его воспитание и юношеские впечатления. Христианство, отмечал он, не помешало Константину и его соправителям совершить множество преступлений, в том числе и против семьи самого Юлиана. Поэтому, когда сам Юлиан вступил на престол и провозгласил веротерпимость и равенство всех религий, он лишил христианскую церковь ее финансовых привилегий, а во время неизбежно последовавших беспорядков ее члены подвергались более суровому наказанию, чем преступники-язычники. Особенно спорным было его решение запретить христианам преподавать. И чтобы еще больше подорвать их позиции, Юлиан проявил благосклонность к иудеям и даже строил планы восстановления Иерусалимского храма. Однако стремление возвысить иудаизм за счет христианства ни к чему не привело. То же самое можно сказать и обо всем решительном наступлении на христианство Юлиана. Он верил в свое божественное предназначение спасти большое общество. Его воззрения, представлявшие причудливую смесь идеализма, педантизма и оппортунизма, мешали каким-бы то ни было дипломатическим компромиссам, а глубокое знание античных классических традиций препятствовало пониманию простого народа. Его запоздалая попытка повернуть вспять развитие христианства, за которую его впоследствии прозвали Отступником, была обречена на неудачу.

Юлиан был более плодовитым писателем, чем любой из римских императоров, и значительно превосходил их всех литературными способностями (кроме, разве что, Марка Аврелия). Его восхищение языческой культурой отчетливо проявляется в дошедших до нас речах, статьях и письмах, в которых он уверенно и умело пользуется современным ему греческим языком. При жизни Констанция II Юлиан написал в честь

него две не слишком искренние хвалебные речи в дополнение к более душевному панегирику императрице Евсевии. Он также составил записки, ныне утраченные, о своей войне с германцами. После восшествия на престол он начал писать произведения, излагающие его личные духовные идеи. В их число входит гимн богу Солнца, посвященный Саллюстию, основному идеологу язычества того времени. В честь его он также написал *В утешение себе*, когда Саллюстий, к его огромному сожалению, покинул двор и удалился в Галлию. Следующее произведение адресовано Матери Богов, а два других направлены против современных ему киников, которые, по мнению Юлиана, не идут ни в какое сравнение с основателем этого учения Диогеном. Его *Брадоненавистник* представляет собой сатирический ответ легкомысленным жителям Антиохии, потешавшимся над его старомодной бородой и простым образом жизни. Еще одно сатирическое произведение, дошедшее до наших дней, называется *Цезари*; здесь он в язвительной форме дает характеристику всем предыдущим римским императорам, причем самым достойным оказывается Марк Аврелий, а Константиново христианство подвергается насмешкам за то, как просто его приверженцам получить отпущение грехов, сколько бы они не грешили. От знаменитого антихристианского произведения Юлиана *Против галлеев* сохранились лишь отдельные отрывки. Но его *Письма* (хотя их трудно выделить среди множества подделок) содержат ценные исторические сведения и выявляют образ мыслей Юлиана. Один из отрывков, *Жрецу*, советует языческим жрецам перенимать у христиан их учение о нравственности.

Активность Юлиана не ограничивалась лишь религией: он был трудолюбивым и добросовестным управленцем. Он делал все возможное, чтобы возродить приходящие в упадок города-государства восточных провинций, чьи обедневшие граждане, недовольные придворной роскошью и теологическими спорами, в значительной степени поддерживали его. Он предпринял меры к снижению разрушительного роста цен и, что важнее всего, сделал смелую попытку сократить всевозрастающую и всепроникающую бюрократию Империи. Его культурные пристрастия проявились в основании крупной библиотеки в Константинопольской базилике, где было сто двадцать тысяч томов.

Почти во всем Юлиан шел наперекор традициям, но, как и предыдущие императоры, он питал надежду разгромить

персов. В июле 362 г. он прибыл в Антиохию и начал готовиться к войне. Во время его пребывания в городе полностью сгорел храм Дафны, к тому же начался голод, во время которого горожане всячески сопротивлялись мерам, предпринимаемым городским консулом. В марте 362 г. Юлиан выступил на восток во главе шестидесятипятитысячного войска и к июню, одержав первую победу, подошел к вражеской столице Ктесифонту. Однако он счел, что у него не хватит сил, чтобы взять город, и отступил для соединения с подходящими резервными войсками. Его армия постоянно вступала в мелкие стычки с отрядами персидского царя Шапура II и страдала от недостатка припасов. 26 июня в местности под названием Маранга он получил рану в бою с персидской тяжелой кавалерией, хотя вскоре стали распространяться слухи, что его заколол один из его солдат-христиан. Он не оправился от раны и скончался. Тело, согласно его просьбе, похоронили в окрестностях Тарса, но впоследствии перенесли в Константинополь.

Аммиан Марцеллин отметил многие положительные качества Юлиана, которым сам был свидетелем, но не забывал привести и список его недостатков. Вот его слова:

«По натуре Юлиан был человек легкомысленный, но зато имел хорошую привычку, которая смягчала этот недостаток, а именно: позволял поправлять себя, когда вступал на ложный путь. Говорил он очень много и слишком редко молчал; в своей склонности разыскивать предзнаменования он заходил слишком далеко, так что в этом отношении мог сравниться с императором Адрианом. Скорее суеверный, чем точный в исполнении священных обрядов, он безо всякой меры приносил в жертву животных, и можно было опасаться, что не хватит быков, если бы он вернулся из Персии.

Рукоплескания толпы доставляли ему большую радость; не в меру одолевало его желание похвал за самые незначительные поступки; страсть к популярности побуждала его иной раз вступать в беседу с недостойными того людьми. Иногда он... допускал произвол и становился непохожим на себя самого. Изданные им указы, безоговорочно повелевавшие то или другое, или запрещавшие, были вообще хороши, за исключением немногих. Так, например, было жестоко то, что он запретил преподавательскую деятельность исповедовавшим христианскую религию риторам и грамматикам, если они не перейдут к почитанию богов. Равным образом было несправедливо то, что он допускал включение в состав городских советов вопреки справедливости людей, которые были или чужими в тех городах, или же совершенно свободны от этой повинности благодаря привилегиям или своему происхождению.

Внешность его была такова: среднего роста, волосы на голове очень гладкие, тонкие и мягкие, густая, подстриженная клином борода, глаза очень приятные, полные огня и выдававшие тонкий ум, красиво искривленные брови, прямой нос, рот несколько крупноватый, с отвисшей нижней губой, толстый и крутой затылок, сильные и широкие плечи, от головы до пяток сложенные вполне пропорциональные, почему был он и силен и быстр в беге».



## ИОВИАН 363—364 гг.

Иовиан (Флавий Иовиан) (363—364 гг.) родился в 330 г. в Сингидуне. Он был сыном Варрониана, командующего отборным подразделением личной охраны (*comes domesticorum*) Констанция II. Иовиан и сам служил в этом подразделении (*protector domesticos*) при Константине и Юлиане. Рассказ о том, будто последний выгнал Иовиана потому, что тот был христианином, видимо, не имеет под собой основания, поскольку к 363 г. Иовиан уже находился во главе этого подразделения. В июне, после смерти Юлиана на востоке Империи, престол сначала предложили префекту претория Сатурнину Секунду Салюцию. Но когда он отказался от этой чести по причине преклонного возраста и слабого здоровья, войска провозгласили императором Иовиана.

Известие, что во главе Империи встал столь малозначимый человек, побудило персидского царя Шапура II усилить натиск на отступающую римскую армию. Встревоженный Иовиан немедленно заключил мир, произвел обмен пленными и согласился с тем, что римляне должны будут уйти из пяти провинций за Тигром, захваченных Диоклетианом, а также из укрепленных городов Нисибис, Кастра Мартис (Марсов Лагерь) и Сингара, тогда как персы вновь овладели Арменией, занимавшей важное положение. Современники считали этот договор ненужным и позорным, но он, по крайней мере, позволил Иовиану вывести из-под удара изголодавшуюся армию. Во время отступления старший писец (*primicerius notariorum*), тезка императора, который отличился в сражениях во время похода, был обвинен в предательстве и казнен.

Как только Иовиан ступил на территорию Империи, он публично заявил об отказе от язычества, исповедуемого его предшественником, и о возвращении стран в лоно христианства. Возобновилась денежная помощь церкви, введенная Константином, и, хотя известный языческий мыслитель Фемистий отдавал должное веротерпимости и сдержанности нового императора, тот все-таки закрыл несколько языческих храмов и запретил жертвоприношения. Маленькие буквы «Хи» и «Ро» (Христос) вновь появились на военных штандартах, о чем свидетельствуют монеты.

Некоторое время Иовиан провел в Антиохии, улаживая различные дела, но ему так не терпелось отправиться на За-

пад, что он выступил из города посреди зимы. В Тарсе он воздал должное временной могиле Юлиана. В Тиане ему сообщили о волнениях в Дурокорторе, в Галлии, где были убиты два старших командира. Затем поступило второе, более приятное известие о том, что армия в Галлии все-таки выступила в его поддержку. По прибытии в Анкиру он назначил себя консулом, взяв вторым консулом своего старшего сына (названного в честь деда Варронианом). Тот был еще совсем маленьким мальчиком и громко ревел, когда его усадили в курульное кресло. В его поведении многие усмотрели недобрый знак, ибо вскоре после этого, как сообщает Аммиан Марцеллин:

«...застал Иовиана предназначенный ему судьбой смертный час. Когда он прибыл в Дадастану, пограничный город между Вифинией и Галатией, его нашли ночью мертвым. По поводу его кончины возникло много сомнительных предположений. Рассказывали, что его убил ядовитый запах, оставшийся после побелки комнаты, в которой он ночевал, что он погиб от утара, возникшего от слишком сильно дымившей жаровни, и, наконец, что вследствие чрезмерного обилия пищи он получил смертельное несварение желудка. Умер он на тридцать третьем году жизни. Кончина его была такая же, как и Сципиона Эмилиана, и известно, что не было произведено следствия о смерти ни того, ни другого.

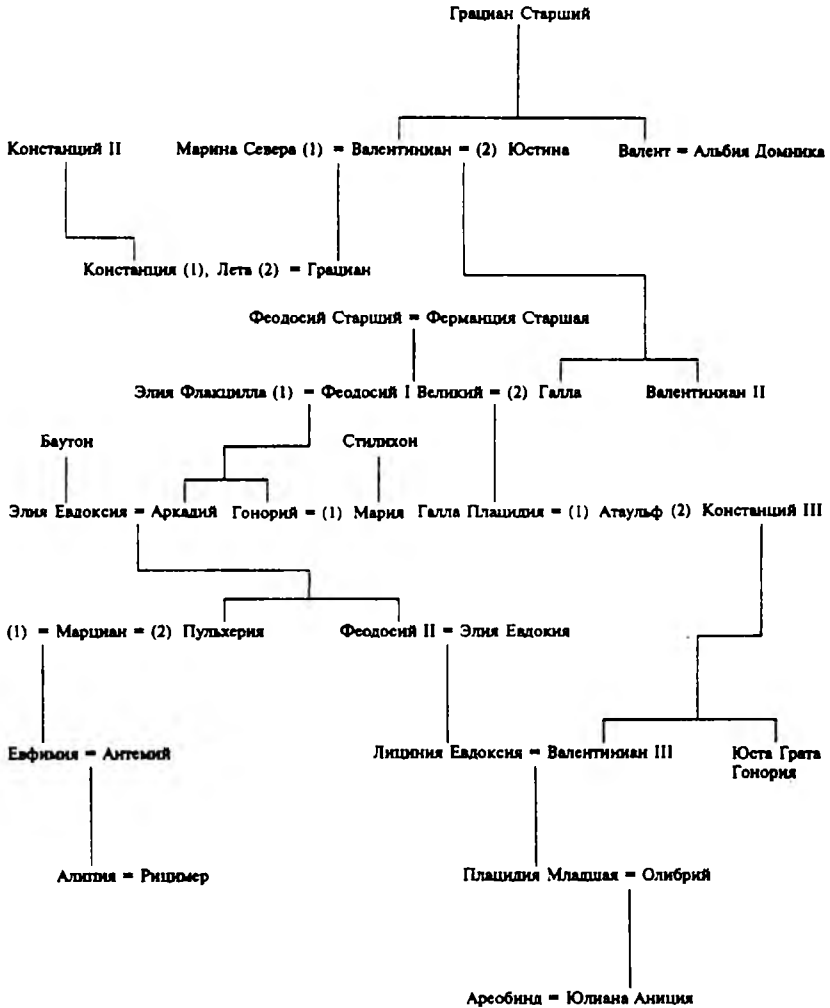
Осанка его при движении отличалась достоинством, лицо было очень приветливым, глаза голубыми, роста он был очень большого, так что долго не могли найти никакой подходящей ему царской одежды. Образцом для себя он избрал Констанция, занимался иногда серьезными делами после полудня и имел привычку весело шутить в обществе близких людей. Образования он был невысокого; по характеру был доброжелателен и, насколько можно было судить по немногим случаям сделанных им назначений, осторожен в выборе сановников. В пище он допускал излишества, имел склонность к вину и любовным утехам, — пороки, от которых, быть может, он бы и избавился из уважения к императорскому сану».

Однако Марцеллин постоянно подчеркивал лень и безволие Иовиана. Христианские же авторы, особенно Феодорет и Августин, естественно, одобряли его отказ от отступничества Юлиана, но не смогли объяснить, почему в благодарность за столь достойный шаг ему не было даровано более длительное правление.

Часть восьмая  
ДОМ ВАЛЕНТИНИАНА



# Дом Валентиниана



---

Валентиниан I (Флавий Валентиниан) (император-соправитель на Западе, 364—375 гг.) родился в 321 г. и был первым сыном Грациана старшего, уроженца Цибал в Паннонии. Валентиниан был в Африке со своим отцом, возможно, еще ребенком, а позднее служил старшим офицером (*tribunus militum*) при Константине II в Месопотамии в 360—361 гг. и командовал подразделением копейщиков при Юлиане. Однако в 362 г. этот император выслал Валентиниана в Фивы из-за его христианских взглядов. Иовиан призвал его к себе и отправил воевать против галлов. Победа над ними была достигнута после волнений, которые заставили его искать убежища в доме своего друга. Впоследствии ему доверили командование над отрядом пехотинцев (*scutarii*), из числа гвардейцев.

По смерти Иовиана, после того, как армия продвинулась на запад до Никеи, ее командиры, после серьезного обсуждения, решили назначить Валентиниана, тогда находившегося в Анкире, его преемником. Сразу же после этого он возвысил своего брата Валента до правления восточными провинциями, а сам принял правление на западе. И раньше между императорами-соправителями случались переделы земель, но это новое коллегиальное устройство оказалось точным и, за исключением кратчайших периодов, постоянным. Хотя Римский мир оставался, формально говоря, неделимым целым, господство над Средиземноморьем единой власти, которое длилось так много веков, фактически подошло к концу. Западная империя состояла из римской части Европы (за исключением Фракии) и Северной Африки до Триполитании (включительно). Валентиниан избрал эту западную сферу для себя, потому что она, располагая меньшими ресурсами, подвергалась намного большей внешней опасности. По той же самой причине он предпочел, как и некоторые из его предшественников, избрать местом своего жительства не Рим, а Медиолан, чтобы быть как можно ближе к опасной зоне.

В самом деле, очень скоро после своего восшествия на престол Валентиниан был втянут в череду серьезных военных происшествий. Сначала алеманны прорвались через Рейн, захватив ключевую крепость Могунциак. Вскоре они потерпели три поражения от римских армий под командованием влиятельного командующего конницы Валентиниана, Флавия Иовиана. Сам император, разместив свой штаб в Лютеции, в 367 г. перенес его в Амбианы (Самаробрива), чтобы руководить операциями на Ла-Манше и в Британии, которую захватили континентальные саксы и северные пикты. В том же самом году император снова переместился, на сей раз в Тревирь, а оттуда двинулся вверх по долине реки Некар и выиграл жестокую битву в Черном лесу. Он оставался на землях германцев еще семь лет, строя сложную систему укреплений на Рейне и крепость в Базилии. Валентиниан также сделал все, что мог, чтобы разделить различные германские народы, заручившись помощью бургунов — извечных врагов алеманнов. В то же самое время бесчисленные германские поселенцы продолжали охранять границы Империи.

Однако в 374 г. восточная часть границы в Реции была нарушена, когда множество их соотечественников вместе с сарматами перешли через Данувий. В следующем году Валентиниан перенес свою резиденцию в Сирмий, на реке Сава, и восстановил укрепления на Данувии, который пересек, чтобы опустошить германские земли на северном берегу. Позднее, в том же году наглое поведение посланцев из германского племени квадов, которые прибыли к Валентиниану в Бригетий, так возмутило его, что у него случился удар и он умер.

Валентиниан I приложил огромные усилия, чтобы укрепить армию. Он был, согласно Аммиану Марцеллину, «первым, кто повысил самоуважение солдат, подняв их статус и увеличив собственность к невыгоде общественных интересов». Например, он дарил солдатам сельскохозяйственное оборудование, орудия и семена, разрешал им в свободное время заниматься сельским хозяйством и работать на земле (поскольку других работников найти было трудно). Это было расценено солдатами как чрезмерная снисходительность; они обижались на то, что утратили свое влияние на армию. На самом деле солдатам никогда не платили особенно щедро, и изменения, произведенные Валентинианом I, просто должны были поднять их заработки на сколько-нибудь терпимый уровень.

Тем не менее, чтобы найти деньги на повышенные воен-

ные оклады, на население возложили более тяжелые налоги, чем когда-либо прежде: например, Секст Клавдий Петроний Проб, наиболее критикуемый префект преторианцев в Италии, Иллирике и Африке, прибег к очень суровым обложениям. К концу правления налоги значительно повысили. И все же Валентиниан старался не прибегать к подобным мерам, пока они не становились жизненно необходимыми, и старался дать провинциалам как можно большее денежное облегчение. В самом деле некоторые из его мер отражали подлинную и основательную заботу о благосостоянии непривилегированных классов, так, он старался следить, чтобы ничьи фавориты не получали никаких налоговых уступок.

Более того, с теми же намерениями в 368—370 гг. он назначил должностных лиц, известных как Защитники Народа, которые должны были помогать наименее обеспеченным членам общества. В каждом городе Западной империи префект претория был обязан назначить такого Защитника, и Валентиниан требовал, чтобы ему лично сообщали их имена. Они обладали властью разбирать жалобы, насколько возможно, не обращаясь к вышестоящим лицам, и их задачей было удостовериваться, что с бедняками обходятся честно во всех отношениях. Ранние правители пытались проводить подобные эксперименты, но только Валентиниан I превратил эти эксперименты в четко работающий механизм. Побывав простым дунавийским солдатом вне привилегированного социального круга, он имел веские основания сильно не любить политическое и финансовое преобладание римских землевладельцев и сенаторов. В самом деле, их влияние существенно поколебалось в его правление, и со временем открылся серьезный разрыв между его администрацией — набранной с военных территорий — и классом сенаторов. Как и многие императоры до него, Валентиниан I намеревался основать свою собственную династию, обратив приверженность армии к наследованию в свою пользу. В 367 г. он назначил своего старшего сына, Грациана, августом-соправителем на Западе и постарался провести целиком военную по характеру церемонию, на которой представил молодого человека войскам, объявив, что его назначение происходит «по воле моей и моих соратников». Эта попытка создать новый правящий дом с поддержкой армии оказалась исключительно успешной, потому что новая династия продолжалась ни много ни мало девятьюстами один год — одна из продолжительнейших последовательностей в истории Империи и впечатлительный пример долгожительства в столь бурный период.

Валентиниан унаследовал религиозную ситуацию, когда неравноправное положение христианства и язычества было очевидным. Однако Валентиниан, хоть и был сам христианином, в 371 г. решил проводить политику всеобщей терпимости, «никого не обижая», по словам Аммиана Марцеллина, «приказом избрать тот или иной способ поклонения богу». У папы Дамаса были связи с языческой аристократией, которая помогала императору преодолеть выказываемую другими церковными деятелями нетерпимость. Валентиниан проявлял редкую и примечательную для своего времени широту ума, и это, в сочетании с обостренным чувством долга по отношению к низшим классам, возводит его в ранг правителя с выдающимися взглядами. Более того, он был чрезвычайно энергичным администратором и прекрасным солдатом.

Его качества не всегда оценивались по достоинству такими писателями, как Аммиан Марцеллин, разделявший ценности и критицизм сенаторского класса и неблагосклонное отношение к такой семье, как у Валентиниана, приученного пить жалкое «ячменное вино» из его родных придунайских провинций. И все же император получил значительное образование и был небесталанным художником и скульптором. Его характер, как заключает Аммиан,

представлял собой сложную смесь недостатков и добродетелей. «В уверенности, — заявляет он, — что потомки, не будучи связаны ни страхом, ни мерзостью лести, являются обычно беспристрастными судьями прошлого, я укажу в общих чертах и на его недостатки, а затем отмечу и его достоинства. Хотя он подчас одевал на себя личину кроткого, но по горячности своей природы он был более склонен к суровости и, очевидно, забывал, что правителю государства следует избегать всего чрезмерного, как крутого утеса. Никогда не случилось, чтобы он удовлетворялся мягким взысканием, но иной раз приказывал продолжать кровавое следствие и после допроса с пыткой, а иных допрашиваемых замучивали до самой смерти. Такую он имел склонность причинять страдания, что никогда никого не спас от смертной казни подписанием мягкого приговора, хотя это иногда делали даже самые свирепые государи...

Кроме этого, вышеозначенный император горел в глубине души завистью и, зная, что многие пороки принимают внешний вид добродетелей, постоянно повторял, что строгость есть союзница истинной власти. И так как обладатели верховной власти полагают, что им все позволено, и питают сильную склонность к унижению своих противников и устранению лучших людей, то он ненавидел людей хорошо одетых, высокообразованных, богатых, знатных и принижал храбрых, чтобы казалось, что он один возвышается над другими добрыми качествами, — недостаток, которым, как известно, страдал император Адриан.

Валентиниан часто бранил трусливых, говоря про них, что они — позор человечества, низкие души, достойные стоять ниже черни; но сам иной раз позорно бледнел от пустых страхов и пугался до глубины души того, чего все не было.



Уместно после этого перейти к его поступкам, достойным одобрения и заслуживающим подражания со стороны всякого разумного человека. В отношении провинциалов он проявлял большую внимательность и повсюду облегчал бремя податей, своевременно воздвигал укрепления на границах государства, чрезвычайно строго держал военную дисциплину. Грешил он только тем, что даже незначительные проступки солдат не оставлял без наказания, а преступлениям высших чинов давал простор разрастаться дальше и дальше, оставаясь иной раз совершенно глух к подаваемым против них жалобам. Здесь был источник беспорядков в Британии, бедствий в Африке, опустошения Иллирика.

И дома и вне его проявлял он строгое целомудрие, не будучи несколько заражен язвой безнравственности и разврата. Поэтому он мог удерживать распущенность двора в строгих границах, и ему тем легче было это, что он не попустоствовал своей родне: родственников своих он или оставлял в безвестности частной жизни, или предоставлял им звания и посты не очень высокие, за исключением брата, которого принял в соправители, будучи вынужден к этому затруднительными обстоятельствами того времени.

В представлении высоких чинов он был осторожен до шепетильности: никогда в его правление не являлся правителем провинции какой-нибудь меняла, никогда не случалось продажи должности; только в начале его правления не обошлось без этого, как вообще случается, что люди, в надежде захватить власть или остаться безнаказанными, совершают преступления.

В войне, как наступательной, так и оборонительной, он проявлял большую умелость и осторожность, будучи хорошо знаком с боевой жизнью, он был весьма предусмотрителен в совете за и против, о дурном и хорошем, чрезвычайно сведущ в военном деле вообще. Он складно писал, хорошо рисовал и моделировал, изобретал новые виды оружия; память и речь его отличались живостью, но редко он доходил до красноречия; он любил изящную обстановку, а в пище — изысканность, но не обилие.

Телосложения он был мускулистого и крепкого, волосы и цвет лица были светлы, глаза голубые со взглядом всегда косым и жестким, рост — красивый, очертания тела правильны, что придавало ему в общем красу царственности».

Первой женой Валентиниана была Марина Севера, мать Грациана, потом он женился на Юстине, которая родила ему еще одного сына (Валентиниана II) и трех дочерей.

## ВАЛЕНТ 364—378 гг.

Валент (Флавий Юлий) (император на Востоке, 364—378 гг.) был вторым сыном Грациана старшего, выходца из Цибал в Паннонии, и родился около 328 г. При Юлиане и Иовиане он служил гвардейцем (*protector domesticus*), но его ранняя карьера не казалась успешной. Когда его старший брат, Валентиниан I, стал императором, он сначала назначил его трибуном конюшни, но очень скоро после этого в Сирмии провозгласил его императором-соправителем, выделив ему восточные земли

и предприняв тем самым решительный шаг к разделению Западной и Восточной (Византийской) империй.

Жена Валента, Альбия Домника, которая подарила ему троих детей, была дочерью некоего Петрония, высокопоставленного чиновника, которого ненавидели почти так же, как его тезку Петрония Проба (см. Валентиниан I) за жестокость и корыстолюбие. Непопулярность тестя нового императора стала причиной мятежа, поднятого Прокопием, бывшим старшим командиром. Он провозгласил себя императором-соперником в Константинополе в 365 г. и получил широкую поддержку. В следующем году, однако, в бою против армии Валента при Наколии, во Фригии, германские военачальники Прокопия оставили его, он попытался спастись бегством, но был предан вторично и убит. Потом Валент обратился против вестготов. Они оказали помощь его конкуренту, а теперь угрожали вторжением в приданувийские провинции Восточной империи, в 367 и 369 гг. Валент пересек Данувий и разорил вестготские земли. В течение следующих семи лет он оккупировал Восток. Поначалу ему нужно было подавить заговор Теодора, нотариуса второго ранга, в Антиохии в 371—372 гг., потом, провозгласив себя старшим августом после смерти своего брата, он возобновил войну с персами, одержав победу в Месопотамии: однако эта победа не была достаточно убедительной и не могла помешать заключению невыгодного мира в 376 г.

В том же году огромное количество вестготов вторглось в Восточную империю: в Восточной Европе появились два больших готских государства. Остготы, или остроготы («светлые готы») оказались на территории Украины, а вестготы, или визиготы («мудрые готы»), осели на землях современной Румынии. Наводящие ужас конные отряды гуннов совершали набеги на земли двух этих народов, они разрушили остготское королевство и отогнали двести тысяч вестготов через Данувий в Империю Валента; его наместники разрешили им поселиться там. Эти новые вестготские поселенцы протестовали, и не без оснований, против того, что восточноримская администрация эксплуатировала и угнетала их; впоследствии они поднялись на открытый мятеж. Под предводительством своего вождя Фритигерна они опустошили Балканский полуостров, и в то же самое время новые волны германцев-захватчиков перешли через Данувий вслед за ними.

Валент поспешно вернулся из Азии, чтобы разрешить этот кризис. После начального успеха его командующего Себастиа-

на (под Бероей Августа Траяна во Фракии) он пошел в атаку близ Адрианополя в 378 г. От его соправителя-императора Грациана не было никакой помощи. Впоследствии, согласно различным утверждениям восточных и западных жителей соответственно, Грациан (который ослаб здоровьем и к тому же обиделся на притязания дяди на пост старшего августа) умышленно медлил, или что Валент вступил в бой так поспешно именно для того, чтобы его коллеги не успели прибыть и разделить с ним заслуги. Если это соответствует действительности, Валент (чей командный состав, похоже, был некомпетентным) двинулся на вестготов с необдуманной поспешностью. Те ответили мощным ударом конников на его фланг и нанесли ему сокрушительное поражение. Конница римлян была разгромлена, а пехота подверглась полному уничтожению. Сам Валент, очевидно, погиб в этой битве, но его тело так и не было найдено. Святой Амвросий называл эту катастрофическую битву «человекоубийственной резней» и «концом света», и в самом деле она послужила предзнаменованием окончания или преобразования древней Средиземноморской политической структуры и самого способа жизни под влиянием германцев — хотя фактически вышло так, что именно Западная, а не Восточная империя была обречена на разрушение.

Религиозная политика Валента отнюдь не разделяла терпимости его брата, поскольку он сам был твердым арианином и преследовал католическую церковь, даже приговаривая к смертной казни некоторых ее членов. Он также изгнал нескольких католических епископов, хотя общественное возмущение вскоре побудило его призвать их выдающегося лидера Афанасия к себе в Александрию. В конце концов, он разрешил и остальным вернуться на свои посты. Некоторые католики, например историк Созомен, рассматривали его смерть в бою как божественное наказание за приверженность арианству.

Наиболее важным памятником его правления стал большой акведук, который он начал строить в 368 г., чтобы удовлетворить потребности Константинополя в воде, завершив проект, начатый Константином Великим и заимствуя камни из стен Халкедона — города, участвовавшего в мятеже Прокопия. Это величественное сооружение, части которого все еще сохранились, соединяло два городских холма через долину, неся воду в просторное водохранилище — Нимфей Великий.

Аммиан Марцеллин произвел исчерпывающий анализ сложного характера Валента:

«Он был верен и надежен в дружбе, строго карал честолюбивые происки, сурово поддерживал военную и гражданскую дисциплину, был всегда до боязливости настороже, чтобы кто-либо под предлогом родства с ним не возносился слишком высоко, был очень осторожен в предоставлении и лишении чинов, добросовестнейшим образом охранял провинции, которые он берет от убытков, как свой собственный дом, с особенным старанием смягчал тяжесть податей, не допускал увеличения никаких налогов, был снисходителен во взыскании недоимок и являлся злобным и жестоким врагом проворовавшихся и уличенных в казнокрадстве правителей провинций. Восток не помнит лучшего в этом отношении времени ни при каком другом императоре. Щедр он был со всеми, но в меру. Примеров можно было бы привести множество, но ограничусь одним. При дворе есть всегда много людей жадных до чужого добра; если кто-то просил о предоставлении ему выморочного владения или другого чего-нибудь, как это обычно, он, строго отличая справедливое от несправедливого, предоставлял это имущество просившему, но в то же время давал право голоса возражающему и участие в этом владении делил между тремя или четырьмя лицами, хотя их иной раз не было на месте. Таким образом, эти беспокойные люди должны были вести себя осторожнее, видя, что добро, на которое они скалили зубы, уменьшалось благодаря этому способу...

В стремлении заполучить большие богатства он не знал меры, не был вынослив в бранных трудах и только выставлял для вида свою закаленность, был склонен к жестокости. Он был мало образован, не прошел курса ни военного, ни изящного образования; охотно искал с ущербом для других пользы и выгод себе самому; особенно невыносим он бывал в тех случаях, когда преступления неуважения или оскорбления величества предоставляли ему возможность выступать против жизни и состояния людей богатых. Невыносимо было в нем и то, что хотя он хотел, чтобы казалось, будто он подчиняет все процессы и следствия действию законов, и поручая рассмотрение дел наилучшим из тех, кто состоял судьями, но в действительности он творил повсюду свой личный произвол. Он был груб в обращении, раздражителен, охотно выслушивал доносы, не отличая правды от лжи: эти недостатки даже в простых обычных отношениях частной жизни ведут к весьма неприятным последствиям. От природы он был ленив и нерешителен. Цвет лица был у него темный, зрачок одного глаза — слепой, но издали это не было заметно; телосложение пропорциональное и крепкое, рост — не высокий и не низкий, ноги несколько выпнуты, и живот немного выдавался».

## ГРАЦИАН 367—383 гг.

Грациан (Флавий Грациан) (император на Западе, 367—375 гг.; император-соправитель на Западе 375—383 гг.), сын Валентиниана I и Марины Северы и внук Грациана Старшего, родился в Сирмии в 359 г. В 366 г. он стал консулом, а в следующем году его отец устроил большую военную церемонию в Амбианах и провозгласил его августом — в восьмилетнем возрасте. На монетах, выпущенных в честь Грациана в Арелате, он назван «Славой Нового Века» (GLORIA NOVI SAECVLI).

После смерти Валентиниана 17 ноября следующего года он был провозглашен единовластным императором Запада. Однако всего через пять дней его четырехлетнего брата, Валентиниана II, провозгласили Августом в Аквинке, без уведомления Грациана и его советников, которые тем не менее приняли это заявление. Последовала борьба за трон Грациана, и выдающуюся роль в ней играли Феодосий Старший, магистр всадников на Западе, и Максимин, префект преторианцев в Галлии. Оба вскоре не выдержали давления своих врагов, были казнены, и правительство оказалось в руках поэта Авзония, который занимал пост правового министра (*quaestor sacri palatii*) с 375—376 г., а потом и префекта претория, сначала в провинции Галлии, а впоследствии в Италии, а также в Африке. Относясь с некоторой благосклонностью к идеалам языческого большинства в сенате, Авзоний выказал рвение установить добрые отношения с этой группой, которая была в немилости в предыдущее правление. При новом разделении власти у данувийцев не осталось преимуществ, зато была введена политика умеренности по отношению к сенаторам, включая амнистию для людей, подвергавшихся преследованиям по политическим мотивам. Более того, когда в 376 г. Грациан посетил Рим, он предпринял дальнейшие меры для того, чтобы сохранить всеобщее расположение.

Основная резиденция Грациана располагалась в Тревирах, и он использовал ее как базу для операций против алеманов в течение двух последующих лет. Потом Грациан с легко вооруженной армией двинулся вдоль Данувия к Бононии Малате, Сирмию и Кастра Мартис (городок в Дакии Прибрежной, бывшей Верхней Мезии), где, страдая от перемежающейся лихорадки, потерял несколько человек в стычке с сарматскими аланами. Узнав, что Валент противостоит большой армии вестготов под Адрианополем, он послал вестготам, что вскоре придет ему на помощь, но то ли по собственной нерасторопности, то ли по оплошности своих помощников не смог прибыть вовремя и предотвратить поражение последнего (см. Валент). В январе 379 г. в Сирмии Грациан возвысил Феодосия I (своего кузена по браку, сына Феодосия старшего) до положения августа вместо Валента — и поручил ему править Востоком, пока сам он обороняет Запад, а в следующем году они провели совместные операции, завершившиеся переселением готов и аланов в Паннонию.

Зимой 382/83 г. Грациан провел довольно много времени в

Медиолане; епископ этого города Амвросий последние четыре года имел все более возрастающее влияние на юного императора, противостоя Авзонию с его более умеренными взглядами. С самых ранних лет Грациан был очень набожным христианином и живо интересовался богословскими проблемами; в 379 г. он не только объявил вне закона все ереси, но и изъял из своего титула звание *pontifex maximus* («верховный жрец»). Он был первым императором, предпринявшим этот шаг. Более того, он изъял общественные фонды, которые до того предназначались для языческих богослужений. Другим, глубоко символическим поступком было его распоряжение о том, чтобы языческий алтарь Победы убрали из здания сената в Риме, куда его поместил Юлиан Отступник после еще более раннего изъятия. Этот новый приказ, расцененный многочисленными сенаторами-язычниками как решительная угроза их традиционной вере, заставил их направить к императору делегацию под предводительством Квинта Аврелия Симмаха, наиболее рьяного из язычников того времени, но Грациан не пожелал даже встретиться с нею.

В 383 г. в Реции, подготавливая дальнейшие операции против алеманнов, Грациан узнал, что Магна Максима провозгласили августом его солдаты в Британии и что он пересек Ла-Манш. Грациан поспешно повел войска в Лютетию, чтобы противостоять этому, но его войска, испытывая зависть к наемникам-аланам, которым были пожалованы особые привилегии, перешли на сторону узурпатора. С несколькими друзьями Грациан попытался добраться до Альп, но в августе 383 г., в Лугдуне, встретил свою смерть: он был убит Андрагатием, старшим офицером, выдававшим себя за его сторонника.

В возрасте семи лет Грациана женили на Констанции, двенадцатилетней дочери Константина II, родившейся после смерти последнего. Она умерла в 383 г. (и их сын не пережил своего отца). После ее смерти Грациан женился на некоей Лете, пережившей его более чем на двадцать лет. Он был приятным и воспитанным человеком, красноречивым оратором с живейшим интересом к литературе и религии, и на Аммиана Марцеллина произвел большое впечатление воинственный пыл, который проявил в походе восемнадцатилетний юноша. Он также ласково относился к своему младшему коллеге, Валентиниану II. К талантам Грациана относили активные занятия спортом (и строевой подготовкой), что отвлекало его от административных обязанностей. «То был молодой чело-

век, — заключал историк, — прекрасно одаренный, красноречивый, сдержанный, воинственный и мягкий, и он мог бы идти по стопам лучших императоров прошлого времени, когда еще только пушок стал украшать его щеки, если бы склонность к забавам под развращающим влиянием ближайших к нему лиц не направила его к пустым занятиям царя Коммода, хотя он и не проявил при этом кровожадности».

## ВАЛЕНТИНИАН II

375—392 гг.

Валентиниан II (Флавий Валентиниан) (император-соправитель на Западе, 375—392 гг.) родился в 371 г. в Тревирах. Он был сыном Валентиниана I и Юстины и младшим сводным братом Грациана. Когда в 375 г. Валентиниан I умер и Грациан был провозглашен единовластным августом на Западе, четырехлетнего Валентиниана II провозгласили его соправителем солдаты в Аквинке; поводом для этого послужило недовольство среди данувийских войск из-за склонности германских легионов решать все самим. Более всего способствовали его возвышению два бывших главных советника его отца: германец Флавий Меробавд, командир конницы штаба (*magister peditum in praesenti*), и Флавий Эквит, главный генерал в приданувийских провинциях. Валентиниан II в это время был в сотне миль от Аквинка, где жил вместе с матерью на вилле Муродинкта. После того как Меробавд и Эквит провозгласили его императором, они отправили за ним его дядю по матери, Церриалия, управляющего императорскими конюшнями. Прибыв на виллу, он усадил Валентиниана на носилки и привез в лагерь; и вот, всего через пять дней после смерти своего отца, он был провозглашен августом-соправителем на Западе.

Многие опасались, что Грациан обидится на эту акцию, предпринятую без его согласия. Однако он принял сложившееся положение и продолжал относиться к ребенку с нежной благосклонностью, следя за его образованием (против желания Юстины). Юному Валентиниану II были выделены, номинально, земли, в число которых входила Италия, Африка и Западный Иллирик (Паннония). На монете, отчеканенной Грацианом в Тревирах, изображены оба императора, сидящие бок о бок, но Валентиниан II заметно меньше размером. А на монетах, выпущенных в его честь, он назван «младшим» авгу-

стом. Он был все еще слишком юным, чтобы играть сколько-нибудь значительную роль, когда их восточный коллега Валент был побежден и убит вестготами, и в 379 г. — по настоянию Грациана — заменен Феодосием I, а сам Грациан был устранен Магном Максимом спустя четыре года. Феодосий, опасаясь за жизнь мальчика, находившегося в руках узурпатора, начал переговоры с Магном Максимом, заключившим с Валентинианом II некое подобие мира.

Незадолго до своей смерти Грациан отдал приказ об изъятии алтаря Победы из здания сената. Этот поступок привел к обсуждению, в результате которого последовала известная череда протестов, устроенная руководителями обеих сторон — Квинтом Аврелием Симмахом и святым Амвросием — в 384 г. во время правления Валентиниана II. В этот критический момент положение при дворе казалось более благоприятным для язычества, потому что отношения советников юного императора с Амвросием ухудшились из-за возрастающего влияния Юстины (арианки), поддерживаемой франком-главнокомандующим, Флавием Баутоном. Вдобавок к этому Симмах занимал влиятельную должность городского префекта и префектуры преториев Италии, Иллирика и Африка были в руках его единомышленника Веттия Агория Претекстата. Он привел свой аргумент со спокойным достоинством. «У каждого, — заявил Симмах, — есть свой обычай и своя религия. Любовь к привычке велика. Мы просим о восстановлении культа на прежних условиях, которые так долго были столь благодатными для Римского государства. В одиночку нельзя постигнуть столь великой тайны». Однако это недвусмысленное отрицание притязаний христианства на универсальность было отвергнуто Амвросием, который настаивал, что император должен «делать то, что, как он считает, будет полезным для спасения в глазах Бога». Именно Амвросий сказал Валентиниану II: «Тот, кто читает Писание, видит, что епископы — это те, кто вправе судить императоров: хороший император не отвергает помощи Церкви — он ищет ее». Однако правдой было и то, что некоторые придворные советники прислушивались к речам Симмаха с большим вниманием. Под давлением Амвросия прошение сената было снова отвергнуто. Это было последним важным публичным сопротивлением язычников; Симмах отказался от своей должности, и в том же самом году умер Претекстат. Примерно в то же самое время, или немного позже была воздвигнута великолепная базилика святого Павла «За Стенами Рима» (на месте церкви Константина) — огромная дорогостоя-



щая копия святого Петра. Тем не менее триумф Амвросия оказался неполным, потому что в 386 г. был издан эдикт терпимости по отношению к арианами, против которого Амвросий сильно протестовал, и его возражения разделял Феодосий I.

В следующем году Магн Максим набрался достаточно дерзости и, опираясь на свою власть над Западной Европой, внезапно вторгся в Италию, где он обнаружил, что альпийские перевалы незащищены. Валентиниан II и его мать бежали в доминионы Феодосия. Феодосий же, одержав победу над Максимом, отбросил жалобы на религиозную снисходительность Валентиниана II и признал его императором Запада, хотя на практике (поскольку сам Феодосий оставался в Италии до 391 г.) сфера действия Валентиниана была ограничена Галлией.

В это время он был почти полностью под влиянием Арбогаста, надменного и властного франка, кумира армии, который был ее главнокомандующим после смерти Баутона в 388 г. Молодой император, угнетенный влиянием Арбогаста, попытался передать ему письменное требование об отставке, но франк просто порвал и швырнул его наземь. Вскоре после этого, 15 мая 392 г., Валентиниан был найден мертвым в своем дворце в Виенне в Южной Галлии. То ли он покончил самоубийством, то ли, что более вероятно, был убит по приказу Арбогаста, который после этого потребовал возвести на трон своего ставленника, Евгения. На похоронах Валентиниана в Медиолане Амвросий произнес похвальную речь, хотя погибший юноша, каким бы высококонраственным и разумным он ни был, так и не достиг достаточно взрослых лет, чтобы насладиться свободой политического действия.

## ФЕОДОСИЙ I 379—395 гг.

Феодосий I Великий (Флавий) (император-соправитель, 379—392 гг., оспоренный в 392—394 гг.; единоличный император, 394—395 гг.) родился в 347 г. в Кауке, на северо-западе Испании. Его отцу, Феодосию Старшему, в 368—369 гг. было пожаловано командование особой действующей армией, а потом он стал главнокомандующим кавалерии (*magister equitum*), сначала в императорском штабе, а впоследствии, в 369—375 гг., в Африке. В 368 г. будущий император участвовал в походе с ар-

мией своего отца в Британии, а позднее вернулся на континент, чтобы сражаться против алеманнов. В 373—374 гг. он был правителем Первой Мезии (Верхней Мезии) и проводил операции против сарматов. После того как его отца обвинили в измене при Валентиниане I в 375 г. и казнили при Грациане в следующем году, младший Феодосий вышел в отставку и удалился в свои владения в Испании. Однако после битвы с вестготами при Адрианополе, в которой восточный император Валент расстался с жизнью, Грациан вызвал Феодосия из Испании, чтобы тот взял на себя командование данувийским фронтом, возможно, в должности главнокомандующего. Он сразу же добился значительных успехов, и 19 января 379 г. в Сирмии ему было присвоено звание августа.

В первые несколько лет правления Феодосий I продолжал сражаться с вестготскими захватчиками и переселенцами, но он не смог изгнать их и в 382 г. заключил договор с их вождями, принимая их, что называется, *en bloc* (гуртом) как федератов в границах Империи. Вестготы были первым из германских народов, получивших статус союзников и федератов. По договору они получали земли во Фракии, где им разрешалось жить по своим собственным законам и со своими правителями, при условии, что они выделяют солдат и земледельцев римлянам. Таким образом Рим имел дело уже не с отдельными рекрутами, но с целыми племенами, у которых были собственные вожди. Эти вожди ежегодно получали от Феодосия определенное содержание деньгами и натурой, чтобы расплачиваться с подчиненными им войсками, и командовали ими как его офицеры. Вестготские солдаты служили под началом римлян на очень выгодных условиях, и им разрешалось в любое время оставить службу, при условии, если они найдут себе замену.

Однажды устроенная, эта новая федеративная часть армии, составленная не только из германцев, но и из гуннов, игравших значительную роль в военной организации Феодосия — быстро выросла в размерах; и этот процесс обрел особую силу, потому что бои между Феодосием и его соперниками за престол вели армии, в которые входили многочисленные воины — германские и другие неримские солдаты. Мобилизация иностранцев, отныне ставшая регулярной и широкомасштабной чертой жизни Империи, подвергалась суровому порицанию со стороны римских критиков. И все же, поскольку проблема с набором рекрутов стала столь отчаянной, это ре-

шение, возможно, было наиболее эффективным из всех возможных и обеспечивало благоприятные возможности для межнационального партнерства — хотя предубеждение римлян и непокорность германцев привели к тому, что эти перемены не были использованы должным образом, несмотря на старание некоторых римских руководителей, включая самого Феодосия I, который испытывал личную приязнь к некоторым германским командирам.

Чтобы содержать эту увеличенную римскую армию, Феодосию I, даже более, чем Валентиниану I, пришлось издавать законы, выдававшие страстную решимость увеличить доходы от налогов любыми возможными способами. В 383 г. Феодосий заявил: «Никто не может обладать никакой собственностью, освобожденной от налогов». Поток предписаний и эдиктов довел этот принцип до крайней степени. Например, арендаторы не могли переехать со своего места жительства без согласия своего землевладельца, потому что, хотя частные тюрьмы, которые устраивали эти землевладельцы, были объявлены незаконными, они смотрели на своих арендаторов как на «рабов самой земли, на которой родились», поэтому любой, кто пытался оставить ее, признавался виновным в воровстве: «Он крадет самого себя».

Жертвы угнетения больше не могли взывать к Защитникам Народа (см. Валентиниан I), потому что Феодосий I довел до абсурда весь смысл их деятельности, поручив их выбор и назначение городским советникам — тем самым людям, которые отвечали за сбор налогов. А если сами советники не взимали налогов с должным старанием, их могли подвергнуть порке агенты центрального правительства. Феодосий I издал закон о том, чтобы их не били кнутом со свинцовыми бляшками — из чего можно заключить, что они подвергались именно такому наказанию.

Феодосий не мог похвастаться хорошими отношениями со своим западным коллегой Грацианом, но Грациан вскоре (в 383 г.) погиб от руки британского узурпатора, Магна Максима. Магн Максим разорил Галлию и поначалу получил признание Феодосия, но когда в 387 г. он внезапно вторгся в Италию, Феодосий, умело используя германские и гуннские войска, победил его в Сисции и Позтовионе, а потом обезглавил в Аквилее. Феодосий оставался в Италии три года, но потом, под жестоким давлением, был вынужден уйти с западной оконечности данувийской границы и оставить ее широко откры-

той для германских поселенцев. С другой стороны, в то же время (или даже немного раньше) диоцезы Дакия (Верхняя Мезия) и Македония, вместе с монетным двором в Фессалонике перешли из Восточной империи в Западную под новым названием — преторианская префектура Иллирик. Таким образом, отныне европейская граница между Западной и Восточной империями пролегла от Сирмия и Сингидуна на юг, до Адриатики.

Феодосий вернулся в Константинополь, фактически оставив управление Западом в руках своего главнокомандующего, германца Арбогаста. Арбогаст пытался утвердить свою независимость, создав марионеточного западного императора в лице Флавия Евгения, бывшего учителя латинской грамматики и риторики, который возвысился до звания управляющего имперским секретариатом (*magister scrinii*) и имел поддержку франков. Но в 394 г. Феодосий разбил их армию на реке Фригид и убил Евгения. Теперь он правил всей Империей, как Восточной, так и Западной. И все же воссоединение двух частей оказалось шатким и недолговечным, потому что спустя пять месяцев, в январе 395 г., Феодосий умер.

Он заслужил звание «Великий» из-за своей глубокой приверженности христианству. На самой ранней стадии своего правления, во время тяжелой болезни он принял крещение. В 380 г. Феодосий объявил, что религия, основанная на никейском символе веры и исповедуемая папой Дамасом и епископом Александрийским, — единственная правильная религия. В следующем году он приказал передать все церкви в руки католических епископов, чьи притязания на право называться католиками должен был определять он сам. Тем не менее дела шли вовсе не так гладко: сто пятьдесят епископов, которых он созвал, отказались признать его кандидата на папский престол этого города, и ему пришлось выбрать другого из предоставленного ему недлинного списка.

Кроме того, Феодосий предпринимал суровые действия в отношении еретиков, на которых с 380 г. обрушилась непрерывная череда репрессивных законов. Один из эдиктов вообще запрещал обсуждение любых религиозных вопросов — тем самым была предпринята попытка лишить людей одного из их любимейших занятий. Манихейцы (дуалисты, признававшие силу Тьмы наряду с силой Света), которых уже преследовали предшественники Феодосия, были зачислены в ряды прочих еретиков и загнаны в подполье; только к иудеям некоторое

время относились с большим либерализмом, потому что Император был приятелем их патриарха, Гамалиила VI. Позиция Феодосия по отношению к иудеям поначалу была неопределенной. Им не мешали совершать жертвоприношения, но, с другой стороны, им фактически запретили обращаться к прорицателям. Хотя Феодосий не смог предотвратить разрушение их храмов враждебно настроенными христианами, поначалу он сам не закрыл ни одного храма. Это неожиданно произошло в 391 г., когда каждая форма языческого поклонения была запрещена — под угрозой ужаснейших наказаний. Проникнувшись мыслью о мести — обостренной к тому же восстанием Евгения, который, хотя и называл себя христианином, сочувствовал возрождению язычества — Феодосий полагал, что должен воздать язычникам должное за те преследования, которым они подвергали первых христиан.

Эти меры широко поддерживал Амвросий, епископ Медиоланский, с 387 г. оказывавший огромное влияние на Феодосия. В следующем году он заставил императора не наказывать никефорийского епископа Каллиника в Месопотамии, который сжег синагогу. Он отказался проводить мессу, пока Феодосий не отменит наказания (а также приказа заново отстроить синагогу). Потом, в 390 г., Феодосий организовал избиение в Фессалонике, чтобы отомстить за самосуд, устроенный в цирке главнокомандующим Иллирика, Бутериком, засадившим в тюрьму популярного колесничего; но Амвросий отказал императору в причастии, пока он не выполнил епитимью. Это были две исторические победы церкви над государством. Неудивительно, что даже антихристианский философ и жрец Евнапий заявил, что при Феодосии I «наша эпоха подвергается риску, потому что дураки перебрасываются ею, словно мячом». Другой язычник, Зосима, рассматривал насильственную христианизацию Империи как прямую причину падения Рима, которое последовало вскоре после этого и было возмездием Олимпийских богов, возмущенных политикой императора.

Феодосий I женился в первый раз (376—386 гг.) на соотечественнице-испанке, Элии Флавии Флакцилле (в честь которой выпустил монеты), а потом на Галле, одной из сестер Валентиниана II. Среди детей от его первого брака были Аркадий и Гонорий (он возвысил их до звания августов в 383 и 393 гг. соответственно). Дочерью от второго брака была Элия Галла Плацидия (родилась в 388 г.), ставшая женой вестгота Атаульфа, а потом Константина III.

Светловолосый, с орлиным носом, Феодосий представлял собой образец элегантности. Но его поведение колебалось между противоположностями — лихорадочной деятельностью и нерешительной вялостью, между простой солдатской жизнью и удовольствиями двора. Ему нравилось выносить суровые приговоры и наказания, но он был всегда готов прекратить их и принести извинения, потому что ему нравилось доставлять людям удовольствие. Многие отмечали и восхищались его познаниями в римской истории. Если он обещал что-либо, то старался сдержать слово — и все же, в то же самое время, ему нельзя было доверять как другу или руководителю. К тому же он был корыстолюбив. А историк Зосима (который, вероятно, испытывал предубеждение, потому что был язычником), сожалел о его пристрастии к шутам и танцорам, а также любви к роскоши и удовольствиям, хотя он допускал, что Феодосий, когда было необходимо, мог проявлять недюжинные способности. В его правление испанская группировка, связанная с аристократией Южной Галлии, заняла наиболее прочную позицию.

## МАГН МАКСИМ 383—388 гг.

Магн Максим (император-соперник на Западе, 383—388 гг.) был выходцем из бедной испанской семьи, жившей, вероятно, в Галлеции и связанной с домом Феодосия I. Под началом его отца — Феодосия Старшего — он служил в Британии в 369 г. Он также сражался в Африке против восстания Фирма в 373—375 гг., а позднее в чине старшего командира (*comes*) в провинциях Британии, где успешно действовал против пиктов и скоттов. Войска в британских гарнизонах были недовольны режимом Грациана, который был в то время императором Запада, и присягнули на верность Магну Максиму, выполнившему их требование (он вновь открыл монетный двор в Лондинии).

Грациан отправился в Лютетию, чтобы выступить против узурпатора, но войска дезертировали, и на пути его отступления в Лугдун его догнал и убил командир кавалерии (*magister equitum*) Магна Максима, Андрагатий. При поддержке Флавия Меробавда, командующего пехотой на Западе, Магн Максим распространил свою власть на земли вплоть до германской

границы и Испании, основав свою столицу в Тревирах. Он также вступил в переговоры с императорами Валентинианом II и Феодосием I, причем в обоих случаях с успешным результатом: Валентиниан II, пусть неохотно, но признал его переворот, Феодосий, заботясь о безопасности Валентиниана, а также и собственной восточной границы, счел себя обязанным сделать то же самое. Максим, в свою очередь, принял имя Флавия, чтобы обозначить связь с императорским домом.

Он был ортодоксальным католиком и очень серьезно относился к своим религиозным обязанностям, в связи с этим принудительные меры в отношении манихейцев-дуалистов (см. Феодосий I) были возобновлены с новой силой, что привело к трагедии. Их жертвой стал Присциллиан, испано-римский мирянин, чья несдержанность в суждениях вызвала значительные последствия. Хотя он называл себя христианином и даже обеспечивал охрану на выборах в епархию, его крайнее, аскетическое, проникнутое духом дуализма презрение к убогому физическому существованию людей заставило церковную власть заподозрить его в склонности к манихейству. В 384 г. Присциллиана осудил церковный синод в Бурдигале. Когда он обратился к Максиму в Тревирах, на него возвели новые обвинения, включая обвинение в колдовстве, и по последнему, несмотря на протесты великого церковного деятеля, святого Мартина Турского (Цезародун), он был признан виновным и казнен. Насколько нам известно, впервые в истории христианства человек был казнен за свои религиозные убеждения. Это создало зловещий прецедент; в будущем возникла возможность передачи подозреваемых в еретичестве мирским властям в противоречие с мнением Мартина о том, что церковь и государство не должны вмешиваться в дела друг друга. И не только Мартин был против этого, поскольку обвинители Присциллиана были отлучены от церкви папой Сирицием и епископом Амвросием Медиоланским. Что касается самого Максима, относившегося враждебно не только к ересям, но также и к классическому язычеству, он согласился со своим братом Марцеллином, предложившим наложить штраф на лидера язычников Симмаха. С другой стороны, несмотря на неодобрение Амвросия, он приказал восстановить сожженную иудейскую синагогу.

В 387 г. Максим сделал своего маленького сына Виктора августом и соправителем, и, чтобы отметить это династическое событие, монетный двор в Тревирах выпустил монеты в честь этого ребенка, где он был изображен сидящим со своим

отцом. Максим восстановил традиционную надпись, гласившую, что они были «рождены для благополучия государства» (BONO REIPUBLIC[ae] NATI). Летом того же года, оставив Виктора в Галлии, Максим внезапно вторгся в Италию, беспрепятственно пересек альпийские перевалы, предлагая в то же время мирные переговоры своим коллегам — императорам. Феодосий I, к которому Валентиниан II бежал, дабы избежать плена, в следующем году уже был готов к ответному наступлению. Пока сам Максим оставался в Аквилее, его армия под командованием Андрагатия продвинулась в Иллирик, однако императорские войска не перешли на его сторону в том количестве, как он надеялся, и он потерпел неудачу в окрестностях Сисция. Его брат Марцеллин успешно объединил армию для нового наступления, но она снова потерпела сокрушительное поражение под Поэтовионом на Драве. Максим сдался на милость Феодосия, но это не спасло его от смертного приговора. Его сыну, захваченному Арбогастом, тоже не сохранили жизнь.

Феодосий объявил, что правление Максима было незаконной узурпацией и что, следовательно, все меры, предпринятые его правительством, недействительны. Некоторые современные исследователи, однако, говорят о нем как о способном и дальновидном правителе.

## АРКАДИЙ 395—408 гг.

Аркадий (Флавий) (император на Востоке, 395—408 гг.) родился в Испании около 377 г. Он был старшим сыном Феодосия I Великого и Элии Флавии Флакциллы; отец объявил его августом в 383 г. Образование Аркадия было доверено сперва его матери, потом священнику Арсению и, наконец, знаменитому языческому писателю Фемистию. Когда Феодосий I в 394 г. выступил против узурпатора Евгения, он оставил Аркадия за номинального главу правительства в Константинополе.

Феодосий умер в следующем году, и восемнадцатилетний Аркадий сменил его на восточном троне, в то время как его брат Гонорий стал номинальным правителем Запада. Это разделение оказалось решающим событием. Территория римского государства и раньше, бывало, разделялась на две части, но один из императоров обычно считался старшим по отноше-



нию к другому, поэтому сохранялась хоть какая-то видимость единства. Давление политических и военных обстоятельств новой эпохи означало, что такое положение более невозможно: к тому времени оба правительства склонялись к тому, чтобы идти каждое своим путем. Это правда, что законодательство, провозглашаемое восточным и западным императорами, относилось ко всей Империи, и каждый из них чеканил монеты с именем и портретом своего коллеги. И все же это новое разделение было более ощутимым, чем любой предыдущий раздел власти, и в самом деле политические отношения между двумя администрациями часто бывали весьма напряженными. Существуют разные точки зрения относительно того, с каких пор «Восточную Римскую империю» можно считать «Византийской империей», тем не менее многие считают Аркадия первым византийским правителем.

Однако настоящим правителем Востока был не сам юный Аркадий, но Флавий Руфин, сын башмачника из Аквитании, ставший префектом претория на Востоке в последние три года. Правда, он не преуспел в своем намерении выдать свою единственную дочь за Аркадия, потому что того убедили жениться на Элии Евдоксии, дочери франкского военачальника Баутона. Элии покровительствовал старый плешивый евнух Эвтропий, занимавший пост придворного казначея (*praepositus sacri cubiculi*). Так что Руфин пользовался не самым большим влиянием при константинопольском дворе. И все же он обладал значительной властью. Он был деятельным христианином, проводил суровые законы против язычников, еретиков и прелюбодеев и основал монастырь в своем поместье близ Халкедона.

Руфин также приобрел дурную славу из-за своей невероятной алчности и честолюбия. Что касается политических замыслов Руфина, они привели его к острому столкновению со Стилихоном, который, оставленный Феодосием на Западе, чтобы управлять делами десятилетнего брата Аркадия, Гонория, заявил, что покойный император попросил его присматривать и за самим Аркадием. Такой расклад, однако, совершенно не устраивал Руфина, и конфликта между двумя министрами было невозможно избежать. Он начался с вестготов, которых Феодосий I поселил в провинциях, называемых с того времени Дакией: они ограничивались Дануviем с севера и Балканами (Гем) с юга. Эти поселенцы взбунтовались под предводительством Алариха и опустошили Македонию и Ахею. По каким-то загадочным причинам нападающие поща-

дили частную собственность Руфина, и западный поэт, Клавдиан, заявил, что тот предательски отвел свои войска. На Востоке, однако, считали, что Стилихон умышленно отвлек варваров от Запада, направив их на Восток.

Так это было или нет, Стилихон был, конечно, намерен пересмотреть границы между двумя империями, установленные Феодосием I. Его целью было вернуть префектуру Иллирик, богатую людскими ресурсами, Западу, что означало новую оккупацию Балканского полуострова и фактически оставляло Восточной империи только Фракию. Поэтому Стилихон отправился с войсками в Северную Грецию — очевидно, для того, чтобы противостоять вестготам Алариха; но Руфин, действуя за Аркадия, обиделся на него за это вмешательство и безапелляционно приказал ему отступить. К удивлению многих, Стилихон подчинился этому приказу, оставив готского военачальника Гайну во главе нескольких легионов, которые должны были быть возвращены Аркадию. Гайна повел свои войска в Константинополь, где Аркадий и Руфин встретили и приветствовали их. Как отметили враги Руфина, на этой встрече он был одет более пышно, чем его господин, и предположили, что его тут же назначат августом. Случилось иное — на Руфина напали и закололи его. Почти наверняка этот акт был подготовлен Стилихоном при участии (или без него) Гайны: Клавдиан публично поздравил Стилихона с этим убийством. И все же это пробило роковую брешь в единстве Восточной и Западной империй.

Пост Руфина, как самого влиятельного министра на Востоке, занял Евтропий. Он держал префектов претория Аркадия под неусыпным наблюдением. Но все надежды на сотрудничество с Западной империей, которые могли появиться, очень скоро исчезли. Поначалу, когда Восток все-таки пригласил Стилихона возобновить военные действия против Алариха в Греции в 397 г., он почему-то позволил этому вестготу ускользнуть из его рук. Пораженный столь необъяснимым поведением, Евтропий объявил западного военачальника врагом общества; и все же сам он в то же самое время почувствовал необходимость умиротворить Алариха, назначив его главнокомандующим на Балканах — шаг, который вызвал великое недоумение на Западе.

В том же году мятеж в североафриканских провинциях послужил новым поводом для взаимного озлобления. Его вдохновителем был Гилдон, которого сделали главнокомандующим

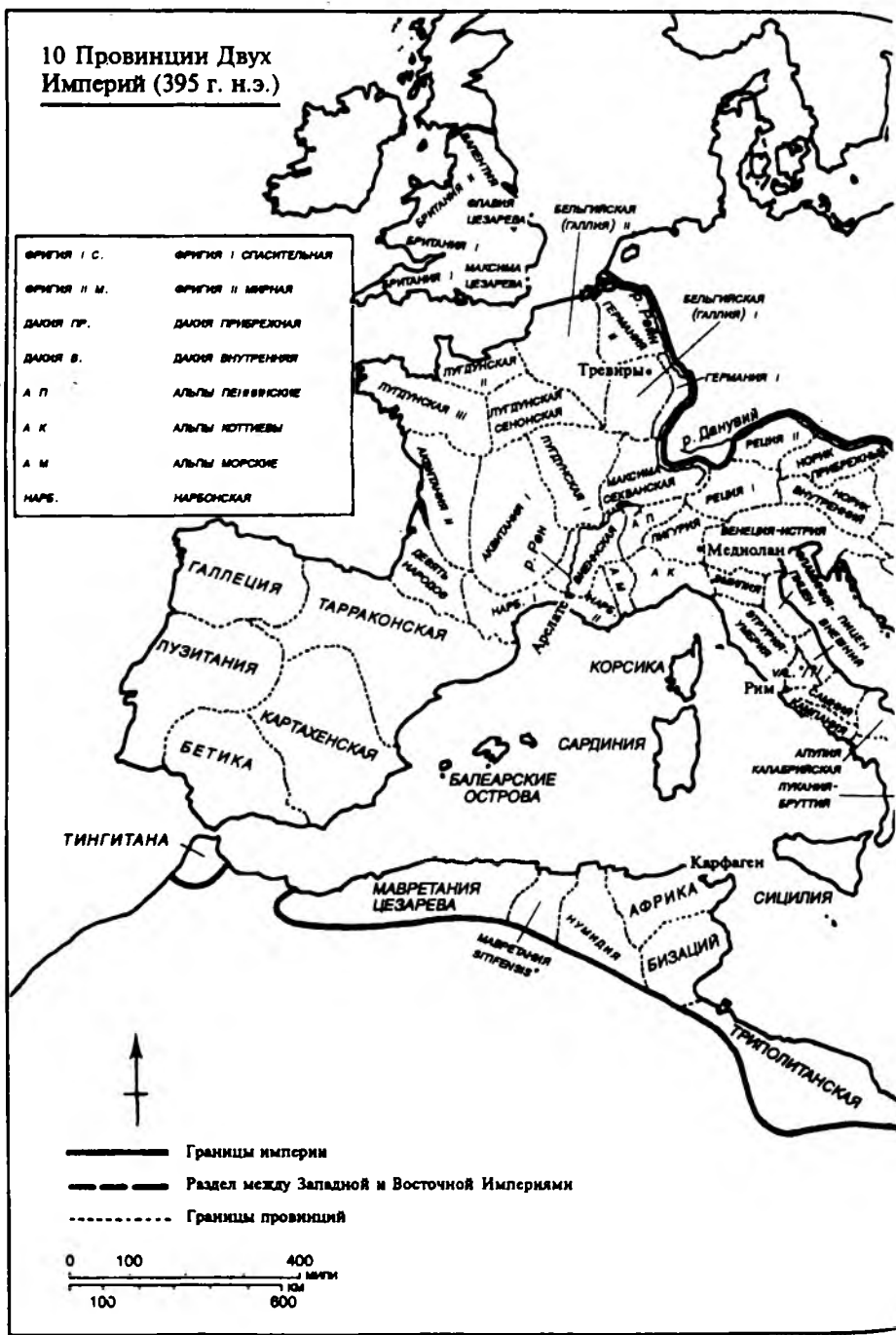
этого региона, несмотря на то, что бунтовщиком был его брат Фирм. Гилдон выступил против западного правительства, присягнув при этом Аркадию. Это обещало катастрофические последствия для Запада, потому что Африка была основным источником поставок зерна в Рим. С другой стороны, Евтропий смотрел сквозь пальцы на этот мятеж, за что подвергся яростным нападкам Клавдиана, сожалевшего, что внук достиг столь высокого поста, и побуждавшего Стилихона свергнуть военным путем его режим в Константинополе. Однако Стилихон не стал действовать в открытую, предпочтя более завуалированную форму переворота, свержение и изгнание Евтропия, последовавшее в 399 г., можно с уверенностью считать делом его рук или, по крайней мере, не прямой поддержки.

Восточное правительство теперь перешло сначала в руки Гайны, в 400 г., на шесть месяцев, а потом — в руки сильной и импульсивной жены Аркадия, Элии Евдоксии, которая была провозглашена августой. В следующем году она почувствовала себя достаточно сильной, чтобы отплатить Стилихону. С ее поддержкой Аларих перенес свои враждебные действия с Восточной на Западную империю и даже появился в пределах самой Италии. У Евдоксии появилась возможность навредить Стилихону, потому что она поняла его намерение отнять Иллирик. В 405 и 406 гг. этот замысел был ненадолго отсрочен из-за вторжений германцев, но в следующем году Стилихон подготовил окончательные планы для вторжения в Балканские провинции, получив Алариха занять побережье Греции от имени Гонория. Но этот проект также пришлось отложить, на сей раз из-за восстания в Британии.

В эти годы в восточной столице большой размах приобрел конфликт между императрицей Элией Евдоксией и святым Иоанном Хрисостомом («Златоустом»), бескомпромиссным епископом, или патриархом, Константинополя. Озабоченный более поведением людей, чем их богословскими пристрастиями, Иоанн страстно порицал богатых и могущественных, и Евдоксия вскоре почувствовала, что ее собственное роскошное существование было истинной целью большинства его нападков. Если в 401 г. епископ еще кое-как сдерживался и даже окрестил Евдоксию и сына Аркадия, Феодосия II, то в следующем году он вызвал ее бурный протест своей гневной женоненавистнической проповедью, в которой недвусмысленно сравнивал ее с Иезавелью, великой библейской злодейкой. Под влиянием Евдоксии многочисленные враги Иоанна заста-

# 10 Провинции Двух Империй (395 г. н.э.)

БРИТАН I С.	БРИТАН I СПАСИТЕЛЬНАЯ
БРИТАН II М.	БРИТАН II МИРНАЯ
ДАКОЯ ПР.	ДАКОЯ ПРИБРЕЖНАЯ
ДАКОЯ В.	ДАКОЯ ВНУТРЕННЯЯ
А П	АЛЬПЫ ПЕИВНИСКИЕ
А К	АЛЬПЫ КОТТИВЫ
А М	АЛЬПЫ МОРСКИЕ
НАРС.	НАРСОНСКАЯ





вили восточного императора создать комиссию, с целью обвинить епископа в неправильном поведении. Комиссия признала Иоанна виновным и сместила его, и Аркадий объявил о его изгнании. В 403 г. Иоанн перебрался в Малую Азию, но только после того, как обозвал императрицу Иезавелью и Иродиадой в специальной проповеди. Его и Евдоксию уговорили помириться, и он смог вернуться, но ненадолго. Вскоре, в 404 г., Иоанн снова отправился в изгнание, и потом узнали, что он умер, проведя три года в отдаленных местах.

Тем временем Евдоксия не пережила осложнений после выкидыша, и правительство Аркадия перешло в руки восточного префекта претория, Анфимия, которого возвысили до ранга патриция. Анфимий руководил подавлением исаврийских разбойников в южных и восточных провинциях Малой Азии; ему приходилось бдительно следить за Аларихом и Стихионом.

В 408 г. Аркадий умер своей смертью. Он сделал слишком мало, чтобы стать известным народу, хотя, согласно церковному историку Сократу Схоластику, в одном из редких случаев, когда он появился на улице, собралась огромная толпа, желавшая увидеть его. Другой церковный летописец, Филосторгий, упоминает его смуглый цвет лица и описывает его как невысокого и худого молодого человека с невпечатляющей внешностью. Его сонные глаза с тяжелыми веками выдавали вялую, недалекую личность. Поэтому его общественная жизнь была ничуть не более выдающейся, чем жизнь тех людей, которые успешно руководили его правительством. И все же тот факт, что трон по его смерти беспрепятственно перешел к его семилетнему сыну, Феодосию II, — его провозгласили августом еще в годовалом возрасте — был значительной данью продолжительной стабильности династии, к которой они принадлежали.

## ГОНОРИЙ 395—423 гг.

Гонорий (Флавий) (западный император, 395—423 гг.) родился в 383 г. и был вторым сыном Феодосия I Великого и Элии Флавии Флакциллы. Он получил титул августа в 393 г. в Константинополе, а когда двумя годами позже умер его отец, он

стал императором Западной империи, тогда как его брат Аркадий занял тот же пост на Востоке.

Поскольку Гонорию исполнилось лишь двенадцать, фактическим правителем стал его загадочный главнокомандующий Флавий Стилихон, полувандал-полуримлянин, женатый на двоюродной сестре правителя-подростка Серене, причем их дочь Мария в 395 г. стала женой самого Гонория. Исключительно способный и деятельный Стилихон не смог в конечном счете спасти Римскую империю от распада из-за двух особенностей его политики. Во-первых, он холодно, а затем и враждебно относился к правителям Восточной империи, так как рассчитывал захватить у них земли на Балканах (префектура Иллирик), отошедшие к ним по распоряжению Феодосия (см. Аркадий). С этой целью Стилихон даже подослал убийц к Руфину, главному управляющему и префекту претория Аркадия. Второй губительной особенностью правления Стилихона, непосредственно связанной с первой, являлось его нежелание оказывать серьезное сопротивление своим германским соотечественникам, вестготам, во главе которых с 395 по 410 г. стоял талантливый вождь Аларих. В 397 г. Стилихон в ответ на просьбу восточного правительства отразил наступление вестготов в Греции, но при этом не стал преследовать их. Когда в 401 г. они (под влиянием Константинополя) двинулись против Запада, Стилихон отозвал войска из Британии и с Рейна и два года успешно отражал их вторжение. Но Алариху вновь не отрезали путь к отступлению.

Это не помешало Гонорию устроить триумфальный въезд в Рим в честь победы над вестготами. Тем не менее он понимал, что в его резиденции в Медиолане оставаться небезопасно, и в 404 г. перенес столицу в Равенну. Защищенная болотами и расположенная на берегу моря, она оставалась главным городом Западной империи на протяжении трех четвертей столетия, пока вся Италия не перешла в руки варваров.

Тем временем на территорию Империи на среднем Дунувии проникла другая группа германских племен, остготы, вытесняя с венгерских равнин большую часть римского населения. В 405 г. остготы и другие племена во главе с Радагайсом хлынули на Апеннинский полуостров, Стилихон нанес им поражение при Фезулах. После этого Стилихон намеревался осуществить свое давнее желание напасть на Восточную империю, но ему помешало самое грозное вторжение германцев из всех, что случались прежде. В последний день 406 г. (либо на

протяжении более длительного периода) многоплеменные полчища — вандалы, свевы, алеманны, аланы и бургунды — перешли скованный льдом Рейн. Под их натиском пали, зачастую почти без сопротивления, многочисленные приграничные города, в том числе Монгунциах и Тревиры. Захватчики разошлись по всем галльским провинциям, опустошая и разоряя их. Как писал Гиббон, «с этой роковой минуты были снесены барьеры, столь долго разделявшие дикие и цивилизованные народы».

Стилихон, по-прежнему занятый подготовкой войны против Константинополя, не принял почти никаких мер, чтобы сдержать натиск варваров. Воспользовавшись бессилием правительства Западной империи, узурпатор Константин (III) захватил власть над Британией, Галлией и частью Испании, после чего последовал ряд схожих переворотов. В то же время Аларих потребовал от Гонория около двух тонн золота, и Стилихон уговорил сопротивлявшийся сенат уступить. Вскоре стараниями тех же сенаторов, которые считали, что такой главнокомандующий не соответствует их интересам, его самого обвинили в сговоре с Аларихом с целью посадить своего сына Евхерия на императорский престол. У Тицина войска, по наущению сенаторов, подняли против Стилихона мятеж, в 408 г. он сдался Гонорию в Равенне и был казнен. Это дало толчок мощному движению против влияния германцев, и в течение следующих пятидесяти лет ни один из них не занимал поста главнокомандующего. Служившие у Стилихона германцы, опасаясь, что их жены и дети могут погибнуть от рук солдат-римлян, перешли на сторону Алариха. Тот, со своей стороны, лишившись весьма прибыльных связей со Стилихоном, предпринял поход на Рим и не вступил в город лишь потому, что вновь получил крупную взятку, которую Гонорий и его новый главный советник Олимпий после первоначального отказа с большой неохотой согласились дать. В следующем году Аларих вновь подошел к Риму, захватил порт Августа и заставил сенаторов посадить на трон императора-марионетку Приска Аттала, выпустившего монеты и огромный медальон с надписью: «Непобедимый вечный Рим» (INVICTA ROMA AETERNA).

Особая ирония надписи проявилась в следующем году, который стал свидетелем ужасной катастрофы — захвата Рима Аларихом. Перед этим вождь вестготов лишил власти Аттала и лично встретился с Гонорием в окрестностях Равенны. Но когда на его лагерь напало враждебное германское войско во



главе с Саром, Аларих прервал переговоры, подозревая, что это нападение произошло с ведома императора. Вестготы предприняли третий и последний поход на Рим. Аларих со своими солдатами вошел через ворота, открытые изменниками, и захватил Вечный город, который не склонялся перед внешним врагом более восьмиста лет. Иероним и Августин, как и многие в Римском мире, испытали огромное потрясение, и именно в ответ на обвинение, что ничего подобного при язычниках не случалось, Августин написал свой *Град Божий*. Аббат Геронтий заявлял более трезво: «Блаженны те, кто оказался проницателен и продал свою собственность перед приходом варваров». Однако, хотя Аларих сжег несколько зданий и частично разграбил город, он оставался в нем не более трех дней. Затем, забрав с собой двадцатилетнюю сводную сестру императора Элию Галлу Плацидию, Аларих двинулся на юг полуострова. Он собирался вторгнуться в Африку, но не успел, так как скончался в Консенции.

В следующем десятилетии ведущим полководцем Гонория был Констанций (III), который вскоре разделался с узурпаторами в Галлии. В 414 г. преемник Алариха, Атаульф, женился в Нарбоне на Галле Плацидии, но Гонорий не дал своего согласия на этот брак, и Констанций отправил Атаульфа в Испанию, где тот был убит. Его преемник Валлия отдал Плацидию римлянам, и за это вестготам позволили вернуться в Галлию, где в 418 г. они получили статус федератов со столицей в Толозе.

После смерти в 321 г. Констанция (ставшего к тому времени императором-соправителем) Гонорий, всегда с нежностью относившийся к сводной сестре, начал проявлять свою привязанность весьма откровенными ласками и объятиями, что не только привело к публичному скандалу, но и настроило Плацидию против него. Этот разрыв породил потасовки на улицах Равенны между соответствующими свитами. Среди врагов Плацидии был главнокомандующий Кастин, который, хотя и потерпел тяжелое поражение от вандалов в Африке, рассчитывал занять место Констанция. В конце концов Плацидию выслали из Равенны, и в 423 г. она нашла убежище в Константинополе, забрав с собой двоих детей, в том числе младенца Валентиниана (III). В том же году императора поразила водянка, и он скончался.

Как ни парадоксально, именно на правление ничтожного Гонория приходится расцвет деятельности святого Августина, епископа Гиппон-Регия, и святого Иеронима. И все же име-

лась некая связь между жизнью императорского двора убеждениями этих великих теологов, поскольку Гонорий был очень набожен, а Августин в конце концов пришел к неутешительному выводу, что инакомыслящих, в первую очередь язычников, а затем и еретиков, следует подвергать принуждению со стороны государства. Сначала, после того как африканские язычники восстали из-за закрытия их храмов в 399 г., Августин примкнул к другим епископам, которые в 401 г. обратились к правительству с просьбой принять новые законы, дабы «вырвать с корнем остатки идолопоклонничества». Стилихон же, хотя и считал необходимым сжечь Сивиллины книги, самые священные документы язычества, склонялся все-таки к веротерпимости. Сразу же после его смерти был издан закон, запрещающий язычникам службу в армии. А в 407—408 гг. и ересь была объявлена преступлением против общества, «ибо нападки на божественную религию наносят вред всему обществу». Тогда же всех не католиков отлучили от двора, хотя годом позже Гонорию пришлось смягчить эти правила, поскольку оказалось невозможным добиться обращения каждого германца-арианина. Вскоре были изданы новые грозные указы, и именно тогда Августин после долгих размышлений отказался от прежней терпимости к еретикам и в 408 г. в письме к епископу Картеннскому Винценцию написал, что их, как и язычников, следует подвергать принуждению со стороны государства. Более того, в 415 г. были предприняты карательные меры в отношении последнего иудейского патриарха Гамалиила VII.

Поскольку император к этому времени достиг совершеннолетия, он, скорее всего, принимал участие в этих событиях. Справедливо также возложить вину за срыв переговоров с Аларихом, что привело к захвату Рима, на его упрямство, хотя вообще он обладал податливым и мягким характером. Возможно, Аларих был прав, предполагая, что за спиной вероломного нападения на него, приведшего к прекращению переговоров, стоит Гонорий. Многие считали, что Гонорий противился тому, чтобы Констанций III становился его соправителем, но если так, то с его желанием не посчитались. В его поступках можно заметить определенную склонность к предательству. Разумом он также не блистал. По сообщению Прокопия, когда Гонорию сообщили о падении Рима, он будто бы не понял и подумал, что окошел его любимый петух по кличке Рим. «Да я же только что кормил его», — воскликнул он.

По словам Филосторгия, много тяжелых ран получило го-

сударство в правление Гонория. В частности, действующая армия Западной империи потеряла в различных военных неудачах по меньшей мере половину своего состава, а может, и все две трети. Личный вклад императора в развитие событий был совершенно незначителен.

## КОНСТАНТИН III

407—411 гг.

Константин III (Флавий Клавдий Константин) (конкурирующий император западных провинций, 407—411 гг.) служил рядовым солдатом в Британии, о его происхождении ничего не известно. В 406 г. британские легионы, недовольные неспособностью Гонория и Стилихона защитить остров, провозгласили императором некоего Марка, которого вскоре убил другой претендент, некий Гратин. Спустя четыре месяца, в 407 г., его постигла та же судьба. Тогда солдаты выдвинули еще одного претендента, солдата же по имени Константин — третьего носителя этого имени, облачившегося в пурпурную мантию.

Первым делом он переправился на континент, взяв с собой большую часть действующей армии, вывод которой в значительной, а быть может, и в решающей степени способствовал отделению Британии от Империи. Затем к Константину перешли легионы, стоявшие в галльских провинциях, и его власть распространилась на многие их районы, оставленные представителями Гонория, бежавшими в Италию. Константин основал в Арелате (своей столице), Лугдуне и Тревирах монетные дворы и весьма надежно защищал рейнскую границу. В Галлии он одержал победу над одними германскими племенами, а с другими заключил соглашения. Равеннское правительство выслало против него войска под командованием вестгота Сара, который разбил военачальников Константина, но не сумел осадить его в Валенции, на севере Галлии. Тем временем сын Константина, Констант, назначенный цезарем, в сопровождении полководца по имени Геронтий отправился в Испанию, разбил войска Гонория и разместил свою штаб-квартиру в городе Цезаравгуста. Однако вскоре его отозвали в Галлию и присвоили титул августа.

Константин III отправил в Равенну послов, требуя от Гонория признания. Ввиду угрозы со стороны Алариха, тот вы-

нужден был согласиться, после чего в 409 г. Константин стал претендовать на совместное с ним консульство. Однако в Константинополе правительство Феодосия II не последовало примеру Гонория, хотя и не стало возражать против того, чтобы Константин с Константом прославляли на монетах «Победу четырех августов» (VICTORIA AA AVG GGG), т.е. двух центральных императоров и их самих. Константин также согласился оказать Гонорию помощь в борьбе с Аларихом, возможно, намереваясь при удобном случае захватить Италию. В поддержке этих планов подозревали начальника конницы Геллебиха, и Гонорий организовал его убийство.

Главнокомандующий Константина, Геронтий, который все еще находился в Испании, не имел достаточно сил (междоусобицы ослабили его войска) и не смог помешать большому числу германцев — вандалов-аслингов и вандалов-силингов, свевов и аланов — вторгнуться в страну. Тогда Константин отправил ему на смену в Испанию своего сына, но Геронтий, отказавшись признать отставку, нарушил верность Константину и в 409 г. сам провозгласил императором телохранителя (*protector domesticus*) Максима, который, возможно, приходился ему сыном. Максим выпустил монеты в Тарраконе (своей столице) и Барселоне, где говорилось о трех августях, под которыми, возможно, подразумевались он сам и императоры в Константинополе и Равенне. Затем Геронтий двинулся на Галлию, где объединился с союзниками-германцами; они помогли ему убить Константа и осадить Константина III с его вторым сыном Юлианом в Арелате. Однако тут вмешался Констанций III (представлявший правительство Гонория) и отбросил Геронтия обратно в Испанию. Там дом, в котором он укрылся от своих взбунтовавшихся войск, загорелся, и он покончил с собой вместе со своим оруженосцем-аланом. Максима сместили его собственные войска, но он остался в живых и поселился в изгнании среди местных жителей. После этого имперские войска двинулись на Константина III и осадили его в Арелате, и эту осаду его полководец Эдобих, поддерживаемый алеманнами и франками, так и не смог прорвать. Перед лицом неминуемого плена Константин сорвал с себя пурпурную мантию и удалился в храм, в священники которого спешно произвел сам себя. Командиры Гонория гарантировали ему безопасность, и после взятия Арелата его с сыном отправили в Равенну. Но император, памятуя о том, что Константин убил нескольких его родственников, нарушил эту гарантию и в 411 г. казнил их в окрестностях города. Мало что

известно о том, каким правителем был Константин, но древние авторы называют его своенравным и прожорливым.

Его смерть не привела к прекращению существования отдельного государства в западных провинциях. Оно еще некоторое время сохранялось в качестве марионеточного ослабленного государства, поддерживаемого рейнскими германцами. Номинальным императором этого образования стал представитель галло-римской знати Йовин, которого провозгласили августом в Мундиаке вблизи реки Мез по наущению бургундского короля Гундахара и предводителя аланов, Гоара. Йовин чеканил монету на тех же монетных дворах, что и Константин III, называя себя «Восстановителем государства» (*RESTITVTOR REIPublicae*). Констанций III, ранее стоявший во главе войск центрального правительства в Галлии, уже не мог выступить против нового узурпатора, поскольку вернулся в Италию, и все зависело от того, на чью сторону встанет вестготский вождь Атаульф, находившийся в Южной Галлии. Поначалу Атаульф проявлял к Йовину благосклонность, но его пыл значительно поутих, когда ненавистный ему его соотечественник Сар поступил к нему на службу. А когда в 412 г. Йовин провозгласил августом своего брата Себастьяна, это еще больше оттолкнуло Атаульфу — ему надоело безудержное размножение претендентов на власть.

Атаульф связался с префектом претория в Галлии, Дарданом, который сохранил верность Гонорию, и после обмена посланиями с Равенной разбил Себастьяна и предал его смерти. Йовин бежал в галльский город Валенцию, Атаульф последовал за ним, так что город подвергся второй осаде за пять лет. На этот раз он пал под натиском имперских войск, Йовина взяли в плен и отвезли в Нарбон, где Дардан казнил его. Власть в Галлии теперь вновь делилась между правительством в Равенне, с одной стороны, и многочисленными германскими государствами и племенами, с другой, без какого-либо участия марионеточных правителей и узурпаторов.

## ФЕОДОСИЙ II 408—450 гг.

Феодосий II (восточный император, 408—450 гг.) родился в 401 г. Он был сыном Аркадия и Евдоксии. В январе следующего года отец провозгласил его августом. Рассказывают курьезную, хотя и не совсем невероятную историю, будто Арка-

дий, опасаясь, что после его смерти мальчика отстранят от власти, назначил ему в опекуны персидского царя Йездигерда I.

Во всяком случае, после смерти Аркадия семилетний Феодосий II мирно взошел на престол Восточной империи. Его доверили заботам Антиоха, придворного евнуха, но регентом при нем стал префект претория Анфимий, который сохранил за собой этот пост. С помощью своего друга Троила, языческого софиста из Сиды, приобретшего большую известность в литературных кругах столицы, Анфимий правил весьма умело и энергично. Ему сразу же предстояло решить вопрос о значительной нехватке продовольствия, приведшей к тому, что разгневанное население Константинополя сожгло дом городского главы. И Анфимий принял действенные меры по улучшению краткосрочного и долгосрочного снабжения города. Были прочно установлены хорошие отношения со двором в Равенне, чему способствовала смерть Стилихона. Был подготовлен новый договор с персами, а задолженность по налогам в восточных провинциях была отменена. Особое внимание уделялось данувийским и иллирийским городам, разрушенным вестготами. В Мезии было отражено наступление гуннского вождя Ульдина, а многочисленные германские пленные (из племени сциров, состоявшего на службе у Ульдина) переданы землевладельцам Малой Азии для работы на полях.

Были также приняты меры по защите от будущих вторжений германцев и гуннов. С этой целью был значительно обновлен и увеличен флот, размещенный на Данувию. Но прежде всего, особенно после известия о взятии Рима Аларихом, Анфимий позаботился об укреплении самого Константинополя. Еще Константин Великий обнес стеной избранный для своей резиденции город, но теперь восточная столица уже далеко вышла за старые пределы. Поэтому в 413 г. была возведена новая стена Феодосия, тянувшаяся от Пропонтиды до Золотого Рога, и это явилось крупнейшим достижением пребывания у власти Анфимия.

В 414 г. сестру императора, Элию Пульхерию (она была всего на два года старше императора), провозгласили августой, и она стала фактической правительницей государства вместо Анфимия, о котором больше ничего не известно. На должности префекта претория его сменил некий чиновник по имени Аврелиан, который, видимо, и стал главным советником Пульхерии. Она также отстранила Антиоха от поста учи-

теля ее брата, и, как говорят, сама давала ему наставления о том, как себя держать. Вскоре после того, как она приступила к новым обязанностям, в Александрии возникли крупные религиозные волнения, когда группа мирских христианских послушников растерзала язычницу Гипатию, известную своими философскими трудами. Считалось, что в этом был замешан патриарх Александрийский, Кирилл, но его влияние при дворе Пульхерии не позволило посланному для расследования представителю подготовить достоверный доклад.

Ибо Пульхерия, помимо всего прочего, была ревностной христианкой. Ее аскетизм дошел до такой степени, что она решила остаться непорочной и заставила своих сестер Аркадию и Марину поступить так же, чему способствовал и их духовный наставник патриарх Аттик, который ради них написал восхваление девственности. С другой стороны, Феодосию никак нельзя было не жениться, и именно Пульхерия в 421 г. устроила ему свадьбу с Афинаидой, дочерью афинского софиста Леонтия. Невесту крестили под именем Элии Евдокии и два года спустя провозгласили августой. В честь нее выпустили монеты, как до того их выпустили в честь Пульхерии. Элия Евдокия родила дочь Лицинию Евдоксию (впоследствии жена Валентиниана III) и сына (умершего в раннем возрасте). Она была многосторонним писателем: диапазон ее произведений простирается от поэм, прославляющих победы над персами, до пересказов пророчеств Даниила и Захарии.

Около 416 г., в пятнадцатилетнем возрасте, Феодосий II заявил, что достиг совершеннолетия. Но еще долго после этого Пульхерия продолжала возглавлять правительство, опираясь на помощь Монаксия, который сменил Аврелиана на посту префекта претория. Основным событием последующих лет было решение правительства посадить на престол Западной империи двоюродного брата императора Валентиниана III, бывшего тогда еще мальчиком. Это удалось осуществить в 425 г. Перед этим правительство Восточной империи заняло город Салоны в Далмации, дав понять, что собирается в качестве компенсации забрать всю эту область (с ее внутренними районами): впоследствии стороны пришли к согласию по этому вопросу. Как только Валентиниан обосновался в Равенне, Феодосий II отправился в Италию, чтобы собственноручно его короновать, но заболел в Фессалонике. Вместо него коронацию провел его первый чиновник (*magister officiorum*) Гелион.

В том же году был сделан решающий шаг к основанию в Константинополе университета. Константин Великий основал школу в Стое, Констанций II перенес ее на Капитолий, а Юлиан Отступник снабдил ее общественной библиотекой, содержащей ценные книги. Феодосий II создал кафедры для десяти греческих и десяти латинских грамматиков и филологов, пяти греческих и трех латинских риторов, двух юристов и одного философа. Количественное превосходство греческих риторов над латинскими знаменовало очередную ступень в постепенной смене официального языка Восточной империи с латинского на греческий.

Однако самым выдающимся событием его правления явилось составление Латинского свода законов Феодосия, к работе над которым приступили по приказу восточного императора и в 438 г. после восьмилетних трудов опубликовали, согласовав его с западным императором Валентинианом III. «Кодекс», включавший в себя шестнадцать книг, представлял собой собрание законодательных актов Империи более чем за сто лет. Он в значительной мере послужил основой для кодекса Юстиниана, изданного столетие спустя, а кроме того, он оказал большое влияние на законодательство германских народов, переживавших период становления. Например, «Римский закон вестготов», или «Правда Алариха» (имеется в виду Аларих II, правивший в шестом веке), который послужил основным источником римского права на Западе, является сокращенным вариантом свода Феодосия, дополненным отдельными положениями из других кодексов.

Как источник исторических сведений, относящихся к различным эпохам Империи, «Кодекс Феодосия» не имеет себе равных. Поскольку включенные в него постановления покрывают тот период, когда христианство стало официальным культом государства, они в сжатом виде дают представление о том, что привнесла (и изменила) новая религия в области права. Однако общий вывод, который возникает после прочтения свода, во многих отношениях неутешителен. Там можно обнаружить удивительную путаницу в определении греха и преступления, чего никогда не наблюдалось у прежних римских законодателей. Более того, постановления императора зачастую не только грешат многословием, но и повторяют друг друга. Это унылое однообразие явно указывает на то, что нескончаемые репрессивные меры (причем каждая последующая провозглашалась более резким языком, чем предыдущая) со



столь же упрямым постоянством игнорировались и не выполнялись. Справедливости ради надо отметить, что некоторые законы носили гуманный и просвещенный характер. Например, устанавливались ограничения на условия содержания рабов, должники ограждались от несправедливо сурового обращения, запрещалось убийство новорожденных. Однако примеров бесчеловечности там было не меньше. Равные права перед законом даже не провозглашались. «Если человек беден, — утверждал епископ Феодорет, — его страх перед судьей и судами удваивается». Что касается привилегий, когда «Кодекс Феодосия II» в 438 г. представили сенаторам, те прокричали в один голос, и не однажды, а двадцать восемь раз: «Благодаря тебе мы сохраним наши почести, нашу собственность и вообще все!»

В последние годы правления Феодосия, несмотря на усилия Ардабурия, полководца императора, и его сына Аспара, приданувийские провинции тяжело пострадали от опустошающих набегов гуннов, даже Константинополь не чувствовал себя в безопасности от них. К тому же зимой 447—448 гг. знаменитая стена Анфимия вместе с ее прибрежным продолжением, возведенным в 439 г. городским главой Киром, испытала несколько подземных толчков, в результате обрушилось пятьдесят семь башен. Через два месяца напряженной работы под руководством префекта претория Констанция повреждения были устранены, после чего между старой стеной и ближайшим рвом была построена еще одна стена с девятью двумя башнями. На одних воротах там такая надпись: «Даже Афина Паллада вряд ли могла бы воздвигнуть столь несокрушимую твердыню». И действительно, в течение последующих десяти столетий ни один завоеватель не смог прорвать эти укрепления.

В 440-е годы ведущую роль при дворе играл евнух Хрисафий, которому на некоторое время удалось превзойти влиятельностью саму Пульхерию. Его политика состояла в том, чтобы откупаться от гуннов значительными денежными выплатами. Тем самым он нажил врагов среди военачальников Восточной империи, и на рубеже десятилетий утратил благосклонность императора. Пульхерии удалось вернуть себе былую власть. Однако вскоре сам император Феодосий, катаясь верхом неподалеку от реки Лик, протекающей вблизи города, упал с лошади и повредил позвоночник, отчего и скончался.

Феодосий был августом в течение сорока девяти лет (с первого года своей жизни), а единоличным императором Вос-

точной империи в течение сорока двух — самое длительное правление во всей римской истории. Все это время его советниками были в основном знающие люди, которые заложили основы устойчивого существования Византийской империи в течение следующего тысячелетия. Но сам император не был ни государственным деятелем, ни воином и не сыграл во всем этом сколько-нибудь заметной роли. Говорят, что в последние годы он, как правило, подписывал официальные бумаги, даже не удосужившись их прочитать. Он обладал мягким покладистым характером и не любил выносить смертные приговоры. Живя уединенной жизнью, он изучал науки, в том числе астрономию, и поощрял исторические исследования. Именно ему Олимпиодор и Созомен посвятили свои хроники. Но больше всего его интересовала теология. Он собрал превосходную коллекцию книг по этой теме и, будучи сам умелым каллиграфом, собственноручно переписал многочисленные религиозные рукописи. Как отмечают очевидцы, двор сильно походил на монашескую обитель, где ревностно соблюдались все обряды, и все были заняты благотворительной деятельностью. В этой возвышенной деятельности тон задавали сестры императора: например, добродетельная Пульхерия воздала официальные почести мощам, приписываемым сорока двум мученикам. Ортодоксальные католики, такие, как Феодорет и Сократ Схоластик, видели в своем правителе милостивого царя-священника, лично вступающего в общение с Богом. С другой стороны, какие бы то ни было ереси подвергались суровым преследованиям, а арианин Филосторгий приводит список ужасных и пагубных событий, к которым приводила такая политика. Более того, в 429 г. в Сирии-Палестине был упразднен иудейский патриархат, а его казну присвоило себе государство.

Суровую атмосферу двора, возможно, несколько смягчали широкие литературные интересы императрицы Элии Евдокии. Она длительное время пребывала в хороших отношениях с Пульхерией, пока не возникла ссора между церковниками в их свитах, после чего трещина между ними углублялась, приводя в конце концов к тому, что сначала Пульхерию, а затем и Евдокию отправили в изгнание. Евдокия провела остаток жизни в Святой Земле, занимаясь благочестивыми и благотворительными делами, и была похоронена в Иерусалиме, в церкви святого Стефана, которую она сама и построила. Пульхерия же, несмотря на второй период немилости, перед смертью императора вернулась к власти.

## КОНСТАНЦИЙ III

421 г.

Констанций III (император-соправитель на Западе, февраль-сентябрь 421 г.) по происхождению римлянин, родом из Нэсса. При Гонории он с 411 по 421 г. занимал пост главнокомандующего (*magister militum*) (в 415 г. стал еще и патрицием) и фактически являлся правителем Западной империи. Он появился на политической сцене вскоре после взятия Рима Аларихом в 410 г., когда в Арелате провозгласили августами Константина III и его сына Константа, что спровоцировало их полководца в Испании, Геронтия, изменить им и посадить там еще одного императора, Максима. Геронтий двинулся на Галлию, и тогда Констанций вместе со своим заместителем, готом Ульфилой, выступил из Италии в Арелат и заставил его вернуться в Испанию, после чего двинулся на укрывшегося в Арелате Константина III, что привело к его низложению и смерти.

Однако, когда в 411 г. в галльских и германских провинциях появился следующий узурпатор, Йовин, Констанций не выступил против него, возможно, потому, что был занят подавлением в Африке выступления другого мятежника — Гераклиана. Тем временем Йовин также утратил власть, но его сторонники, бургунды, проявили стойкость и не дали изгнать себя с римской территории: более того, им в 413 г. позволили создать в бассейне Рейна собственное королевство со столицей в Борбетоме, где они пользовались статусом союзников, или федератов.

Подавление Йовина было делом рук вестготов во главе с Атаульфом, которым взамен разрешили основать собственное союзническое государство в северо-западной Галлии. Тем не менее Атаульф продолжал пренебрежительно относиться к императору Констанцию и отказался вернуть Гонорию его сводную сестру, Галлу Плацидию (похищенную его отцом, Аларихом), а вместо этого, по некоторым сведениям, сам в 414 г. женился на ней в своей столице Нарбоне. Затем Атаульф бросил еще один вызов Равенне, призвав Приска Аттала — марионеточного правителя в Риме при его отце, и вновь сделал его конкурирующим императором на территории Галлии. Констанций вновь двинулся в Арелат, вынудил Атаульфа отступить в Испанию и взял в плен Аттала, который впоследствии украсил собой триумфальный въезд императора в Рим.

Спустя год после убийства в 414 г. Атаульфа его брат, Валлия, вернул римлянам Пластидию в обмен на крупные поставки зерна. После пяти лет, проведенных у вестготов, она вновь оказалась в Италии, где ее заставили (вновь против ее воли) выйти замуж за Констанция. Они поженились 1 января 417 г., в день его вторичного вступления в должность консула. Когда вестготы доказали свою полезность, подавив врагов Рима в Испании, Констанций призвал Валлию в Галлию, где в 418 г. возродилось еще более крупное союзническое государство со столицей в Толозе. В том же году Гонорий (вне всякого сомнения, по инициативе Констанция) возвестил о децентрализации имперского управления в Галлии, где образовывались свои правительственные и законодательные собрания, размещенные в Арелате; в них должны были сотрудничать римляне и вестготы. Однако эти новые учреждения никогда не пользовались большим влиянием.

После того как Констанций десять лет пробыл фактическим правителем империи и четыре года — зятем императора, Гонория уговорили (по слухам, против его воли) провозгласить его вторым августом Западной Империи: третьим Констанцием, носящим этот титул. Пластидия, несмотря на то, что не хотела становиться его женой, родила ему двоих детей; и сразу после провозглашения Констанция III императором ее возвели в ранг августы. Однако восточный правитель Феодосий II отказался признать титулы Пластидии и ее мужа, возможно, потому, что его правительство рассчитывало после смерти Гонория объединить всю Империю под его собственным началом. Констанций пришел в ярость и угрожал вырвать признание силой. Все это привело к тому, что согласия между Востоком и Западом, которое только и могло спасти Западную империю, стало меньше, чем когда-либо. Но внезапно он стал слабеть и после всего семи месяцев правления скончался.

Его современник, историк Олимпиодор пишет:

«Констанций всегда ходил с опущенными глазами и мрачным выражением лица. У него были большие глаза, длинная шея и крупная голова, которая, когда он ехал верхом, низко склонялась к шее лошади. Он краешком глаза глядел по сторонам, являя всем, как гласит поговорка, «вид, достойный самодержца». Однако на пирах и приемах он становился настолько расслабленным и остроумным, что даже состязался с шутами, часто разыгрывавшим сцены перед его столом».

Говорят, он тяготился своим новым положением императора, поскольку больше не мог поступать исключительно по

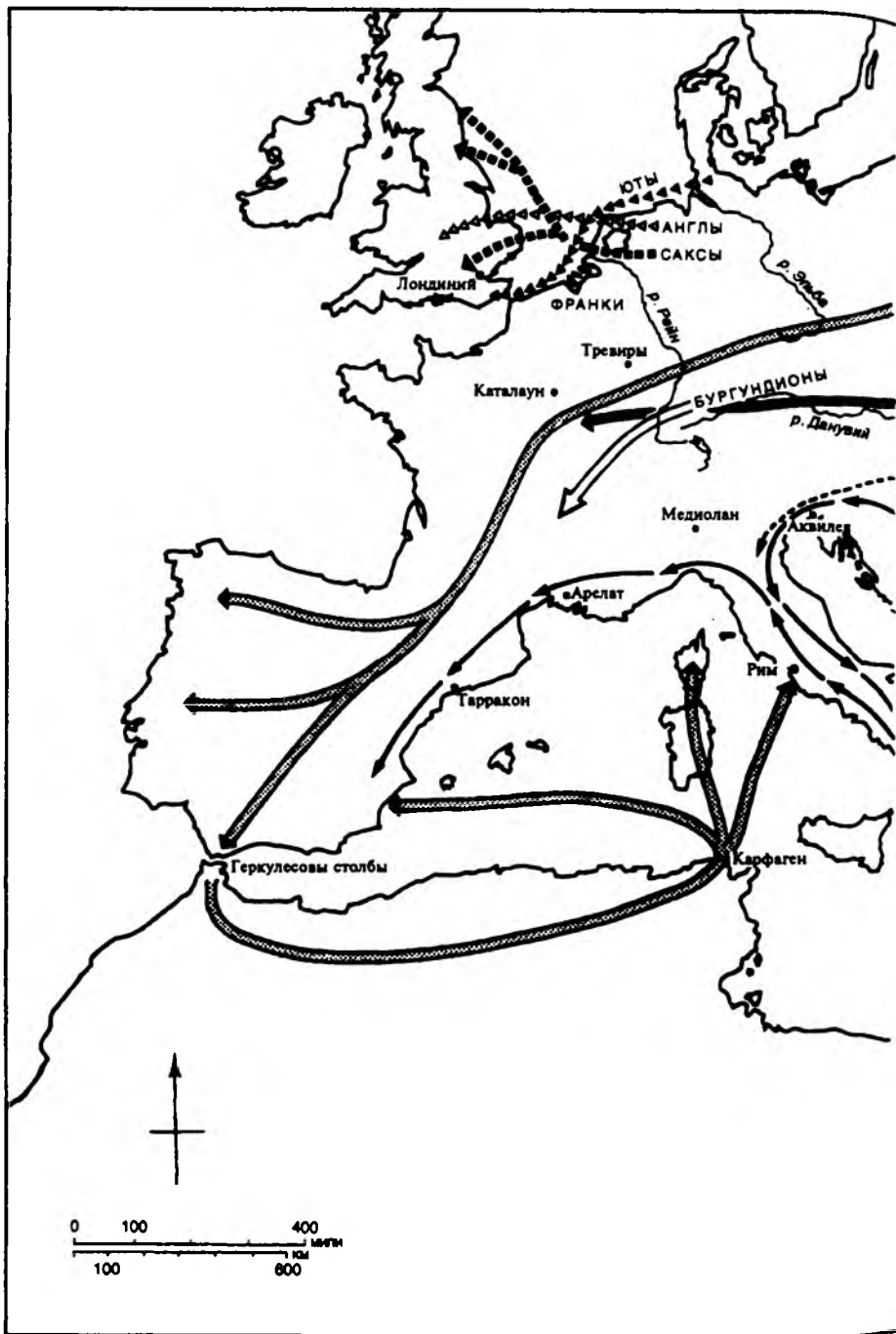
своему усмотрению. Сообщают также, что он не поддавался стяжательству почти до самого конца жизни, когда его вдруг охватила жадность и страсть к вымогательству, и его популярность покатила вниз.

## ИОАНН 423—425 гг.

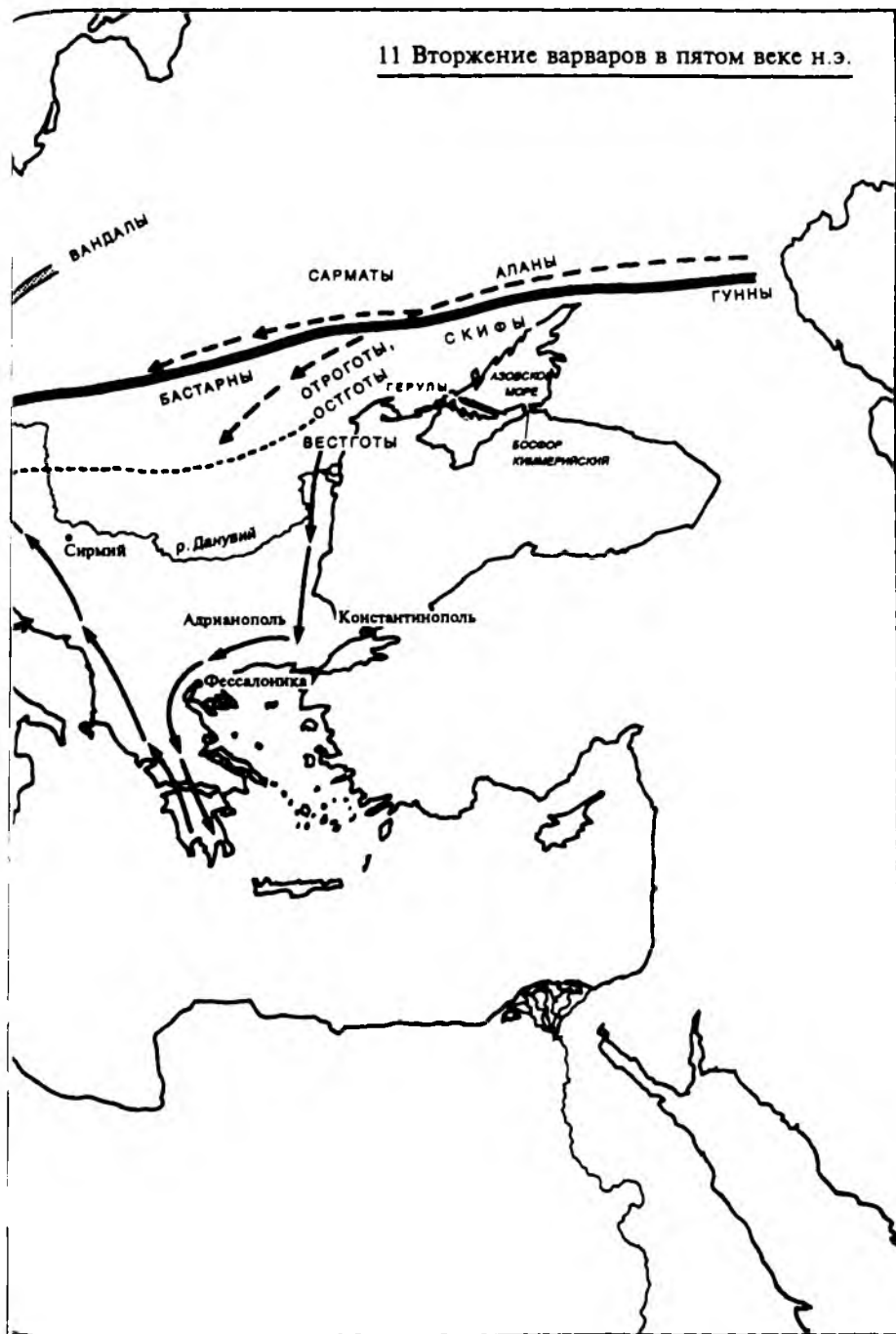
Иоанн (западный император, 423—425 гг.) был чиновником (по последним сведениям, готского происхождения), который дослужился до должности старшего секретаря (*primicerius notariorum*). Он вошел в историю вследствие разрыва отношений между Гонорием и его прежде горячо любимой сестрой Галлой Плацидией, которую в 423 г. из Равенны; она вместе с четырехлетним сыном Валентинианом III и дочерью нашла убежище в Константинополе у восточного правителя Феодосия II.

В возникших разногласиях противником Плацидии выступил главнокомандующий (*magister militum*) Кастин, теперь стремившийся во что бы то ни стало не допустить ее возвращения в Италию и провозглашения императором младенца Валентиниана. Предупреждая подобный шаг, он в сентябре 423 г. вручил пурпурную мантию Иоанну. Тот выпустил в Риме небольшую партию бронзовых монет с сообщением об этом событии, а чеканку золотых монет он производил в Равенне. На них присутствует не только его изображение, но и голова Феодосия II в расчете на признание со стороны восточных властей. Но этим надеждам не суждено было сбыться, ибо, когда послы Иоанна прибыли в Константинополь с просьбой о признании его восшествия на престол, их не приняли и прогнали к Пропонтиде.

В последовавших затем дипломатических интригах заметную роль сыграли двое молодых военных, которым было суждено в последующие годы занять ведущее положение. Один из них, Бонифаций, командующий действующей армией (*comes*) в Африке, оказал Плацидии денежную помощь и дал ей гарантии, что каждый ее шаг, направленный на возвращение к власти, получит его поддержку в виде бесперебойного снабжения африканским зерном. Второй же военачальник, Азий, сын некоего Гауденция из Дуростора во Второй Мезии (Нижней Мезии), признал Иоанна, который назначил его управля-



11 Вторжение варваров в пятом веке н.э.



ющим королевской резиденцией (*cura palatii*). Однако, когда стало ясно, что правительство Феодосия II высылает армию с целью свержения Иоанна в пользу Валентиниана III, он отправил Аэция искать помощи у своих друзей гуннов.

Экспедиционные войска Восточной империи под командованием весьма талантливого полководца Ардабурия Старшего и его сына Аспара отплыли из Салоны, но их корабли разметал шторм, после чего самого Ардабурия, выброшенного на берег вблизи Равенны, взяли в плен сторонники Иоанна. Аспар же дошел до Аквилей, и Иоанн, вместо того чтобы немедленно двинуться против него, решил подождать подхода гуннов, которых, как он рассчитывал, Аэций ведет из Центральной Европы. Тем временем плененный Ардабурий занимался тем, что склонял командиров Иоанна к измене. Кроме того, ему удалось передать Аспару сообщение с просьбой о немедленном наступлении. Войска Аспара, проведенные через болота каким-то пастухом (как утверждали впоследствии, он был самим ангелом Божьим), без сопротивления вошли в ворота Равенны. Иоанна арестовали и препроводили в Аквилею, где Пластидия приговорила его к смерти. Ему отрубили правую кисть, посадили на осла и в таком виде выставили в цирке. Затем в мая или июне 425 г. он был убит.

Все постановления, изданные в правление Иоанна, объявили недействительными. Историк Прокопий утверждает, что его правление отличалось умеренностью и мягкостью, хотя Сократ Схоластик описывает, какое торжество в Константинополе вызвало известие о его падении. Таким образом, перерыв в правлении династий Валентинианов и Феодосиев длился всего полтора года.

### ВАЛЕНТИНИАН III 425—455 гг.

Валентиниан III (Флавий Платид) (западный император, 425—455 гг.) родился в 419 г. Отцом его был император Констанций III, а матерью Элия Галла Пластидия, сводная сестра Гонория. Бездетный Гонорий в 421 г. или чуть позже назначил Валентиниана своим наследником, присвоив ему титул *nobilissimus puer*. Однако в 423 г., после ссоры Пластидии с Гонорием, она с сыном и дочерью укрылась при дворе Феодосия II в Константинополе.



Вскоре Гонорий умер, и на его место возвели чиновника Иоанна, после чего Феодосий предложил изгнанникам вернуться к власти в Равенне. С этой целью он признал Плацидию августой, ее покойного мужа августом, а сына возможным преемником. Поначалу Константинополь отказывался признавать все эти титулы, присвоенные Западом. Плацидия с детьми отправилась на запад в сопровождении Ардабурия и Аспара, которые должны были посадить их на место Иоанна, и в 424 г. в Фессалонике пятилетнего Валентиниана возвели в ранг цезаря. Армия Восточной империи, претерпев немало злоключений, в мае или июне 425 г. овладела Равенной. Иоанна казнили, а Плацидия с детьми отправилась в Рим, где Валентиниана провозгласили августом.

Первые двенадцать лет его правления регентом при нем стояла Плацидия. Несмотря на связи с Феодосием II и крупнейшими сенаторскими родами, она постепенно уступала власть величайшему полководцу той эпохи, Флавию Аэцию (см. **Иоанн**). Аэций, признавший Иоанна и облагодетельствованный им, привел ему на помощь в Италию большую армию гуннов, но обнаружил, что тот уже потерпел поражение. Плацидии не оставалось ничего иного, как пойти на соглашение с ним и вручить гуннам крупную сумму денег с тем, чтобы они вернулись к себе. После этого Аэция отправили в Галлию в качестве командующего конницей (*magister equitum*), где в 427—428 гг. он сражался с вестготами и франками и добился немалого успеха, который Плацидия, памятуя их прежнюю вражду, встретила со смешанными чувствами.

Тем не менее авторитет Аэция вырос настолько, что в 429 г. он смог добиться для себя должности главнокомандующего (*magister militum*). В том же году командующий войсками в Африке, Бонифаций, прежде поддерживавший Плацидию, а потом долго бывший в размолвке с Плацидией, вернулся с Италию. Он примирился с ней. Возобновившаяся дружба дала ей надежду, что Бонифаций сможет одолеть Аэция, но в 432 г. в сражении между ними Бонифаций был ранен и вскоре скончался. Превосходство Аэция было больше некому оспаривать, и, как утверждают, гонцы из провинций докладывали теперь не императору-подростку и не его матери, а являлись на прием к главнокомандующему.

Самым значительным событием той эпохи явилось возвышение вождя вандалов Гейзериха. В 429 г. этот невероятно грозный германец переправился из Испании в Северную Аф-

рику, где через десять лет захватил Карфаген, второй по значению город Империи и важнейший источник поставок зерна. Там он провозгласил себя независимым правителем, не подчиняющимся ни Валентиниану III, ни кому-либо еще. В 431 и 441 г. он жестко пресек попытки Равенны усмирить его. Гейзерих более чем кто-либо способствовал падению Западной Римской империи.

Аэций не смог остановить его, лишь в отдельных случаях ему сопутствовал некоторый успех. Германцы были временно отброшены за верхний Данувий; крестьянские движения в Галлии подавлены; а бургундов, попытавшихся около 437 г. прорваться из прирейнской области в Галлию, Аэций разбил и целиком переместил их союзническое государство в Сапаудию. В это время подобный военный успех был значительным достижением, поскольку указы 440 и 443 гг. свидетельствуют о нехватке живой силы и крайнем нежелании служить в армии Западной Римской империи, так что набор новобранцев проводился только в крайних случаях. И действительно, в 444 г. в своем заявлении Валентиниан III открыто признается в срыве планов мобилизации, на этот раз из-за недостатка средств.

Более того, были годы, когда гунны, дотоле пополнявшие войска Аэция, поворачивались против правительства в Равенне. К 30-м годам V века их правители создали огромное государство в Восточной и Центральной Европе. В 434 г. во главе его встали Аттила и его брат, которого Аттила спустя некоторое время убил, превратившись в единоличного правителя. Правительство Константинополя выплачивало гуннам значительные денежные средства, но в 450 г. Марциан отказал им в этом, и тогда Аттила, дабы пополнить свои запасы, двинулся против Западной империи. На этом этапе в ход событий вмешалась Юста Грата Гонория, сестра Валентиниана III. Не подчинившись требованию брата выйти замуж за какого-то римлянина, которого сочла отвратительным, она отправила Аттиле перстень с печаткой, призывая его спасти ее. Аттила сделал вид, что расценил этот призыв как брачное предложение, и потребовал от Валентиниана в качестве приданого половину Империи.

Когда его предложение отвергли, Аттила вступил в Галлию, где на Каталаунских полях (возможно, между Шалоном и Труа) встретились Аэций со своими союзниками вестготами и гунны с подчиненными им германскими племенами. Хотя вестготский король Теодорих I пал в этой битве, Аттила потер-

пел жестокое поражение. Это была единственная неудача в жизни Аттилы и величайшая победа в правление Валентиниана III. Не желая больше оставаться в Галлии, гунны направились в Испанию, где захватили и разграбили Медиолан, но папе Льву I каким-то образом удалось уговорить их уйти. В 453 г. у Аттилы после пира по случаю его свадьбы произошло кровоизлияние, и той же ночью он скончался, после чего его империя почти мгновенно распалась.

В том же году сын Аэция обручился с дочерью императора, а сам он удостоился исключительной чести, став в 454 г. в четвертый раз консулом. Но он нажил себе очень могущественных врагов, включая Петрония Максима, дважды префекта претория Италии и дважды префекта Рима, и придворного евнуха Гераклия, служившего у Валентиниана камергером. Когда Аэций пригрозил лишить их жизни, они подговорили императора убить его, и в сентябре 454 г., когда полководец докладывал о финансовых делах, Валентиниан с Гераклием подбежали к нему и смертельно ранили его кинжалом. Так погиб человек, который почти два десятилетия всеми силами поддерживал престол Валентиниана и удерживал от развала слабеющую Западную Римскую империю. Сообщают, что кто-то имел наглость сказать императору: «Своей левой рукой вы отрубили правую».

После убийства на наивысшую власть при дворе рассчитывал Петроний Максим, но Гераклий убедил императора, что такое решение будет ошибочным. Тогда Петроний вместе с двумя скифами (или гуннами), Оптилой и Траустилой, горевшими желанием отомстить за своего бывшего начальника Аэция, составил заговор. 16 марта 455 г., вскоре после того как Валентиниан отметил тридцатилетие правления и восьмое консульство выпуском золотых монет и медальонов, они вместе с ним проезжали по Марсову полю. Император спешил, чтобы поупражняться в стрельбе из лука. Тогда Траустила расправился с Гераклием, а Оптила ударил императора в лицо и в висок, нанеся ему смертельные раны.

В свои последние годы Валентиниан III, как и его мать, проживал в Риме. В этом городе его весьма привлекала доступность многочисленных удовольствий, но при этом он находил время, чтобы издавать суровые указы против манихейской ереси, и предпринял решительные действия для возвышения власти папы Римского. Этому был посвящен его знаменитый указ 444 г., изданный совместно с папой Львом I Великим, которо-

му он давал верховную власть над провинциальными церквами, хотя многие из них до тех пор отказывались признавать это.

Учитывая огромный интерес Валентиниана к религиозным вопросам, есть все основания полагать, что он оказывал всемерную поддержку «Сикстинскому возрождению» в архитектуре, названному так в честь папы Сикста III, который занимал святой престол в 432—440 гг. Это течение, стремившееся к возрождению античных форм, нашло наиболее блестящее выражение в римской церкви Санта Мария Маджоре (называемой также Либериевой Базиликой, хотя церковь папы Либерия, воздвигнутая в 352—366 гг., находилась где-то в другом месте). Просторное внутреннее помещение базилики сохранилось в первоизданном виде до нашего времени, сорок колонн разделяют его на широкий неф и боковые приделы. Между верхними окнами располагались сорок два мозаичных панно (двадцать семь из них сохранились до наших дней). Каждая мозаика представляла собой красочную классическую иллюстрацию к какому-нибудь эпизоду Ветхого Завета — наиболее древний сохранившийся цикл подобного рода, возможно, позаимствованный из иллюстрированных книг. Другие мозаики, помещенные на триумфальной арке, которая отделяет алтарь, посвящены младенчеству Иисуса и уделяют особое место роли Девы Марии, чей титул «Богоматери» был торжественно подтвержден Третьим Вселенским Собором в Эфесе.

Однако столицей империи теперь был не Рим, а Равенна, и по инициативе Галлы П्लाцидии ее тоже украсили произведениями архитектурного и изобразительного искусства по образцу великих художников Константинополя, дабы город превратился в подлинную имперскую резиденцию, достойную этого названия. О том, как выглядела большая церковь Святого Креста, построенная в 425 г. и имевшая в соответствии с названием крестообразную форму, известно только по раскопкам. Однако сбоку от протяженного нартекса обнаружилось маленькое куполообразное строение с цилиндрическим сводом, которое сочетает в себе черты императорской гробницы и часовни мученика и известно под названием мавзолея Галлы П्लाцидии. В действительности там находились останки не только ее, но и ее мужа, Констанция III, и сводного брата Гонория. Изнутри здание украшено мозаиками, выложенными на небесно-голубом фоне. Над входом изображен Добрый Пастырь со своим стадом, на противоположном тимпане — сце-

ны мученичества святого Лаврентия, а по бокам — волны утоляют жажду из Святого источника. Подобно мозаикам в римской церкви Санта Мария Маджоре, эти изображения уже носят в себе черты того, что впоследствии превратилось в знаменитое декоративное искусство Византии, но в то же время они сохраняют скульптурную точность, глубоко укоренившуюся в традиционном греко-римском реализме.

Дальнейшее развитие этого стиля можно проследить по другой религиозной постройке в Равенне, Баптистерию — восьмиугольному зданию, построенному или перестроенному около 400 г. Во время епископства Неона над ним возвели купол. Его многоцветная образная мозаика, которой украшено все внутреннее помещение, целиком посвящена обряду крещения. Фигуры и здесь изображены классически, их одежды свободно ниспадают в соответствии с позами, но ноги больше не касаются земли, а стебли акантов, отделяющие одного святого от другого, подверглись сильной стилизации: натурализм эллинистической традиции смешивается с формальными восточными мотивами, создавая полноценный византийский стиль, который должен был окончательно проявиться в самом скором времени.

В правление Валентиниана III были приняты важные гуманные законы; хотя в них тактично выражалось сочувствие состоятельным людям, которые вынуждены нести тяжелое финансовое бремя Империи, они предусматривали меры, направленные на защиту беднейших слоев от их посягательств. Был приостановлен сбор налогов, чтобы смягчить тяготы сельских читателей и предотвратить сокращение населения; отменены карательные меры, налагаемые сборщиками налогов. Более того, в указе даже признавалось, что иные бюрократы «напускают столько дыму своими подробными расчетами, что доводят их до полной непроницаемости». Но мало какие из этих указов могли быть должным образом исполнены. Что касается самого императора, можно только догадываться о степени его личного участия в принятии подобных мер. Ибо помимо религиозных вопросов и одного несомненного вмешательства в государственные дела (речь идет о безрассудном убийстве Аэция) он не проявлял никакого желания участвовать в управлении государством.

Зато Валентиниана очень заботило то, как наиболее приятно провести время. Он был неплохим бегуном, умелым наездником и лучником — по крайней мере это утверждает Веге-

ций, посвятивший ему свое исследование по военной науке. Валентиниану III нравилось общество астрологов и чародеев, и, несмотря на внешнюю привлекательность его жены, Лицинии Евдоксии (на которой он женился в Константинополе в 337 г.), он, как утверждают, то и дело позволял себе любовные связи с чужими женами.

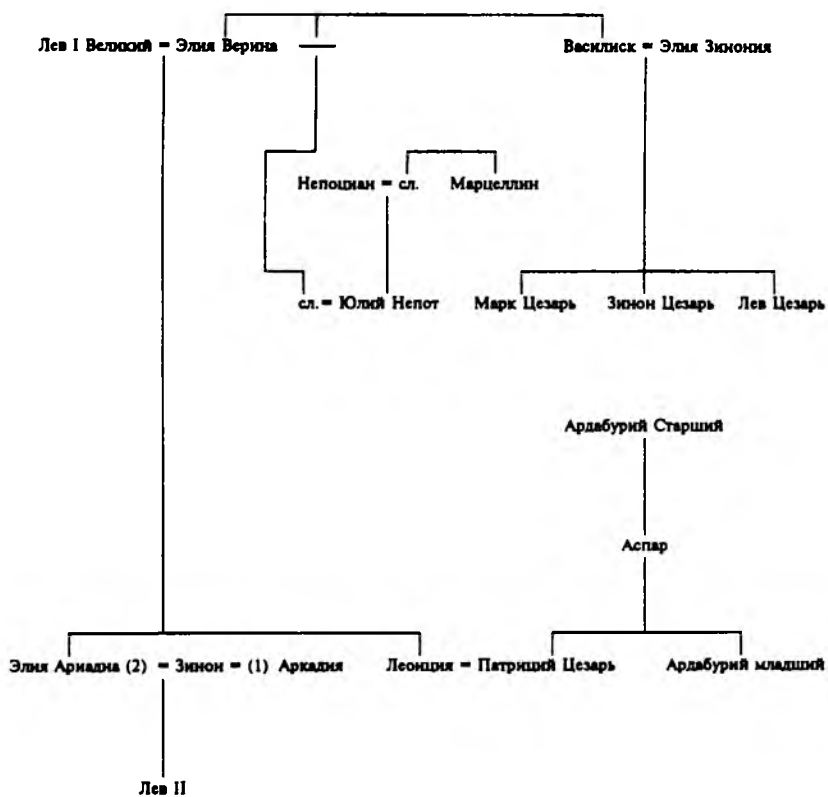
И все же Валентиниан пробыл на престоле не менее тридцати лет. Более того, несмотря на ничтожность его личности, его смерть имела катастрофические последствия, так как она означала конец династии, в течение длительного времени обеспечивавшей в меру своих сил устойчивость Западной империи. С уходом этой династии конец Империи был уже не за горами.

Часть девятая

# ВЫЖИВАНИЕ ВОСТОКА И ПАДЕНИЕ ЗАПАДА



# Семья Льва I Великого





Марциан (император на Востоке, 450—457 гг.), родился в 392 г. Он был сыном фракийского или иллирийского солдата и сам стал солдатом, завербовавшись в армию в Филиппополе. В 421 г. он принял участие в военной операции против персов (во время которой заболел), а впоследствии стал младшим офицером (*protector domesticus*). Затем в течение пятнадцати лет он служил командиром полка под началом Ардабурия Старшего и его сына Аспара, главных военачальников Феодосия II; в 431—434 гг. он был одним из офицеров Аспара в Африке, где его взяли в плен, но вскорости освободили.

Когда Феодосий умер, у него не было наследника мужского пола, он не назначил соправителя или преемника, и правительство в Константинополе должно было по закону перейти в руки восточного императора, Валентиниана III. Однако восточный двор да и население этой части Империи могли выступить против такого решения. К тому же это, как предполагали, шло бы вразрез с желанием самого Феодосия, который на смертном одре, в присутствии Аспара (тогда уже главнокомандующего, *magister militum*; его приверженность арианству не позволяла ему самому стремиться к престолу), как сообщают, говорил Марциану: «Мне открыли, что ты будешь править после меня». Именно так и случилось — с одобрения могущественной сестры Феодосия, Пульхерии. Более того, поскольку Марциан был вдовцом, Пульхерия согласилась стать его второй женой, хотя и фиктивно, поскольку принесла клятву хранения невинности. Таким образом, основанная Валентинианом I династия формально сохранялась на Востоке, по крайней мере, на время еще одного правления.

Первым деянием Марциана была казнь непопулярного советника Феодосия II, Хрисафия. Его собственными главными советниками, кроме его решительной супруги, были министр (*magister officiorum*) Евфимий и префект претория, Палладий. Весьма значительную роль также играл Анатолий, патриарх

Константинопольский. Именно он вместе с Пульхерией был вдохновителем Четвертого Вселенского собора в Халкедоне, в 451 г., который сыграл огромную роль в последующей религиозной и политической истории. На Собор съехалось множество людей, среди них и представители папы. Отступив от решений предыдущих Соборов и вернувшись к сложившимся раньше учениям, Халкедонский Собор объявил Христа совершенным Богом и совершенным человеком, единым с Отцом и Святым Духом. Две его ипостаси, божественная и человеческая, едины и неизменны. Эти определения удовлетворили Марциана и Пульхерию и легли в основу религиозного учения восточной православной церкви. Однако они не были приняты двумя восточными провинциями, Сирией и Египтом, где большую часть населения составляли монофиситы — те, кто верили, что Христос существует в одной, а не в двух ипостасях. Хотя решения Собора тактично включили в себя учение папы Льва I, они тем не менее расширили уже существовавший разрыв восточной и западной церквей. Главным покровителем этого собрания, наряду с самой Пульхерией, был патриарх Анатолий, доказывавший, что его константинопольская епархия должна быть второй по значению в христианском мире. Он изложил эти претензии в такой форме, которой папа никак не мог принять. Собор во время голосования, призванного подтвердить главенство патриарха над восточными епископами, воспользовался этой возможностью, чтобы расширить свою юрисдикцию. Посланники папы, а впоследствии и сам папа были против такого ведения дел патриархом, чье присутствие в Константинополе, где он мог завоевать поддержку восточных императоров, делало его серьезным соперником Рима. Более того, папа Лев I был недоволен, потому что нарушенная клаузула (статья договора) не оказывала должного уважения уникальному в своем роде апостольскому характеру Римской епархии, а это его представители постоянно подчеркивали. Так или иначе, но был сделан решающий шаг для того, чтобы увеличить уже существовавший разрыв между католиками и православными, величайший раздел, который когда-либо претерпевала христианская церковь.

Пульхерия умерла в 423 г., оставив все свое достояние бедным. Вдобавок к организации ею в Халкедоне Собора она пожертвовала средства на строительство нескольких важных зданий в самом Константинополе. Одним из них был восьмиугольный храм (ныне почти исчезнувший) Богородицы в кварта-

ле медников, Халкопратях. В другой церкви, Богородицы Одигитрии, Ведущей к Победе, хранилась рака, которая, как считалось, исцеляет слепых, а в прилежавшем к ней монастыре — икона Девы Марии, которая, как говорили, была написана святым Лукой и прислана императрице из Иерусалима ее золовкой.

Правление Марциана было настолько лишено всяческих военных и политических потрясений, сопровождавших отделение Западной империи, что потом, по прошествии времени, его стали считать Золотым Веком. Правда, его отношения с Западной империей не были совершенно безоблачными, потому что Валентиниан III поначалу не признавал его вступление на престол (хотя впоследствии и согласился с ним). Более того, после смерти Валентиниана, Аспар отговорил Марциана от вмешательства в дела Рима с целью предотвратить разграбление города вандалами — упущение, которое произвело дурное впечатление на Западе. А когда он даровал часть Паннонии остготам, а земли вокруг Тиссы — другому народу, гепидам, его обвинили в том, что он вторгся на пограничные земли между Восточной и Западной империями. В пределах его собственной, восточной части происходили лишь незначительные беспорядки, в частности пустынях Сирии и Южного Египта. Марциан осмотрительно предпочитал на задевать персов, а когда армяне сопротивлялись попыткам последних заставить их отказаться от христианских верований, он убедил персидского царя Йездегерда II в том, что тот не должен опасаться враждебных действий со стороны римских войск.

Такая сдержанность отчасти была продиктована тем, что Марциан опасался возможного нападения другого врага — гуннов — с севера. В отношении этого народа и их вождя, Аттилы, он проводил новую, строгую политику, прекратив выплату дани, которую они привыкли получать от советника его предшественника, Хрисафия. «У меня есть железо для Аттилы, — сказал как-то Марциан, — но не золото». (Из-за этого решения гунны неожиданно ополчились на Западную империю). Отказ Марциана от возобновления субсидий сделался частью общего ужесточения политики расходов; так, например, консулам было велено, вместо того чтобы раздавать деньги населению Константинополя, тратить их на ремонт и поддержание в порядке городского акведука. С другой стороны, были снижены недоимки по налогам, отменены налоги на

имущество сенаторов. Также было отменено предписание, запрещавшее правовое признание браков, которые они заключали с рабынями, вольноотпущенницами, актрисами и прочими женщинами низшего сословия.

В начале 457 г. Марциан почувствовал себя больным. После пяти месяцев страданий он скончался и был похоронен рядом с Пульхерией в Церкви святых апостолов. О его смерти сильно горевали: «Правь как Марциан!» — кричала толпа во время коронации последующих императоров. С Марцианом закончилась династия Валентинианов и Феодосиев (к которой он принадлежал в силу своего брака) в Константинополе, так же, как в Равенне двумя годами ранее. Но ее исчезновение не привело к хаотической нестабильности на Востоке, как это было на Западе.

## ПЕТРОНИЙ МАКСИМ

455 г.

Петроний Максим (Флавий) (император на Западе, 17 марта — 31 мая 455 г.) родился около 396 г. Его происхождение неизвестно. Петроний служил трибуном и нотарием (*notarius*) около 415 г., а также советником по финансам (*comes sacrarium largitionum*) примерно с 416—419 гг. Впоследствии он занимал пост префекта претория в Италии — два, если не три раза. Дважды был городским префектом и консулом, получив повышение до ранга патриция (*patricius*) к 445 г. Он стал очень богатым и выстроил Форум в Риме.

После убийства Валентиниана III у императорского дома не осталось наследника мужского пола, равно как и выдающегося военачальника, которого можно было бы назвать подходящим преемником. И тогда мнения о том, кто должен занять трон, разделились. Некоторые влиятельные люди поддерживали притязания некоего Максимиана, сына какого-то египетского купца, который какое-то время служил управляющим у Этия. Восточный правитель, Марциан (если бы у кого-нибудь нашлось время посоветоваться с ним), вероятно, предпочел бы другого, хорошо известного человека, Майорана (который стал императором позднее), и вдова Валентиниана, Лициния Евдоксия, скорее всего, разделила бы его точку зрения. Но выбор пал на Петрония Максима, и он должным образом взошел на престол.

Он тут же женился на вдове покойного императора, Лицинии Евдоксии, но она согласилась на этот брак с величайшим неудовольствием, преимущественно потому, что считала нового императора ответственным за убийство Валентиниана, который, как поговаривали, соблазнил его первую жену — к тому же Петроний Максим оказывал расположение убийцам своего предшественника. В отчаянии она обратилась — но не к восточному двору — а к Гейзериху, королю вандалов. У нее была и другая причина взывать именно к Гейзериху, потому что его сын Гунерих был помолвлен с ее дочерью, Евдокией Младшей, которая теперь была, стараниями Петрония Максима, обручена с его сыном, Палладием, произведенным в ранг цезаря.

В мае Рима достигла весть о том, что Гейзерих откликнулся на призыв Евдоксии и теперь направляется морем в Италию. Многие жители Рима спешно покидали свои дома, а сам Петроний Максим, далекий от того, чтобы организовать эффективное сопротивление, занимался только планами бегства, побуждая сенат отбыть вместе с ним. Однако его покинула охрана и все его друзья. Когда он 31 мая выезжал из города, на него обрушился град камней. Один из них угодил ему в висок и убил его; позднее римский и бургундский солдаты оспаривали честь столь меткого броска. Толпа разорвала тело и зашвырнула его в Тибр. 2 июня Гейзерих вошел в город и после его двухнедельного разграбления вышел, унося огромное количество добычи. Он также захватил с собой Лицинию Евдоксию и ее дочерей: Плацидию Младшую и Евдокию Младшую, которая в следующем году вышла замуж за сына короля вандалов, Гунериха, в соответствии с ранее намеченным планом.

Правление Петрония Максима продолжалось семьдесят дней. Кое-что о нем становится известным из письма, написанного галло-римским вельможей и литературным деятелем, Сидонием Аполлинарисом. Его друг, Серран, о котором больше ничего не известно, называл императора Счастливейшим, из-за необыкновенного обилия пожалованных ему государственных постов. Сидоний же заметил, что «нелегко живется тому, на чью голову возлагают корону». Он писал о Петронии Максиме следующее:

«... когда, приложив все возможные усилия, он достиг ненадежной вершины императорского величия, голова его вскружилась под короною вследствие неограниченной власти... Когда он добился звания августа и под этим предло-

гом был заточен за дверями дворца, он стонал и охал с утра до ночи, потому что достиг вершины своих честолюбивых помыслов... Потому что, хотя он прошел через все высокие придворные посты мирно и спокойно, возвысившись над двором как император, он стал проявлять исключительную жестокость, подавляя беспорядки среди солдат, граждан и союзных народов. И все это обнаружилось наиболее явно перед его кончиной, которая была странной, быстрой и ужасной: после того как Фортуна долгое время баловала его, его последний предательский поступок утопил его в крови, словно скорпиона, поразившего себя своим же хвостом. Некий Фульгенций говаривал, что будто бы слышал из уст самого Петрония Максима, когда он был обременен ношей Империи и тосковал по былому спокойствию, причитания: «Ты счастливец, Дамокл, приговоренный сидеть на пиру под обнаженным мечом, потому что не должен страдать от своих королевских обязанностей более, чем длится одна трапеза!»

## АВИТ 455 — 456 г.г.

Авит (Марк Мецилий Флавий Эпархий) (император на Западе, июль 455 г. — октябрь 456 г.) вышел из богатой и знатной семьи из Арвернских земель в Галлии. Его зять, Сидоний Аполлинарис, оставил нам описание его замечательной, более похожей на дворец виллы, Авитака.

«Обильный поток, — рассказывает Эдвард Гиббон, — стекавший с горы и падавший очертя голову многочисленными пенными каскадами, изливал свои воды в озеро длиной приблизительно в две мили, а вилла очаровательно расположилась на самом берегу озера. Бани, портики, летние и зимние апартаменты отвечали целям роскоши и практичности; окрестности изобиловали лесами, лугами и пастбищами. В этом убежище Авит предавался отдыху среди книг, деревенских занятий, супружеских забот и общества своих друзей...»

Однако Авит оторвал себя от этих приятностей, чтобы заняться долгой и почтенной карьерой на благо общества. Сначала он изучил закон, а потом добился звания главнокомандующего (*magister militum*) в 437 г. и стал префектом претория в Галлии — невиданная честь для человека галло-римского происхождения, показавшая, какого значения добилась эта страна на последней стадии существования Западной Римской империи. Во время войны Этия с вестготами Авит убедил короля Теодориха I (который прислушивался к его советам) принять условия мира в 457 г.; а в 431 г., выйдя в отставку, он смог заставить того же монарха помочь оказать сопротивление гунну Аттиле. Это сражение на Каталаунских полях увенчалось победой. Теодорих был убит в этой битве, но второй из его

сыновей, назначенный его преемником, Теодорих II, тоже был близким другом Авита (который, возможно, учил его латинской литературе).

В 455 г. Петроний Максим пытался заставить Авита прервать отставку и вновь заняться государственной службой на посту главнокомандующего штаба. Когда пришла весть о смерти Петрония, Теодорих II, при дворе которого в тот день находился Авит, стал уговаривать его занять трон, предлагая поддержку вестготов. Отказавшись сначала из скромности, Авит впоследствии согласился. Сенаторы встретились на спешно созванном собрании в Угерне и восторженно провозгласили его защитником Галлии и спасителем Империи. 9 июля 455 г. Авита провозгласили августом солдаты, а монетный двор в Арелате выпустил монеты с его именем и портретом. Было испрошено и должным образом получено согласие Марциана, правителя Востока.

К концу года Авит пересек Альпы, чтобы утвердить свое положение в Италии. Сидоний Аполлинарис, путешествовавший с ним, отметил принятие новым императором консульства 1 января 456 г. пространным панегириком (награда бронзовой статуей в Форуме Траяна), в котором он был украшен всеми мыслимыми добродетелями. Хулители Авита, с другой стороны, утверждали, что он вел слишком роскошную жизнь, и не только продолжал, даже в зрелые годы, гоняться за женщинами, но выказывал дурной вкус, глумясь над людьми, с чьими женами спал. В довершение всего, сенаторам метрополии было не по душе видеть на троне галло-римлянина, назначенного без их согласия. Однако сложность ситуации заключалась в том, что вандал Гейзерих после возвращения домой, в Африку, с награбленным в Риме добром, остался вызывающе враждебным и даже отрядил флотилию из шестидесяти кораблей, призванную не давать покоя жителям побережья Империи.

Чтобы решить эти проблемы, Авит доверил свои полномочия старшему офицеру, военачальнику Рицимеру. Он был призван покорить Запад за последующие шестнадцать лет. Рицимер был сыном представителей двух германских племен — свева и дочери вестготского короля Валлии. Он поднялся высоко в военной иерархии Западной империи, и Авит назначил его главнокомандующим штаба. Рицимер отправился на Сицилию, чтобы разобраться с вандалами. Сначала он не дал им высадиться у Агригента, а потом одержал победу в морском бою

близ острова Корсика в 456 г. Тем временем союзник Рима, вестгот Теодорих II сокрушил враждебных свевов в Испании, а сам Авит проводил военную кампанию в Паннонии.

Тем не менее все эти действия не помогли Авиту утвердиться в столице, и вскоре уже не только сенат, но и большая часть населения разочаровалась в его правлении. Неурожай зерна угрожал голодом. Авит попытался уменьшить количество месяцев, в течение которых должен был кормить уже распущенные союзнические войска (галльские и германские): они сопровождали его из Галлии; но ему пришлось заплатить им, продав часть городских бронзовых статуй — поступок, навлекший новый взрыв негодования против него. Уход же союзников лишил режим Авита существенной поддержки. В результате Рицимер, названный по возвращении «Освободителем Италии», решил вместе с сенаторами-соучастниками изменить ситуацию. Авит попытался бежать обратно, в Галлию, но его настигли и взяли в плен возле Плацентии. После отречения от трона в октябре 456 г. ему позволили сделаться епископом этого города. Однако Авиту донесли, что сенат приговорил его к смерти, и он поспешил к Альпам, чтобы найти убежище в родной Галлии. По дороге он умер, то ли от чумы, то ли от руки убийцы, и его останки были погребены в Бриве, неподалеку от того места, где он родился.

## ЛЕВ I ВЕЛИКИЙ 457—474 гг.

Лев I (Флавий) (император на Востоке, 457—474 г.) получил прозвище «Великий», вероятно, для того, чтобы отличать его от его внука, Льва II; впрочем, его современник, папа Лев I (440—461 гг.) тоже был известен как Великий. Он родился в 401 г. и, по-видимому, принадлежал к племени бессов во Фракии.

Когда Марциан умер, самым очевидным кандидатом на его место был его знаменитый зять Антемий; но Антемий (вскоре ставший императором на Западе) не пользовался расположением алана Аспара, главнокомандующего (*magister militum*) штаба. Вместо него Аспар выбрал собственного подчиненного Льва, который был командиром (*tribunus*) легиона в Силимври. Сенат не смог отвергнуть ставленника Аспара, и Лев был



коронован Анатолием, патриархом Константинополя. Коронация была великолепной и сложной церемонией.

Аспар остался главнокомандующим штаба, а его сын Ардабурий Младший, более легкомысленный человек, занял такой же пост на восточной границе. Влияние Аспара в государстве оставалось решающим на протяжении шести или семи лет, хотя посаженный им на престол человек не всегда прислушивался к его предложениям со всем вниманием; так, например, Лев постоянно откладывал обещанное повышение другого сына военачальника, Патрикия, до положения цезаря, и не сделал, как ожидалось, одну из своих дочерей, Элию Ариадну или Леонтию, его невестой. Более того, чтобы противодействовать преобладающему влиянию германских солдат Аспара, Лев набрал значительное количество солдат из числа исаврийских горцев с юго-востока Малой Азии. Он пополнил ими созданную им в 461 г. новую охрану (*excubitores*) и призвал на службу вождя исаврийцев, Трасикодиссу (будущего императора Зинона), и именно ему в 466 или 467 г. отдал в жены свою дочь Элию Ариадну.

Сам Лев женился на энергичной и честолюбивой Элии Верине. Ее брат, Василиск, принял командование большой армией, отправившейся в поход против вандалов в 468 г., с целью принять участие в совместной операции с войсками Западной империи, на чей трон Лев I недавно поместил Антемия (после отказа признать двух его предшественников). Поход окончился полным поражением, и за ним последовала еще одна экспедиция в 470 г., которая тоже ни к чему не привела. Восток сильно пострадал от этой войны. В Константинополе ее расценили как унижительную катастрофу, едва не разорившую казначейство (см. также **Антемий** и **Василиск**). Еще более горьким было сознание того, что германцы непобедимы.

Многие обвиняли Аспара в том, что он своими изменническими действиями способствовал неуспеху всего предприятия. Тем не менее, уловив возможность, когда Зинон, ставший в 469 г. главнокомандующим штаба вместо него, воевал во Фракии с гуннами, он, наконец, сумел добиться титула цезаря для своего сына Патрикия и устроил брак молодого человека с оставшейся незамужней дочерью императора, Леонтией, в 470 г. Однако общество протестовало против возвышения еретика, потому что Патрикий, как и его отец, был арианином. Аспар, стараясь противодействовать этой враждебности и

обойти сторонников Зинона, попытался подчинить себе солдат-исаврийцев в Константинополе. Зинон, узнав об этом, в 471 г. поспешно вернулся в город Халкедон, откуда мог управлять событиями в соседней столице. Аспар и младший Ардабурий укрылись в церкви святой Евфимии, где, несмотря на данное императором обещание, что они будут в безопасности, их схватили, возможно, по приказу Зинона; Аспар был убит, а раненому Патрикию удалось бежать.

В знак протеста сторонник Аспара, командир по имени Остр, сменивший Зинона на посту главнокомандующего штаба после назначения последнего на соответствующий пост на Востоке, ворвался во дворец с группой солдат, но исаврийская охрана отразила нападение. Остр бежал во Фракию, захватив с собой готтку — сожительницу Аспара. Другой реакцией на устранение Аспара стала жестокость одного из его германских родственников, Теодориха Страбона («косоглазого»), начальника федеративных остготских войск на Балканах, с которой он продолжал опустошать Филиппополь и Аркадиополь (называвшийся ранее Бергулой) во Фракии, где он был провозглашен королем своими войсками. Лев I счел необходимым признать его королевский титул и владения и пожаловал ему денежную выплату, при условии что он будет сражаться за Империю против всех ее врагов (кроме вандалов). Лев также присвоил Теодориху звание главнокомандующего штаба, прежде занимаемое Остром; но он не был наделен властью, которую часто дает такой чин. Организовав исаврийскую охрану, Лев ясно показал, что намеревается прекратить попытки германцев завладеть Восточной империей и полагается не на них, а на войска из собственных провинций.

В октябре 473 г. у Льва I появился внук с тем же именем — сын Зинона и Ариадны. Он был объявлен августом как Лев II. Вскоре после этого Лев I заболел дизентерией, от которой и умер 18 января следующего года.

Всегда бывший ревностным христианином, он снискал великое уважение народа, привезя почитаемый Покров Богородицы из Галилеи во влахернский храм Богородицы (в Константинополе). Там было сооружено особое здание, где поместили драгоценную реликвию. Население считало ее божественным талисманом своего города, защищающим от нападения врагов. Лев I ввел суровые законы против сохранившихся языческих обычаев, равно как и против христиан-еретиков, побуждая епископов Константинополя, Рима, Антиохии и

Иерусалима порицать монофиситов, заставивших патриарха-соперника отвергнуть решения Халкедонского собора, столь важные для его предшественника. Падение Аспара (которому Лев был обязан престолом) произошло, скорее всего, из-за арианских воззрений этого германского военачальника. Расправа с ним и с еретиками наделили императора прозвищем «Макелла» («мясник», «убийца»).

Историк Малх, около 500 г., обвинил Льва в религиозном фанатизме и описал его, как злобного и жадного правителя. И все же он был человеком, которому никак нельзя было отказать в наличии здравого смысла и который умел добиваться своего. Он предпринимал разумные меры, чтобы облегчить нужды народа, например, когда Антиохия была разрушена землетрясением. Более того, хотя Лев и был практически необразованным человеком, он понимал важность литературы; когда один из придворных стал испрашивать у него пенсию для философа, он, как говорят, сказал: «Дай Бог, чтобы в мое время жалованье воинов было даваемо ученым!» Было очевидно также, что он очень внимательно относился к своей семье, потому что регулярно, раз в неделю, навещал свою незамужнюю сестру Евфимию.

## МАЙОРАН 457—461 гг.

Майоран (Юлий Валерий Майоран) (император на Западе 457—461 гг.) получил имя своего деда по матери, который служил главнокомандующим (*magister militum*) в Иллирике при Феодосии I и успешно сражался с приданувийскими племенами. Отец императора заработал добрую репутацию как финансовый управляющий в Галлии, где контролировал военную казну великого полководца Этия (см. Валентиниан III).

Сам Майоран тоже стал одним из офицеров Этия, который, вероятно, отправил его в отставку из-за того, что его жена ревниво относилась к быстрому успеху молодого человека. Майоран удалился в свое сельское поместье, но был призван на военную службу Валентинианом III в начале 455 г. (после смерти Этия) и назначен командиром корпуса младших офицеров (*comes domesticorum*). Когда Валентиниан вскоре после этого был убит, Майоран стал возможным кандидатом в его преемники, потому что ему покровительствовала вдова покой-

ного императора, Лициния Евдоксия, которая, возможно, обеспечила поддержку восточного правителя, Марциана. Но вместо Майорана трон перешел сначала к Петронию Максиму, а потом к Авиту.

За свержением и смертью Авита (к чему Майоран, похоже, приложил руку) последовал шестимесячный период, когда на Западе не было императора. Это время нельзя с полным правом назвать междоусобицей, поскольку, по закону, восточный император Марциан был единственным правителем всей Империи, и монеты с его именем выпускались на Западе. Смерть Марциана в начале 457 г. означала, что официальная поддержка Константинополя для назначения нового западного правителя должна быть отложена. Но и Марциан, и его преемник, Лев I, в феврале того же года воспользовались преимуществом такого положения дел в Равенне, чтобы наградить Майорана (который стал главнокомандующим в Галлии и сражался с маркоманнами) титулом патриция. Сразу же после этого Лев должным образом назначил Майорана западным императором — без сомнения, по рекомендации Рицимера, всемогущего германца, главнокомандующего штаба. Итак, Майоран был провозглашен императором 1 апреля, хотя, похоже, его формально ввели в должность только 28 декабря. В своем обращении к сенату он поблагодарил Рицимера за свой патрицианский титул. На выпущенных в то время монетах новый западный и восточный император сидят бок о бок.

Первой задачей нового правления было примирить (или припугнуть) могущественное и сверхнезависимое высшее сословие Галлии, недовольное падением Авита, который был из их числа. По прибытии в эту страну вместе с армией, состоявшей главным образом из германских наемников, Майоран обнаружил, что население Первой Лугдунской провинции отказывается принять его, как и бургунды, которые поставили гарнизон в самом Лугдуне. Но Майоран заставил город капитулировать и наказал его жителей повышением налогов (впрочем, вскоре смягченных по заступничеству Сидония Аполлинариуса). Другая угроза германцев римским землям исходила от Теодориха II, короля вестготов, который осаждал Арелат; но главнокомандующий Майорана в Галлии, Эгидий, дал им отпор, и два правителя пришли к соглашению, в то время как галло-римская аристократия получила щедрое вознаграждение. После этих успехов оставалось разобраться с вандалами

Гейзериха, господствовавших в прибрежных водах центрального и западного Средиземноморья. Майоран столкнулся с отрядом вандалов и мавретанцев, которые высадились в устье Лириса (Гарильяно) и разорjali Кампанию. Римляне захватили их врасплох, отобрали все награбленное и отогнали обратно, к их кораблям. Вандалы понесли тяжелые потери, погиб и зять самого Гейзериха.

Потом, в течение зимы, Майоран собрал значительную армию на севере Италии, в нее входили германцы, гунны и скифы. Флот Империи, состоявший из трехсот кораблей вместе с транспортными и малыми судами, в 460 г. переправил эти силы в Новый Карфаген на западном побережье Испании. Это было наиболее важным военным и морским предприятием из всех, организованных Империей за много лет — и окончилось оно ничем, потому что, обойдя берега Испании, Гейзерих смог, благодаря своей великолепной разведке (он получал сведения и от нелояльных римских подданных), неожиданно напасть на неохранный флот и разбить его в заливе Лукент. Майоран был вынужден принять неблагоприятные условия мира, согласно которым ему пришлось признать Мавретанию и Триполитанию владениями вандалов.

Потеряв флот, Майоран вернулся в Италию сушей и после проведенных в Арелате игр пересек Альпы. Однако Рицимер, не сопровождавший войска в Испанию под предлогом того, что его присутствие в Италии жизненно необходимо для сдерживания в отдалении враждебно настроенных германских племен, решил, что Майоран перестал быть полезным. Стало быть, вовсе не был случайным мятеж, который вспыхнул, когда император достиг Дертонны на севере Италии, и вынудил его отречься от престола 2 августа. Еще через пять дней сообщили о его смерти от дизентерии, хотя очевидно, что он был убит.

Трудно дать однозначную оценку качествам Майорана, поскольку Сидоний Аполлинарис, хоть и был зятем свергнутого Авита, его предшественника, не скупился на лесть в адрес императора. Это правда, что романтические истории, окружавшие имя Майорана, такие, как сообщение, что он отправился в Карфаген с перекрашенными волосами, чтобы самому оценить состояние государства вандалов. Рассказ об этом событии, изложенный Прокопием Кесарийским, вне всякого сомнения вымышлен, но этот автор полностью солидарен с Сидонием в том, что Майоран был воплощением всех монаршь-

их добродетелей. Так что, даже если Гиббон несколько преувеличивал, утверждая, что «великий и героический характер, проявленный Майораном в эпоху упадка, оправдывает честь человеческого племени», он все же был незаурядным человеком, обладавшим к тому же, по слухам, достаточно большим чувством юмора.

Майоран издавал весьма впечатляющие законы. Девять пространных указов, которые можно найти в конце кодекса Феодосия II, представляют собой серьезную попытку прекратить злоупотребления. Правда, не похоже, чтобы его запрет на целибат (традиционную черту римского законодательства) имел большой успех. Зато он простил недоимки угнетенным жителям провинций и восстановил посты Защитников Городов, чиновников, назначаемых, чтобы разбирать жалобы населения. Другой очень необходимый закон должен был защитить общественные здания Рима, которым нанес урон распродававший статуи Авит. Майоран также приложил немало сил, чтобы создать экспедиционные войска для борьбы с вандалами; но поскольку вся затея потерпела полное поражение, о сохранении престола за Майораном не было и речи. Рицимер понимал это — и так оно и вышло.

## ЛИВИЙ СЕВЕР

461—465 гг.

Ливия Севера (император Запада, 461—465 гг.) не могли выдать преемником Майорана целых три месяца после смерти последнего 19 ноября. Ливий Север был выходцем из Лукании (Юго-Западная Италия), больше ничего о его происхождении не известно, как и о начале его карьеры.

Он был не более чем номинальным главой при фактическом правлении германского главнокомандующего (*magister militum*), Рицимера. Эта ситуация отразилась и на монетах. На лицевой стороне очень маленьких бронзовых монет этого периода часто изображалась голова императора, а на оборотной — его монограмма. На монете же, выпущенной в Риме Ливием Севером, с одной стороны изображение императора, а с другой — монограмма Рицимера. Имя этого военачальника с титулом патриция соседствует с именами западного и восточного императоров на бронзовой гире с печатью римского префекта.

Ливию Северу, однако, не удалось получить признание восточного правителя, Льва I. На самом деле власть, полученная с этим титулом, не простиралась дальше границ Италии. Два западных военачальника тоже выказали нежелание признавать его марионеточный режим. Одним из них был Эгидий, главнокомандующий Майорана в Галлии, располагавший значительной армией. Его восхваляли за военное мастерство и христианское благочестие. Согласно истории Григория Турского, франки, временно изгнавшие своего юного короля Хильдериха I, оказали Эгидию исключительную честь, предложив ему свое королевство, которое он на время принял, а через восемь лет вернул его дому франкских Меровингов. Узнав о восшествии на престол Ливия Севера, Эгидий собрался двинуться на Италию, но его задержали враждебные действия против вестготов в Галлии, чьи войска, под командованием Фридриха, брата Теодориха II, он разбил под Аврелианом. В то же время он затеял крупные интриги с Гейзерихом, надеясь, что, пока он сдерживает вестготов, вандалы нападут на Рицимера в Италии. Но в 464 г. он скончался, предположительно от яда.

Другим принципиальным противником Рицимера был некий Марцеллин, язычник и искушенный прорицатель, который мог быть отчасти обязан своей репутацией ученого, храброго и наделенного литературным даром человека своим сторонникам и братьям по вере. Вовлеченный в покушение на своего покровителя Этия в 454 г., он перебрался в Далмацию (находившуюся под контролем Восточной империи) и подумывал о западном троне, перед тем, как его занял Майоран. Его верность, однако, была вознаграждена и подкреплена постом военного командира (*comes*) на Сицилии в 461 г., где его армия состояла главным образом из вспомогательных отрядов гуннов, поставленных там, чтобы отражать набеги вандалов. Но когда взятки Рицимера переманили гуннов к нему на службу, Марцеллин вернулся в Далмацию, где Лев I, восточный император, пожаловал ему новый титул — *magister militum Dalmatiae*. Лев понимал, что Марцеллин — фактически независимый правитель, и подталкивал его на враждебные действия против Ливия Севера.

Тем временем вандалы, хозяева Сардинии, Корсики и Балеарских островов, продолжали опустошать побережье Средиземного моря на всем протяжении от Испании до Египта. Гейзерих убедил восточный двор смотреть сквозь пальцы на

его вторжение в Западную империю, целью которого было обеспечить приданое Евдокии Младшей, жене его сына, Гуннериха и дочери Валентиниана III. Это означало, что вандалы открыто выступили против режима Ливия Севера. Сестра Евдокии, Пластидия Младшая, которую отправили в Константинополь, вышла замуж за аристократа по имени Олибрий, и именно его Гейзерих стал продвигать в качестве кандидата на западный престол. Поспешно вернувшись после Бергомской победы над аланами (и убийства их короля, Беергора), Рицимер обнаружил, что ему угрожают как вандалы, так и Марцеллин. Он попросил Льва I заставить их прекратить вражду. Марцеллин согласился, но Гейзерих отказал в этой просьбе и стал еще более опасным, чем когда-либо, направив главную экспедицию в Италию и Сицилию. Во время этих событий, 14 ноября 465 г., Ливий Север умер. По слухам, его отравил Рицимер, и это вполне может быть правдой, поскольку стало невыгодно поддерживать западного императора, которого наотрез отказался признавать восточный правитель.

## АНТЕМИЙ 467—472 гг.

Антемий (Прокопий) (император на Западе, 467—472 гг.) был одним из наиболее знаменитых граждан Восточной империи. Гейзерих, могущественный король вандалов, рекомендовал Олибрия на смену Ливию Северу, но то, что он был кандидатом вандалов, сделало его неприемлемым для многих. В результате в течение двух месяцев после смерти Ливия Севера в Равенне вообще не было императора; но набег Гейзериха на Пелопоннес в 467 г. убедил восточного правителя Льва I в том, что сотрудничество между двумя римскими империями жизненно необходимо, поэтому должен быть назначен новый западный август — причем выбранный им самим.

Его выбор пал на Антемия, мужа его дочери Евфимии. Этот человек, родившийся в Галатии, прекрасно разбирался в греческой философии и утверждал, что происходит от Прокопия, в 365 г. недолго занимавшего восточный трон. Отец Антемия, которого тоже звали Прокопием, был главнокомандующим (*magister militum*) и имел положение патриция. А его дед по матери, Антемий, был префектом претория и успешно исполнял обязанности регента, пока Феодосий II был слишком



мал. Сам будущий император был командиром (*comes*) во Фракии в 453—454 гг., главнокомандующим в 454—467 гг., консулом в 455 г. и патрицием с того же года. Считали, что он мог сменить Марциана на восточном престоле, но вместо него это назначение получил Лев I. По слухам, Антемий перенес эту неудачу с достоинством и после одержал две военные победы от имени Льва: над остготами в Иллирике с 459 по 464 г. и над гуннами в Сердике в 466—467 гг. В 467 г. Лев назначил его императором Запада. Заручившись поддержкой западного главнокомандующего, Рицимера, путем женитьбы на его дочери, Алипии, Антемий вышел из Константинополя в окружении известных людей и со значительными военными силами; его назначение было поддержано не только римским народом и варварами-федератами, но и сенатом. На монетах того времени он изображен стоящим вместе с Львом I. Каждый держит копье и вместе поддерживают увенчанный крестом шар. Надпись гласит: SALVS REIPUBLICAE (Благополучие государства). Лев, в свою очередь, сделал несколько публичных заявлений, в которых звучала отеческая привязанность и покровительственное отношение к Антемию, с которым, как он заявлял, он разделил правление миром.

После многочисленных трещин, расколовших две империи, такое сотрудничество внушало некоторые надежды, но оно состоялось слишком поздно, чтобы спасти Запад. На самом деле его практическое воплощение оказалось катастрофическим. Оно приняло форму совместного похода против Гейзериха. Даже если количество кораблей (тысяча сто тринадцать) и людей (сто тысяч) в дошедших до нас сообщениях несколько преувеличено, все равно это было большое и честолюбивое предприятие. Но командующий восточного контингента, Василиск, был ненадежным человеком, и назначение Марцеллина (главнокомандующего в Далмации) адмиралом Западной империи оттолкнуло Рицимера. Марцеллин атаковал лагерь вандалов на Сардинии, а другая флотилия высадилась в Триполитане. Но когда восточный флот Василиска приблизился к Карфагену, Гейзерих, при содействии благоприятного ветра, поджег многие из его кораблей и разрушил другие. Оставшиеся войска бежали на Сицилию с Василиском и Марцеллином, который был убит, возможно, по подстрекательству Рицимера.

Антемию также пришлось столкнуться с ухудшившейся ситуацией в Галлии: грозный король вестготов, Эрих, убил свое-

го брата Теодориха II в 466 г., занял его место и как будто собирался завоевать всю Галлию. Галло-римская аристократия, почувствовав себя в опасности, послала делегацию к Антемию в Италию. В ее число входил и Сидоний Аполлинарис, который теперь мог прославлять в своих стихах третьего достойного императора в обычной своей манере и превозносить воссоединение империй. Он был вознагражден званием городского префекта в Риме. Тем временем в Галлии люди Рицимера завязали важные связи со свевами и королем бургундов, Гундиохом, женившимся на его сестре. На основании этого родства Антемиус пожаловал бургундам значительные милости, с целью заручиться их помощью против Эриха. Но Арванда, галльского префекта, обвинили в измене и растрате и казнили, а Эрих нанес полное поражение римской армии на берегу Рена, убив сына императора, Антемиола, и трех его главных военачальников.

К тому же Антемиус не пользовался широкой популярностью в Италии, где греческие культура и образ жизни вызывали отвращение; ходили слухи, что он также снисходительно относится к язычеству. Потерпев неуспех как против вандалов, так и против вестготов, Антемиус начал, как и его предшественники, внушать сомнения Рицимеру, и их отношения резко ухудшились. Сообщали, что император будто бы выражал сожаление о том, что позволил своей дочери выйти замуж за такого варвара, как Рицимер, который, в свою очередь, как слышали, называл своего тестя «гречонком» и галтийцем.

Эта взаимная неприязнь означала, что Италия фактически разделилась на две враждебные части — Антемиус правил в Риме, а Рицимер в Медиолане. Епифаний, епископ Тицинский, попытался примирить их в 470 г., но примирение оказалось недолгим, и в 472 г. Рицимер отправился на юг, к воротам Рима, с намерением сместить своего бывшего протеже. Теперь его кандидатом на западный трон стал Олибрий (муж дочери Валентиниана III Платидии Младшей), который приехал в Италию из Константинополя. Антемиуса поддерживали вестготские войска под командованием Билимера (вероятно, главнокомандующего в Галлии), а также на его стороне и против Олибрия была большая часть сената и римского народа. Началась трехмесячная осада города, которой сопутствовал голод и эпидемии. Спустя некоторое время Рицимер бросил все силы на Понт Элий, мост напротив мавзолея Адриана (позднее «За-

мок святого Ангела»). Билимер отчаянно сопротивлялся, но в конце концов погиб, а войска Рицимера ворвались в центр города не без помощи, вероятно, предательства изнутри. Антемий капитулировал, но поскольку разграбление продолжалось, он переоделся и спрятался среди нищих в церкви святого Хрисогона. Однако его опознали и обезглавили по приказу племянника Рицимера, Гундобада, в марте или апреле 472 г. Все, что можно сказать о правлении, которое закончилось так внезапно, это то, что Антемий, хоть и был греком, пользовался более широкой поддержкой в Риме, чем его более удачливый соперник Олибрий.

## ОЛИБРИЙ

472 г.

Олибрий (Анций) (император на Западе, март или апрель — октябрь 472 г.) был членом великой фамилии Анциев. Он был потомком Секста Петрония Проба, могущественного министра Валентиниана I, и мужем дочери Валентиниана III, Платидии Младшей, которую в 455 г. привез из Рима вместе с матерью и сестрой вандал Гейзерих. Сам Олибрий бежал в Константинополь в то же время — в 464 г.; он получил там консульское звание, но сохранил поддержку Гейзериха, чей сын женился на сестре Платидии. Когда западный император Либий Север умер в 465 г., Гейзерих потребовал, чтобы Олибрий был назначен его преемником, но поддержка этого вандала вызвала слишком много протестов, и в 467 г. западный трон достался греку Антемию.

Однако спустя пять лет, когда отношения между Антемием и его главнокомандующим (*magister militum*), Рицимером, испортились, мысль о назначении Олибрия возникла снова. Очевидно, случилось так, что восточный император Лев I послал Олибрия в Италию, чтобы он попытался восстановить мир между этими двумя людьми, но по приезде он сам вознесся до пурпура. Не похоже, чтобы Лев поддерживал его возвышение, поскольку он соглашался с теми, кто не хотел видеть на западном троне претендента, которому покровительствовали бы вандалы. Так, Иоанн Малала рассказывает, что Лев тайно послал письмо Антемию, советуя ему казнить Олибрия, но Рицимер перехватил письмо. Правда это или нет, но Рицимер устроил Олибрию триумфальную встречу в своем лагере на ре-

ке Эн за пределами Рима и провозгласил его императором в апреле 472 г. Спустя три месяца Антемий потерял город и жизнь. Олибрий стал полновластным правителем, хотя Лев все еще не мог примириться с таким возвышением.

Всего через сорок дней после завершения кровавых событий сам Рицимер, который так долго господствовал на сцене Западной империи, умер, захлебнувшись кровавой рвотой. Его пост главнокомандующего перешел к Гундобаду, сыну его сестры, и к королю бургундов, Гундиоуху. Но Гундобад недолго наслаждался обществом Олибрия, который через каких-нибудь пять или шесть месяцев скончался от водянки.

Одним из свидетельств краткого правления Олибрия стала золотая монета, выпущенная в Риме: на ней изображен фронтальный портрет императора в жемчужной диадеме и без обычного копья или шлема. На ее обороте помещен большой крест с надписью SALVS MVNDY — «Благополучие (или «Спасение») мира» — один из наиболее характерных христианских намеков, когда-либо появлявшихся на римских монетах.

Женившийся на Платидии Младшей, Олибрий оставил одну дочь, Юлиану Аницию, которая вышла замуж за офицера по имени Ареобинд (в 512 г. его всего на один день провозгласили императором в Константинополе). Ее портрет есть в рукописи Диоскорида, посвященной целебным травам.

## ГЛИЦЕРИЙ 473—474 гг.

Глицерий (император на Западе, март 473 — июнь (?) 474 гг.). Западный трон пустовал четыре месяца после смерти Олибрия, потому что Лев I, восточный император, остававшийся на этот период единственным правителем римского мира, никак не мог подобрать подходящего человека. Тогда Гундобад, бургундский главнокомандующий в Италии, взял дело в свои руки и устроил так, чтобы Глицерий, недавно назначенный командиром элитного корпуса младших офицеров (*comes domesticorum*), взшел на западный трон. В марте 473 г. он был должным образом провозглашен императором в Равенне, а соотечественник Гундобада, Хильперик, главнокомандующий в Галлии, поддержал это назначение.

Короткое правление Глицерия было омрачено нависшей над Италией серьезной угрозой со стороны остготов. После падения государства гуннов в 454 г. восточный император Марциан позволил этому народу под управлением трех братьев, Валамира, Теодемира и Видемира, поселиться в Северной Паннонии в качестве федератов. После разграбления иллирийских провинций и борьбы с другими германскими племенами около 469 г. остготы установили контроль над землями среднего Данубия. Через два года на смену Теодемиру пришел его сын Теодорих, который повел часть остготского народа из Паннонии на новые земли в Нижней Мезии, а через два десятка лет стал королем Италии. Другая часть остготов, также двинувшаяся на юг из Паннонии (под предводительством дяди Теодориха, Видемира), проявляла явное намерение вторгнуться на италийский полуостров. Однако новый император, Глицерий, обращался с остготами с дипломатическим мастерством, и они воздержались от нападения на Италию и вместо этого двинулись на Галлию.

Глицерия так и не признали в Константинополе, и Лев I решил заменить его на западном троне племянником своей жены, Юлием Непотом, более или менее самостоятельным главнокомандующим в Далмации. Непот отправился в Италию с флотом, высадился в Порту Августа и провозгласил себя императором. Единственный человек, который мог бы с успехом противостоять этим притязаниям, Гундобад, исчез с итальянской сцены; потому что из-за смерти (возможно, убийства) двух его братьев он стал единственным преемником своего отца на бургундском престоле и сразу же отправился туда, чтобы вступить в права наследства. Глицерий вынужден был без борьбы сдать Юлию Непоту. Он был лишен трона и принял назначение епископом в Салоны в Далмации.

Хотя тот факт, что он прожил достаточно долго, чтобы принять этот пост, подвергается сомнению, историк Малх уверяет нас, что это правда и что он впоследствии сделался архиепископом Медиолана и там подготовил убийство своего преемника Юлия Непота (см. ниже) в 480 г.

На монетах последних западных императоров все чаще, как на монетах начала пятого столетия, изображалась фронтальная фигура правителя, держащего длинный, увенчанный крестом Скипетр и Победу на шаре — вне зависимости, была ли одержана хоть какая-нибудь победа. Монеты, отчеканенные Глицерием в Равенне, следуют этому образцу, но заходят еще

далее по этой ностальгической тропе — профиль императора изображен на них в стиле, характерном для монет, выпущенных более чем за сто лет до того.

## ЮЛИЙ НЕПОТ

474—475, 477(?)—480 гг.

Юлий Непот (император Запада, июнь 474 — август 475 гг. и Далмации, 477 (?) — 480 гг.) был сыном Непоциана, главнокомандующего (*magister militum*) при Авите; его мать была сестрой Марцеллина, командующего на Сицилии и в Далмации. Около 468 г. Непот сменил его на этом посту в Далмации, потому что выказывал формальную верность Восточной империи, хотя на самом деле не повиновался никому. Он женился на племяннице императрицы, Элии Верины, жены восточного правителя Льва I; и Лев, отказавшийся признать право Глицерия на западный престол в 473—474 гг., обеспечил военную поддержку Непота, который отправился морем из Константинополя и высадился в Порту Августа. Там в июне 474 г. он был провозглашен императором, сослав Глицерия в Салонскую епархию.

Вступление на престол Непота было признано римским сенатом и народом Италии, а Сидоний Аполлинарис (уже привыкший прославлять мимолетных императоров) принялся превозносить его характер вкупе с военными талантами. После его восшествия Далмация ненадолго вернулась под управление Запада; но в то же самое время большая часть Галлии была оторвана, потому что самым значительным событием времени правления Непота было заявление вестготского правителя, Эйриха (Эриха), что его расширенное галльское королевство больше не федеративное государство, зависящее от Западной Римской империи, но совершенно независимое государство, как у вандалов Гейзериха.

Сыну предшествующего императора Авита, Экдицию, которого Непот назначил главнокомандующим штаба и сделал патрицием, помогал его зять, Сидоний Аполлинарис, ставший епископом Арвернским. Они более четырех лет защищали Арверн, главный город этого региона, от повторяющихся осад вестготов. Но Непот, который не мог выслать помощь (от бургундов ее тоже не поступало), чувствовал себя обязанным на-

чать переговоры с Эйрихом — эти переговоры он доверил вести пяти епископам. После многочисленных дипломатических миссий, безуспешно обсуждавших территориальные обмены, в 475 г. был подписан договор, по которому все Арвернские земли уступались вестготам — к вящему негодованию Сидония Аполлинариса, оказавшегося на некоторое время в тюрьме под Каркассоном. Договор признавал победу вестготов не только в Галлии, где их королевство теперь протянулось от Луары до Пиренеев и нижних пределов реки Роны, но также и в большей части Испании.

Тем временем Юлий Непот заменил Эктиция Орестом (бывшим помощником Аттилы) на посту главнокомандующего, и Орест сразу же решил посадить своего сына Ромула («Августула») на западный трон вместо его неудачливого титулованного господина. С этим намерением Орест повел войско из Рима на Равенну, где обосновался император; но тот, не слишком полагаясь на верность горожан, морем бежал в свое княжество в Далмации.

Однако в следующем году Ромула заставил отречься от престола Одоакр, чьи войска объявили его королем, незадолго до того, как восточному императору Зинону пришлось принять две делегации. Одна явилась от Одоакра с требованием, чтобы его власть над Италией получила официальное признание Восточной империи. В обмен на это он был готов признать верховенство Зинона. Вторая делегация прибыла от Юлия Непота с напоминанием о том, что он был связан с Константинополем по браку. Непот просил о сочувствии к человеку, который был вынужден бежать из своей страны (как незадолго до того и сам Зинон), и взывал к поддержке, чтобы вновь обрести трон. Просьба Одоакра была исполнена, и ему присвоили звание патриция. Что касается Непота, Зинон напомнил римскому сенату, что он плохо обращался с двумя императорами, присланными с Востока, — убил Антемия и отправил в изгнание Непота. Он потребовал, чтобы сенаторы призвали Непота обратно — и Одоакру было велено сделать то же самое. Одоакр, как и ожидалось, не предпринял никаких действий, чтобы восстановить Непота в Италии, но возобновившаяся чеканка золотых монет с именем Непота на монетных дворах Италии указывает на то, что Одоакр (который контролировал их), по крайней мере внешне, согласился признать его по требованию восточного императора.

Расхожее мнение о том, что Западная империя кончилась с правлением Ромула Августула, нуждается, по крайней мере, в формальном изменении, потому что последним человеком, признанным императором Запада (хоть в это время его и не было в Италии), был Непот. Изгнанник жил в Далмации до 9 мая 480 г., когда был убит двумя своими приятелями, Виатором и Овидой, в своем загородном доме близ Салон, возможно (хоть и не наверняка), по приказу его предшественника Глицерия. После его убийства Одоакр отправился в Далмацию под предлогом совершения правосудия над его убийцами, но на самом деле — чтобы захватить эту страну и присоединить к своим собственным доминионам.

## ЗИНОН

474—475, 476—491 гг.

Зинон (император-соправитель на Востоке, февраль 474 г. и до конца года; единовластный император Востока до января 475 г. и август 476 — апрель 491 гг.) изначально носил имя Трасикодисса; он был исавром из Роусомблада в Исаврии (юго-восток Малой Азии).

Император Лев I привез его в Константинополь и в противодействие влиянию германских войск алана Аспара доверил ему командование новой дворцовой охраной (*excubitores*), состоявшей из его соотечественников-исавров. Он принял менее неуклюжее имя Зинон, обычное для человека, происшедшего из тех же земель, что и он. Лев I дал ему в жены свою старшую дочь Элию Ариадну (вместо его бывшей жены Аркадии), а в 467—468 гг. он был назначен главнокомандующим (*magister militum*) во Фракии и должен был дать отпор вторжению гуннов под предводительством сына Атиллы, Дензиха (Денгезиха).

Несколько солдат, подстрекаемых Аспаром, задумали убить Зинона, но его предупредили заранее, и он бежал на Сердику. Получив консульство в 469 г., он был переведен на Восток в должности главнокомандующего и отправился в Малую Азию, где ему нужно было остановить грабительскую деятельность своего соотечественника, исавра Индака. Для него было ударом узнать, что Лев I даровал титул цезаря Патрикию, младшему сыну его соперника Аспара, и устроил его помолвку со своей младшей дочерью Леонтией. Зинон также обнаружил,



что старший сын Аспара, Ардабурий, старается захватить командование над исаврскими войсками в столице. Когда впоследствии в 471 г. Аспар и Ардабурий были убиты, все считали Зинона ответственным за это. В 473 г. он был назначен главнокомандующим штаба.

В октябре того же года Лев I возвысил своего пятилетнего внука с таким же именем, сына Зинона и Элии Ариадны, до положения августа-соправителя, и, когда 18 января 474 г. император умер, мальчик стал номинальным восточным правителем. 9 февраля его отец, Зинон, сделался его соправителем. Этот почин был поддержан сенатом с согласия вдовы Льва, Элии Верины. В Константинополе были выпущены монеты с обычными погрудными изображениями в шлемах и латах с надписью: «Господа наши Лев [II] и Зинон Вечные Августы». Погрудное изображение по виду взрослого человека, видимо, представляет Зинона. Но на обороте монеты вместе с надписью «Благополучие государства» (SALVS REIPUBLICAE) видны сидящие фигуры двух императоров; и Лев II, хотя и миниатюрного размера, сидит справа от Зинона в позиции старшего августа. Однако еще до конца этого года Лев II умер. Ходили слухи, что он был убит собственным отцом. Так это было или нет, но Зинон остался единственным императором на Востоке.

Отношения Зинона с Западом были хорошими, потому что человек, занимавший западный трон, Юлий Непот (474—475 гг.), был его ставленником (связанным с семьей его жены по браку). Но Гейзерих, король вандалов, очень недовольный убийством Аспара, овладел Эпиром с моря и захватил Никополь, правда, в конце концов был заключен мирный договор между Восточной империей и вандалами (который оказался необычайно продолжительным и выполнялся в течение более чем полусотни лет). Восшествие на престол Зинона также побудило остготского родственника Аспара, Теодориха Страбона, возобновить враждебные действия во Фракии. Он сумел взять в плен главнокомандующего, но впоследствии ему помешал исавр Илл, военачальник Зинона.

Вскоре выяснилось, что Илл ненадежен: он оказался вовлеченным в разрушительное движение в самом Константинополе. Заговор был подготовлен собственной тещей Зинона, Элией Вериной, которая, хоть и способствовала его возвышению, не выносила того, что ее дочь, царствующая императрица, затмила ее саму. Она собиралась заменить Зинона своим

любовником Патриkiem, бывшим смотрителем императорских секретариатов (*magister officiorum*) (имеется в виду не сын Аспара, а его тезка). Илл и его брат, Трокунд, тоже были вовлечены в этот план ее братом, Василиском. Зиноп, предупрежденный о том, что его жизнь в опасности, бежал в Исаврию со многими своими соотечественниками и богатой казной. Вышло так, что сенат отверг Патрикия и предпочел Василиска, но после двадцати месяцев правления он потерял всех тех, кто его поддерживал, и в августе 476 г. Зиноп вернулся в столицу.

Одним из его главных дел была подготовка развала Западной империи. Только через несколько месяцев после его бегства из Константинополя в предыдущем году его ставленника, Юлия Непота, прогнали из Италии и заменили Ромулом Августулом под руководством его отца Ореста. Но Ромула так и не признали на Востоке, и его вскоре заставил отречься от престола германский военачальник Одоакр. Так Западная империя перестала существовать в Италии, которой теперь правил, как король, Одоакр. Он отправил посланников к Зинопу, и в то же самое время в Константинополь прибыла делегация Непота, чтобы просить помощи в попытке восстановить западный престол. В ответ Зиноп, продолжая признавать Непота полноправным западным правителем, не зашел настолько далеко, чтобы послать ему помощь, зато пожаловал Одоакру титул патриция и *de facto*, если не *de jure* — независимость; в то время как Одоакр в свою очередь (вдобавок к тому, что он тактично поместил изображение головы Непота на своих монетах) отчеканил монеты от имени Зинона в Равенне, Медиолане и Риме (*INVICTA ROMA*). Отягощенное многочисленными бедствиями правление Зинона (во время которого Илл предводительствовал мятежом при поддержке Элии Верины в 483—484 гг.) продолжалось и после времени, охваченного объемом этой книги. Историк Малх, писавший около 500 г., выказывал сильное предубеждение против Зинона, но остальные тоже писали о нем неприязненно. По этим отзывам он предстает перед нами как физически непривлекательный, морально разложившийся и трусливый в бою человек. Однако другой летописец, аноним Валезия, выражал большее расположение, не только отметив странное строение коленных чашечек Зинона, которое делало его чрезвычайно быстрым бегуном, но и предположив, что, как император, он оказал некоторое благотворное влияние на Льва I, ставшего менее скупым (несмотря даже на растущий

дефицит в казне) и менее жестоким: например, он считал смертный приговор отвратительным. Зинон также был достаточно умным и стойким, чтобы противостоять преемнику Одоакра в Италии, могущественному остготу, Теодориху. В целом общественное мнение обратилось против Зинона из-за его религиозной снисходительности, которую расценивали как проявление благосклонности к монофиситам (осужденным Халкедонским собором за провозглашение единосущности Христа). К тому же доверие, которое он, как и Лев I до него, оказывал наемникам-исаврам, способствовало его непопулярности: многим из граждан Империи не нравилось видеть вокруг себя этих неуклюжих людей, и они не могли забыть, что исавры не так давно жесточайшим образом опустошали Малую Азию.

### ВАСИЛИСК 475—476 гг.

Василиск (соперничающий император на Востоке, январь 475 — август 476 гг.) был братом Элии Верины, жены императора Льва I. Примерно с 464 г. он стал главнокомандующим (*magister militum*) во Фракии, где, как говорили, одерживал победы над захватчиками, хотя Верина могла и преувеличивать их важность. Потом, в 468 г., она обеспечила ему пост главнокомандующего штабом и командование крупной экспедицией, организованной совместно Восточной и Западной империями против вандалов. Могущественный германский военачальник Аспар одобрил это назначение, по слухам, потому, что Василиск был слишком глупым, чтобы одержать победу, а Аспар не хотел, чтобы какой-нибудь из проектов Льва I удался слишком хорошо. Не менее тысячи ста тринадцати судов, как сообщают, отправилось из Константинополя с более чем сотней тысяч человек на борту. Совместная операция началась вполне благополучно, но близ Карфагена Василиск попал в ловушку, устроенную морскими силами вандалов, среди которых были брандеры, разрушившие половину его флота. Добившись временного перевеса на Сицилии, он вернулся в Константинополь, где под покровительством Элии Верины укрылся в храме святой Софии. Потом он ушел в отставку в Гераклею во Фракии, доведя своим поражением Вос-

точную империю до почти полного уничтожения (см. также Лев I, Агтемий).

Однако после смерти Льва I в 474 г. непопулярность его исаврийского зятя Зинона дала Василиску еще один большой шанс, когда заговор, устроенный его сестрой, Вериной, помог ему временно занять восточный трон и место Зинона в 475—476 гг., на которое она прочила собственного кандидата (и любовника) Патрикия; его тут же приговорили к смерти. Монеты, отчеканенные в правление Василиска, доказывают, что он унаследовал необычайно сложную династическую политику. Его жена, Элия Зинония, возвысилась до положения августы, и ее портрет был отчеканен на монетах. Их сын Марк был провозглашен цезарем, и затем августом, в качестве которого его имя появилось на мелких монетах, отчеканенных в Константинополе вместе с портретом его отца (*Dominorum Nostrorum BASILISCI ET MARCI Perpetuorum AVGustorum*). На другом аурее видны имена двух новых цезарей, Зинона и Льва. Попытки отождествить их с императорами Львом II и Зином обречены на неудачу, потому что они названы просто «цезарями»; более того, эти выпуски были надчеканены на монетах Василиска и Марка (которые не притязали на пурпур до самой смерти Льва II). Следовательно, надо предположить, что цезари Зином и Лев были младшими сыновьями Василиска, получившими этот титул, когда Марк возвысился до положения августа.

Тем не менее дела в Константинополе шли не слишком хорошо. Выдающимся событием этого правления был катастрофический пожар, уничтоживший большую часть города. Среди разрушенных зданий оказалась базилика, где император Юлиан основал свою библиотеку, содержавшую сто двадцать тысяч томов. В пламени погибла и уникальная коллекция древней и классической скульптуры, находившаяся во дворце Лавза (названного так по имени дворцового казначея Феодосия II).

Василиск был также вовлечен в серьезные религиозные споры. Это случилось потому, что он открыто благоволил к монофиситам, обвиненным в еретичестве. Его *Энциклическое письмо*, в котором он соглашался с их точкой зрения о том, что Христос имеет единственную сущность, расценивалось в ортодоксальных католических кругах как возмутительное. В частности, влияние, оказываемое на императора Тимофеем Элуром, монофиситом-епископом Александрии, глубоко

огорчало Акакия, патриарха Константинопольского, который, хоть и сам был человеком умеренных взглядов, чувствовал, что должен протестовать против *Энциклики*. Василиск огорчил патриарха еще больше, выведя епархии Азии из-под контроля метрополии. Когда Акакий узнал об этом решении, он появился в храме святой Софии в траурных одеждах. Что касается папы римского, Симплиция, он считал, что императору недопустимо думать, будто он имеет право решать религиозные вопросы.

Василиск также приобрел себе врага в лице человека прежде всего поддерживающего, Теодориха Страбона, занимавшего в то время пост главнокомандующего. Это случилось из-за того, что он даровал похожее и равное по значению звание безответственному гуляке по имени Армат, любовнику императрицы Элии Зинонии, известному в народе под прозвищем Пирр («Краснощекий»). Более того, исавр Илл, помогавший Василиску занять трон, решил выступить против него, на что его подвигли многочисленные жалобы на жадность министров императора. Зинон почувствовал, что должен оставить убежище в Исаврии, и вместе с Иллом двинулся к столице. Василиск поспешно отменил свои богословские эдикты, отрекаясь от них в *Анти-Энциклике*, которая должна была примирить патриарха и престоноародье. Но подчиненные Армата, посланные навстречу приближавшейся армии, убедили его двигаться в другом направлении, и он разминулся с нею. Зинон беспрепятственно вернулся в Константинополь в августе 476 г. Василиск и его жена и дети, которых он всех сделал августами и цезарями, были сосланы в Кукуз в Каппадокии, где их бросили в пересохший колодец и уморили голодом.

Говорили, что он был хорошим солдатом (хотя его неудача в походе против вандалов едва ли оправдывает такую оценку), однако тугодумом и легковером.

## РОМУЛ 475—476 гг.

Ромул («Августул») (император на Западе, октябрь 475 — сентябрь 476 гг.) был сыном Ореста, римлянина из Паннонии, который служил секретарем у Атилы, короля гуннов, и был послан с поручением в Константинополь. Орест женился на

дочери главного римского офицера (*comes*) Ромула, прибывшего из Поэтовииона и, после смерти Аггилы, поступившего на службу в Западной империи. Таланты Одеста способствовали его быстрому продвижению по службе; в 474 г. Юлий Непот назначил его главнокомандующим (*magister militum*) своего штаба (*in praesenti*), с титулом патриция. Длительные связи с Центральной Европой внушали любовь к Оресту его германских отрядов, составлявших в ту эпоху почти всю римскую армию в Италии. И они предпочли его императору Непоту, который пришел к ним в 474 г. с греческого востока. Орест откликнулся на просьбы жаждавших мятежа солдат, но по какой-то неизвестной нам причине решил возвысить до западного трона не себя, а своего юного сына Ромула. В августе 475 г. Юлий Непот бежал в Далмацию, а 31 октября Орест облачил Ромула в пурпур. Мальчик принял (тогда или раньше) имя Август не только как титул, но и как личное имя (есть свидетельства, что это не было беспрецедентным случаем даже среди обычных граждан); на его монетах присутствует любопытная надпись: «*Dominus Noster Romulus Augustus Pius Felix Augustus*». Его положение, однако, не признали в Восточной империи, где Непот продолжал считаться императором Запада. Тем не менее в течение десяти месяцев Орест правил Италией от имени своего сына.

Падение отца и сына было вызвано мятежом в их же собственных войсках, почти полностью состоявших из восточных германцев (преимущественно герулов, но также ругиев и скиров). Они знали, что правительство заключило с германцами других частей Западной империи соглашение, по которому местные землевладельцы были обязаны выделять определенную часть своих земель иммигрантам. До той поры этот принцип не распространялся на Италию, но германские солдаты, расквартированные на полуострове, заявили, что подобные действия должны быть предприняты и в их пользу. Они не настаивали на том, чтобы им выделяли две трети земли, как это было сделано Гонорием по отношению к вестготам в Галлии более полувека назад. Они говорили, что удовольствовались бы и одной третью, уступленной, например, бургундам.

Вероятно, Орест поначалу пообещал им это, если они смогут ему свергнуть Юлия Непота. Однако, когда это было сделано, он передумал, потому что, несмотря на долгое общение с германцами и гуннами, он все еще был достаточно римлянином, чтобы понять, что соглашение такого рода, пусть

вполне допустимое в провинциях, совершенно неприемлемо на итальянской земле, которая должна оставаться ненарушенной. Его реакция даже внушила Эдварду Гиббону некоторое почтение. «Опасный альянс этих иностранцев подавил и оскорбил последние остатки свободы и достоинства Рима... Орест, исполненный духа, который при других обстоятельствах мог бы внушить нам уважение, предпочел встретить ярость вооруженных солдат, нежели одобрить разорение ни в чем не повинного народа. Он отверг их дерзкую просьбу».

Но этот твердый жест был слишком запоздалым, чтобы иметь какой-нибудь успех, и разочарованные солдаты нашли себе предводителя из числа ведущих командиров Ореста, Флавия Одоакра (Одовакра). Одоакр был германцем (скиром, или, возможно, ругием), его отец служил Аггиле послом в Константинополе. После смерти Аггилы он присоединился к армии западного императора Антемия и впоследствии помогал Оресту изгнать Юлия Непота. Столкнувшись с враждебностью войск, Орест забаррикадировался в стенах Тицина. Однако эта крепость подверглась осаде, штурму и разграблению. Ее епископ Епифаний сумел отстоять собственность церкви и защитить женщин от изнасилования, но не смог спасти жизнь самого Ореста, которого казнили в Плацентии в августе 476 г. Его брат Павел пал в сражении в лесу близ Равенны, и Одоакр, войдя в город, заставил Ромула отречься от престола империи 4 сентября. Дальнейшая жизнь Ромула была довольно жалкой. Его с семьей отправили во дворец Лукулла на мизенском мысу (в Кампании), который стал местом их изгнания. Ему назначили ежегодное содержание в размере шести тысяч золотых монет (возможно, что он был жив еще и в 507—511 г.).

О судьбе Одоакра упоминается в связи с Юлием Непотом, находившимся в Далмации и остававшимся в живых еще четыре года. Но 476 год, когда Ромула заставили отречься от престола, был канонизирован учеными Византии, Италии эпохи Возрождения и восемнадцатого века как последний, эпохальный год заката и падения Западной империи. Более того, самым драматичным моментом в этом событии стало то, что безобидного юного монарха звали Ромулом — так же, как легендарного основателя Рима, жившего двенадцатью столетиями ранее — и это имя в шутку переделали в Моммула (что значит «маленький позор»). С иронией относились и к друго-

му его имени, Август, превратив его в уменьшительное Августул, под которым он обычно упоминается.

В последние годы существует тенденция преуменьшать важность свержения Ромула Августула, потому что, в конце концов, оно было лишь одним эпизодом в длинной череде постепенного разрушения. Тем не менее оно на самом деле означало, что последние главные территории Запада, а также земли метрополий, к добру ли, к худу ли, превратились в еще одно королевство германцев. Западной империи более не существовало. Ее затянувшееся умирание, как сказал Эдвард Гиббон, «всегда будет вспоминаться и до сих пор еще ощущается народами мира».



## КЛЮЧ К ЛАТИНСКИМ ТЕРМИНАМ, ВСТРЕЧАЮЩИМСЯ В ТЕКСТЕ<sup>1</sup>

- AERARIUM, ЭРАРИЙ** — казначейства Римского государства; *aerarium Saturni* называется так из-за храма Сатурна (под Капитолием), в котором оно размещалось.
- ALIMENTA, АЛИМЕНТАЦИЯ** — программа помощи бедным и осиротевшим детям, осуществляемая при посредстве вложения средств в ссуды под залог земли.
- AMICI PRINCIPIS** — друзья императора, полуофициальное звание. Множество «друзей» было в совете императора, *consilium principis* (см.).
- ANTONINIANUS, АНТОНИНИАН** — название монеты низкого достоинства, которая изначально по весу составляла полтора денария, но ценившаяся, предположительно, в два. Названа (неофициально) в честь выпустившего ее Каракаллы (Марка Аврелия Антония).
- АССАМБЛЕЯ, СОБРАНИЯ** — см. *Кампици*.
- АВГУРЫ** — официальные римские прорицатели; авгурат был одним из четырех жреческих санов.
- AUGUSTUS, АВГУСТ** — имя, избранное Октавианом в 27 г. до н.э. как наиболее точно соответствующее его титулу. Оно принималось всеми последующими императорами. Этимологически оно связано со словами *augur*, священный (см.) и *augere* «увеличивать», т.е. «возвеличенный богами».
- AUREUS, АУРЕЙ** — стандартная золотая монета, замененная в П.И. более легким *саидом* (*solidus*).
- AUXILIA** — Август, основываясь на республиканских прецедентах, основал постоянную вспомогательную армию (которая поддерживала легионы (*legions*, см.) и, вероятно, насчитывала сто пятьдесят тысяч солдат. Вспомогательные войска состояли из отставных солдат — граждан Римской Империи (по крайней мере, с середины первого века) и офицеров-граждан. П.И.<sup>2</sup>: Константин I Великий создал новые отряды пехоты, названные *auxilia*, чтобы расширить комитат (*comitatus*, см.).
- BASILICAS, БАЗИЛИКИ** — большие залы с колоннами, предназначенные для различных собраний, которые обычно располагались рядом с форумом (см.) в городах Западной империи. П.И.: (1) огромные сводчатые строения, перделанные из центральных залов императорских бань, например, Новая базилика Максенция; (2) главные христианские храмы, по структурной форме напоминающие более ранние базилики.
- CAESAR, ЦЕЗАРЬ** — имя диктатора Гая Юлия Цезаря (ум. в 44 г. до н.э.), которое принималось римскими императорами как часть их титула, а также жаловалось (без титула «Август», см.) высокорожденным юношам. Это означало, что они станут наиболее вероятными наследниками престола. П.И.: В тетрархии (см.) Диоклетиана входили два августа и два цезаря.
- КАПИТОЛИЙСКИЕ ИГРЫ** — см. *Ludi*
- CASTRA PEREGRINA** или **PEREGRINORUM** — «Иностранный лагерь» на Целивом холме в Риме. Был преобразован в казарму для легионерских отрядов (или отдельных лиц), прибывавших в Рим, и стал штаб-квартирой фрументариев, посланников и членов военной разведки.
- ЦЕНЗОРЫ** — республиканские чиновники, назначаемые каждые четыре (а впо-

<sup>1</sup> Здесь даны также толкования слов русского языка, заимствованных из латинского.

<sup>2</sup> Здесь и далее: П.И. — Поздняя Империя (IV–V вв. н.э.).

- следствии пять) лет на восемнадцать месяцев для того, чтобы составлять перепись граждан и пересматривать список сенаторов. Практически не существовали со времени Августа, который принял на себя цензорские полномочия. Клавдий назначил себя цензором (а Домициан — даже пожизненным цензором).
- CENTURION, ЦЕНТУРИОН** — главный профессиональный офицер в римской армии; изначально стоял во главе сотни воинов — центурии. Центурионы подразделялись на большое количество разных званий и рангов. Центурионы Августа получали от 3750 до 15 тысяч денариев в год.
- ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ** — см. *Pontifex maximus*.
- ГОРОДСКОЙ ПРЕФЕКТ** — см. *Praefectus*.
- КЛИЕНТЫ** — (1) люди, зависящие от своих покровителей (*patroni*), согласно древнему социальному уложению; (2) в расширенном смысле — пограничные государства-клиенты, зависящие от императора.
- КОГОРТА** — военное подразделение. В легионе (см.) было десять когорт, каждая из которых делилась на шесть центурий. Пехотные подразделения вспомогательных войск, состоявшие из пятиста или тысячи человек, тоже назывались когортами. Преторианские, городские отряды и *vigiles* (см.) тоже делились на подразделения с тем же названием.
- КОЛОНИИ** — Большие и малые города, заселенные римскими гражданами, см. также *Ius Latii*.
- COMES, КОМИТ** — П.И.: военный командующий или высокопоставленный гражданский чиновник.
- COMES SACRARUM LARGITIONUM, КОМИТ ФИНАНСОВ** — комит священных даров (ранее *rationales rei summae*). П.И.: Финансовый министр, контролировавший денежное обращение и монетные дворы, доходы и расходы (в монете), рудники и поставки продовольствия и обмундирования для армии и для гражданской службы.
- COMITATENSES** — армейские части, образующие комитат императора (*comitatus*). П.И.: подвижные силы; одно из двух главных подразделений императорской действующей армии (см. также *Limitanei*).
- COMITIA (tributa), КОМИЦИИ (трибутные)** — древнеримское собрание, которое все еще избирало членов магистрата и некоторое время принимало законы под началом принцепата (см. *Princeps*), но уже утратило настоящую силу.
- CONSILIUM PRINCIPIS** — тайный совет императора, ставший более формальным во втором веке и еще более — в третьем; см. также *Amici principis, Consistorium*.
- CONSISTORIUM, КОНСИТОРИЯ** — П.И.: название, данное императорскому совету (*consilium principis*, см.) со времени Диоклетиана, и с того же времени его члены не сидели, а стояли. Общий государственный совет и верховный суд.
- CONSUL, КОНСУЛ** — два высокопоставленных, назначаемых ежегодно чиновника (в магистратах) древней республики. Их назначение продолжалось во время Принцепата (см. *Princeps*), когда поначалу *consules ordinarii* «избирались» на каждый год, обычно слагая свои права через несколько месяцев в пользу заместителей, известных как *consules suffecti*.
- CONSULAR ORNAMENTS** — см. *Ornamenta*.
- CORRECTOR** — П.И.: титул некоторых правителей с конца третьего века (особенно в регионах Италии).
- CUBICULARII, КУВИКУЛАРИИ** — см. *Praepositus sacri cubiculi*.
- CURA PALATII, КУРОПАЛАТЫ** — П.И.: начальник дворцовой стражи.
- DENARIUS, ДЕНАРИЙ** — стандартная серебряная монета низкого достоинства (в золотом ауре [ауреус] (см.) было двадцать пять денариев). П.И.: монета намного меньшего достоинства.
- DIOECESSES, ДИОЦЕЗЫ** — П.И. — административные группы провинций, созданные Диоклетианом. Изначально их было тринадцать, впоследствии больше. В большинстве случаев управлялись назначенным префектом преторианцев или наместником.
- DIVUS** — термин, которым называли (чаще, чем *deus*) Юлия Цезаря и императоров после их посмертного обожествления Римским государством.
- EQUITES, ВСАДНИКИ** — *equester ordo*. В последние годы Республики — сословие с минимальными имущественными ограничениями, следующее сразу за классом сенаторов. Часть из них играла большую роль в развитии экономики

- страны. Реформировалось Августом и другими, чтобы обеспечить приток значащих на многие важные административные посты людей.
- EXCUBITORES** — П.И.: новая императорская охрана, созданная Львом I, которая состояла из трехсот человек, набранных из числа его соотечественников, исавров.
- FORUM, ФОРУМ** — главная общественная площадь города, обычно окруженная главными храмами и залами. Рядом с древнеримским форумом, Юлий Цезарь, Август, Веспасиан, Нерва и Траян построили дополнительные форумы, носящие их имена.
- HONESTIORES** — высокородные люди (со второго до третьего века н.э.). Поначалу социальное, а также легализованное отличие, по контрасту с лишенными привилегий *humiliores*. За преступления *honestiores* подвергались более легким наказаниям.
- IMPERATOR, ИМПЕРАТОР** — (1) военачальник, командующий; (2) после победы военачальника его солдаты провозглашали его императором; (3) Юлий Цезарь всегда использовал это звание, и оно впоследствии было принято всеми императорами как часть их титула, обычно в качестве префикса.
- IMPERIUM, ИМПЕРИЙ** — высшая исполнительная власть, осуществлявшая командование в период войны, толкование и исполнение законов. Август, который часто дополнял назначение своего *imperiū*, основал обычай передачи его, в высшей форме (*maius*), другим лицам, облеченным важными полномочиями.
- IUS LATII (Латинские права)** — статус латинских колоний, в которых чиновники (члены магистратов, но не основное население) были римскими гражданами.
- LAETI, ЛЕТЫ** — германское слово. П.И.: военнопленные-варвары или размещенные беженцы, поселенные небольшими группами под управлением римских префектов и обязанные поставлять рекрутов для армии.
- ЛАТИНСКИЕ ПРАВА** — см. *Ius Latii*.
- LEGATUS, ЛЕГАТ** — посланник, военачальник. (1) Командующие легионами; (2) правители «имперских» провинций (зависящие непосредственно от императора), кроме Египта и малых земель, были *legati Augusti propraetore*; (3) представитель правителя в «сенаторских» провинциях (проконсул).
- ЛЕГИОН** — военное подразделение. При Августе было двадцать восемь, а затем двадцать пять легионов (каждый состоял из пятидесятитысячной пехоты и стотридцатитысячной кавалерии); при Септимию Севере их стало тридцать три. Легионеры были римскими гражданами. П.И.: количество легионов постоянно возрастало, но в легионах пехоты действующей армии (см. *Comitatus, Limitanei*) насчитывалась только тысяча человек.
- LIBERTUS (libertinus), ВОЛЬНООТПУЩЕННИК** — освобожденный раб. Он все еще обязан оказывать уважение и служить своему бывшему хозяину, как клиент покровителю, но его сын становился полноправным гражданином. Поскольку домашнее хозяйство императоров постепенно превратилось в дело государственной значимости, вольноотпущенники — преимущественно эллинизированные выходцы с востока — встали во главе этого хозяйства, достигнув зенита своей власти при Клавдии и Нероне. Изначально *libertinus* был сыном *libertus*, но потом эти различия стерлись.
- LIMITANEI** — пограничные войска (или *riparienses, ripenses* — отряды на берегу реки) П.И.: Пограничные войска, обычно позиционные, неподвижные; одно из двух главных подразделений действующей армии (см. также *Comitatenses*.)
- MAGISTER EQUITUM, МАГИСТР ВСАДНИКОВ** — (1) помощник диктатора в Республике; оба поста были отменены Принципатом (см. *Princeps*); (2) П.И.: командующий кавалерией в комитате (*comitatus*, см.), который мог отдавать приказы военачальникам на границе. Как в Восточной, так и в Западной империях было более одного магистра всадников. *Magister equitum in praesenti* или *praesentialis* состоял в штаб-квартире Империи.
- MAGISTER MEMORIAE** — П.И.: государственный секретарь по общим прошениям под управлением *magister scrinioium* (см.)
- MAGISTER MILITUM, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ** — П.И.: командующий, известный также, особенно в Восточной империи, как *magister utriusque militiae* (Хозяин Двух Служб). См. также *Magister equitum*, «Магистр всадников».
- MAGISTER OFFICIORUM, НАЧАЛЬНИК СЛУЖБ** — П.И.: министр, ведающий секретариатами (см. *scrinia*), подразделениями имперских курьеров (*agentes in*

- rebus) и личной охраной императора (*scholae palatinae*, см.), а также распорядителем императорских аудиенций.
- MAGISTER PEDITUM** — начальник пехоты. П.И.: командующий пехотой в комитате (*comitatus*, см.) с властью над генералами на границах. См. также *Magister equitum*.
- MAGISTER SCRINII** (или **SCRINORUM**), **НАЧАЛЬНИК КАНЦЕЛЯРИИ** — глава секретариата (*scrinium*, см.). П.И.: начальник департамента общих прошений (см. *Magister memoriae*), писем и рескриптов, а также судебных дел императорского суда.
- MARTYRIUM** — П.И.: место предположительного захоронения христианского мученика.
- NOTARII** — П.И.: члены корпуса нотариусов. Они вели протоколы *consistorium* (см.). Нотариусы быстро поднимались по службе, достигая высочайших чинов в государстве. Их начальником назывался *primicerius notariorum* (см.), а чиновники второго ранга — *secundarius notariorum*.
- NUMERI** — военные отряды, основанные со времени Траяна, состоявшие из нероманизированных племен, которые не могли с легкостью войти в *auxilia* (см.)
- ORNAMENTA** — люди, которым присуждалось звание чиновника официального учреждения (*consularia, praetoria, quaestoria*) без необходимости исполнять налагаемые этим званием обязанности. За успешно проведенные кампании военачальники также награждались *ornamenta triumphalia*, или даже Триумфом (*Triumph*, см.), который был прерогативой императора.
- OVATIO, ОВАЦИЯ** — малый триумф (*Triumph*, см.), отмечен в последний раз в 47 г.
- PATER PATRIAE** — отец отечества. Цезарь получил звание «Pater Patriae», а после того, как Август был провозглашен «Pater Patriae» во 2 г. до н.э., большинство императоров, хоть и не все, рано или поздно присоединяли это звание к своим титулам.
- PATRIARCH, ПАТРИАРХ** — (1) во втором веке сделался титулом вождей иудейской общины в Сирии-Палестине (Иудее) (этим термином пользовались греческие переводчики Септуагинты; (2) П.И.: титул, используемый христианами епископами, особенно в восточной Церкви; так постоянно называли епископа Константинопольского.
- PATRICIAN, ПАТРИЦИЙ** — (1) с самых ранних времен патриции были высшим сословием римских граждан, по контрасту с плебеями; четырнадцать патрицианских кланов все еще существовали в начале Принципата (см. *princeps*); (2) П.И.: почетный титул, восстановленный Константином I Великим, которым, впрочем, награждали редко. *Magister militum* (см.) *in praesenti* в Западной империи был известен, как *patricius*.
- PEREGRINI** — см. *Castra Peregrinorum*.
- PIUS, ПИЙ** — означает «преданный Богу», или «благочестивый». Этот титул присваивался многим императорам, начиная с Антония Пия. П.И.: это звание стало, наряду с именем «Феликс», частью обычного титулования императоров.
- PONTIFEX MAXIMUS, ПОНТИФИК МАКСИМ** — верховный жрец. Главный из понтификов, один из четырех главных жреческих санов. Понтифик отвечал за всю государственную религию; начиная с 12 г. до н.э. императоры стали принимать этот титул. В христианские времена Грациан стал первым, кто отказался от него, около 375 г., и он перешел к папам.
- PRAEFECTUS, ПРЕФЕКТ** — термин, используемый для чиновников разных военных приказов и гражданских служб. В число последних входил городской префект Рима (*praefectus urbi*), командир преторианцев-телохранителей (*praefectus praetorio*, см.), *praefecti annonae* (см.) и *vigilum* (см. *Vigiles*) и несколько правителей всаднического сословия (см. *Equites*), включая префекта Египта и, поначалу, Иудеи (последние впоследствии стали прокураторами (см. *Procuratores*) и, в конце концов, легатами (*legati*), т.е. имеющими статус сенаторов).
- PRAEFECTUS ANNONAE** — уполномоченный по поставкам зерна в Рим.
- PRAEFECTUS PRAETORIO** — префект претория и/или командир преторианской охраны (см. *Praetoriani*). Изначально назначались парами (обычай, который позднее возобновился) и часто были наиболее влиятельными людьми в Империи. Во втором и третьем веках они приобрели мощную судебскую власть и были, временами, не военными, но хорошо известными юристами.

- П.И.: во времена тетрархии (Tetrarchy, см.) префект преторианцев каждого из четырех правителей был и их главным министром финансов, а когда телохранителей упразднили, они стали гражданскими чиновниками с возросшим объемом финансовых и судебных обязанностей. Примерно с 395 г. существовало четыре префектуры, две в Западной, и две в Восточной империях.
- PRAEPOSITUS SACRI CUBICULI, ПРЕПОЗИТ ИМПЕРАТОРСКОЙ СПАЛЬНИ** — П.И.: придворный, распорядитель церемоний (чаще всего евнух) и начальник *cubicularii*, опочивальни императора.
- PRAETOR, ПРЕТОР** — преторы были ежегодно избираемыми государственными чиновниками, по важности приближавшимися к консулам. Их было двенадцать во времена раннего Принципата (см. *Princeps*), они часто возглавляли важные государственные учреждения. Большинство правителей провинций были бывшими преторами.
- PRAETORIAN EDICT** — эдикт, составляемый претором (*Praetor*, см.), при вступлении в должность, в котором он говорит о том, как собирается действовать. Эдикт приобрел постоянную форму, когда Сальвий Юлиан пересмотрел и привел его к единому образцу при Адриане.
- PRAETORIANI, ПРЕТОРИАНЦЫ** — охрана, образованная из *cohortes praetoriae* военачальниками Поздней Республики. Постоянные корпуса из девяти когорт (*cohortis*, см.), состоявших каждая из пятисот человек пехоты и девяноста — кавалерии, были основаны Августом вместе с введением должности префекта преторианцев (*Praefecti praetorio*, см.). Их размер и структура менялись. П.И.: преторианцы, во II веке фактически городская стража Рима, были упразднены Севером II; потом вновь, после временного восстановления, их упразднил Константин I Великий.
- PRINCEPS, ПРИНЦЕПС** — этот термин, который звучит по-республикански, был избран Августом, чтобы определить его собственное конституционное положение, как исполняющего обязанности Восстановленной Республики или Принципата (имперская эпоха).
- PRINCEPS IUVENTUTIS, ПРИНЦЕПС ЮВЕНТУТИС** — предводитель молодежи. Всадники (*equites*, см.) провозгласили внуков Августа, Гая и Луция вождями юношеского движения, которое их дед посвятил военной подготовке (*iuvenes, iuventus*). Та же самая почесть была восстановлена для последующих «принцев короны» — хотя позднее и правящие императоры тоже претендовали на это звание.
- PROCURATOR, ПРОКУРАТОР** — заместитель, или представитель. Стал отличительным термином для гражданских служащих, преимущественно всаднического звания. В их число входили финансовые должностные лица из имперских провинций (и правители меньших провинций), управляющие частными владениями императора (*procuratores thesaurorum*) и государственными учреждениями в самом Риме, количество которых быстро возрастало.
- PROVINCIAE, ПРОВИНЦИИ** — были двух главных видов: «сенаторские», управляемые проконсулами (все еще избиравшимися, очевидно, сенатом), и «имперские», управлявшиеся легатами (*legati*, см.), которые подчинялись напрямую императору или командующему армиями. П.И.: Диоклетиан удвоил количество провинций (почти до сотни) и разделил их на группы (*dioceses*, см.).
- QUAESTOR, КВЕСТОР** — младший государственный чиновник — должность, через которую проходили все будущие сенаторы. Со времен Августа осталось двадцать квесторов, многие из которых выступали как финансовые чиновники, помощники правителей сенаториальных провинций.
- QUAESTOR SACRI PALATII** — П.И.: главный юрист Империи, должность, введенная Константином I Великим.
- RATIONALIS** — П.И.: высший финансовый чиновник, например, *rationales rei privatae*, который стоял ниже *comes* (см.) и контролировал собственность императора. *Rationalis summae rei* — см. *Comes sacrarum largitionum*.
- РЕСПУБЛИКА** — период в Римской истории с 510 г до н.э. (легендарная дата) до 31 г. до н.э., между монархией и Принципатом; хотя пропаганда иногда объявляла последний «Восстановленной Республикой» и термин *respublica* продолжал употребляться для обозначения Римского государства.
- RIPARIENSES** — см. *Limitanei*.
- SALII, САЛИИ** — древняя религиозная организация, зародившаяся во многих городах Италии, обычно связанная с богом войны.
- SATURNALIA, САТУРНАЛИИ** — наиболее радостный праздник в году у рим-

ля, проводившийся в честь Сатурна. Праздновался он 17 декабря. П.И.: к четвертому столетию многие его элементы перешли в праздник Нового года. В среде христиан они стали частью традиционных рождественских праздников.

**SCHOLAE PALATINAE** — П.И.: телохранители из числа домашней армии, созданной Диоклетианом. Состояли из двух (а позднее и более) кавалерийских полков, каждый из пяти сотен, названных по наименованию дворцового portica, где размещались части.

**SCRINIUM** — П.И.: отделения министерства и, в частности, те, кого контролировал *magister scrinii* (см.).

**СЕКУЛЯРНЫЕ (столетние) ИГРЫ** — см. *Ludi Saeculares*.

**СЕНАТ** — главный государственный совет во времена Республики, сохранивший ограниченную власть (но дополнительные судебные функции) при императорах. Август установил количество членов сената в шестьсот человек. Признание сената было, теоретически, предварительным условием законности императорской власти, хотя на практике решающим было одобрение армии или преторианской охраны. П.И.: по новому порядку, установленному Константином, сенат фактически целиком состоял из всадников (*equites*, см.) и обладал довольно большой исполнительной властью. Впоследствии его члены стали основной массой крупных землевладельцев, которые защищали язычество в Италии и часто помогали германским военачальникам подрывать императорскую власть. Константин создал сенат и в Константинополе.

**SESTERTIUS, СЕСТЕРЦИЙ** — медная монета наивысшего номинала, четверть денария (*denarius*, см.) или четыре медных *asses*. П.И.: монета намного меньшего значения.

**ТЕТРАРХИЯ** — П.И.: имперская система, основанная Диоклетианом (но не долговременно существовавшая после его отречения от престола). Согласно ей, Империей правили два *Augusti* (см.) и два *Caesars* (см.).

**TRIBUNICIA POTESTAS** — очевидно, обладал властью народного трибуна (*tribunus*, см.) *plebis*. С древности считалось, что наделенный этой властью человек является защитником народа, что и побудило Августа, а затем и его преемников, сделать эту должность (независимо от официального титула) наиболее характерной прерогативой императора. Эта должность была также дарована членам императорской семьи, занимавшим важные посты, и, особенно, престолонаследнику.

**TRIBUNUS, ТРИБУН** — (1) пост *Tribunus plebis* в Республике, был шагом в карьере сенатора (для плебеев). Трибун обладал властью, чтобы «защитить народ» путем заступничества, наложения вето или наказаний. Это право исчезло, но стало постоянным для *tribunicia potestas* (см.), или императоров. (2) *Tribunus militum*, старший офицер армии, помогавший командующим легионов (*legati*, см.), или командовавший когортами *auxilia* (см.). П.И.: командир полка или другого подразделения.

**ТРИУМФ** — шествие победоносного римского военачальника к храму Юпитера Капитолийского. Во времена Принципата (см. *Principes*) триумфы вскоре стали монополией императора, или — с его разрешения — членов его семьи, а другие военачальники чествовались триумфальными *ornamenta* (см.).

**ТРИУМВИРАТ** — объединение трех человек, управляющих государством: (1) 60 г. до н.э. (Помпей, Цезарь, Красс — неофициально); (2) 43 г. до н.э. (Марк Антоний, Октавиан [будущий Август], Лепид — официально).

**ВЕСТАЛКИ** — жрицы (в исторические времена обычно шестеро), которые приносили обет безбрачия и невинности на протяжении обычно тридцати лет и поддерживали огонь богини Весты в ее храме рядом с Римским форумом.

**VEXILLATIONES** — от *vexillum*, знамя. Отряды, выделавшиеся из легионов для выполнения особых заданий и возвращавшиеся обратно, когда задания выполнены. П.И.: кавалерийские *vexillationes* были созданы Константином I Великим, чтобы расширить *comitatus* (см.).

**VIGILES, ВИГИЛЫ** — подразделения из семи тысяч бывших рабов (*liberti*, см.) были созданы Августом, как римская городская пожарная бригада под началом *praefectus vigilum*. Во времена Септимия Севера они считались частью армии.

---

---

# ЛАТИНСКИЕ И ГРЕЧЕСКИЕ АВТОРЫ<sup>1</sup>

---

Примечание: Даты н.э., если не указано иное.

## ЛАТИНСКИЕ

- Алариха, закон — см. Римский закон вестготов.
- Аммиан Марцеллин, 330—395. Родился в Антиохии. Написал историю (*Rerum Gestarum Libri*) Империи периода 96—378 гг. (Сохранились книги с 14-й по 31-ю, о годах с 353 по 378.)
- Аноним Валезия (или *Excerpta Valesiana*, по имени первого редактора, Валезия, 1636 г.) Имя было дано двум не поддающимся определению авторам, написавшим (1) *Жизнь Константина Великого* в пятом столетии на основе относящегося к четвертому веку собрания биографий императоров и (2) написавшим в шестом веке труд о годах 476—526, который приписывают остготу Теодориху.
- Августин, святой, 354—430 гг. Родился в Тагесте. Епископ Гиппон-Регийский. Девяносто три рукописи, в которые входят *Исповедь*, *О Троице*, *Град Господа*, и нападки на восемь разновидностей еретиков.
- Авсоний, 310—395 гг. Родился в Бурдигале. Стал консулом в 379 г. В числе его поэм *Мозелла* (Мозель) и двадцать пять писем.
- Закон Алариха — см. *Римский закон вестготов*.
- Сервидий Сцевола, Квинт — см. Сцевола.
- Хронограф 354 г. Неизвестный автор иллюстрированного календаря, от которого сохранилось датированное 354 г. издание, составленное неким Валентином и впоследствии расширенное.
- Клавдиан. Умер в 404 г. Родился в Александрии. Среди его поэм — *Панегирики*, *Поношения*, восхваления брака императора Гонория и *Похищение Прозерпины*.
- Кодексы Эйриха (Эриха), Юстиниана I, Феодосия II — см. *Эйрих*, *Юстиниан I*, *Феодосий II*.
- Очерки — краткая история Империи (до Феодосия I), которая содержит очерк *Цезаря Виктора* (Победителя) (см.), но на самом деле является независимой работой, из которого только наиболее ранняя часть заимствована из трудов Виктора.
- Эйрих. Король вестготов в Галлии и Испании, 466—484 гг., давший свое имя собранию законов, *Кодексу Эйриха*, большая часть которого сохранилась.
- Евтропий. IV в. Придворный служащий (*magister memoriae*) Валента. Написал обзорение Римской истории с ее начала до 364 г.
- Фест. IV в. Придворный служащий (*magister memoriae*) Валента. Написал обзорение Римской истории с ее начала до 364 г.; его половина пропала.

---

<sup>1</sup> Здесь также даны справки о некоторых известных документах той эпохи.

- Флор. II в. Родился в Северной Африке. Можно считать его другом Адриана. Так же ему, вероятно, принадлежит авторство плохо сохранившегося диалога о *Виргилии*.
- Фронтон — 100—166 г. Родился в Кирте. Оратор и наставник Марка Аврелия и Луция Вера. Написал *Письма*.
- Григорий, святой, Турский — 540—594 г. Родился в Арверне, был епископом Цивитас Турана. Написал *Историю франков* и религиозные труды.
- История Августов*. Вероятно, написана в конце четвертого столетия. Собрание биографий римских императоров, цезарей и узурпаторов с 117 по 284 г. (годы 244—259 утрачены). Большая часть сведений (такие, как шесть авторов, на которых ссылается автор) являются выдумкой, но описания личностей и другие подробности порой содержат подлинные штрихи.
- Гораций — 65—8 г. до н.э. Родился в Везузии. Поэт; написал *Эподы*, *Оды*, *Светский гимн*, *Искусство поэзии (Art Poetica)*.
- Иероним, святой, 348—420 г. Родился в Стридоне (северо-западный Иллирик). Секретарь папы Дамаса, основатель монастыря в Вифлееме. Многочисленные труды включают латинский перевод Библии (Вульгату) и порицание ересей.
- Юлиан, Сальвий, 100—169 г. Законовед и советник Адриана. Написал *Дигесты* (в девятнадцати книгах, выдержки сохранились в кодексах). Отвечал за исправление и систематизацию преторианского эдикта (см. «Ключ к латинским терминам»).
- Юстиниан I Великий. Византийский (Восточная империя) император 527—565 г. Он отвоевал крупные части Империи, оккупированные германскими захватчиками, и дал свое имя своду законов (*Кодексу* [две редакции], *Дигесты*, *Наставления*, *Повести*), объединенных по указаниям Трибуниана.
- Лактанций — 240—320 г. Родился в Северной Африке. Его труды в защиту христианства включают *Божественные наставления* и *На смерть гонителей*.
- Римская правда вестготов (*Lex Romana Visigotorum*) см. *Римский закон вестготов*.
- Ливий — 59 г. до н.э. — 17 г. н.э. Родился в Патавии. Написал *Историю Рима* в ста сорока двух книгах (до наших дней дошли тридцать пять).
- Лукан — 39—65 г. Родился в Кордубе. Написал эпическую поэму о войне между Юлием Цезарем и Помпеем Великим: *Bellum Civile* («Фарсальское сражение»).
- Намезии — кон. VI в. Родился в Карфагене. Написал пасторальные и наставительные поэмы, задумывал эпическую поэму о подвигах Карина и Нумериана (283—284 г.).
- Записи официальных назначений (*Notitia Dignitatum*) — список главных (и не только главных) должностей на государственной и военной службе в Западной и Восточной империях (395 г.).
- Орозий — нач. V в. Родился в Бракаре Августа. Управляющий церковной общины (пресвитер). Среди его работ — хроники от Сотворения мира до 417 г., осуждающие язычество (*Historiae adversus Paganos*).
- Овидий, 43 г. до н.э. — 17 г. н.э. Родился в Сульмоне. Создал любовную и героическую поэзию, *Искусство любви (Ars Amatoria)*. *Фасты* (дни, благоприятные для ведения государственных дел), *Тристыи* (меланхолические стихи), *Письма с Черного моря (Epistulae ex Ponto)*, *Метаморфозы* и др.
- Панегрик Константин I — написан в Тревирах анонимным галльским оратором (296 г.). Восьмой в собрании двенадцати *Panegyrici Latini* от Траяна до Феодосия I.
- Папиниан. Умер в 212 г. Родился, вероятно, в Сирии. Законовед и префект



- преторианцев. Автор *Quaestiones* (тридцать семь книг), *Responsa* (девятнадцать книг) и других, выдержки сохранились в кодексах.
- Петроний «Арбитр». Умер в 65 г. Придворный и министр Нерона, вероятно, был консулом в 61 г. Написал ряд повестей, *Сатирикон*, включая *Пир Три-малхона*.
- Плиний Старший — 23/24—79 гг. Родился в Кома. Написал энциклопедический труд по естественной истории и других науках, искусствах и т.д..
- Плиний Младший — 61/62 г. — до 114 г. Родился в Кома. Написал десять книг литературных писем (*Epistulae*) и *Панегирики* Траяну.
- Проперций — 54/48 г. — после 16 до н.э. Родился в Асисии. Поэт, написал элегии (четыре книги).
- Римский закон вестготов* (*Lex Romana Visigotorum* или *Правда Алариха* [*Breviarium Alarici*]). Написан одним из королей вестготов, Аларихом II, для своих римских подданных в Галлии (506 г.). В него включены законы из *Кодекса Феодосия II* и других римских источников.
- Сальвий Юлиан — см. Юлиан.
- Сцевола (Квинт Сервидий) — кон. II в. Законовед и советник Марка Аврелия. Написал пространные труды, ныне утраченные.
- Scriptories Historiae Augustae — см. *История Августов*.
- Сенека Младший — 5/4 г. до н.э. — 65 г. н.э. Родился в Кордубе. Министр Нерона и автор этических наставлений, научных работ, трагедий, прозаических и стихотворных сатир (*Apocolocyntosis*) а также литературных писем.
- Серен Саммоник Старший — кон. II — нач. III в. Убит Каракаллой в 212 г. Грамматик и собиратель древностей, автор книги *Res Reconditae* (утрачена), посвященной Септимию Северу и, вероятно, Каракалле.
- Серен Саммоник Младший. В *Истории Августа* описан как поэт третьего века, высоко ценимый Севером Александром. Подарил библиотеку своего отца (см. выше) его бывшему ученику, Гордиану II. Однако неизвестно, существовал ли он в действительности.
- Сидоний Аполлинарид — 430—488 гг. Родился в Лугдуне. Епископ Арвернский (469 г.). Написал панегирики и другие поэмы, а также девять книг писем.
- Светоний — 69—130/140(?) гг. Родился, вероятно, в Гиппон Регии. Секретарь Адриана. Написал биографии двенадцати цезарей (*De Vita Caesarum*) — от Юлия Цезаря до Домициана, грамматиков и риториков (часть собрания *De Viris Illustribus*), поэтов, ораторов и историков (частично дошедшие до наших дней).
- Тацит — 55—117(?) гг. Выходец, вероятно, из Галлии или Северной Италии. Консул и правитель Азии. Написал *Историю* 69—96 годов (сохранившаяся часть относится к периоду гражданских войн, с 69 по 70 г.); *Анналы* 14—68 годов (большая часть глав о Тибериусе, Клавдии и Нероне сохранилась); *Агрикола* (биография его тестя); *Германия*; *Диалоги об ораторах* (*Dialogus de Oratoribus*).
- Феодосий II — родился в 401 г. Император Восточной империи с 402 по 408 г. (в качестве соправителя) и с 408 по 450 г. (единолично). Дал свое имя сво- до законов (*Codex Theodosianus*, 438 г.).
- Ульпиан — умер в 223 г. Родился в Тире. Законовед и префект преторианцев. Работы переписаны около 280 г.; выдержки из почти одной трети *Дигест* Юстиниана.
- Valesiana, Excerpta — см. «Аноним Валезия»
- Варрон, 116—27 гг. до н.э. — родился в Реате. Известный римский ученый. Автор многочисленных работ, из которых сохранились *Res Rusticae* и часть *De Lingua Latina*.

- Вегеций — кон. IV в. Военный историк; написал руководство по римским военным учреждениям (*De Re Militari*).
- Виктор (Секст Аврелий) — IV в. Родился в Африке. Правитель Второй Паннонии (361 г.) и префект Рима (389 г.). Биограф, написал *Цезарей* (жизнеописания императоров с Августа до Константина II).
- Виргилий — 70—19 гг. до н.э.. Родился в Андах подле Мантуи, умер в Брундиэни. Поэт; написал *Эклоги* (десять поэм), *Георгики* (четыре книги), *Энеиду* (двенадцать книг).

## ГРЕЧЕСКИЕ

- Акты Пилата — поддельные документы, распространяемые на Востоке Максимом II Дазой (310—313 гг.) с целью опорочить христианство.
- Арий — 260—336 гг., вероятно, ливиец по рождению. Христианский наставник в Александрии. Основатель арианства. Сохранились три письма и фрагменты *Талии* (стихотворное и прозаическое популяризаторское изложение его учения).
- Арриан — II в. Родился в Никоэдии. Правитель Каппадокии в годы владычества Адриана. Написал *Анабазис* (историю Александра Великого), историю преемников Александра (сохранились фрагменты), *Indica*, утраченные *Bithynica*, *Pauthica* и *Alanica*, а также тактическое руководство и морской путеводитель по Черному морю.
- Афанасий, Святой — 295—373 гг. Епископ Александрийский. Сохранились его защитительные, догматические, аскетические и исторические наставления (включая *Историю арианской ереси*), а также письма.
- Аврелий, Марк — император в 161—180 гг. Написал двенадцать книг *Размышлений*, основанных на принципах стоицизма.
- Кассий, Дион — II—III вв. Родился в Никее. Написал восемьдесят книг по Римской истории от ее начала до 229 г. н.э., сохранившихся частично в первоизданном виде, а по большей части в сокращениях и очерках.
- Златоуст (Христомост), Святой Иоанн — см. *Иоанн*.
- Кирилл, святой — умер в 444 г. Епископ Александрийский. Автор работы в двадцати книгах, опровергающей языческие взгляды Юлиана Отступника.
- Дексипп — родился в 210 г. Афинский софист, государственный деятель и военачальник. Написал *Хроники* (*Chronike Historia*) 269—270 гг., историю преемников Александра, и *Scythica* — о войнах с готами от 238 г. до Аврелиана. Ее фрагменты сохранились.
- Диоскорид — I в. Родился в Аназарбе. Служил врачом в армии Нерона. Написал труд *Materia Medica* (*Фармакология*).
- Евдокия, Элия (Афинаида) — родилась в Афинах. Вышла замуж за Феодосия II (421 г.), умерла в 460 г. Писала стихотворения о мучениках Киприане и Юстине, и на темы Нового Завета. Фрагменты сохранились.
- Евнапий 345 г. — после 414 г. Родился в Сардах. Языческий философ и жрец. Написал *Жизнеописание философов и софистов* (396 г.) и историю (которой дал несколько названий) 270—404 годов (позднее изданную в сокращенном виде с опущенными антихристианскими высказываниями).
- Евсевий, 260—340 гг. — родился в Сирии-Палестине (Иудея). Епископ Кесареи Морской. Среди его трудов — *История Церкви* и *Жизнь Константина Великого*.
- Гален — 129—199 (?) гг. Родился в Пергаме. Врач гладиаторов в Малой Азии и придворный лекарь Марка Аврелия. Написал сто пятьдесят три работы, в том числе — наиболее значительные — по анатомии, физиологии, патологии, терапии и психологии.

- Геронтий — начало пятого века. Родился в Риме в 383 г. и умер в Иерусалиме в 439 г. Аббат, написал *Жизнь святой Мелании* (младшей).
- Ирод Аттик — 101—177 гг. Консул в 143 г. и друг четверых императоров. Написал философские наставления, речи и письма. Сохранился только один латинский перевод его речи (впрочем, ее авторство сомнительно).
- Геродиан — родился в 180 г. Вероятно, выходец из Сирии. Написал *Римскую историю* со времени смерти Марка Аврелия (180 г.) до вступления на престол Гордиана III (238 г.).
- Иоанн Златоуст, Святой — 354—407 гг. Родился в Антиохии. Патриарх (епископ) Константинопольский в 398 г. Написал множество наставлений (в том числе *О священнослужителях*), проповеди, комментарии и более двухсот писем.
- Иоанн Малала — 491—578 гг. Выходец из Сирии. Его *Хронографы*, в восемнадцать книг, начинаются от Сотворения мира и кончаются в 563 г. (изначально кончались 565 или 574 гг.).
- Юлиан Отступник — император с 361 по 363 г. Язычник. Сохранившиеся рукописи включают восемь речей, сатиру *Misopogon* (*Брадоненавистник*), юмористических «Цезарей» и восемьдесят писем.
- Лев I Великий — папа с 440 по 461 г. Сохранилось девяносто шесть проповедей и четырехста тридцать два письма, включающих *Книгу* и изложение католической доктрины.
- Либаний — 314—393 гг. Родился в Антиохии. Язычник, профессор риторики. Среди сохранившихся рукописей — шестьдесят четыре речи и тысяча шестьсот писем.
- Малала Иоанн — см. Иоанн Малала.
- Малх — 500 г. Выходец из Филадельфии (Сирия). Написал *Byzantica* (история периода, начинавшегося, вероятно, с Константина I Великого и заканчивавшегося Анастасием I, 493—518 гг.). Неясно, был он язычником или христианином.
- Марк Аврелий — см. *Аврелий*.
- Олимпидор — до 380 г. — после 425 г. Родился в Фивах (Египет). Язычник. Написал историю или мемуары с 407 по 425 г., сохранилась в сокращенном варианте.
- Онесим — IV в. (приписывается ко времени Константина I Великого). Родом из Спарты (или, возможно, с Кипра). Написал множество работ по риторике.
- Ориген — 185/6—254/5 гг. Родился, вероятно, в Александрии. Христианский писатель, занимался толкованием Библии, писал комментарии и т.д. Сохранился его трактат *Против Цельса* — о преимуществах христианства перед язычеством.
- Филон Иудейский — 30 г. до н.э. — 45 г. н.э. Родился в Александрии. Иудей, автор многочисленных богословских и философских трудов. Описал свою миссию у Гая (Калигулы) в 39—40 гг. в книге *Legatio ad Gaium*.
- Филосторгий — 368—430/440 гг. Родом из Каппадокии. Приверженец арианства. Продолжил *Историю Церкви* Евсевия до 425 г.
- Филострат — родился в 170 г. Его семья пересекла с Лемноса. Член философского кружка, которому покровительствовала Юлия Домна, жена Септимия Севера. Автор *Жизнеописания Аполлония Тианского*, загадочного философа первого века.
- Плотин — 205—269/70 гг. Родился в Ликополе (Верхний Египет), умер в Кампании. Философ-неоплатоник. Его *Энеады*, очерки, основывающиеся на семинарских занятиях, были собраны Порфирием Тирским (232/3—305 гг.).

- Прокопий — 500—565 гг. Родился в Кесарее Морской. Написал *Историю войн Юстиниана*, *Тайную историю* и *О постройках Юстиниана*.
- Саллустий — IV в. Язычник. Префект преторианцев в Галлии в 361—363 гг, консул в 363 г. Написал книгу *De Deis et Mundo* (*О богах и о мире*) и руководство по неоплатоническим учениям.
- Сократ Схоластик — 380—450 гг. Был законоводителем в Константинополе. Продолжил *Историю Церкви* Евсевия до 439 г.
- Созомен (Эрмий Созомен Саламинский) — V в. Был в Константинополе законоводителем. Написал *Историю Церкви* с 324 по 439 г.; его очерки о ранних временах утрачены.
- Фемистий — 317—388 гг. Родился в Пафлагонии. Язычник, философ и риторик. Сохранились тридцать четыре речи и главных официальных обращения.
- Феодорет — 393—466 гг. Родился в Антиохии. Епископ Киррский. В числе многочисленных работ — *История Церкви* до 428 г., *Религиозная история*, содержащая биографии аскетов и богословскую полемику.
- Зонара — XII в. Командир Византийской императорской охраны, секретарь императора, впоследствии монах. Среди его работ — *Исторические очерки* и *всемирная история* до 1118 г.
- Зосима — 500 г. Предположительно отождествляется с софистом из Аскалона или Газы. Язычник. Написал *Новую Историю* от Августа до 410 г.

---

---

## УКАЗАТЕЛЬ К КАРТАМ И ПЛАНАМ (с современными названиями)

---

Абритт (рядом с Разградом)	3
Абула (Авила)	2
Августа Тавринов (Турин)	1
Августа Тревиров (Трир)	2
Августодун (Отен)	2
Августонемет (см. Арверн)	
Аврелиан (Кенабум, Орлеан)	2
Агригент (Агридженто)	1
Агриппинова колония (Кельн)	2
Адиабена (см. Ассирия)	
Адриана, мавзолей	4
Адрианополь	3
Адрианополь (Эдирне)	3
Адрианы* (возле Веусе /Бейдже?/)	3
Азий	1
Азия	3
Азовское море (Меотийское озеро)	11
Аква Кутилий (водопровод Кутилий)	1
Аквилея	1
Аквинк (Будапешт)	2
Аквитания	2
Акрополь (Константинополь)	9
Акций	3
аланы	11
Александрия	3,5,7
алеманны	2,7
Алтарь мира, Ara Pacis	4
Альбан (Альбано)	1
Альпы	2
Альтин (Альтино)	1
Амбианы, Самаробрива (Мост через реку Самара) (Амиен)	2
Амбракия (Арта)	3
Амида (Диярбакыр)	3
Аназарб (Анаксарца*)	3
англы	11
Аниен, р.	1
Ангира (Анкара)	3
Анхиал (Поморье)	3
Антиохия (Антакья)	3,8
Апамея (Калат-эль-Мудин)	3
Апамея (Келены, Динар)	3
Аппиева дорога (см. Виа Алпия)	

Апулия  
Аравия  
Арверн, Августонемет (Клермон-Ферран)  
Арверны (Овернь)  
Аргенторат (Страсбург)  
Арелате (Арль)  
Аримин (Римини)  
Аркадиополь (Бергула)  
Арка, Кесария Ливанская  
Арка Константина  
Арка Септимия Севера  
Армения  
Арсиноя (возле Medinet el-Fayum\*)  
Артаксата (Арташат)  
Аскалон (Ашкелон)  
Ассирия (Адиабена)  
Атерстон  
Атранс (Троян)  
Афины  
Афродисиада (Геуге\*)  
Ахея, Ахайя (Греция)

Базилика (в Константинополе)  
Базилика Максенция (Константина)  
Базилика святого Петра  
Байи (Байя)  
Балатон, озеро (см. Пелсон)  
Балеарские острова  
Балканские горы (горы Гем)  
бани Диоклетиана (Максимиана)  
бани Каракаллы  
бани Нерона  
бани Тита  
бани Траяна  
бастарны  
батавы  
Барселона (Барселона)  
белги  
Бедриак  
Белгика, Галлия  
Бенах (Гарда), оз.  
Берг (Бергамо)  
Бергула (см. Аркадиополь)  
Бероя Августа Траяна (Стара-Загора, Эски-Загра)  
бессы  
Бетар (Бефар) (Биттир)  
Бетика  
Бетис, Гвадалquivир, р.  
Бизантий, Византий (Константинополь)  
Богородицы в Халкопратиях, церковь  
Богородицы во Влахернах, церковь (см. Влахерны)  
Богородицы (Одигитрии), церковь  
Боденское оз. (см. Бриганция, оз.)  
Бойгем (Богемия)

Бонония (Булон-сюр-мер)	2
Борбетомар (Вормс)	2
Бостра (Бусра)	3
Босфор Киммерийский (Крым, Керченский п-ов)	11
Босфор Фракийский	3
Бракара Августа (Брага)	2
Браччиано, оз. (см. Сабатинское оз.)	
Бреннеров перевал	1,2
Брив (Brigoude)	2
бриганты	2
Бриганций	2
Бриганция оз. (Констанц, Боденское оз.)	
Бригеший (O-Szony*)	2
Бриксел (Брешелло)	1
Британия	2
Британника, поселок (см. Vicus Britannicus)	
Брундизий (Бриндизи)	1
Будалия (Kuztın)	2
бургундионы	11
Бурдигала (Бордо)	2
Vagarsharat (см. Каинополь)	
Валенсия (Валенца)	2
Валенция (Валенсия)	2
Валерия	10
вандалы	11
Везонтион (Безансон)	2
Велитры (Веллетри)	1
Венеры-родительницы, храм (см. храм Венеры-родительницы)	
Венеция	1
Венузия (Веноза)	1
Верона	1
Веруламий (Сент-Олбанс)	2
Верхняя Германия, Мезия, Паннония (см. Германия, Мезия, Паннония, Верхняя)	
вестготы	11
Виа Аппия, Аппиева дорога	1,4
Виа Кассия, Кассиева дорога	1,4
Виа Сакра, Священная дорога	4
Виа Фламиния, Фламиниева дорога	1,4
Виенна (см. Виндобона)	
Виндобона (Виенна)	2
Виминал, Виминальский холм	4
Виминаций, (Kostolac)	2
Wirrach, p. (см. Фригид)	
Вифиния	3
Вифлеем	3
Влахерны	9
Волатерры (Вольтерра)	1
Гадес (Кадис)	2
Гадрумет (Гадремаут)	2
Газа	3
Галатия	3

Галилея  
Галлия  
Гамзиград  
Гарда, оз. (см. Бенак)  
Гарильяно, р. (см. Лирис)  
Gaulanitis (галлы)  
Гезориак (Булонь)  
Геллеспонт (Дарданеллы)  
Гем, горы (см. Балканские горы)  
Гераклея (Перинф, Мармара-Эреглиси)  
Геркуланум (Эрколано)  
Германия, Верхняя  
Германия, Нижняя  
Германия (свободная Германия)  
герулы, «эрулы»  
Гессакс\*, гора (см. Родопы)  
Гиппон-Регий (Аннаба)  
Гордий (Yassihoyuk)  
Гостилия (Остилья)  
готы; см. также остроготы, визиготы  
Греция (см. Ахайя)  
Гуадалquivир, р. (см. Бетис)  
Гуларон (Гренобль)  
гунны

Дакия (Румыния)  
Далмация  
Дамаск  
Данувий, р.  
Дардания  
дворец Домциана  
Дворец, золотой (см. Золотой дворец)  
дворец Лавза  
дворец Севера  
дворец Тиберия  
Декуматные (Десятинные) поля  
Дертона (Тортон)  
Deuso\* (Deutz)  
Добруджа (см. Малая Скифия)  
Драва, р.  
Дубра (Дувр)  
Дура-Эвропос (Кальят эс-Салихия)  
Дурококтор (Реймс)  
Дуростор (Силистра)

Египет  
Евфрат, р.  
Ефимии, св., церковь

Железные ворота

Золотые ворота  
Золотой дворец  
Золотой Рог



Иерусалим (Иеросолима, Элия Капитолина)	3
Изонцо, р. (Сонтий)	1
Илион, Трои (Трува)	3
Иллирик, Иллирия	5,6
Интрамна на Наре (Терни)	1
Ионическое море	3
Иония	3
ипподром (в Константинополе)	2
Испания	2
Исаврия	3
Иска Думнониор (Эксетер)	2
Испания Тарраконская	2
Истр (Истра)	3
Истр. р. (см. Дунавий)	
Италиса (Сантипонс)	2
Иудея	3
Кавказские горы	3
Каинополь (Vagarshapat, Эчмиадзин)	3
Каир	3
Калабрия	1
Каледония (Шотландия)	2
Кампания	1
Камулодун (Кольчестер)	2
Каталаун, Каталаунские поля (Шалон на Марне)	2
Капитолий, Капитолийский холм	4
Каппадокия	3
Капреи (Капри)	1
Каракаллы бани	4
Кария	3
Каркасон (Каркассонн)	2
Карнунт (близ Петронелла)	2
Карры (Nagap)	3
Картенны (Tepes*)	2
Карфаген	2
Кассиева дорога	1,4
Кастелл (Кобленц)	2
Кастра Мартис (Марсов Лагерь) (Кула)	2
Каука (Кока)	2
Квиринал, Квиринальский холм	4
Келены (см. Аламея)	
Келесирия	3
Кенаб (см. Аврелиан)	
Кенофрурий (Cogliu)	3
Керченский пролив (см. Босфор, Киммерийский)	
Кесарея Морская	3
Кесария Ливанская (Arca, Halba)	3
Кизик (Бал Киз)	3
Киликийские ворота	3
Киликия	3
Киммерийский Босфор (см. Босфор)	
Кипр	3
Кирта, Цирта (Константина)	2
Клавзент (Биттерн)	2

Клайд, р.  
Коллизей (амфитеатр Флавиев)  
колонна Аврелия  
колонна Траяна  
Ком (Комо)  
Консенция (Козенца)  
Константина арка, базилика (см. арка, базилика)  
Констанц (см. Бриганция, оз.)  
Копт (Куфт)  
Кордуба (Кордова)  
Корик (Коргос)  
Кориний Добунов (Cirencester\*)  
Корсика  
Красное море  
Кремна (возле Гурмеджи\*)  
Кремона  
Крит  
Крым (см. Босфор Киммерийский)  
Ктесифон  
Кукуз, Кукус (Goksun)  
Кумы (Кима)  
Кунешнон\* (близ Марльборо)  
Кутилий, Аква (см. Аква Кутилий)

Лаваза, дворец  
Ланувий (Лавинья)  
Латеранская базилика  
Лаший  
Леманское оз. (Лимф)  
Лептис Магна  
Ливия  
Лигер, р. (Луара)  
Лигурия  
Лидия  
Ликополь (Азуит)  
Ликос, р.  
Лиюны (Gokuk)  
Линд (Линкольн)  
Лирис р. (Гарильяно)  
Лондиний (Лондон)  
Лорий (Ла Ботачья)  
Луара, р.  
Лугдун (Лион)  
лугдуны  
Лузитания  
Лукания  
Лукент (Аликанте)  
Луцерия (Лучера)  
Лютеция (Парисии, Париж)

мавзолей Адриана (замок Святого Ангела)  
Мавретания (см. также Тингитана)  
Майн, р.  
Македония

Максенция, базилика (см. базилика)	
Малая Армения (см. Армения)	
Мантуя (Мантова)	1
Марг (Otasie)	2
маркоманны	7
Марцианополь (Девня)	3
Марция, водопровод (см. акведук)	
Масада	3
Массития, Массалгия (Марсель)	2
Медиолан (Милан)	1
Мез, р.	2
Мезия Верхняя	3
Мезия Нижняя	3
Мезия, Нижняя Паннония)	
Мемфис	3
менапхи	2
Меотийское озеро (см. Азовское море)	
Месопотамия	3
Метавр, р.	1
Метон	3
Мидия	3
Мизены (Мизенум)	1
Мисия	3
Мобсукрены (Мессис)	3
Могонциакум, Могунциак (Майнц)	2
Мозель (Мозелла), р.	2
Мона (Англис)	2
Мраморное море (см. Пропонтида)	
Мульвиев мост	4
Мурсия Большая (Осиек)	2
Мутина (Модена)	1
Навлох	1
Наколия (Seyitgazy)	3
Нарбон (Нарбонн)	2
Нарбонская (провинция)	5,6,10
Нарния (Нарни)	1
Неаполитанский залив (см. Кумы, залив)	
Неаполь	1
Немаус (Ним)	2
Нижняя Германия, Мезия, Паннония (см. Германия,	
Никея (Изник)	3
Нисифорий (Рахка)	3
Никомедия (Измит)	3
Никополь (в Эпире)	3
Никополь на Истре (Nisure)	3
Нил, р.	3
Нисибис (Нисибин, Нисабин)	3
Новый Карфаген (Картахена)	2
Новы (Стаклен)	3
Норик	2
Нумидия	10
Нэсс (Ниш)	2

Oescus (Гиген)  
Опитергий (Одерцо)  
Оплонт  
Оппианов холм  
Оронг, р.  
Осроена  
Остия (см. порт, Августов)  
остроготы, остготы

Палатин, Палатинский холм  
Паннония, Нижняя  
Паннония, Верхняя  
Пантеон  
парисии (см. Лютетия)  
Патавий (Падуа)  
Пелсон (Балатон) оз.  
Перея  
Перинф (см. Гераклея)  
Персеполь  
Перузия (Перуджа)  
Пессинунт (возле Сиврихисара)  
пикты  
Пиренси, горы  
Писидия  
Питиунт (Пицунда)  
Плацентия (Пиаченца)  
По (Пад, Эридан), р.  
Пола (Пула)  
Помпеи  
Понт  
Порт Августа, Траяна (Остия)  
преторианцев, лагерь  
Пропонтида (см. Мраморное море)  
Пруса (Прусий Олимпийский, Бруза)  
Птолемаида (El-Manshah)  
Путеолы (Пуццолы)

Равенна  
Ратиария (Аркар)  
Реата (Ристи, Рьети)  
Рейн, р. (Рен)  
Rhesaena (Resulajn)  
Реция  
Рим  
Родопы, горы  
Родос (родосцы)  
Ромулиан  
Рона (Родан), р.  
Ротомаг (Rocep\*)  
ругии  
Рутупия (Ричборо)  
рынок Траяна

Сабатинское (Браччано) оз.  
сабиняне  
Сава, р.  
саксы  
Саламии (на Кипре)  
салии (см. франки)  
Салона (Солтин)  
Саллостиевы сады  
Самаробривы (Мост через реку Самара) (см. Амбианы)  
Самосата (Шамсат)  
Сапаудия (Саволя)  
сарацины  
Сардиния  
Сарды (Сарт)  
сарматы  
Священная дорога  
св. Апостолов, церковь  
св. Ефимии, церковь  
св. Иоанна, церковь (Латеранская базилика)  
св. Ирины, церковь  
св. Марии Маджоре, церковь  
св. Марии, церковь (см. Богородица)  
св. Мира, церковь (см. св. Ирина)  
св. Мудрости, церковь (см. св. София)  
св. Петра, базилика  
св. Софии, церковь  
св. Хрисогона, церковь  
Севера Септимия: арка, дворец (см. арка, дворец)  
Сегузион (Сузы)  
Сейн, р.  
Селевкия в Сирии (Силифке)  
Селевкия на Тигре (Тель-Умар)  
Силмврия (Силиври)  
Септемзодий (иначе Септизоний)  
Сердика (София)  
Сида (залив Анталья)  
Сингара (Jebel Singar)  
Сингидун (Белград)  
Сирия  
Сирмий (Митровица)  
Сисция (Сисак)  
Сицилия  
Скаптопар (Djovten\*)  
Скифия, Малая (Добруджа)  
скифы  
скотты  
Смирна (Измир)  
Солнца (Аполлона) Непобедимого, храм (см. храм)  
Соляная дорога  
Сонтий, г. (см. Изонцо)  
Спалат (Сплит) (см. Салона)  
Сполетий (Сполето)  
стадион Домициана  
стена Аврелия

стена Сервия Туллия	4
Сульмон (Сульмона)	1
Таврские горы	3
Тагеста (Souk Ahras)	3
Тайн, р.	2
Тамугади (Тимгад)	3
Тарент (Таранто)	1
Тарракон, Тарраконская колония (Таррагона)	2,7
Тарраконская Испания (см. Испания)	
Тарс	3
термы (см. бани)	
Tzigallum* (Corfu)	3
Тиберия, дворец	4
Тибр (Тевер), р.	4
Тибур (Тиволи)	1
Тигр, р.	3
Тигранокерта (Farkin, Miyafarkin*)	3
Тингитана (Тингитания)	
Тинурий (Турн)	2
Тир (Сор или Сур), р.	3
Тисдр (El Djem)	3
Тисса, р.	2
Тита, арка	4
Тита, бани	4
Тишин (Павия)	1
Толоза (Тулуза)	2
Тортона	1
Трапезунд (Трабзон)	3
Трахонитида	3
Траяна: бани, колонна, форум, рынок (см. бани, колонна, форум, рынок)	
Тревиры (см. Августа Тревириов)	
Тудер (Тоди)	1
Угерн (Veusaig)	2
Уксубы (Эспехо)	2
Умбрия	1
Фанум Фортунэ, Капище Фортуны (Фано)	1
Фезулы (Фьезоле)	1
Ферт-оф-Форт	2
Фессалоника (Солунь)	3
Фивы (в Египте)	3
Филиппополь (Пловдив)	3
Философиана (Пьяцца-Армерина)	1
Финикия	3
Финикия (Ханаан)	10
Флоренциана (Флорентин)	2
форум Августа	4
форум Веспасиана	4
форум Константина и Нимфей Великий	9
форум Нервы (Транситорий)	4
форум римский	4

форум Траяна  
форум Юлия Цезаря  
Фосская дорога  
фраки  
Фракийский Босфор (см. Босфор)  
франки  
Фригид, р. (Virasca, Virasso, Wiprach\*)  
Фригия  
Фризия (Фризланд)

Халкедон (Кадикой)  
Халкопратии  
Хатра (al-Nadr)  
храм Венеры Родительницы  
храм Солнца Непобедимого  
храм Юпитера Капитолийского  
Хрисополь (Ускудар)

Цезаравгуста (Зарагоза, Сарагосса)  
Цезаря (Иол, Cherchel)  
Цезаря (Кайзер)  
Цезародун (Цивитас Турон, Tours)  
Целиев холм, Целий  
Цибалы (Винковицы)  
Цивитас Турон (см. Цезародун)  
цирк, Большой  
цирк, Максенция  
Цирцезий (Абу-Серай)

Черное море  
Чистые поля (см. Tzirallum)

Шельда, р.  
Шотландия (см. Каледония)

Эборак (Йорк)  
Элазиг  
Элевсин  
Эльба, р.  
Эмеса (Гомс)  
Эмона (Любляна)  
Эпир  
Эсквилин (Эсквилинский холм)  
Этрурия  
Эфес (Сельджук)

Юлиана, библиотека (см. библиотека)  
юты

язиги  
Яникул, Яникульский холм  
Яффа (Явне)

*МАЙКЛ ГРАНТ*

## РИМСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ

Биографический справочник  
правителей Римской империи

31 г. до н. э. — 476 г. н. э.

Редактор *Т. Липкина*  
Художественный редактор *И. Марев*  
Технический редактор *Т. Фатюхина*  
Корректор *Т. Семочкина*  
Компьютерная верстка *А. Павлова*

ЛР № 071673 от 01.06.98 г.  
Подписано в печать 11.11.98 г.  
Гарнитура Таймс. Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0  
Уч.-изд. л. 24,19. Заказ № 2116.

ТЕРРА—Книжный клуб.  
113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».  
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-300-02314-0



9 785300 023140